

АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОЧИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ

МУАРРИХ

(мачаллаи илмӣ - назариявӣ)

№ 4 (40) 2024

Мачаллаи илмӣ-назариявии «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол чаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Мачалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти 331/МҚ-97 22-юми феврالی соли 2024 аз нав ба қайд гирифта шудааст.

Мачалла аз 26 апрели соли 2018 дар рӯйхати мачаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва аз санаи 21 феврالی соли 2022 таҳти рақами 1520 дар Феҳристи мачаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Вазорати маориф ва илми Федератсияи Россия номнавис гардидааст.

И.В. САРМУҲАРРИР: ИБРОҲИМОВ М. Ф., доктори илмҳои таърих

МУҲАРРИРИ МАСЪУЛ: Ҳамза КАМОЛ, доктори илмҳои таърих, профессор

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

Юсуфшо ЁҚУБШО - академики Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон;

Ҳайдаршо ПИРУМШО - узви вобастаи Академияи миллии илмҳои

Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор;

Абдулло ҒАФУРОВ - номзоди илмҳои таърих, дотсент;

Лариса ДОДХУДОЕВА - доктори илмҳои таърих, профессор;

Аскаралӣ РАҶАБОВ - доктори илмҳои таърих, профессор;

Абдувалӣ ШАРИФЗОДА - номзоди илмҳои таърих;

Нуриддин САЙФУЛЛОЕВ - номзоди илмҳои таърих;

Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктори илмҳои таърих;

Қосимшо ИСКАНДАРОВ - доктори илмҳои таърих;

Виктор ДУБОВИТСКИЙ - доктори илмҳои таърих (Русия);

Александр ЧУБАРЯН - академики Академияи илмҳои Русия,

доктори илмҳои таърих, профессор (Русия);

Франсис РИШАР - узви хориҷии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон,

доктори илмҳои таърих, профессор (Франса);

Анри-Пол ФРАНКФОР - доктори илмҳои таърих, профессор (Франса).

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША

ИСТОРИК

(научно - теоретический журнал)

№ 4 (40) 2024

Научно-теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г. и выходит четыре раза в год на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под № 331/МЧ-97 от 22 февраля 2024 г.

Журнал с 26 апреля 2018 года входит в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан и с 21 февраля 2022 года под № 1520 входит в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

И.О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: ИБРОХИМОВ М.Ф., доктор исторических наук

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Хамза КАМОЛ, доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Юсуфшо ЁКУБШО - академик Национальной академии наук Таджикистана;

Хайдаршо ПИРУМШО - член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор;

Абдулло ГАФУРОВ - кандидат исторических наук, доцент;

Лариса ДОДХУДОЕВА - доктор исторических наук, профессор;

Аскарали РАДЖАБОВ - доктор исторических наук, профессор;

Абдували ШАРИФЗОДА - кандидат исторических наук;

Нуриддин САЙФУЛЛАЕВ - кандидат исторических наук;

Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктор исторических наук;

Косимшо ИСКАНДАРОВ - доктор исторических наук;

Виктор ДУБОВИЦКИЙ - доктор исторических наук (Россия);

Александр ЧУБАРЬЯН - академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Россия);

Франсис РИШАР - иностранный член Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор (Франция);

Анри-Поль ФРАНКФОР - доктор исторических наук, профессор (Франция).

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN
AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

HISTORIAN

(scientific - theoretical journal)

№ 4 (40) 2024

The scientific and theoretical journal «Historian» was founded in 2015 and is published four times a year in Tajik, Russian and English. The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under number 331/MJ-97 dated February 22, 2024.

Since April 26, 2018 is the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) under the President of the Republic of Tajikistan and since February 21, 2022 under No. 1520HAC Ministry of Education and science of the Russian Federation.

ACTING CHIEF EDITOR: IBROHIMOV M. F., Dr. of History

EXECUTIVE EDITOR: Hamza KAMOL Dr. of History, Professor

EDITORIAL BOARD:

Yusufsho YOKUBSHO - Academician of the National

Academy of Sciences of Tajikistan;

Haydarsho PIRUMSHO - corresponding member of the National

Academy of Sciences of Tajikistan

the AS Republic of Tajikistan, Dr. of History, Professor;

Abdullo GAFUROV - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;

Larisa DODKHUOEVA - Dr. of History, Professor;

Askarali RAJABOV - Dr. of History, Professor;

Abduvali SHARIFZODA - candidate of historical sciences;

Nuriddin SAYFULLOEV - Candidate of History;

Saidmurod BOBOMULLOEV - Dr. of History;

Kosimsho ISKANDAROV - Dr. of History;

Victor DUBOVITSKIY - Dr. of History, (Russia);

Alexander CHUBARYAN - academician of the RAS,

Dr. of History, Professor (Russia);

Francis RISHAR - foreign corresponding member of the National

Academy of Sciences of Tajikistan, Dr. of History, Professor (France);

Henri-Paul FRANKFOR - Dr. of History, Professor (France).

МУНДАРИЧА - СОДЕРЖАНИЕ - CONTENTS

**ТАЪРИХИ ВАТАНӢ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
- NATIONAL HISTORY**

Ҳамза КАМОЛ. Рақобати Афшини Ҳайдар бо Абдуллоҳ ибни Тохир барои хокимият дар Хуросони Бузург.....	6
РАДЖАБОВ А. Абулаббоси Бахтиёр и формирование музыкально - теоретической школы.....	15
ИБРОҲИМОВ М. Ф. Истеҳсолоти насочӣ дар Мовароуннаҳр ва Хуросони асрҳои IX - X (аз рӯйи маводи маъхазҳои хаттӣ).....	25
МИРЗОЕВ Ш. Ҷ. Ҳукумати Ғуриён дар Ҳинд.....	36
ШАРИФЗОДА А. Қ., КАРИМДОДЗОДА М. З. Қадимтарин сиккаҳои фонди Осорхонаи миллии Тоҷикистон ва масъалаҳои таърихи ташаккули муомилоти пулӣ дар Осиёи Миёна.....	43
МУКИМОВ Р. С. Формирование единого архитектурно - художественного стиля в Мавераннахре и Хоросане в средние века.....	56
МУХИДИНОВ С. Р., АЛЛОЕВА Х. Х. Средние специальные учебные заведения в сфере культуры и искусства в таджикской ССР в 50-е - 60-е годы XX века.....	65
АРТЫКОВ А. А., МУСОЕВ Б. З. Помощь РСФСР в развитии топливно - энергетического потенциала республики в 50 – 80 -е гг. XX в.	76
РАҶАБОВА У. Р. Нақши чашнгирии шаҳрҳои қадима дар ҳифзи ёдгориҳои таърихӣ ва фарҳангӣ.....	89
НУРЗОДА А. Р. Становление и развитие санитарно-курортной службы в Советском Таджикистане первой половины XX века.....	96
АЛИМАРДОНОВ Б. М. Мавқеи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар системаҳои обии энергетикӣ Осиёи Марказӣ.....	102
КАБИЛОВА Б. Т. Таджикско - персидская поэзия в музыкальном искусстве Таджикистана.....	112
НУРМАТЗОДА Х. Сайёҳии осорхонавӣ ва дурнамои рушди он дар Ҷумҳурии Тоҷикистон.....	120

ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

МАХМАДОВ У. Д. Историко - географические предпосылки изучения и освоения природных ресурсов Таджикистана.....	128
--	-----

ИСМАТЗОДА Ш. Б. Нақши занон дар ташаккул ва рушди илми таърихи Тоҷикистон.....	135
---	-----

**ТАЪРИХИ ИЛМ ВА ТЕХНИКА - ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ
– HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY**

БОБОЕВ Х. Оид ба сарчашмаҳои бостонии донишҳои астрономии халқи тоҷик	142
АЗИЗУЛЛОЗОДА М. Н. Саҳми академик Е. Н. Павловский дар ташаккул ва рушди илми паразитологияи Тоҷикистон.....	150

**ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ ВА МАРДУМШИНОСӢ –
ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ – ETHNOLOGY,
ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY**

ДОДХУДОЕВА Л. Н. Художественное наследие Саманидов как ресурс этнокультуры таджиков.....	155
---	-----

БОСТОНШИНОСӢ – АРХЕОЛОГИЯ – ARCHEOLOGY

НАВРУЗБЕКОВ М. Н. Влияние миграционных процессов на антропологический состав населения Мавераннахра в эпоху развитого средневековья.....	166
АМИНОВ Ф. Ш. Расписная керамика X - нач. XI и второй четверти XI - нач. XIII вв. из коллекции Музея им. Рудаки (г. Пенджикент)	173

**ЧАШНИ ОЛИМ – ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО –
ANNIVERSARY OF A SCHOLAR**

КЕНЧАЕВ М. Муҳаққиқи дақиқназар	183
--	-----

**ТАЪРИХИ ВАТАНӢ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
- NATIONAL HISTORY**

УДК 94(575+55+57)''08''

**РАҚОБАТИ АФШИНИ ҲАЙДАР БО АБДУЛЛОҲ ИБНИ ТОҲИР
БАРОИ ҲОКИМИЯТ ДАР ХУРОСОНИ БУЗУРГ¹**

ҲАМЗА КАМОЛ,

**Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.
Дониши АМИТ**

Дар солҳои ҳукумати Абдуллоҳ ибни Тоҳир (830-844) дар Хуросон дар саҳнаи сиёсӣ барои Тоҳириён рақибе дар талаби ҳокимияти ин сарзамин ҳузур пайдо мекунад, ки дар хилофати Аббосӣ мисли Абдуллоҳ ибни Тоҳир ҷойгоҳи шомихе дошт. Ин толиби ҳукумати Хуросон, Афшини Ҳайдари Усрушанӣ буд.

Афшин «лақаби подшоҳони Усрушана» буд - менависад муаллифи номаълуми «Мучмалу-т-таворих вал-қисас»[10,357;421], ки дар садаи XII асари худро навиштааст. Алиакбари Деҳхудо дар тавзеҳи вожаи «афшин» зикр мекунад, ки он «лақаби оми мулуки Усрушана»[4,3080] аст. Дар манобеи таърихӣ, ки ҳодисаи вуруди арабонро ба Варорӯд танвир мекунад, ин лақаб асосан пирумунӣ номи Ҳайдари Усрушанӣ – ашрофзодаи ин мантақа мечархад.

Арабҳо баъд аз ишғоли Хуросон дар ибтидои солҳои ҳафтодуми садаи VII рӯй ба Варорӯд оварданд. Варорӯд ба хотири фаровонии об ва вучуди маодини бисёр ободу умрон гашта буд. Таърихнигорон ривоят мекунад, ки мардуми ин сарзамин бисёр сарватманд буданд. Ба ҳамин ҷиҳат тозиён барои тасарруфи бақияи Хуросони Бузург, яъне Варорӯд таъхир накарданд. Сардорони араб дар зоҳир барои ҷиҳоди динӣ ислом ва дар асл барои ба даст овардани сарвату заминҳои ҳосилхезу ҷароғоҳҳои густурда ба сӯйи Варорӯд сарозер шуданд. Аммо дар тамоми Хуросони Бузург мардуми Усрушана буданд, ки ҳозир нашуданд аъробро дар ҳамсоғии худ бипазиранд: «...дар тамоми шаҳрҳои Хуросон қавме аз араб, аз музар ва рабеа ва дигар тавоифи Яман ҳастанд, магар дар Усрушана, чи онон арабро аз ҳамҷаворӣ хеш монез мешуданд»[7,70]. Ба ҳамин ҷиҳат тозиён натавонист ба содагӣ ба ин сарзамин тасаллут пайдо кунанд.

Тибқи ривояти Балозурӣ «ба рӯзгори Марвон ибни Муҳаммад (охирин халифаи Умавий) Наср ибни Сайёр (охирин ҳокими Умавии Хуросон) ба ҷанги Ушрусана шуд, лекин фатҳе даст надод» [5,320]. Балозурӣ изофа мекунад, ки «...чун Маъмун (-и Аббосӣ) ба хилофат расид, сипоҳе ба ҷанги Суғду Ушрусана ва биллоде, ки дар Фарғона исён карда буданд, фиристод» [5, 320].

¹Мақола дар асоси лоихаи «Таърихи халқи тоҷик (асри III – аввали асри XX)», рақами кайди давлатӣ 0121ТJ1211 навишта шудааст.

Ҳокими Усрушана Ковус ба Фазл ибни Саҳл, ки вазир ва котиби Маъмун буд, нома навишта, сулҳ хост ба ин қарор, ки «моле пардозад ва муслимин ба фатҳи билоди вай нараванд. Саҳл пазируфт». Вале ҳангоме ки Маъмун ба Бағдод рафт, Ковус аз вафо ба аҳд худдорӣ кард [5, 320]. Дар ин қорзор Ҳайдар ибни Ковус, ки дар таърихномаҳо бо номи Афшини Ҳайдар зикр мешавад, ҳузур пайдо мекунад ва бо падар дар ихтилоф шуда, назди Ҳошим ибни Меҳвари Хутталӣ паноҳ мебарад.

Афшини Ҳайдар, ки аз рӯзгори чавонӣ табъи саркашӣ дошт ва тибқи шаҳодати сарчашмаҳои таърихӣ чоҳталабиаш боис шуд, то вилояти Усрушана, ки тозиён натавониста буданд дар ибтидо онро ба даст биёваранд, дар аҳди Аббосиён ба кӯмаки ӯ ин вилоятро соли 822, яъне баъд аз 113 соли ишғоли Бухоро ва 110 соли тасарруфи Самарқанд тасхир мекунанд.

Агар ахбори таърихнигорони ин аҳдро мавриди баррасӣ қарор диҳем, чуноне ки гуфта омад, дармеёбем, ки яке аз авомили пирӯз шудани аъроб бар сарзамини Эрону Хуросони Бузург бештар хиёнати ашрофи ин сарзаминҳо буд, ки барои аз даст надодани мақому сарват ба ҷониби тозиён гузаштанд, чунон ки Афшини Ҳайдар ин амалро ба ҳеш раво дид.

Афшини Ҳайдар саранҷом ба Бағдод рафт, мусулмон шуд ва дар ҷангҳо алайҳи душманони хилофат, ба хусус ҷунбиши Бобаки Хуррамдин нақши калидӣ бозид [5,320].

Ҷунбиши Бобаки Хуррамдин идомаи мантиқии пайкорҳои зидди арабии қаблан рухдода дар Хуросони Бузург буда, сарчашмаи он андешаҳои истиқлолхоҳии мардумони сарзамини густурдаи Эрону Хуросони Бузург маҳсуб мешаванд, ки соли 201 х.қ./816-817 аз дижи Бази Озарбойҷон оғоз шуда [2, 5066], 22 сол ба дарозо кашид. Дар ин муддати мубориза Бобак дар авҷи қудрати низомӣ на танҳо тамоми Озарбойҷон, инчунин қисме аз Хуросонро низ ба даст овард, қиёмаш ба Форсу Кӯҳистон кашида шуд ва бахше аз Арманистону Арон низ шерозаи сарзаминҳои зери тасарруфи ӯ гардиданд [8, 232].

Халифаи Аббосӣ – Маъмун соли 204 х.қ./819-820 Яҳё ибни Муозро ба набарди Бобак фиристод, ки ҳеч коре дар муқобили неруи Бобак натавонист анҷом диҳад. Соли 205 х.қ./820-821 Исо ибни Муҳаммадро Маъмун Аббосӣ вилоятдори Арманистони Озарбойҷон таъин намуда, дастур дод, то наҳзати Бобакро фурӯ нишонад. Аммо соли 206 х.қ./821-822 дар набард бо Бобак Исо ибни Муҳаммад кушта шуд. Соли 209 х.қ./824-825 Садақа ибни Алӣ маъруф ба Зурайк аз ҷониби Маъмун ба набарди Бобак ба Арманистону Озарбойҷон фири-стода мешавад, ки ин сипаҳсолори халифа ба асорати Бобак меафтад. Соли 212 х.қ. /827-828 Маъмун лашкари хилофатро бо фармондеҳии Муҳаммад ибни Ҳумайди Тусӣ аз роҳи Мавсил ба сӯйи Бобак фиристод, ки 25 моҳи рабеъулав-вали соли 214 х.қ./ 2 июни соли 829 ин лашкаркаш ва теъдоди зиёде аз си-поҳиёнаш дар ҷанги Бобак кушта мешаванд [2,4965, 4970-4971, 4991, 5009, 5011].

Ҳамин тавр то вилоятдори Цибол таъйин шудани Афшини Ҳайдар дар 28 ҷумодиулахири соли 220 ҳ.қ./ 29 июни соли 835 ва ўро ба пайкори Бобак равон кардани халифа, дигар фармондеҳони лашкари араб, мисли Иброҳим ибни Лайс ва Аҳмад ибни Ҷунайд низ аз Бобак шикаст меёбанд ва Аҳмад асир меафтад. Дар зимн муаллифи «Ҳумоюннома» - Ҳаким Заҷҷоӣ (мутаваллиди соли 608 ҳ.қ./1211-1212, ки беш аз 90 сол умр дидааст [13,18]), ки асари хешро дар пайравии «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ дар Табрез меофарад, менависад:

Мақомаш будӣ солу маҳ ҷойи ҷанг,
Набудӣ касеро бад-ӯ ройи ҷанг [13,561].

Бино ба ахбори Заҷҷоӣ халифа пас аз шикасти сарлашкарони маъруфи арабш дар набард бо Бобак, бо дарбориёнаш дар интиҳоби сипаҳсолори ҳамсанги Бобак машварат мекунад ва интиҳоб ба Афшини Ҳайдар меафтад:

Чунин гуфт бо сарварон шаҳриёр,
Кӣ бошад, ки бо ӯ кунад корзор.
Бигуфтанд, к-Афшин бузург асту мир,
Тавонову донову рӯшанзамир.
Варо асл аз Мовароуннаҳр буд,
Зи Ушрусана гӯшам эдун шунуд [13,561].

Ҳамин тавр навбати набарди Бобак бо ҳамнаҷодаш – Афшини Ҳайдари Усрушанӣ фаро мерасад. Афшин аз халифаи Аббосӣ ба ҷуз гирифтани муқаррариҳо, озуқа ва кумакҳо, ҳар рӯз 10 ҳазор дирҳам дар сурати ҷанг бо хуррамиҳо ва панҷ ҳазор дирҳам дар ҳолати истироҳати сипоҳиёнаш дарёфт мекард [2, 5114]. Ин Афшин аст, ки билохира бо ҳилаву тарфанд баъд аз ду сол Бобакро ба доми хеш меафканад.

Баъд аз шикаст додани наҳзати Бобаки Хуррамдин ва ҷангҳо дар Рум Афшини Ҳайдар шукуҳу азамати фаровоне дар хилофат пайдо кард, то ҳадде ки касе дар дарбори хилофат аз назари қудрату мақом ба пояи ӯ намерасид. Ба тайиди Балъамӣ «ҳадиси Афшину кори ӯ назди Муътасим саҳт бузург буд» [1, 1597].

Бо истифода аз ин вазъияти хеш Афшини Ҳайдар дар орзуи ба даст овардани ҳукумати Хуросон шуд. Табарӣ дар ин иртибот мегӯяд: «Вақте Афшин бар Бобак зафар ёфт ва ба назди Муътасим манзалате ёфт, ки ҳеҷ кас бар ӯ муқаддам набуд, дар вилоятдории Хуросон тамаъ овард» [2, 5147].

Табиист, ки дар роҳи расидан ба ин ҳадаф бояд бо маъруфттарин амири Тоҳириён пас аз асосгузори давлати Тоҳириён - Тоҳир ибни Ҳусайн, Абдуллоҳ ибни Тоҳир мубориза мекард, ки марде доно ва додгар буд. Абдуллоҳ ибни Тоҳир бо он ки номи халифаро дар хутбаи намози ҷумъа меовард ва ҳар сол бахше аз хирочи Хуросони Бузургро ба дарбори хилофат мефиристонд, аммо ба халифа иҷозати даҳолат дар умури дохилии Хуросони Бузургро намедод.

Абдуллоҳ ибни Тоҳир бо ашрофи дарбори хилофати араб, монанди Аҳмад ибни Абудовуд ва Абудулафи Аҷамӣ, ки аз душманони сарсаҳти Афшини Ҳайдар буданд, дӯстиву қаробат мекард. Саранҷом иттиҳоди ҳокими Хуросони Бузург ва ашрофи дарбори хилофати араб тавонист назари халифаро нисбат ба

Афшини Ҳайдар дигар намуда, бадбин созанд, ки ин матлаб дар манобеи таърихӣ аз қарори зайл шарҳу тафсири ёфта аст:

Бино ба ахбори манобеи таърихӣ Афшини Ҳайдар хангоми муборизахоҷаш дар фурӯ нишонидани нахзатҳои муқовимати алайҳи хилофати Аббосиён сарвати зиёде ба даст оварда, онро пинҳонӣ ба дасти дӯстон ва хешони худ меод, ки ба Усрушана бибаранд. Балъамӣ менависад, ки «ва Афшин ҳар чиз, ки аз вилояти ӯ гирд омадӣ, ба хонаи хеш фиристодӣ ба Усрушана» [1,1597]. Боре чун қорвони ҳомили ин сарват аз Хуросон мегузашт, Абдуллоҳ ибни Тоҳир аз он огоҳ шуда, онро мусодири кард. Афшин аз ин қор хабар ёфта, бино ба иттилои Табарӣ ба Абдуллоҳ ибни Тоҳир навишт, ки «моли вай ва моли амири муъминон якест ва аз ӯ хост, ки он қавмро раҳо кунад, ки сӯйи Усрушана раванд» [2,5169]. Аммо Абдуллоҳ ибни Тоҳир қорвониёни Афшинро раҳо накарда, ин чараёнро ба халифаи Аббосӣ Муътасим хабар дод. Дар зимн Балъамӣ менависад, ки «Ва Абдуллоҳ нома навишта буд ба Муътасим ва аз ин қор огоҳ карда, ки агар амирулмуъминин фармояд, ба ҳоли он баррасам». Муътасим гуфт: «Раво бувад, гар баррасӣ ва маро огоҳ кунӣ». Пас аз бист рӯз панҷоҳ мард ҳамеомандан бо бист хирвор ва ба работе андар фуруд омаданд ба Нишопур. Абдуллоҳ ибни Тоҳир эшонро биғирифт ва он борҳо биситад. Эшон гуфтанд, ки ин бори Афшин аст. Ва аз эшон ҳар яке ҳазор динор бар миён доштанд...» [1,1597]. Ин амали Афшин боиси сароғози безътимодии ӯ назди халифаи араб шуда, мучиби шиддат ёфтани ихтилоф миёни Абдуллоҳ ибни Тоҳир ва Афшини Ҳайдар гардид.

Рухдоди дигаре, ки сабаби хашми халифа Муътасими Аббосӣ гардид, ин исёни Мозиёр ибни Қоран дар Табаристон ба соли 224 ҳ.қ./838-839 буд, ки ба ривояти таърихнигорон ба таҳриқи Афшини Ҳайдар сурат гирифтааст. Мозиёр, ки падараш ҳокими Табаристон буд, дар замони хилофати Маъмун (813-833) ба ӯ пайваста, дини исломро пазируфт ва халифа ӯро ҳокими Табаристон таъин намуд [11, 64].

Маръашӣ хабар медиҳад, ки Оли Бованд, ки аз мулуки номдори Мозандарон буданд, бо Мозиёр ба муҳолифат бархостанд ва низ мардуми Табаристон назди халифа аз зулми Мозиёр шикоят бурданд. «Халифа, - менависад Маръашӣ, - маншур фиристод, ки Мозиёр ҳозир шавад. Ӯ тааллул (баҳоначӯйӣ) намуд ва аз Омӯл ба Рӯён омад... ва бо мардум зулму тааддӣ зиёд кард, то аз дорулхилофат амире, ки мураббии Мозиёр буд, ходими хоси худро ба Табаристон фиристода, Мозиёр дар Рӯёну Мозандарон чамъият чамъ кард ва фармуд атбои халифаро биёранд. Аз эшон эҳтироми зиёд кард. Қозии Омӯл ва Рӯёнро равонаи дорулхилофат кард. Қузот чун ба хидмати халифа расид, аз эшон ҳоли Мозиёрро пурсид. Дар зоҳир исломи ӯро арза доштанд, дар пинҳон қозии Омӯл назди Яҳёи Аксам, ки қозии Бағдод буд, бирафт ва хубси (палидии) ақидат ва қуфри Мозиёр ва зулми ӯро тақрир карда, гуфт: «Бар ҳамон ойини оташпарастист». Қозӣ ин сухан ба халифа гуфт. Чун халифа ба ғазви Рум мерафт, ваъда дод, ки баъд аз хатми қори Рум тақлифи ӯро муайян хоҳад кард» [11, 64].

Ҳамдуллоҳи Муставфӣ дар мавриди ба ойини ниёкони хеш - зардуштия муътақид будани Моziёӣ менависад, ки Моziёӣ ибни Қоран ҳокими Табаристон ба наҳзати Бобаки Хуррамдин таваҷҷуҳ дошт ва ба ҷонибдории ӯ ҷомаҳои сурх ба бар кард [14, 318].

Моziёӣ бо хонадони Тоҳириён рақобат дошт ва бо вучуди он ки Табаристон тобеи Абдуллоҳ ибни Тоҳир буд, аммо Моziёӣ ба Тоҳириён хироч наметод. Ӯ хирочи кишварашро мустақиман ба халифаи Аббосӣ мефиристод. Аммо халифаи Аббосӣ Абуисҳоқи Муътасим ба хотири ҳифзи муносиботи ҳасана бо Абдуллоҳ ибни Тоҳир дастур медод, то он хирочро ба Хуросон фиристанд.

Афшини Ҳайдар чун аз рақобатҳои Моziёӣ бо Абдуллоҳ ибни Тоҳир хабар ёфт, умедвор шуд, ки ин боиси канор задани Абдуллоҳ аз ҳукумати Хуросон хоҳад шуд ва ба Моziёӣ номаҳо мефиристод, ки халифаи Аббосӣ ӯро ваъдаи вилоятдории Хуросон додааст. Табарӣ менависад, ки ин хабар «...Моziёӣро бар он дошт, ки ба по хост ва муҳолифат овард ва хироч надод ва ҷиболи Табаристон ва атрофии онро гирифт. Ва ин аз ҷумлаи чизҳо буд, ки Афшинро хурсанд мекард ва ба кори вилоятдорӣ умед медод» [2, 5142].

Халифаи Аббосӣ Муътасим ҳокими Хуросон Абдуллоҳ ибни Тоҳирро ба ҳарби Моziёӣ фиристод, ки дар натиҷа ин наҳзатро фуру нишонд ва Моziёӣ асир афтод [11, 65; 14, 318]. Масъудӣ менависад, ки баъд аз асир афтодани Моziёӣ «икрор кард, ки Афшин бо вай дар бораи мазҳаби санавӣ ва маҷус ҳамсухан буда ва ӯро ба хурӯҷ ва туғён водоштааст» [9, 474].

«Дар хизонаи Моziёӣ ибни Қоран, - менависад Қазвинӣ, - номаи Афшин ёфтанд, ки бад-ӯ навишта буд, ки ман дар ин мазҳаби писандида (зардуштия) бо ту муттафиқам. Биё, то ба мадади ҳамдигар ин расму дини аъробро барандозем» [14, 318].

Баъд аз асир афтодани Моziёӣ бино ба хабари муаллифи «Таърихи Табаристон» Абдуллоҳ ибни Тоҳир ба Моziёӣ гуфт, ки «ман шафеи ту мешавам, то (халифа) аз тақсири ту бигзарад. Моziёӣ гуфт: «Иншоаллоҳ узри ту хоста шавад». Абдуллоҳро аҷиб омад, ки ба чӣ тамаъ узри ман меҷӯяд? Гуфт бистоти шароб густурданд, косоҳои гарон бад-ӯ паймуд, то масту лоиақл шуд. Абдуллоҳ аз ӯ пурсид: «Имрӯз ба лафзи шумо рафт, ки узри ту бихоҳам, агар маро мустазҳар гардонӣ, нишот афзунтар хоҳад шуд» Моziёӣ гуфт: «Рӯзе чанди дигар тӯро маълум гардад».

Абдуллоҳ илҳоқ (тақозо) намуд ва савганд ёд кард. Моziёӣ сарпӯш аз сирри худ бардошт ва гуфт: «Ману Афшини Ҳайдар ибни Ковус ва Бобак бо якдигар аҳд кардем, ки давлат аз араб бистонем ва ба хонадони Касро (Сосониён) нақл кунем. Парерӯз дар фалон маҳал қосиди Афшин расид, ки дар фалон рӯз Муътасимро бо фарзандон, ки Мутаваккил ва Восиқанд, ба меҳмонӣ ба хонаи худ мебарам ва ҳалок мекунам». Абдуллоҳ ӯро ба ҳолати мастӣ бигузорид ва аҳволро назди халифа Муътасим бинвишт» [11, 65-66].

Абдуллоҳ ибни Тоҳир Моziёӣро ба Сомарро фиристод ва ба дастури халифа ӯро дар баробари Бобаки Хуррамдин баъди шиканҷаи зиёд ба дор овехтанд.

Масъалаи дигаре, ки боис шуд, то халифа ба Афшини Ҳайдар душманӣ варзад, ин исёни ҳокими Озарбойҷон Манкҷури Усрушанӣ, бино ба ахбори Хавофӣ дар соли 224 ҳ.қ./838-839 [12, 334] буд, ки баъд аз фуру нишонидани наҳзати Бобаки Хуррамдин аз тарафи Афшин ҳокими Озарбойҷон таъйин шуда буд. Сабаби туғёни ӯ ин буд, ки ба хангоми шикасти Бобаки Хуррамдин дар яке аз манзилҳои Бобак Манкҷури Усрушанӣ моли зиёде ба даст оварда, онро барои хеш пинҳон нигоҳ дошт. Бариди Озарбойҷон Абдуллоҳ ибни Абдурраҳмон аз ин кор халифаи Аббосиро огоҳ намуд. Халифа ба Афшин дастур дод, ки Манкҷурро аз ҳукумати Озарбойҷон маъзул кунад. Манкҷур даст ба исён зад ва халифаи Аббосӣ Абуисҳоқи Муътасим донист, ки туғёни Манкҷур ба таҳриқи Афшини Ҳайдар сурат гирифтааст [2, 5166-67]. Муътасим ба он ҷониб лашкар фиристод, ки дар натиҷа Манкҷур ба дасти лашкари араб гирифта шуд [12, 334].

Ҳамин тавр, теъдоди душманони Афшини Ҳайдар дар дарбор рӯз ба рӯз афзунӣ меёфтанд ва ононе, ки то кунун ӯро мадҳу ситоиш мекарданд, монанди Абдулмалики Зиёт, аз ӯ рӯй гардониданд ва ба бадгӯйӣ назди халифа пардохтанд.

Муътасим донист, ки Афшини Ҳайдар дар ботин ба ӯ бадбин гардида аст ва Афшин ҳам аз хашми Муътасим ба худ огоҳ шуд, бинобар ин тасмим гирифт, ки пайравони худро ҷамъ кунад ва ба рӯзе, ки халифа саргарми кор ва солорони ӯ машғулу ғофил бошад, аз тариқи Мавсилу Зоб бигзарад ва ба Арманистон биравад, аз он ҷо роҳи Хазар бигирад ва аз билоди турк бигзарад, то ба сарзамини худ Усрушана бирасад. Вале муваффақ нашуд ва он кор анҷом нагирифт. Пас тасмим гирифт, ки зиёфате барои халифа ва дарбориёнаш биороста, дар таоми онҳо захр андозаду якоякро бидушад ва аз шаҳр берун равад. Аммо ин сӯйқасди Афшин бар ҷони халифа низ аз ҷониби омилони дарбор (албатта ба кумаки Абдуллоҳ ибни Тоҳир) ифшо шуд ва Муътасим дастур дод, ки Афшинро дар кӯшк ҳабс кунанд ва сарояшро оташ зананд [2, 5170-72; 11, 66].

Бад-ин тартиб дар муборизаҳо барои ҳукумати Хуросони Бузург бо истифода аз ихтилофҳои, ки байни халифа Муътасим ва сарлашқараш Афшини Ҳайдар рух дод, Абдуллоҳ ибни Тоҳир пирӯз ба дар омад ва душмани сарсахташ аз миён бардошта шуд.

Чун халифаи Аббосӣ аз тарси лашкариёни Афшин ва ҳамчунин ҷонибдоронаш наметавонист мисли Бобаки Хуррамдин ва Мозиёр ӯро ба қатл расонад, бинобар ин ба дастури Муътасим Афшинро барои муҳокимаи ошкоро аз зиндон берун оварданд. Дар манобеи таърихӣ аз муҳокимаи ошкорои Афшин ва муколимаи ӯ бо қозӣ матолиби зиёде дарҷ шудааст, ки посухи Афшин ба суолҳои қозӣ баёнгарӣ часорат ва шуҷоати ӯст.

Афшини Ҳайдар ба зоҳир мусулмон шуд, бо хиёнат ба сарзамини ниёгон ва хонадони худ дар дастгоҳи хилофат ба тадриҷ масири тараққиро паймуд. Чун аз зиракӣ ва фаросат бархӯрдор буд, сабақтро аз дигарон рабуд ва бо ҷонибдорӣ аз хилофати Аббосӣ, ба халифагони он Маъмуну Муътасим маншаи хадамоти фаровоне шуд. Дар ҷангҳои мухталиф дар Миср, Шом, Рум ва сипас дар Эрон (дар

чанг бо Бобак) ширкат кард ва пирӯз шуд. Ӯ ҳамаи ин корҳоро барои як ҳадаф, ба даст овардани ҳукумати Хуросони Бузург анҷом меод. Аммо дар расидан ба ин ҳадаф рақибони сарсаҳте монанди Тоҳириён садди роҳи ӯ буданд, ки тамоми ҳаракот ва корҳои Афшини Ҳайдарро зер назар доштанд ва мунтазири фурсате буданд, то ӯро набуд бикунанд. Ин буд, ки рақибони Афшини Ҳайдар бо истифода аз фурсати муносибе, ки ба онҳо даст дод, ӯро, ки рӯз ба рӯз бар қудрату азаматаш афзуда мешуд, ба хусус баъд аз пирӯзӣ бар Бобаки Хуррамдин ва шикаст додани румиён поягоҳи бисёр азиму бошуқух дар хилофати Аббосӣ касб кард, аз авҷи қудрат ба нишеби зиллату хорӣ бикашиданд.

Чун Муътасим медонист, ки наметавонад ошкоро Афшини Ҳайдарро, ки масдари ҳадамоти зиёде барои ӯ ва хилофаташ буд, шабеҳи Бобаки Хуррамдин ва Мозиёр ибни Қоран бо шиканча ба дор занад, бинобар ин тасмим гирифт ӯро зиндонӣ кунад ва масмумаш созад. Байҳақӣ дар ин боб менависад: «Пас Муътасим бифармуд, то табақе ангур захр барқарданду сӯйи Афшин бурданд. Афшин гумон бурд, ки андар он захр аст. Онро нахӯрд. Ва Муътасимро бигуфтанд. Фармуд, ки аз ӯ таом бозгиред. Бозгирифтанд, то аз гуруснагӣ бимурд...Ва ин ба соли дувисту бисту шаш (841) буд» [1,1598]. Табарӣ марги ӯро дар моҳи шаъбони соли 226 ҳ. қ. мусодиф ба моҳҳои май-июни соли 841 зикр кардааст [3, 5197].

Академик В. В. Бартолд ба ин назар аст, ки чун Афшини Ҳайдар ба инҳироф аз ислом гунаҳкор шуд, халифа ӯро маҳкум ба гуруснагӣ намуд, ки маргаш дар асари он фаро расид [6, 497].

Муаллифи таърихи манзуми «Ҳумоюннома» Ҳаким Заҷҷоӣ, ки достони пур аз фарозу нишеби зиндагии Афшини Ҳайдарро ба назм оварда, аз ҷумла дар бораи маргаш менависад:

Чу монд он сарафроз дур аз таом,
Бимурд андар он чой бе ному ком.
Шикам гурусна ҷон ба яздон супурд,
Касе пеши ӯ поре нон набурд.
Варо мурда бурданду овехтанд
Бар ӯ ҳамгинон хуни дил рехтанд [13,621].

Ҷойи таъкид аст, ки Афшини Ҳайдар бо он ҷойгоҳи шомихе, ки дар хилофат дошт, на танҳо бо ирсоли корвонҳои дороиҳо ва амвол, инчунин дар умури муҳиммтаре метавонист масдари ҳадамоти шоистатаре ба кишвар ва мардумаш бошад.

Пас аз марги Афшини Ҳайдар барои расидан ба ҳукумати Хуросон барои Тоҳириён дигар рақибе намонда буд. Дигар ин ки халифаҳои Бағдод ин воқеиятро дарк карда буданд, ки сарзаминҳои ғасбшудаи густурдаи шарқиро аз тариқи ирсоли паёпайи лашкар на танҳо идора кардан наметавон, балки бефоида низ ҳаст.

Зеро ба Тоҳириён, ки аз нуфуз ва маҳбубияти маҳаллӣ бархурдор буданд ва тавоноии идораи ҳукумат ва таъмини амнияти марзҳои Хуросони Бузургро доштанд, маҳол аст аз роҳи зӯргӯйӣ таҳмили ирода кард. Илова бар ин

халифаҳои Бағдод касонеро, ки мисли Тоҳириён дар ин сарзамин тавонист бо онон мудоро кард, суроғ надоштанд.

АДАБИЁТ

1. Абуалӣ Муҳаммад ибни Муҳаммади Балъамӣ. Таърихи Табарӣ. Ҷ.2 / Абуалӣ Муҳаммад ибни Муҳаммади Балъамӣ. – Техрон, 1380 ҳ.х. – 1632 с.
2. Абуҷаъфар Муҳаммад ибни Ҷарири Табарӣ. Таъриху-р-русули ва-л-мулук. Китоби 7 / Абуҷаъфар Муҳаммад ибни Ҷарири Табарӣ; таҳрир ва тасҳеҳ Н. Амиршоҳӣ. – Душанбе, 2014. – С. 4465–5177.
3. Абуҷаъфар Муҳаммад ибни Ҷарири Табарӣ. Таъриху-р-русули ва-л-мулук. Китоби 8 / Абуҷаъфар Муҳаммад ибни Ҷарири Табарӣ; мутарҷим Абулқосими Поянда; таҳрир ва тасҳеҳ Н. Амиршоҳӣ. – Душанбе, 2014. – С. 5193–6001.
4. Алиакбари Деххудо. Лугатномаи Деххудо. Ҷ.2 / Алиакбари Деххудо; зери назари М. Муин ва С. Шаҳидӣ. – Техрон, 1377 ҳ.х. – С. 1609–3199.
5. Аҳмад ибни Яҳё ал-Балозурӣ. Футуҳу-л-булдон / Аҳмад ибни Яҳё ал-Балозурӣ; тарҷумаи О. Озарнӯш. – Техрон: Интишороти Бунёди фарҳанги Эрон, 1346 ҳ.х. – 467 с.
6. Бартольд В. В. Афшин / В. В. Бартольд // Сочинения. – Т. II. – Ҷ. 2. – Москва: Наука, 1964. – С. 497.
7. Ибни Возеҳи Яъқубӣ. ал-Булдон / Ибни Возеҳи Яъқубӣ; тарҷумаи Муҳаммад Иброҳими Оятӣ. – Техрон: Бунгоҳи тарҷума ва нашри китоб, 1356 ҳ.к. – 156 с.
8. Камол Ҳ. Авомили ба сари ҳокимият омадани Сомониён / Ҳ. Камол. – Душанбе, 2022. – 324 с.
9. Масъудӣ Абулҳасан Алӣ ибни Ҳусейн. Муруҷу-з-заҳаб. Ҷ.2 / Абулҳасан Алӣ ибни Ҳусейн Масъудӣ. – Техрон: Илмӣ ва фарҳангӣ, 1357 ҳ.х. – 772 с.
10. Мучмалу-т-таворих вал-қисас / Муҳаққиқ ва мусаҳҳеҳ М. Баҳор. – Техрон: Чопи аввал, 1318 ҳ.х. – 537 с.
11. Сайид Заҳируддин ибни Сайид Насируддини Маръашӣ. Таърихи Табаристон ва Рӯён ва Мозандарон / Сайид Заҳируддин ибни Сайид Насируддини Маръашӣ; муҳаққиқ ва мусаҳҳеҳ М. Тасбеҳӣ. – Техрон: Муассисаи матбуоти Шарқ, 1345 ҳ.х. – 394 с.
12. Фасеҳи Хавофӣ. Мучмали Фасеҳӣ. Ҷ.1 / Фасеҳи Хавофӣ; муқаддима, тасҳеҳ ва таҳқиқи М. Насрободӣ. – Техрон: Асотир, 1386 ҳ.х. – 436 с.
13. Ҳаким Заҷҷоӣ. Ҳумоюннома. Таърихи манзуми Заҷҷоӣ. Ҷ.1 / Ҳаким Заҷҷоӣ. – Техрон: Нашри осор, 1383 ҳ.ш. – 670 с.
14. Ҳамдуллоҳи Муставфӣ Қазвинӣ. Таърихи гузида / Ҳамдуллоҳи Муставфӣ Қазвинӣ; бо муқобилаи чандин нусха ва замимаи фаҳорис А. Навоӣ. – Техрон: Интишороти Амир Кабир, 1387 ҳ.х. – 816 с.

РАҚОБАТИ АФШИНИ ҲАЙДАР БО АБДУЛЛОҲ ИБНИ ТОҲИР БАРОИ ҲОКИМИЯТ ДАР ХУРОСОНИ БУЗУРГ

Бо баррасии матолиби сарчашмаҳои таърихӣ муаллиф дар ин мақола аз рақобати Афшини Ҳайдар бо ҳокими Хуросон Абдуллоҳ ибни Тоҳир барои ба даст овардани қудрати сиёсӣ дар ин сарзамин суҳан мекунад.

Афшини Ҳайдар аз рӯзгори ҷавонӣ рӯҳияи саркашӣ дошт ва тибқи шаҳодати сарчашмаҳои таърихӣ арабҳо дар замони Аббосиён дар соли 822 бо кумаки ӯ вилояти Усрушанаро фатҳ карданд.

Агар ахбори таърихнигорони ин аҳдро мавриди баррасӣ қарор диҳем, дармеёбем, ки яке аз авомили пирӯз шудани аъроб бар сарзамини Эрон Хуросони Бузург бештар хиёнати ашрофи ин сарзаминҳо буд, ки барои аз даст надодани мақому сарват ба ҷониби тозиён гузаштанд, чунон ки Афшини Ҳайдар ин амалро ба ҳеш раво дид.

Баъд аз шикаст додани наҳзати Бобаки Хуррамдин ва ҷанғо дар Рум Афшини Ҳайдар шукуҳу азамати фаровоне дар хилофат пайдо кард, то ҳадде ки касе дар дарбори хилофат аз

назари кудрату мақом ба пояи ӯ намерасид. Бо истифода аз ин вазъияти хеш Афшини Хайдар дар орзуи ба даст овардани ҳукумати Хуросон шуд. Табиист, ки дар роҳи расидан ба ин ҳадаф бояд бо маъруфтарин амири Тоҳириён - Абдуллоҳ ибни Тоҳир мубориза мекард. Аммо дар муборизаҳо барои ҳокимияти Хуросони Бузург бо истифода аз ихтилофҳои, ки байни халифа Муътасим ва фармондеҳи лашкараш Афшини Хайдар рух дод, Абдуллоҳ ибни Тоҳир пирӯз гардида, душмани сарсахташ аз миён бардошта шуд.

Калидвожаҳо: *Хуросони Бузург, Варорӯд, Усрушана, Табаристон, Тоҳириён, Абдуллоҳ ибни Тоҳир, Афшини Хайдар, Бабаки Хуррамдин, Муътасими Аббосӣ, Мозиёр ибни Қоран.*

СОПЕРНИЧЕСТВО АФШИНА ХАЙДАРА С АБДУЛЛАХОМ ИБН ТАХИРОМ ЗА ВЛАСТЬ В ВЕЛИКОМ ХОРАСАНЕ

В данной статье автор на основе исторических источников исследует соперничество между Афшином Хайдаром и правителем Хорасана Абдуллахом ибн Тахиром за политическую власть над этой землей.

С юных лет Афшин Хайдар обладал бунтарским духом, и, согласно историческим данным, его руководство помогло арабам завоевать провинцию Усрушана во время правления Аббасидов в 822 году.

Если мы рассмотрим сообщения историков этого времени, то обнаружим, что одной из причин победы арабов над землей Ирана и Великим Хорасаном было предательство знати этих земель, которые, чтобы не потерять свой статус и богатство, перешли на сторону арабов, как сделал это Афшин Хайдар.

После разгрома движения Бабака Хуррамдина и войн в Риме Афшин Хайдар приобрел в халифате большую славу и величие до такой степени, что никто при дворе халифата не мог сравниться с ним по силе и статусу. Воспользовавшись этой ситуацией, Афшин Хайдар мечтал получить власть над Хорасаном. Естественно, на пути к достижению этой цели ему пришлось сразиться с самым известным эмиром Тахиридов – Абдаллахом ибн Тахиром. Однако в борьбе за власть в Великом Хорасане, используя разногласия, возникшие между халифом Муътасимом и командующим его армией Афшином Хайдаром, Абдуллах ибн Тахир победил, и его заклятый враг был устранен.

Ключевые слова: *Великий Хорасан, Вараруд, Усрушана, Табаристан, Тахириды, Абдуллах ибн Тахир, Афшин Хайдар, Бабак Хуррамдин, Муътасим Аббасид, Мозиёр ибн Қоран.*

RIVALRY OF AFSHIN HAYDAR WITH ABDULLAH IBN TAHIR FOR POWER IN GREAT KHORASAN

Exploring historical sources, the author in this article talks about the rivalry between Afshin Haydar and the ruler of Khorasan, Abdullah ibn Tahir, for gaining political power in this land.

Afshin Haydar had a rebellious spirit from his youth and, according to historical sources, with his help the Arabs conquered the province of Usrushany during the Abbasid reign in 822.

If we look at the reports of historians of this time, we will find that one of the reasons for the victory of the Arabs over the land of Iran and Greater Khorasan was the betrayal of the nobility of these lands, who, in order not to lose their status and wealth, went over to the side of the Arabs, as Afshin Haydar did.

After the defeat of Babak Khurramdin's movement and the wars in Rome, Afshin Haydar gained great fame and greatness in the caliphate to such an extent that no one at the court of the caliphate could compare with him in power and status. Taking advantage of this situation, Afshin Haydar dreamed of gaining power over Khorasan. Naturally, on the way to achieving this goal, he had to fight with the most famous emir of the Tahirids, Abdallah ibn Tahir. However, in the struggle for power in Greater Khorasan, taking advantage of the differences that arose between Caliph Mu'tasim and the commander of his army, Afshin Haydar, Abdullah ibn Tahir won and his sworn enemy was eliminated.

Key words: *Great Khorasan, Wararud, Ustrushana, Tabaristan, Tahirids, Abdullah ibn Tahir, Afshin Haydar, Babak Khurramdin, Mu'tasim Abbasid, Moziyor ibn Koran.*

Сведения об авторе: **Хамза Камол (Камолов Хамзахон Шарифович)** - Институт истории, археологии и этнографии имени А.Дониш НАНТ, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом древней, средневековой и новой истории. **Адрес:** 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail: hamza_kamol@mail.ru

About the author: **Khamzakhon Sharifovich Kamolov** - A.Donish Institute of History, Archeology and Ethnography NAST, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ancient, Medieval and Modern History. **Address:** 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. E-mail: hamza_kamol@mail.ru

УДК 94(575.1)"08":78; 929

АБУЛАББОСИ БАХТИЁР И ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ¹

Аскарали РАДЖАБОВ,

Институт истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ

В период правления Саманидов (819-1005гг.) центр науки, образования и культуры Центральной Азии, Ближнего, Среднего Востока переместились в Бухару. По инициативе саманидских правителей были созданы учебные заведения (мадраса), центр науки (bait-al- hikma, Sivan-al-hikma), академия изящных искусств («Ramishsara»), формировалась классическая творческо-исполнительская школа (havza-i xuniyagaroni hirfai, ustodona) и т. д.

Историки и хронографы Абуабдулла Мухаммада Джайхани (ум.925г.), Абу Наср Мухаммед (961-1022гг.). Мухаммад Наршахи (899-959гг.), Абу Фазл Байхаки (996-1077гг.) и др., по признанию Адама поэтов Рудаки (858- 941 гг.) Бухара стала центром культуры Востока [1,28].

В развитии и совершенствовании музыкально-исполнительской культуры в IX-Xвв., кроме главы музыкальной школы, принимали активное участие ученые, поэты.

Музыка являлась важной частью политики саманидских эмиров. Классические традиции эпохи Борбада Марвази (590-628гг.) представляли своего рода политико-культурную декларацию, модель возвышения и развития таджиков (иранских народов) в новое время.

¹ Статья написана в рамках проекта «История и теория искусств таджикского народа». Государственный регистрационный номер 01011 TJ 0454.

Поэтому многие деятели музыки и поэзии, как Оловайхи Сугди, Абухафси Сугди (781-832гг.), Джувайния Сугди (810-870гг.), Абулаббоси Бахтиёр (834-920гг.), Рудаки (858-941гг.), Ратиба Барбати (872-918 гг.), Мударник Нойи (864-937 гг.), Исо Барбати (870-932 гг.), Хобон Чобаки Найи (ум.940 г.), Абунастри Хонанде (889-961 гг.), Абуамири Хонанде (848-923 гг.), Мунджики Чанги (ум.967 г.), Абубакри Рубоби (982-1020 гг.), Фуоди Тарона (ум. 940), Пирсолехи Патважа (ум. 973г.) и др., плодотворно занимались развитием профессиональных жанров, форм, исполнительских стилей, музыкально-образовательных процессов.

Важную роль в развитии музыкально- поэтических жанров и форм сыграл великий Рудаки (858-941 гг.) и его учитель Абулаббоси Бахтиёр (834-920гг.). Музыкально-поэтическое наследие этого периода оставалось сокровищницей для многих поколений музыкантов, поэтов, теоретиков музыки. Поэт Муджаллад Гургани (XI в.) с гордостью писал:

И богатства веков, что судьба нам дарила,
Блеск Сасана эпох и Самана творила.
Вот - стихи Рудаки, память гения дани.,
Вот - напевы Борбада и звуки преданий... [3,8].

Музыканты не только развивали классические традиции Борбада Марвази но и создавали сложные музыкально-поэтические произведения, имели перед собой модель и исполнительский стиль (sraish) одновременно профессиональные образы прокламативного исполнительского искусства (Rovisrai, dastansrai, ratvajasrai) прошлого и настоящего (peshinakan huniakaran-i ustad charpsrayan), которым следовало подражать, чтобы отразить высокопрофессиональное живое исполнение своим блеске.

Музыкально-поэтическое творчество оказало огромное влияние на централизацию, творческий импульс культуры, художественно-эстетические воззрения эпохи Абулаббоса Бахтиёра и Рудаки.

При Сасанидах и Саманидах придворные культурные учреждения являлись наиболее важными культурными центрами, а Академия искусств (Ramishsaro - хуниагаган) - музыкальным центром развития профессионального музыкально-исполнительского творчества.

Поэтому появление многих придворных музыкально-творческих групп было важным музыкально- творческим и профессионально- исполнительским делом. Контроль за ходом творческо- исполнительской работы при Сасанидах (222-651 гг.) и Саманидах (819-1005 гг.) главы государства осуществляли через руководителей художественных групп(хигтамбаш), и придворное музыкальное творчество находилось в взаимосвязи с абсолютной государственной властью, народным музыкальным творчеством, которое определяло городское, профессиональное и придворное музыкальное творчество и именно оно было, в основном выразителем и исполнителем профессиональных принципов музыкального искусства эпохи Саманидов.

Профессиональные музыкальные коллективы в эпоху Саманидов- носители лучших традиций народно-профессионального музыкального творчества - обладали наиболее богатой по многообразию тематикой, жанров, форм и стилевых особенностей. Искусство патвожа (patvaja, gavaja-касыда), суруда (srut, surud), чома (chama, chakama), тарона (trana, tranak, tarona) значительно влияло на многообразие музыкально-поэтического и исполнительского творчества. Профессиональные музыканты выступали как инициаторы новых музыкально-исполнительских, творческих стилей, направлений, идей, жанров и форм [4,295].

В культурных центрах эпохи Саманидов эта традиция была продолжена, и возродил её Абулаббас Бахтияр который и создал Академию искусств («Ромишсаро»). В «Ромишсаро» он преподавал особенности музыкальной науки на новом этапе и применительно к таджикско-персидской поэзии и музыке. Кроме того, он создал теоретические труды, и которые были написаны как руководство к изучению свойств и правил построения музыкально-поэтических жанров и форм.

При всей преемственности классических традиций эпохи Сасанидов, сочинения знаменитых саманидских музыкантов- теоретиков (huniyakaran-i ustad) отличились новизной и уникальностью. Прежде всего, они имели практическую и историко- теоретическую, направленность. Согласно традиции саманидские знатоки поэзии и музыки, в новый период получили освещение проблемы происхождения музыки, эстетики, акустики, связи стихотворного текста с музыкой, Абулаббас Бахтияр-несомненный продолжатель классических традиций Борбада.

Среди мастеров ‘‘Рамишсаро’’ были такие корифеи музыки и поэзии, теоретики музыки Ахмад Марван Сарахси, Абулаббас Сарахси, Абулаббас Бахтиёр, Аджарда Марвази и др. О музыкально-творческой среде Бухары IX- Хвв. историки Мухаммад Наршахи, Абумансур Джайхани и др. отметили «...в Бухаре собрались самые знаменитые знатоки поэзии музыки и очень известные хуниагары знающие все тонкости этого искусства Алибек Барбати (Абулаббас Бахтиёр - глава всех хуниагаров) Исо Барбати, Ратиба, Барбати, Наср Хонанде, Бутураб Хонанде, Мударник Найи, Мохон Чобак Найи, Алибек Танбури и др... Из этого числа деятелей самый известнейших уstad Абулаббас Бахтиёр-учитель наставник Рудаки. Он создал школу, (‘‘Рамишсаро’’ А. Р.) которой нет равных в Аджаме и Арабе. Он, кроме того, хорошо разбирал вопросы теории (sanat-i she’r и musigi-музыки и поэзии) и написал трактат и продолжатель традиции Борбада. Он самим знающим среди мастеров (ustad-i ustadan), знающим прошлым и настоящим...» [5, 442].

Абулаббас Бахтияр обладая энциклопедическими знаниями и редкими способностями, внес весомый вклад в музыкально- поэтическую жизнь эпохи Саманидов.

Разносторонняя научная деятельность Абулаббаса Бахтияра, (danande-i she’r va musigi который - был знатоком поэзии, сведущ в вопросах доисламского

музыкального - поэтического наследия, философии) нашла отражение в письменных источниках. Абулаббаси Бахтияр хорошо знал основы поэзии и музыки, создал «Ромишсаро». Особый интерес представляет его деятельность в области музыкальной науки и исполнительства (*ilmi musigi*).

В созданном в столице Саманидов «Ромишсаро», в стенах этого высшего культурного учреждения, изучались манера исполнения певцов, стихи, сопровождающие классические музыкально - поэтические циклы «Хусравани», «Марви» многие другие творческие проблемы. В «Ромишсаро» входили прославленные музыканты своего времени Ратиба Барбати, Исо Барбати, Хобон Чобон Найи, Мударник Найи, Бутуроб Хонанде, Абубакр Рубоби, Алибек Танбури, Мунджик Чанги-певцы и инструменталисты. Многие музыканты именно там получили первоначальное образование [6, 238].

Необычайно велика роль учителя Рудаки Абулаббаса Бахтияра, Абулаббаса Сарахси Ахмада Марвана Сарахси и других теоретиков музыки IX и последующих веков в становлении и развитии музыкальной терминологии на языке фарси-таджикский (дари) и решение других музыкально-теоретических вопросов.

После теоретиков IX-Xвв. (*nazaridonon*) в Мавераннахре, Хорасане, Иране и Индии (XI-XII вв.) написавших многочисленные научно-теоретические трактаты, главы энциклопедических трудов в основном на языке фарси - таджикском.

В источниках упоминаются прекрасные знания Абулаббоса Бахтияра основ практической и теоретической музыки (*amali va nazari*). По мнению многих знатоки поэзии и музыки Абулаббос Бахтияр является основателем академии искусств («Ромишсаро») в Бухаре. При непосредственном участии Абулаббоса Бахтияра формировалась классическая музыкальная школа (*maktabi ustadana va hirfai*) и это школа была новым словом в музыкально - творческой традиции того времени.

Под руководством Абулаббоса Бахтияра в «Ромишсаро» развивалось музыкально-исполнительская (*sana'ti ijod va ijroi she'ru xuniyagari* - музыкально-поэтическое искусство) культура. Вопросы эволюции, многообразия музыкально-поэтических жанров, форм функционирования музыкальной культуры в социокультурной жизни в эпоху Саманидов (819 - 1005гг.) в системе «Ромишсаро» и хронология стилистической характеристики исполнительской традиции IX-X вв. рассматривались только на основе возможных, часто произвольных, аналогов и интерпретаций [7, 169-170].

Рудаки (858-941гг.) - ученик Абулаббоса Бахтияра (834 - 920гг.) мало характеризуется в работах ученых, в то время как чрезмерно большое значение придавалось чужеземным влияниям, пришлым элементам культуры (греческой), которые, якобы, служили главной причиной смены стилей в музыкальном искусстве. Греческое влияние на музыкально - исполнительские традиции эпохи Абулаббоса Бахтияра и Рудаки (многообразие музыкально - поэтические жанров, форм и стилей) не имело ничего общего.

Выдающиеся поэты - музыканты IX - X вв. Абухафси Сугдии Самарканди (781-832гг.), Джувайнивайхи Сугди (810-870 гг.), Ратибаи Барбати (872-918 гг.), Мударники Найи (864-937гг.), Исои Барбати (870-932 гг.), Хобони Чобаки Найи (ум.940 г.), Абунастри Хонанде (889-961 гг.), Абуамири Хонанде (848-923 гг.), Рудаки (858-941 гг.), Мунджики Чанги (ум.967 г.), Абубакри Рубоби(982-1020 гг.), Алибеки Танбури, Фуоди Тарона, Пирсолехи Патважа и известные теоретики музыки, Ахмад Марван Сарахси один из основателей бухарской музыкально-теоретической школы (820-899гг.), Абулаббас Сарахси (848-910 гг.), и другие являются носителями музыкально-поэтических традиций своих предков в новом времени, многообразия музыкально-творческих традиции в «Рамишсаро» [8,50].

Историческая заслуга Абулаббоса Бахтиёра и деятелей культуры IX-Xвв., заключается в том, что они не только изучили и восстановили музыкально-поэтические традиции, воспитали ряд великих музыкантов-поэтов, кроме того, они продолжали классические традиции великого менестреля, основоположника таджикско-персидкой классической системы профессиональной музыки эпохи Сасанидов, сохранив художественно-эстетическое наследие прошлого, но и создали бессмертное музыкально- поэтическое наследие.

Предвзятое отношение некоторых зарубежных ученых и исследователей к оценке художественной культуры таджиков в эпоху Саманидов (819-1005 гг.) сказывалось в том, что мерилom художественно-эстетических значений явились близкие их взаимосвязи с греческими музыкально - эстетическими воззрениями, или, наоборот, их отличие от установленных художественно - эстетических норм.

Оценочная и информационная характеристики музыкально-поэтической культуры в эпоху Абулаббоса Бахтиёра, связанные с ними историко-художественные явления знатоками эпохи Саманидов (Ахмад Марван Сарахси, Абулаббос Сарахси и др.), воспитанными в традициях историко-искусствоведческих норма XIX - начала XX вв. (незнание первоисточников), советского времени приведены здесь не для наглядности примера (они в данное время неуместны на уровне изучения), а как первые опыты осмысления историко - литературного материала, имевший, безусловно, положительное значение.

Для того, чтобы представить картину музыкально-исполнительской культуры (музыкально - поэтического творчества) IX-Xвв. в рамках «Рамишсаро» под руководством Абулаббоса Бахтиёра, как отмечает ученый - литератор Мухаммад Авфи в своем труде «Лубаб-ул-албаб...» и др. авторы, и самобытную и многогранную историю ее развития нужно рассмотреть ее непривычные художественно-эстетические и высокоразвитое творческо-исполнительские традиции таких известных поэтов-музыкантов (*xuniyakaron, chomasaroyon*), теоретиков-сочинителей (*musannifon, donoyoni sozu ovoz*) как Абухафси Сугдии Самарканди, Джувайнивайхи Сугди, Оловайхи Сугди, Рудаки, Ратибаи Барбати, Мударники Найи, Хубони Чобакии Найи, Абунастри Хонанде, Абубакри Рубоби,

Бутуроби Хонанде, Абуамири Хонанде, Мунджики Чанги, Лукари Чанги, Фуоди Тарона, Пирсолехи Патважа и др.

Многочисленные историко- литературные сведения, обнаруженные в последние годы, не могли не вызвать дальнейших исследований музыкальной культуры рассматриваемого периода, особенно вклада Абулаббоса Бахтиёра в развитие музыкально-поэтической культуры IX - X вв. Это - определение историко-хронологических этапов формирования музыкально-творческой культуры эпохи Абулаббоса Бахтиёра (834-920 гг.) и его великого ученика Рудаки (858-941 гг.) и ее взаимосвязи с творчеством Борбада Марвази (590-628 гг.), музыкально-поэтические жанры, формы, состояние и развитие музыкально - исполнительских традиций, формирование профессиональных музыкальных школ и направлений в IX-X вв., создание специальных теоретических трудов, в которых рассматриваются вопросы поэзии и музыки, даты, жизни и деятельность выдающихся музыкантов этого периода и т. д. [9, 369-370].

Естественно, что определение состояния музыкально-исполнительской культуры этого периода на основе первоисточников до сих пор не сделано. Поэтому эту проблему можно было бы рассматривать только с помощью всестороннего изучения письменных источников и сравнительного анализа с опубликованными работами посвященным эпохе Саманидов (819 - 1005гг.).

В данное время ведется планомерное изучение на профессиональном уровне характеристики путей развития, определение музыкально - поэтических жанров, форм, профессиональных истоков и творческо-исполнительской традиции таджиков, форм ее функционирования, раскрытие закономерностей взаимосвязи поэзии и музыки (shair - xuniyagar, xuniyagar - shair), художественно - эстетических пластов профессионального музыкально - поэтического творчества на примере выдающихся поэтов-музыкантов Абухафса Сугди Самарканди (781 - 832 гг.), Джувайнивайха Сугди (810 - 870 гг.), учеников Абулаббоса Бахтиёра Мударник Нойи (864 - 937 гг.), Исои Барбати (870 - 932 гг.), Рудаки (858 - 941 гг.), Мунджика Чанги (ум. 967 г.), Ротибаи Барбати (872-918 гг.), Фуоди Тарона, Пирсолехи Патважа и др., выявление музыкально-поэтических особенностей наиболее профессионально распространенных вокальных и инструментальных циклических жанров (chakoma, ratvoja, trananak, srut, surud, gavoja, zandvafan, “Srot-i Xusravanik», «Uramani», «Loskavi», «Avamturik»), исполнительских стилей и направлений, свойственных художественно-эстетическим воззрениям не только эпохи Борбада Марвази, но и в IX - X вв., заново возрождаются новым творческие изыскания хуниакарам (vuzurg xuniyakaran, xuniyakaran-i ustad) [10, 272-273].

На основе сведений источников, обнаруженных в последние годы автором этих строк, возникла возможность более объективно нарисовать процесс развития музыкально-исполнительской культуры, роль и место «Рамишсаро» в системе художественной культуры эпохи Саманидов (819 - 1005 гг.).

Наконец, впервые дана историко - искусствоведческая характеристика музыкальной культуры эпохи Саманидов (Musigi dar tamadduni Somoniyon, Du-

shanbe» Irfon», 2000; Sunnat va navovari dar musigi-i zamoni Rudaki, Dushanbe, «Kontrast», 2008 и др.) раскрыты закономерности основных пластов профессионального музыкального творчества на территории этого государства. Своеобразный мир музыкально - исполнительской культуры эпохи Абулаббоса Бахтиёра — это процесс развития профессионального музыкально - поэтического творчества, системы образного мышления, в музыкальной традиции IX-X вв., одного из блестящих и оригинальных периодов художественной культуры таджиков (иранских народов) и народов Центральной Азии [11,78-79].

В развитии и совершенствовании музыкально - исполнительской культуры в IX - X вв. кроме главы музыкальной школы - «Рамишсаро» (Абулаббос Бахтиёр), принимали активное участие ученые и поэты. Музыка являлась важной частью политики саманидских эмиров. Классические традиции эпохи Борбада Марвази представляли своего рода политико-культурную декларацию, модель возвышения и развития таджиков (иранских народов) в новое время.

Поэтому многие деятели музыки и поэзии, как Абухафси Сугди, Марван Сарахси, Абулаббоси Сарахси, Абулаббоси Бахтиёр, Рудаки, Мударники Найи, Исои Барбати, Ротибаи Барбати, Мунджики Чанги, Насри Хонанде, Бутураби Хонанде, Андалеби Хонанде, Хобони Чобак Найи, Алибеки Танбури, Бубакри Рубаби, Лукарии Чанги, Фуоди Тарона, Пирсолехи Патважа и др., плодотворно занимались развитием профессиональных жанров, форм, исполнительских стилей, музыкально - образовательных процессов.

Это можно потвердеть на примере многообразия музыкально - поэтических жанров, форм, исполнительских стилей, разработки художественно - эстетических принципов, создания научно - теоретических трудов. (Ахмади Марвани Сарахси, Абулаббаси Сарахси, Абулаббаси Бахтиёр и др.).

Именно саманидские эмиры инициировали развитие новых творческо-исполнительских школ и направлений. Главным для деятелей музыки и поэзии IX – X вв., было показать многообразие и высокоразвитую интеллектуально - творческую силу эпохи Саманидов, в широком спектре культуры таджиков-иранских народов.

Для достижения этих целей эмиры и деятели культуры эпохи Абулаббоса Бахтиёра не останавливались ни перед чем и даже усовершенствовали классические художественно - эстетические приемы, направления, музыкально - поэтические жанры и формы, стили, расширили роль корпорации профессиональных музыкантов («Romishsaro»), практиковали приглашение одаренных поэтов, музыкантов.

Блеск музыки и поэзии эпохи Саманидов знаменует собой периоды Ахмада ибн Исмаила (907-914гг.), Насра второго (914-943гг.). Действительно, при правлении этих эмиров в художественной культуре царил творческо-созидательный дух и заново возродились классические традиции Борбада в лице Абухафса Сугди, Абулаббоса Бахтиёра, Рудаки, Исои Барбати, Мударника Найи, Абунастри Хонанде, Мунджики Чанги, Ратибаи Барбати, Хобона Чобак-и

Найи, Бутуроба, Андалиби Хонанде, Алибека Танбури, Бубакра Рубоби, Фуоди Тарона, Пирсолехи Патважа и др. [12,184-185].

Многообразие музыкально - поэтических жанров в музыкальной исполнительской традиции является наиболее важной особенностью культуры 1X-Хвв. Музыканты не только развивали классические традиции Борбада Марвази но и создавали сложные музыкально –поэтические произведения, имели перед собой модель и исполнительский стиль (sraish) одновременно профессиональные образы прокламативного исполнительского искусства (rovishrai, dastansrai, patvajasrai, chomasaarai) прошлого и настоящего (peshinakan huniakaran-i ustad. charpsrayan), которым следовало подражать, чтобы отразить высокопрофессиональное живое исполнение во всем блеске.

Музыкально - поэтическое творчество в рамке «Рамишсаро» оказало огромное влияние на централизацию, творческий импульс культуры, художественно-эстетические воззрения 1X - Хвв. При Сасанидах и Саманидах придворные культурные учреждения «Рамишсаро» являлись наиболее важными культурными центрами, а Академия искусств (Ramishsaroi huniagarai) – поэтико-музыкальным центром развития профессионального музыкально-исполнительского творчества. Поэтому появление многих придворных музыкально-творческих труппы было важным музыкально-творческим и профессионально - исполнительским делом.

Контроль за ходом творческо - исполнительской работы при Сасанидах (222-651 гг.) и Саманидах (819-1005 гг.) главы государства осуществляли через «Рамишсаро» - руководителей художественных групп (хутрамбаш), и придворное музыкальное творчество находилось в взаимосвязи с абсолютной государственной властью, народным музыкальным творчеством, которое определяло городское, профессиональное и придворное музыкальное творчество и именно оно была, в основном выразителем и исполнителем профессиональных принципов поэтико-музыкального искусства 1X-Хвв. [13, 260-262].

Профессиональные музыкальные коллективы входящие в «Рамишсаро» - носители лучших традиций профессионального поэтико - музыкального творчества - являлись наиболее богатыми по многообразию тематики, жанров, форм и стилевых особенностей.

Искусство патвожа (касыда), суруд, чома, тарона, чакома и др., значительно влияло на многообразие музыкально-поэтического и исполнительского творчества, профессиональные музыканты из «Рамишсаро» выступали как инициаторы новых музыкально-исполнительских, творческих стилей, направлений, идей, жанров и форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу Абдулло Рӯдакӣ. Девон / Абу Абдулло Рӯдакӣ. – Олмотӣ, 2007. – 256 с.
2. Аскаралӣ Рачабов. Нигоҳи нави таърихию сарчашмашиносӣ ба эҷоду иҷро ва таҳқиқи мусиқии садаҳои IX–X / А. Рачабов. – Душанбе: Дониш, 2024. – 338 с.
3. Борбад, эпоха и традиции культуры / Под ред. А. Раджабова. – Душанбе: Дониш, 1989. – 336 с.

4. Абу Али ибн Сино и его вклад в историю мировой культуры: сб. статей / Ответственный редактор А. Раджабов. – Душанбе, 2005. – 400 с.
5. Духовная культура таджиков в истории мировой цивилизации / Редакторы-составители: А. Раджабов, Г. Майтдинова. – Душанбе: Главная научная редакция Таджикской Национальной Энциклопедии, 2002. – 520 с.
6. Саманиды: эпоха и истоки культуры / Редакторы-составители: А. Раджабов, Р. Мукимов, М. Каримов. – Душанбе: Контраст, 2007. – 451 с.
7. The Samanids and the revival of the civilization of Iranian Peoples / Edited by A. Rajabov. – Dushanbe: Irfon, 1998. – 323 p.
8. Сомониён ва эҳёи тамаддуни форсии тоҷикӣ / Зери назари доктор А. Раҷабзода. – Душанбе: Пайванд, 1998. – 598 с.
9. Рӯдакӣ: анъана ва замони муосир / Редакторы ва таҳиягарон: А. Раҷабов, Р. Мукимов. – Душанбе: Контраст, 2007. – 682 с.
10. А. Раҷабзода. Мусиқӣ дар тамаддуни Сомониён / А. Раҷабзода. – Душанбе: Ирфон, 2000. – 198 с.
11. Историко-культурные традиции эпохи Хакима Тирмизи и ее значение в мировой цивилизации / Ответственный редактор А. Раджабов. – Душанбе: Дониш, 2016. – 388 с.
12. Firdowsi's Shahname: 1000 Years After / Written, translated and edited by Iraj Bashiri. – Dushanbe: Donish, 1994. – 314 p.

АБУЛАББОСИ БАХТИЁР ВА БУНЁДИ МАКТАБИ НАЗАРИЯВИИ МУСИҚӢ

Замони ҳукумати Сомониён (819 – 1005) пойтахти он шаҳри Бухоро ба маркази илму маориф ва фарҳанги Мовароуннахру Хуросон, Шарқи Миёнаю Наздик табдил ёфт.

Мусиқӣ аз бахшҳои муҳими сиёсати амрони Сомонӣ буда, як навъ эъломияи сиёсӣ – фарҳангӣ, намунаи болоравӣ ва рушди фарҳанги тоҷикон (мардумони эронӣ) дар марҳалаи нави таърихӣ буд. Аз ин рӯ, бисёре аз намоёндагони шеър мусиқии ин садаи заррин Абуҳафси Сугдӣ (781-832), Чувайнияи Сугдӣ (810-870), Абулаббоси Бахтиёр (834-920), Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ (858-941), Ратибаи Барбатӣ (872 -918), Мударники Нойӣ (864-937), Исои Барбатӣ (870-932), Хубони Чобакии Нойӣ (ваф. 940), Абунасири Хонанда (889-961.), Абуамири Хонанда (848-923), Мунчикии Чангӣ (ваф. 967), Абубакри Рубобӣ (982-1020), Фуоди Тарона (ваф. 940), Пирсолеҳи Патважа (973) ва дигарон дар ташаккули рушди жанрҳои шеърӣ – мусиқӣ, идома додан ва густариши суннатҳои дерини эҷоду иҷрои он саҳми арзандаи ҳудро гузоштаанд.

Абулаббоси Бахтиёр (834-920) – симои барҷастаи илм, шеър мусиқӣ, устоду тарбиятгари Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ (858-941), асосгузори мактаби классикии «Ромишсаро» буда, дар пешрафти фарҳанги замони Сомониён (819-1005) нақши бориз дорад.

Дар мақола саҳм ва ҷойгоҳи ин чеҳраи намоёни фарҳанг дар бунёди мактаби классикии шеър – мусиқии («Ромишсаро») дар замони Сомониён мавриди таҳқиқ қарор дода шудааст.

Калидвожаҳо: *Абулаббоси Бахтиёр, жанр, шаклҳои шеърӣ – мусиқӣ, анъана, мактаби классикии «Ромишсаро», эҷод, иҷро, таҳқиқи мусиқӣ, идомаи суннати замони Борбад.*

АБУЛАББОС БАХТИЁР И ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНО – ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

В период правления Саманидов (819-1005гг.) ее столица г. Бухара стала центром науки, образования и культуры Мавераннахра, Хорасана, Ближнего и Среднего Востока. Музыка являлась важной частью политики саманидских эмиров и представляли своего рода политико-культурную декларацию, модель возвышения в новое время. Многие представители поэзии и музыки этого золотого периода Абухафси Согди (781-832гг.), Джувайния Согди (810-870гг.), Абулаббоси Бахтиёр (834-920гг.), Абуабдуллоҳи Рудаки (858-941гг.), Ратиба Барбатӣ (872-918гг.), Мударники Найи (864-937гг.), Исои Барбатӣ (870-932гг.), Хубон Чобаки Найи (умер в 940гг.), Абунасири Хананде (889-961гг.), Абу Амири Хананде (848-923гг.), Мунджики Чанги (умер в 967гг.), Абубакри Рубаби (982 – 1020гг.), Фуади Тарона (ум. 940гг.), Пирсолеҳи Патважа

(ум. 973г.) и другие, внесшие значительный вклад в становление и развитие поэтического – музыкальных жанров, продолжение давних традиций. Их создания и исполнения.

Абулаббаси Бахтиёр (834-920гг.) – видный деятель науки, поэзии и музыки, учитель Рудакки (858-941гг.), основателя классической школы «Ромишсаро», сыгравший большую роль в развитии культуры эпохи Саманидов (819-1005 гг.).

В статье рассматриваются вклад и место этого выдающегося деятеля культуры в создании классической школы поэзии и музыки («Ромишсаро») в эпоху Саманидов.

Ключевые слова: *Абулаббаси Бахтиёр, жанр, поэтико-музыкальные формы, традиция, классическая школа, «Ромишсаро», творчество, исполнение, музыкальные исследования, продолжение традиции Борбада.*

ABULABBOS BAKHTIYOR AND THE FORMATION OF THE MUSICAL - THEORETICAL SCHOOL

During the reign of the Samanids (819-1005) and its capital Bukhara became the center of science, education and culture of Maverannahr, Khorasan, the Near and Middle East. Khuroson, Near, Middle East. Music was an important part of the policy of the Samanid emirs and represented a kind of political and cultural declaration, a model for the rise and development of the Tajiks (Iranian peoples) in modern.

Many representatives of poetry and music of this golden period Abuhafs Sogdi (781-832), Juvainiya Sogdi (810-870), Abulabbos Bakhtiyor (834-920), Rudaki (858-941), Ratiba Barbati (872-918), Mudarnik Nai-i (864-937), Iso Barbati (870-932), Hobon Chobak Nai-i (died in 940), Abunasr Khanande (889-961), Abu Amir Khanande (848-923), Munjik Changi (died in 967), Abu Bakr Rubabi (982-1020), Fuad Tarona (d. 940), Pirsoleh Patvazha (d. 973) and others, who made a significant contribution to the formation of and the development of poetic and musical genres, the continuation of long-standing traditions. their creation and performance.

Abulabbas Bakhtiyor (834-920) is a prominent figure in science, poetry and music, the teacher of Rudaki (858-941), the founder of the classical school "Romishsaro", who played a major role in the development of the culture of the Samanid era (819-1005).

The article examines the contribution and place of this outstanding cultural figure in the creation of the classical school of poetry and music ("Romishsaro") in the Samanid era.

Key words: *Abulabbas Bakhtiyor, genre, poetic and musical forms, tradition, classical school, "Romishsaro», creativity, performance, musical research, continuation of the Borbad tradition.*

Сведения об авторе: **Аскарали Раджабов** - доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории искусств Института истории, археологии и этнографии им Ахмада Дониша НАНТ. E-mail: askarali.44@mail.ru

Information about the author: **Askarali Rajabov** - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Art History, Institute of History, Archeology and Ethnography named after Akhmad Donish, National Academy of Sciences of Tajikistan. E-mail: askarali.44@mail.ru

**ИСТЕҲСОЛОТИ НАССОҶӢ ДАР МОВАРОУННАҲР ВА ХУРОСОНИ
АСРҲОИ IX - X (АЗ РӮӢИ МАВОДИ МАӢХАЗҲОИ ХАТӢӢ)¹**

ИБРОҲИМОВ М. Ф.,

**Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониши АМИТ**

Замони ба хилофат ҳамроҳкунии Мовароуннаҳр ва Хуросон ва тобеияти ин сарзамин ба арабҳо, дар муқоиса бо асрҳои миёнаи бармаҳал (IV - VII), давраи таназзули истеҳсоли нассоҷӣ ва дигар соҳаҳои фаъолияти истеҳсолӣ буд. Барои боздоштани таназзули минбаъдаи ҳунармандӣ шароит фароҳам овардан зарур буд, ки мардум ба фаъолияти истеҳсолӣ ва тичоратӣ дар муҳити оромӣ осуда машғул бошанд. Чунин шароит ҳамроҳ бо ташаккули давлати пуриқтидору мутамаркази Сомониён ба вучуд омад, ки ҳокимияти он ба сарзамини васеи Мовароуннаҳр ва Хуросон паҳн шуда буд. Бухоро пойтахти давлат эълон карда шуд. Давраи гул-гулшукуфӣ ин давлати асримиёнагии тоҷикон ба нимаи аввали асри X рост омад, ба замоне, ки ин давлат Мовароуннаҳр, Хуросон, Эрони Шимолӣ ва Шарқиро муттаҳид мекард. Нисбат ба давлати Сомониён Хоразм, Систон, Гургон, Рашт (дар Эрон), Ғазна, Чағониён, Исфичоб, Ғарҷистон (болооби рӯди Мурғоб), Табаристон (Мозандарон) мавқеи тобеиро ишғол мекарданд.

Сомониён ба шарофати ислоҳоти шадид ва таъсиси ҳукумати пурқуввати марказӣ тавонистанд барои болоравии кишоварзӣ, ҳунармандӣ, савдои корвонӣ ва ҳаёти маданӣ шароити мусоид фароҳам оваранд. Чунонки аз маъхазҳои хаттӣ бармеояд, тағйироти ба амал омада хеле назаррас буд. Ҳунарҳои мардумӣ, бахусус соҳаи бофандагӣ, хеле тараққӣ карданд.

Шаҳрҳои калони империяи Сомониён ба истеҳсоли навҳои муайяни маҳсулот таҳассус доштанд, ки ин аз мавҷуд будани анъанаҳои каму беш устувор дар фаъолияти ҳунари гувоҳӣ медиҳад. Аз тарафи дигар, дар бисёр мавридҳо дар ҳуди ҳамон як ҷой маҳсулоти бофандагии навҳои мухталиф истеҳсол карда мешуд.

Мовароуннаҳр дар замони Сомониён дар тамоми Шарқи Наздик ва Миёна дар соҳаи пахтакорӣ мавқеи хосаеро ишғол мекард. Дар наздикии шаҳрҳои Бухоро, Самарқанд, Шош ва дигар ҷойҳо ба миқдори зиёд пахта кишт карда

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи санъати халқи тоҷик», рақами қайди давлатӣ 01011 ТҶ 0454 навишта шудааст

мешуд. Қариб тамоми ҳаҷми нахи дар Мовароуннаҳр истехсолшуда дар ҳамин ҷо қорқард карда мешуд.

Ба гуфтаи ал-Ҷайхонӣ, дар ин минтақа он қадар матои пахтагӣ мебофтанд, ки зиёдагии он ба дигар минтақаҳо содир карда мешуд [8, 269].

Аз сабаби хеле зиёд будани ҳаҷми маҳсулот бозори дохилӣ ва анборҳои давлатӣ аз матоъҳои пахтагин пур буданд. Аз ин рӯ таачҷубовар нест, ки пас аз сукути Сомониён вазири Султон Масъуд ба нишони саховатмандӣ аз хазина барои бечорагон даҳ ҳазор зира (тақрибан 5 ҳазор метр) матои карбос тақсим кард [6, 232], ки ин мол бо саъю кӯшиши сулолаи қаблӣ, яъне Сомониён чамъоварӣ шуда буд.

Дар Мовароуннаҳр калонтарин марказҳои пахтабофӣ дар вилоятҳои Бухоро, Дабусиё, Бинкат, Искаҷкет, Насаф, Кеш ва ғайра ҷойгир буданд. Дар ин ҷойҳо аз пахта матоъҳои гуногун бо номҳои мушаххас истехсол мешуданд. Маъмултарини онҳоро матоъҳои пахтагини истехсоли бофандаҳои Зандана (наздикии Бухоро), Ведар (наздикии Самарқанд), Дарзангӣ (дар водии Сурхондарё) ташкил мекарданд.

Ёкути Ҳамавӣ ва Ҷайхонӣ дар бораи фаровонии матои абрешим дар Мовароуннаҳр навиштаанд. Дар ин минтақа кирмакпарварӣ ҷунон рушд карда буд, ки ба қавли муаррихи араб Ибни Асир, муғулҳое, ки баъдан ин сарзаминро забт карданд, дар аснои ишғол намудани нуқтаҳои аҳолинишини Мовароуннаҳр тӯдаҳои абрешимро чамъ карда оташ мезаданд [8, 269; 272-273].

Талаботи дохилии Мовароуннаҳр ба матоъҳои пашмин низ, ба гуфтаи Ҷайхонӣ, бештар аз он қонё мешуд, аз ин рӯ, маҳсулоти пашминро ҳам аксаран ба хориҷа содир мекарданд.

Пойтахти давлати Сомониён Бухоро ҳамзамон маркази иқтисодии давлат буд, алалхусус, ин шаҳр маркази асосии истехсолоти бофандагиро ташкил мекард. Дар шаҳр ва гирду атрофи он пахтакорӣ тараққӣ карда буд. Матоъҳои дар ин ҷо истехсолшуда дар дигар ғӯшаю канорҳои ҷаҳон бо номи «бухорӣ» машҳур гардида буданд. Сифати онҳоро Ибни Ҳавқал чунин қайд кардааст: «Матоъҳои пахтагии бухорӣ мустаҳкам ва зич бофта мешаванд ва дар байни арабҳо серталабанд [10, 68].

Дар асрҳои IX—X соқинони якҷанд деҳоти Бухоро аз пахта ба миқдори зиёд матои занданачӣ истехсол мекарданд. Дар «Аҷоиб ад-дунё» аз ҷумлаи маҳсулоти нассоҷии Бухоро ба ҷуз ин матоъ ҷойнамозҳо, саллаҳо (фӯта), хаймаҳои мохирона гулдӯзишуда номбар шудаанд [4, 392].

Мураттиби «Худуд ул-олам» пойтахтро ободтарин шаҳри Мовароуннаҳр ба қалам додааст, ки дар он аз пашм қолину гилем ва ҷойнамозҳои хушсифат омода мекарданд ва ҳамаи инҳо ба ҷойҳои дигар содир мешуданд [16, 70].

Мувофиқи маълумоти Мақдисӣ, аз ин ҷой матоъҳои мулоим, гилемҳои табарӣ («монанди моли Табаристон»), ҷойнамозҳо, гилемҳо барои фарши меҳмонхонаҳо, матоъҳои ушмунӣ (ба номи шаҳри Ушмунайни Миср), пашми ғусфанд, аз Кармина - рӯймолҳо, аз Дабусия матоъҳои пахтагини ведарӣ содир мешуданд [7, 294]. «Дар Бухоро ва атрофи он гилем, матоъҳои пашмин барои

чихози хоб, инчунин зилу (қолин) ва ҷойнамозҳо истехсол карда мешаванд, ки ба Ироқ ва дигар ҷойҳо содир карда мешуданд», - гувоҳӣ медиҳад Ибни Ҳавқал [11, 159].

Дар замони сулолаи Сомониён дар Бухоро ғаёлияти коргоҳи бофандагии «Байт-ут-тироз», ки ханӯз дар замони ҳукмронии хилофат таъсис ёфта буд, идома дошт. Маҳсулоти ин коргоҳ (асбоби рӯзгор, қолини шодурвон, матои йездӣ, матоҳо барои ҷихози хоб, ҷойнамозҳо ва матои бурд аз нахи чормағзи ҷангалӣ) ба миқдори зиёд ба Сурия, Миср ва Византия содир мешуд. Сифати маҳсулоти бофандагии Байт-тироз чунон баланд буд, ки тамоми ҷидду ҷаҳди дар дигар ноҳияҳо ба роҳ мондани истехсоли ҳамин гуна мавод бебарор анҷом ёфт.

Наршаҳӣ дар ин хусус бо қамоли ғасеҳ навиштааст: «...Аммо замоне расид, ки корхона баста шуд, истехсолот қатъ гардид ва одамоне, ки он матоҳо кор мебофтанд, ба самтҳои гуногун рафтанд... Аҷоибаш ин аст, ки бофандагон аз Бухоро ба Хуросон рафта, бо худ ҳамаи таҷҳизоти барои бофтани ин мавод зарурбударо бурданд ва дар он ҷо корхонаҳои бофандагӣ ташкил намуда, ҳамин хел матоҳо истехсол мекарданд, вале ин матоҳо аз маҳсулоти дар Бухоро бофташуда аз ҷиҳати намуд ва сифат хеле паस्तтар буданд...» [13, 29-30].

Дар Самарқанди Суғд ба миқдори зиёд матоҳои пахтагин, аз ҷумла карбос ва ғӯтаи хеле маъмул, истехсол карда мешуданд. Дар «Аҷоиб ад-дунё» истехсоли матои зебою нафиси бофандагии Самарқанд сабт шудааст [4, б. 503]. Сифати баланди матоҳои пахтагии Самарқандро дар он давра бозёфтҳои археологӣ тасдиқ мекунанд. Ҷӣ тавре Е. Ф. Федорович муайян кард, матоҳои дурушти асри X аз Афросиёб аз ҷиҳати сохт ба сони саноатии муосир наздик буданд (ғафсии миёнаи ришта 36 микрон, зичӣ 23 ришта дар 1 сантиметр) [15, 237].

Дар Мовароуннаҳр ва берун аз он (дар Хуросон, Бобулистон ва дигар ҷойҳо) матои пахтагии ведарӣ хеле маъмул буд. Истехсоли онро дар Самарқанд (деҳаи Ведар) ва Дабусия ба роҳ монда буданд. Сарчашмаҳо мавҷудияти навҳои зиёди ҷунин матоҳо қайд мекунанд, ки ба шарофати ин матои мазкур ба намояндагии қишрҳои гуногуни ҳаёт дастрас буд. Арзиши навҳои гаронбаҳо нисбат ба навҳои арзон даҳ баробар баландтар буд [8, 273].

Самарқанд аллақай ҳамон вақт ҳамчун маркази калони истехсоли матоҳои абрешимию парчаҳо шуҳрат дошт. Ал-Муқаддасӣ дар рӯйхати молҳои насочии Самарқанд инҳоро номбар кардааст: матоҳои нуқрагӣ (симгун), хаймагӣ, парча, ки ба ҷойҳои истиқомати туркҳо содир карда мешуд, матоҳои сурхи мумарчал, матои синизӣ, абрешим матоҳои абрешимию хеле зиёд. Синизиро аз нахи зағири аз Миср овардашуда омода мекарданд [7, 294-295]. Абрешимбофони Самарқанд, мисли Бухоро, ба анъанаҳои ҷандинасраи бой ва пуршарафи абрешимию суғдӣ таъя мекарданд.

Дар Арбинҷон, ки байни Бухоро ва Самарқанд мавқеи миёнаро ишғол мекард, насочон ба коркарди пашм таҳассус дошта, бо бофтани намадмолӣ машғул буданд. Онҳо ба миқдори зиёд матоҳои пашмӣ истехсол мекарданд.

Табарӣ навиштааст, ки дар ибтидои асри VIII Арбинҷон бо истехсоли чомаҳои сурхи пашмӣ машҳур буд. Ба гуфтаи муаррих, навъи маҳсули намадро «арбинҷонӣ» меномиданд. Ибни Ҳавқал тасдиқ мекунад, ки ин шаҳри қадимӣ дар он айём бо намадҳои тайёркардааш шуҳратманд буд [8, 273].

Бофандагӣ дар дигар манотиқи Суғди Самарқанд (Маймуғ, Панҷакент, Иштихон ва ғайра) низ шуғли маъмулӣ буд. Маҳсулоти гуногуни нассоҷиро дар шаҳру деҳоти вилояти Кеш истехсол мекарданд. «Худуд-ул-Олам» дар бораи аз Кеш ба ҳар тараф содирот намудани матоъҳои астарии хушсифат маълумот додааст. Як шуғли маъмули ин вилоятро сафед кардани матоъҳо (шустагарӣ) ташкил мекард. Ибни Ҳавқал навиштааст, ки рӯди аз наздикии шаҳр ҷоришаванда "Дарёи шустагарҳои матоъ" ном дошт. Сухан дар бораи Оқсу меравад, ки дар соҳили ростӣ он ин шаҳри асримиёнагӣ воқеъ буд [14, 53-54].

Минтақаи дорои шаҳру деҳоти бой, ҷуноне ки Ибни Ҳавқал Фарғонаро тавсиф кардааст, бо мавҷудияти дарахти бакан машҳур буд, ки дар асоси он рангҳои сурх ва бунафшранг ба даст меоварданд [16, 71, 73]. Мақдиси дар бораи аз ҷониби аҳолии Фарғона истехсол намудани матоъҳои сафед навиштааст [8, 273]. Дар «Аҷоиб ад-дунё» дар қатори молҳои аз Фарғона содиршаванда кулоҳҳо ва матои хуби пахтагӣ зикр карда шудааст [4, б. 450-451, 454, 568, 592, 650, 668].

Дар водии Сурхондарё сокинони вилояти Чағониён матоъҳои пашмин ва гилем истехсол мекарданд ва аз ин ҷо заъфарони зиёд барои омода кардани рангҳои нассоҷӣ содирот мешуд. Сокинони Дарзангӣ (дар қисми ҷанубии водии Сурхондарё) пойтоба, намудҳои гуногуни гилемҳои калоннақш ва қолинҳои пашмин истехсол мекарданд [16,72]. Дар навбати худ, Мақдиси шаҳодат медиҳад, ки аксари сокинони ин минтақа ба истехсоли моҳут ва либоси болопӯш машғул буданд [1, 283].

Воқеан, дар ин шаҳри харобшудаи асримиёнагӣ бофандагӣ аз замони Кушониён анъанавӣ буд, ки инро бозёфтҳои археологӣ тасдиқ мекунанд. Ҳамин гуна мавод дар наздикии Бароттеппа - деҳоти бофандагони замони кушонӣ низ ёфт шуд.

Вилояти Шумон (дар водии Ҳисор) ҳамчун маркази бузурги истехсоли заъфарон маъруф буд [16,72]. Сифати маъсари (сафлор) рангдиҳандаи маҳаллӣ нисбат ба исфаҳонӣ ва кумӣ беҳтар буд. Заъфарон дар асрҳои минбаъда низ яке аз маҳсулоти асосии содироти Ҳисор ба шумор мерафт. Аз Вашгирд низ заъфарони зиёде содир мешуд [16,72].

Вобаста ба шароити табию иқлимӣ дар вилоятҳои кӯҳсори бадахшонӣ Каррон, Шуғнон, Вахон, Ишкошим дар ҳама деҳаҳо коркарди нассоҷии пашм ба роҳ монда шуда, матоъ ва гилем, намад ва дигар ашёи зарурӣ истехсол карда мешуд. Сокинони Ишкошим бо омода кардани рӯйкашҳои намадии болои зин машҳур буданд [16, 72].

Бостоншинос М. Бубнова маҷмуаи сершумори матоъпораҳои асрҳои X - XI - ро дар шаҳри бостонии кӯҳканони Бозордара (Помири Шарқӣ), ки дар

баландии қариб 4 ҳазор метр аз сатҳи баҳр воқеъ аст, пайдо намуд. Ин бозёфтҳо бинобар баландӣ ва иқлими мувофиқи маҳал нигоҳдорӣ шудаанд.

Дар ҳудуди вилояти калону тавоноии Хутталон (Хатлони имрӯза) сокинони маркази ин - Ҳулбук ва дигар шаҳру деҳот (Мунк, Тамлиет, Фарғар, Андичароғ, Искандара, Мерканд, Барсарик, Нучор, Конбач) ба парвариши пахта ва омода кардани матоъҳои пахтагин ва қолинҳои пашмин машғул буданд. Дар бораи мавҷудияти ин гуна ғаболият дар Хутталон ҳанӯз зоири хитой Хой Чао, ки дар чоряки аввали асри VIII ба ин минтақа сафар карда буд, навиштааст. Ғайр аз ин, мувофиқи маводи «Аҷоиб ад-дунё», дар ин ҷойҳо намади хушсифат низ тайёр мекарданд.

Вилояти Исфичоб (дар ҳудуди Қазоқистони ҷанубӣ), ки тақрибан як аср зери ҳукмронии Сомониён буд, ҳамчун маркази бузурги истеҳсоли намадҳо маъруф буд, ки дар ин бобат Ибни Ҳавқал ва мураттиби «Ҳудуд ул- Олам» зикр кардаанд [16,76]. Оид ба истеҳсоли матоъҳои сафед дар Исфичоб Мақдисӣ маълумот додааст. Аз Тароз пашми буз содирот мешуд. Маҳсулоти мухталифи нассоҷиро аз пахта ва пашм сокинони вилояти Илок дар водии Оҳангарон ва вилояти Шош дар водии Чирчиқ истеҳсол мекарданд. Мувофиқи маълумоти Мақдисӣ, аҳолии Шош дар баробари дигар намудҳои ғаболияти истеҳсоли газворҳои хаймагӣ ва либоси болопӯш, ҷойнамоз ва матоъҳои пахтагин истеҳсол мекард, ки маҳсулоти мазкур барои туркҳо содир карда мешуд. Бинокат (пойтахти Илок) ба сифати маркази калони истеҳсоли матоъҳои пахтагии туркистонӣ шухрат дошт [8, 273].

Дар Қиззах, ки дар роҳ аз водии Фарғона ба Самарқанд ҳамчун нуқтаи мобайнӣ воқеъ гардидааст, ба микдори зиёд маҳсулоти пашмин истеҳсол карда мешуд. Дар аҳди Сомониён аз ин ҷой навъҳои хуби пашм, инчунин матоъ ва либосҳои аз ин гуна мавод дӯхташударо содирот мекарданд [7, 295].

Чунонки Ибни Ҳавқал менависад, Уструшана дар он замон бо намадҳои содиротиаш машҳур буд [8, 273]. Пойтахти вилоят - шаҳри Бунчикат (дар мавзеи Курушкадаи бостонӣ), ки дар буриши роҳҳои қорвонии таърихӣ маркази бузурги тиҷоратӣ ҷойгир буд, ҳамчун шаҳри бозорҳои шарқӣ, бофандагон ва ҳунармандон эътироф карда мешуд.

Яке аз муҳимтарин марказҳои нассоҷии давлати Сомониёнро Ҳучанд ташкил мекард. Он шаҳре буд, ки дар водии зебоманзари рӯди Сирдарё ҷойгир шуда, марказашро шаҳри бостонии Искандарияи Эсхата ташкил мекард. Дар ин ҷой роҳҳои тиҷоратии Шарқ ва Ғарб дар Роҳи Абрешим бурида мешуданд, ки ин барои раванқи тиҷорату ҳунармандӣ дар минтақа мусоидат мекард. Дар Ҳучанди замони Сомониён босуръат рушд намудани ҳунармандиро номҳои атрофи шаҳр тасдиқ мекунанд.

Дар қисми шимолу шарқии шаҳр маҳаллаи бофандагон бо номи Гузари Қоқибон вучуд дошт, ки замони ҳукмронии арабҳо пайдо шуда буд. Дар замони сулолаи Сомониён ҳокимони бухороӣ дар ҳамсоғии ин маҳалла боз чанд гузари ҳунармандӣ ба вучуд омада, ба туфайли ин марзу буми шаҳр васеъ гардиданд.

Ҳамин тавр, маҳаллаҳои Гузари Хосабобфон (бо докабобфӣ машғул буданд), Гузари Тӯппидӯзон, Гузари Пиллакашон ва Гузари Чокарчагон (маҳаллаи шогирдони хурдсол) пайдо шуданд. Ҷойгиршавии маҳаллаҳои нассочон аз он гувоҳӣ медиҳад, ки дар ҳамон вақтҳо мардуми ҳунарманд дар қисмати шарқии шаҳр, дар пеши бозори назди мазори Хорак чамъ шуда буд. Аҳамият медиҳем, ки он замон дар қисми ҷанубии Хучанд боз як маҳаллаи дигари нассочон пайдо шуд, ки он Гузари Пахтакашон ном дошт.

Ҳамин тавр, сокинони Хучанд ва гирду атрофи он ба пахтакорӣ, истехсоли абрешим ва омода кардани матоъҳои пахтагин ва абрешимӣ машғул буданд. Аз пахта дар асрҳои IX - X хучандиҳо матоъҳои карбос, қокӣ, хоса, фӯта истехсол мекарданд. Хучанд ҳанӯз он замон ҳамчун маркази асосии кирмакпарварӣ ва шоҳибобии Осиеӣ Миёна шуҳрат пайдо кард ва шаҳр ин шуҳратро то асри XX нигоҳ дошта тавонист. Бесабаб Ёкути Ҳамавӣ қайд накардааст, ки абрешими Хучанд дар Мовароуннаҳр беҳтарин буд.

Дар Исфара, шояд, шуғли сафед кардани матоъҳо маъмул буд. Дар ин ҷо сафедкунӣ бо истифода аз хокистаре анҷом дода мешуд, ки дар натиҷаи сӯзиши сангҳои сиёҳи ангиштмонанд ба вучуд меомад. Чунин сангҳо аз кӯҳи маҳаллӣ истихроҷ мешуданд.

Дар давлати Сомониён дигар манбаи муҳимми пур кардани бозори нассочиро Хуросон ташкил мекард. Дар ин ҷо низ аз пахта, абрешим ва нахи зағир навъҳои мухталифи маҳсулоти нассочӣ ба миқдори зиёд истехсол карда мешуд. Оид ба ин вилоят дар «Худуд ул-олам» чунин омадааст: «Он матоъҳои сершумор истехсол мекунад» [16,59]. Зиёда аз ин, Макдисӣ, Истаҳрӣ ва Ҷайҳонӣ яқдилона ин матоъҳоро беҳтарин ҳисоб кардаанд.

Дар атрофи Марв ба миқдори зиёд пахта рӯёнда мешуд. Истаҳрӣ хабар медиҳад, ки пахтаи «марвӣ», ки онро ба кишварҳои гуногун содир мекарданд, ҳамчун пахтаи нармтарин шуҳрат дошт [5,263]. Оид ба пахтаи нарми марвӣ дар «Худуд ул-олам» низ қайд мавҷуд аст [16, 62].

Ёкути Ҳамавӣ ҳангоми тавсифи Хуросони Шимолӣ фаровонии дарахтони тутро қайд кардааст, ки асосан барои ғизо додани кирмак истифода мешуданд. Ба гуфтаи ӯ, дар деҳаи Шавашкан, воқеъ дар 4 фарсах аз Марв, абрешими аълосифат истехсол мешуд [12, 245, 481].

Абрешими Дандонакан, ки ду гузариш аз Марв воқеъ буд, ниҳоят машҳур буд [4,472]. Ба гуфтаи Истаҳрӣ, пилла ва миқдори зиёди абрешими хоми Марв ба дигар минтақаҳо ва кишварҳо содир карда мешуд. Аз ҷумла, баъзан ба Табаристон аз ин ҷо тухми кирмак барои фурӯш бароварда мешуд. Муаррих бо ишора ба гузоришҳои ҳамзамонаш қайд кардааст, ки ба Гургону Табаристон усули коркарди абрешимро дар замонҳои қадим аз Марв оварда буданд [5, 263].

Воҳаи Марв, мутаносибан, яке аз калонтарин марказҳои истехсоли матоъҳои пахтагӣ, абрешимӣ ва зағирии Хуросони Шимолӣ буд. Муаллифи «Худуд ул-олам» таваҷҷуҳи хонандаро аз ин ҷо содирот шудани матоъҳои абрешими хом ва матоъҳои мулҳамӣ ҷалб мекунад [16,63]. Макдисӣ дар бораи истехсоли либоси болопӯш, рӯйпӯшҳои абрешимӣ ва пахтагин дар Марв

навиштааст. Ба гуфтаи ӯ, парчаҳо, гулдӯзиҳо ва матоъҳои шоҳичонӣ, ки дар ин ҷо тайёр мекарданд, беҳамто буданд [1,326].

Истахрӣ навиштааст, ки дар Марв (ва Нишопур) беҳтарин либосҳои пахтагӣ ва абрешимиро тайёр мекарданд. Ба гуфтаи ӯ, матоъҳои зағирии Марв низ беҳтарин буданд [5,282].

Чайхонӣ инчунин эътироф кардааст, ки матоъҳои абрешимини Марв дар Хуросон беҳтарин дониста мешуданд. Обрӯи ҳунармандони абрешимбофи Марв ғайримуқаррарӣ баланд буд. Берун аз минтақа ҳамчун «марвӣ» матоъҳои ғафсу мулоими на танҳо истеҳсоли худи Марв, балки аз Нисою Обивард ҳам машҳур буданд. Ҷар матои тунуки Хуросон бо номи шоҳичонӣ эътироф мешуд, ки ин вожа маъноӣ «марвӣ»-ро низ дошт.

Дар деҳаи Шавашкани воҳаи Марв тунуктарин матоъҳои абрешимиро мебофтанд ва дар Сарахс сокинон ба гулдӯзии рӯйпӯшҳои тиллоӣ, камарбанд ва дигар ашёи насосҷӣ машғул буданд.

Аммо машҳуртарин матоъҳои Марв дар он замонҳо парча ва мулҳами нимабрешимӣ буданд, ки дар рӯи он бо истифода аз гулдӯзӣ (баъдтар тавассути бофтан низ) навиштаҷоти ороишӣ (тироз) мебароварданд. Корхонаи истеҳсоли матоъҳои ороишӣ, ки махсус дар Марв аз ҷониби халифаҳо ташкил шуда буд, дар замони мавҷудияти давлати Сомониён низ бомуваффақият фаъолият дошт [8, 271].

Корхонаҳои мулҳамбарории Сомониён дар Марв, Бухоро ва Хоразм мавҷуд буданд. Утбӣ дар асари солҳои 1020 - 1021 ба забони арабӣ навиштааш ҳикояи сафири Сомониён ба дарбори Аъдуд-ад-Давларо меорад, ки ӯ ба сифати тухфа 1000 либос (ё матои либос)-и тироз бо номи Нух ибни Мансур, Убайдуллоҳ ибни Аҳмад ва миқдори муайяне бо номи хоҷиб Абулаббоси Тош оварда буд.

Ба гуфтаи Мақдисӣ, дар воҳаи Нисо низ матоъҳо ва либосҳои пахтагӣ абрешимӣ, инчунин матоъҳои зарбофт истеҳсол мекарданд. Абрешимбофони маҳаллӣ аз ҷиҳати сифати матоъҳои истеҳсолкардаи худ аз устодони шинохтаи ин касб - ҳунармандони марвӣ камӣ надоштанд. Бофандагон ва намадмолони зиёде дар Кӯфон - музофоти Нисо зиндагӣ мекарданд. Шаҳри бостонии Обивард, ки дар доманаи се кӯҳ дар биёбони Қароқум воқеъ гардидааст, маркази калони дигари истеҳсоли матоъҳои пахтагин, абрешимӣ ва зарбофт буд. Матоъҳои абрешимие, ки ҳунармандони Обивард истеҳсол мекарданд, аз ҷиҳати сифат аз матоъҳои дар Марв ва Нисо бофташуда фарқ намекарданд [1, 324].

Истеҳсолоти насосҷӣ инчунин дар қаламрави минтақаҳои Эрони ҳозира, ки ба империяи Сомониён ҳамроҳ шуда буданд, ин замон тараққӣ намуд. Сокинони Нишопур сарватмандтарин аҳолии Хуросон буданд, кайд кардааст ал-Истахрӣ. Дар ин ҷо, ба гуфтаи ӯ, маҳсулоти насосҷӣ дар он давра фаровон истеҳсол мешуд [5,212, 282].

Ба гуфтаи муаллифи "Ҳудуд-ул-Олам", ин шаҳри «калонтарин ва бойтарини Хуросон... матоъҳои гуногун, абрешим ва пахта истеҳсол мекард». Дар байни

деҳоти нишопурӣ, ки матои карбос мебофтанд, муаллифи ин асар Бузгон, Хусманд, Сангон, Салумид, Зузанро ном бурдааст [16,59-60].

Дар Нишопур, навиштааст ал-Чайхонӣ, беҳтарин матоъҳои пахтагини Хуросон истеҳсол мешуданд. Ал-Истахрӣ бо ин ақида ҳарчанд розӣ аст, вале қайд кард, ки баҳодихии мушобеҳ ба маснуоти абрешимии Нишопур низ дахл дорад, ки аз нигоҳи сифат аз абрешими Марв кам нест. Вай ҳамчунин навиштааст, ки сокинони Нишопур «аз пахта ва абрешим навъҳои либос истеҳсол мекунанд, ки ба далели фаровонӣ ва сифати баланд ба кишварҳои боқимондаи ислом ва ба баъзе аз кишварҳои Шарқ содир мешаванд» [5, 255, 282].

Рӯйхати комилан мукаммали матоъҳои нишопурии дар замони Сомониён истеҳсолшударо ал-Мақдисӣ овардааст: «Либосҳои сафеди бофташуда, матоъҳои пойбоф, саллаҳои бофтаи шоҳичонӣ, либосҳои раhtoҷ ва тахтоҷ, рӯйпӯшҳо, маводи астарӣ, чомаҳои бо абрешим гулдӯзишуда ва якранг, утобӣ, саидӣ, заранфӣ ва муштӣ, либосҳои тайёр, либосҳои пашмин, риштаи тайёршуда ва ғайра». Сифати ин маҳсулот ўро мафтун карда буд: «Матоъҳои ин ҷо (яъне Нишопур) шуҳрат доранд ва онҳоро сокинони Мисру Ироқ ба бар мекунанд» [1, 1. 315, 323-324].

Ин шаҳри зебо муаллифи «Аҷоиб ад-дунё»-ро низ шод гардонид, ки ў Нишопурро бихишти рӯи замин номида, маҳсулоти зерини нассоҷони ин шаҳрро номбар кардааст: «утобӣ, либосҳои абрешимӣ, рӯйпӯшҳои тунуки пашмин» [4,661]. Фаровонии маҳсулоти нассоҷӣ дар Нишопур ба туфайли он ба даст омад, ки истеҳсоли онҳоро дар ҳама шаҳру деҳоти вилоят ба роҳ монда буданд. Аз чумла, матоъ ва либоси зиёде дар деҳоти Устува ва Бохарз истеҳсол карда мешуданд [1, 319].

Тибқи маълумоти «Худуд ул-Олам», дар замони Сомониён дар яке аз шаҳрҳои асосии Хуросон - Ҳирот низ матоъҳои пахтагини зиёд истеҳсол мешуданд [16,61]. Масъалаи имконияти дар ин ҷо тайёр кардани матои мураккаби абрешимии дебо шоёни тавачҷуҳ аст. Ҳирот шояд дар замони халифаҳо як маркази хеле калон барои тавлиди ин маводи машҳур буд. Инро як қайди А. Тартусӣ тасдиқ мекунад, ки дар Ҳирот он замон маҳаллаи маҳсусгаштаи бофандагони дебо – Кӯйи дебобофон мавҷуд буд. Ба гуфтаи ин муаррих, яке аз сокинони маҳаллаи мазкур, тоҷир Яҳёи Дебобоф соҳиби 700 дастгоҳи бофандагӣ буд, ки дар онҳо бофандагони кироя кор мекарданд. Дар давраи шӯриши Абумуслим (миёнаҳои асри VIII) ин соҳибкор бо ҳамроҳии аскарони хилофат маҳсулоти бофтаи корхонаи худро ба дигар манотиқ содир мекард [3, 170].

Умед бастан мумкин аст, ки ин паёми А.Тартусӣ воқеият дошт. Ба ҳар ҳол, дар бораи истеҳсоли дебо на танҳо дар Ҳирот, балки дар саросари Осиёи Марказӣ маълумоти дигаре вучуд надорад.

Тибқи қайдҳои муаллифони дигари асримиёнагӣ, чунин матоъро дар Рум, Форс ва Чин истеҳсол мекарданд. Ҳамчунин маълум нест, ки истеҳсоли ин

матои нафис дар водии Ҳарируд дар замони Сомониён боқӣ монда бу, агар қаблан воқеан вучуд дошта бошад.

Дар Балх, ба қавли Мақдисӣ, либосҳои рахдор ва рӯйпӯшҳои занона, ки ба «маҳсулоти Гургон» монанд буданд, истеҳсол мешуданд [1, 324].

Аз Ҷузҷон - як вилояти хеле ободи давлати Сомониён, ки дар он адолату беғаразӣ ва амният ҳукмрон буд - қолинҳои зилу, гилему намад, хӯрчин ва аилҳо ба хорича содир мешуданд, қайд шудааст дар «Худуд ул-олам». Дар асрҳои IX - X аз Толиқон, ки дорои сарвати зиёд буд, ба қавли мураттиби «Худуд ул-олам» намади зиёд содир мешуд [16, 63-64]. Шухрати гилемҳо ва рӯйпӯшҳои хеле зебои толиқонӣ дар «Аҷоиб ад-дунё» зикр шудааст [4, 568].

Ба гуфтаи Муқаддисӣ, сокинони Гарҷистон - мулке дар болооби рӯди Мурғоб, рӯзгори худро аз ҳисоби намадмоӣ, истеҳсоли қолинҳои хуб, халтаҳои зин ва монанди инҳо таъмин мекарданд [1,324].

Дар замони Сомониён Хоразмро ҳамчун маркази кишоварзии обёришуда, савдо ва ҳунарҳои пешрафта тавсиф мекарданд. Чунонки маъхаз гувоҳӣ медиҳад, дар ин вилоят истеҳсоли навъҳои зиёди матоҳо аз ашёи хоми табиаташ гуногун мавҷуд буд, ки онҳоро аҳоли бо нархҳои дастрас меҳарид [8, 269].

Бино ба маълумоти ал-Истаҳрӣ, дар Хоразм аз пахта ва пашм либосҳои зиёд омода карда, ба ҷойҳои дурдаст содир менамуданд [5, 304]. Ин хабарро қайде аз «Худуд ул-олам» то андозае мушаххас мекунад: аз минтақаи рӯйкашҳои болишт, либоси лаганда, матоҳои пахтагӣ ва намад ба хорича меоварданд [16-80].

Аз ҷумлаи маҳсулоти Хоразм Мақдисӣ чунин молҳои нассочӣ, аз қабилҳои либосҳо аз моҳути рахдор, қолинҳо, кӯрпаҳо (моҳути қалон), зарбофти зебо барои тақдимиқунӣ, рӯйпӯшҳо аз матои мулҳам, матои арзанҷ, либосҳои рангаро номбар кардааст [1,325].

Мувофиқи маълумоти забоншиносии араб Саълабӣ (асрҳои X - XI), арзанҷ аз пахта бофта мешуд. Дар байни шаҳрҳои Хоразм то асри X пешоҳанги фаъолияти истеҳсолӣ пойтахти вилоят - Кат буд. Дар Урганҷ, ки баъдтар шаҳри асосии вилоят гардид, ба миқдори зиёд маҳсулоти пашмӣ истеҳсол карда мешуд.

Умуман гирем, дар замони Сомониён вазъи иқтимоию иқтисодии қосибон мусоид буд ва ин омилҳои муҳими рушди ҳунармандӣ гардид. Саноати коркарди бофандагии пахта, пашм, абрешим ва зағир, ки дар давраи ибтидоии асрҳои миёна инкишоф ёфта буд ва сипас қоҳиш ёфт, дар охири асри X аз нав барқарор гардида, ба болоравии мислаш диданашуда расид. Маҳсусгардонии истеҳсолоти бофандагӣ боз ҳам инкишоф ёфт.

Илова бар ин, дар соҳаи маҳсусгардонии ҷуғрофӣ вучуд дошт, ки минтақаҳо, шаҳрҳо ва дар дохили онҳо маҳаллаҳои мушаххас ҳамчун марказҳои истеҳсоли намудҳои муайяни маҳсулоти нассочӣ шухрат пайдо мекунанд. Ҳунармандӣ дар тамоми шаҳрҳои давлати Сомониён ривож ёфт, аммо қалонтарин ва пешрафтатарин маркази минтақавии нассочӣ Бухоро буд.

АДАБИЁТ

1. Абу Абдаллах ал-Мукаддаси. Наилучшее распределение для познания стран / Абу Абдаллах ал-Мукаддаси. – М.: Директ-Медиа, 2010. – 111 с.
2. Абу Дулаф. Вторая записка / Абу Дулаф. – М.: Изд. вост. литературы, 1960. – 77 с.
3. Абу Тахир Тартуси. Абу-муслим-наме. В 2-х т. Т. 2 / Абу Тахир Тартуси. – Душанбе: Адиб, 2004. – 328 с.
4. Аджайб ад-дунья («Чудеса мира»). – М.: Наука, 1993. – 540 с.
5. Ал-Истахри. Мамолик ва масолик («Книга путей и государств») // Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.-Л.: АН СССР, 1939. – Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники.
6. Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда (1030–1041 гг.) / Пер. с перс. А.К. Арендса. – М.: Наука, 1969. – 1008 с.
7. Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. Т. 1: Туркестан в эпоху монгольского нашествия; Т. 2, ч. 1. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских / В. В. Бартольд. – М., 1963. – Т. 1: 760 с.; Т. 2, ч. 1: С. 435–448.
8. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии / А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. – Л.: Наука, 1973. – 389 с.
9. Бурхан-уд-Дин-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан / Пер. А. А. Семенова. – Ташкент, 1926.
10. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история / Б. Г. Гафуров. – Душанбе: Ирфон, 1989. – Кн. 1: 384 с.; Кн. 2: 480 с.
11. Ибн Хаукаль. Сура-ул-арз («Книга изображения земли») / Ибн Хаукаль. – Душанбе: Адиб, 2008 (на тадж. яз.). – 62 с.
12. Йакут ал-Хамави. Му'дждам ал-булдан («Алфавитный перечень стран») // Саманиды в зеркале истории (на тадж. яз.). – Худжанд: Гос. изд-во им. Р. Джаллиля, 1998. – Т. 2. – С. 279–302.
13. Мухаммад Наршахи. История Бухары / Мухаммад Наршахи. – Ташкент: Типо-Литография т. д. «О и Г. Братья Каменские», 1897. – 126 с.
14. Ртвеладзе Э. В., Сагдуллаев А. С. Памятники минувших веков / Э. В. Ртвеладзе, А. С. Сагдуллаев. – Ташкент: Узбекистан, 1986. – 134 с.
15. Федорович Е. Ф. Исследование средневековых тканей Самарканда // Из истории искусства великого города (К 2500-летию Самарканда). – Ташкент, 1972. – С. 235–242.
16. Худуд ул-Олам («Пределы мира»). – Душанбе: Адиб, 2008 (на тадж. яз.). – 129 с.

**ИСТЕҲСОЛОТИ НАССОҶӢ ДАР МОВАРОУННАҲР ВА ХУРОСОНИ
АСРҲОИ IX - X (АЗ РӢӢИ МАВОДИ МАӢХАЗҶОИ ХАТӢӢ)**

Дар мақола вазъи ҳунармандӣ дар минтақаҳои номбурдаи давлати Сомониён дар мисоли истеҳсолоти нассочӣ таҳлил карда шудааст. Дар заминаи маъхазҳои хаттӣ марказҳои асосии истеҳсолӣ ва номгӯи матоъ ва дигар маҳсулоти дар ин марказҳо истеҳсолшаванда номбар карда шудаанд. Инчунин оид ба ва ҳаҷми истеҳсол ва содироти молҳои нассочӣ аз шаҳрҳои гуногуни давлати Сомониён ба кишварҳои дуру наздик маълумот оварда шудааст. Маълум карда мешавад, ки минтақаҳо, шаҳрҳо ва дар дохили онҳо маҳаллаҳои шаҳрӣ, инчунин деҳоти калон барои истеҳсоли намудҳои муайяни маҳсулоти нассочӣ махсус гардонида шуда буданд.

Муаллиф хулоса мекунад, ки ба сифати омили муҳими рушди ҳунармандӣ дар Мовароуннаҳр ва Хуросони асрҳои IX - X шароити мусоиди иҷтимоӣ иқтисодии фаъолияти косибон хизмат кард. Саноати коркарди бофандагии нахҳои табиӣ - пахта, пашм, абрешим ва зағир дар авҷ буд. Ҳамзамон, оид ба ривож ёфтани ҳунармандӣ дар тамоми вилояту ноҳияҳои давлати Сомониён суҳан ронда, калонтарин ва пешрафтатарин маркази минтақавии нассочӣ будани пойтахти ин давлат - шаҳри Бухоро махсус таъкид карда шудааст.

Калидвожаҳо: *Мовароуннаҳр, Хуросон, давлати Сомониён, хунармандӣ, истеҳсолоти нассочӣ, матоъ, намад, махсусгардонӣ, тиҷорат, маъхази хаттӣ.*

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В МАВЕРАННАХРЕ И ХОРАСАНЕ IX - X ВВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

В статье на примере текстильного производства анализируется состояние ремесел в указанных регионах государства Саманидов. На материалах письменных источников перечислены основные производственные центры и перечень тканей и другой продукции, которые производились в этих центрах. Также приводится информация об объемах производства и экспорте текстильных товаров из разных городов государства Саманидов в дальние и ближние страны. Выявляется, что регионы, города и внутри них городские кварталы, а также крупные села специализировались на производстве конкретных видов текстильной продукции.

Автор приходит к выводу, что благоприятные социально-экономические условия для деятельности ремесленников послужили важным фактором развития ремесел в Мавераннахре и Хорасане IX-X вв. Текстильная промышленность по переработке натуральных волокон – хлопка, шерсти, шелка и льна была в расцвете. При этом, говоря о развитии ремесел во всех областях и районах Саманидского государства, особо подчеркивается, что крупнейшим и наиболее передовым региональным текстильным центром являлась столица этого государства - город Бухара.

Ключевые слова: *Мавераннахр, Хорасан, государства Саманидов, ремесло, текстильное производство, ткань, войлок, специализация, торговля, письменный источник.*

TEXTILE PRODUCTION IN TRANSOXIANA AND KHORASAN 9 TH – 10 TH CENTURIES (BASED ON WRITTEN SOURCES)

Using the example of textile production, the article analyzes the state of crafts in the indicated regions of the Samanid state. Based on written sources, the main production centers and a list of fabrics and other products that were produced in these centers are listed. Information is also provided on the volumes of production and export of textile goods from different cities of the Samanid state to distant and near countries. It is revealed that regions, cities and urban neighborhoods within them, as well as large villages, specialized in the production of specific types of textile products.

The author comes to the conclusion that favorable socio-economic conditions for the activities of artisans served as an important factor in the development of crafts in Maverannahr and Khorasan in the 9th-10th centuries. The textile industry for processing natural fibers - cotton, wool, silk and flax - was in its heyday. At the same time, speaking about the development of crafts in all regions and regions of the Samanid state, it is especially emphasized that the largest and most advanced regional textile center was the capital of this state - the city of Bukhara.

Key words: *Maverannahr, Khorasan, Samanid states, craft, textile production, fabric, felt, specialization, trade, written source.*

Сведения об авторе: **Иброхимов Муродали Файзалиевич** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории искусств Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана.

Information about the author: **Ibrokhimov Murodali Faizalievich** – Doctor of Historical Sciences, senior researcher at the Department of Art History of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan.

ҲУКУМАТИ ҒУРИЁН ДАР ҲИНД¹**МИРЗОЕВ Ш. Қ.,****Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониши АМИТ**

Соли 1215 қаламрави давлати Ғуриён дар Хуросон аз чониби Хоразмшоҳиён пурра тасарруф гардид. Бештари муҳаққиқон инқирузи пурраи онро ба ин ҳаводис нисбат медиҳанд. Аммо қисмати аз сарзамини ҳокимияти Ғуриён дар Ҳиндустон аз ғасбкориҳои Муҳаммад Хоразмшоҳ эмин монда, боз чанд даҳсолаи дигар мавҷудияти худро нигоҳ дошт.

Шихобуддини Ғурӣ хангоми лашкаркашӣ ба Ҳиндустон чандин шахру қалъаҳои худуди онро мусаххар карда, шахсони ба худ наздик аз лашкариёнашро ба онҳо ҳоким гузошт. Хусусан, яке аз сарлашкарони ӯ Қутбуддин Ойбек, ки хангоми муборизаҳои Шихобуддин дар Ҳиндустон қаҳрамониҳои зиёд нишон дод, бо инобати хизматҳояш аз чониби Ғиёсуддини Ғурӣ ҳокими Лохур интихоб шуд. Минҳоҷ Сирочи Қузҷонӣ, ки аз муаррихони замони Ғуриён ва шоҳиди зиндаи воқеаҳои таърихии он давра буд, дар рисолаи худ «Табақоти Носирӣ» дар ин хусус чунин фармудааст: «Султон Ғиёсуддин Маҳмуд Муҳаммади Сом, ки бародарзодаи султон Муъизуддин буд, Қутбуддинро чатр фармуд ва лақаби султонӣ дод. Ва ӯро дар шуҳури санаи ошнӣ ва ситамоъа аз Деҳлӣ азимати Лохур кард ва дар рӯзи сешанбе ҳаждаҳуми моҳи зулқайдаи санаи ошнӣ бар тахти салтанати Лохур чулус кард» [4,417].

Қутбуддин Ойбек дар ибтидо ғуломи турке буд, ки ӯро Шихобуддин дар Ғазнин харидорӣ ва тарбия намуда, дар шумори лашкариёнаш қарор дод. Минҳоҷ Сирочи Қузҷонӣ, ки дар ин масъала дар рисолаи худ тавачҷух намудааст, иттилоъ медиҳад, ки Қутбуддинро ҳамчун ғулом нахустин маротиба аз Турикстон ба Нишопур оварданд. Қозиулқузот-ҳокими Нишопур Фаҳруддин ибни Абдулазизи Қуфӣ, ки аз авлодони Имоми Аъзам Абӯханифа буд, ӯро бихарид ва пас аз муддате ӯро тоҷире ба Ғазнин бурда, дар он ҷо аз чониби Шихобуддини Ғурӣ харидорӣ шуд. Ин ғулом дар лашкаркашиҳои Шихобуддин дар Ҳиндустон қаҳрамониҳои зиёд нишон дод [4,417]. Яхё ибни Аҳмади Сихрандӣ дар асари худ «Таърихи Муборакшоҳӣ» ба Минҳоҷ Сирочи Қузҷонӣ ҳамфиқр буда, ахбори ӯро тасдиқ мекунад [6,13]. Ҳамзамон дигар муаррихони асримиёнагӣ, ки ба навиштани ҳаводиси таърихии аҳди Ғуриён

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (асри III - аввали асри XX), рақами кайди давлатии 0121ТJ1211 навишта шудааст.

машғул шуданд, аз ин воқеа хабар дода, ба ғуломи турктабор будани Қутбуддин Ойбек ишора намудаанд.

Пас аз вафоти Муъизуддин соли 1206 Қутбуддин Ойбек худро султони ҳокимияти Ғуриёни Ҳинд эълон карда, шаҳри Дехлиро пойтахти салтанати худ қарор дод [2,42]. Пас аз ду соли ҳукуматдории худ, яъне соли 1208 ба Ғазнин ҳучум карда, онро дар тасарруфи худ даровард. Мувофиқи маълумоти Яҳё ибни Аҳмади Саҳрандӣ сабаби ҳучуми Қутбуддин ба Ғазнин ба миён омадани муҳолифатҳо байни ӯ ва ҳокими Ғазнин Точуддин Юлдуз дар хусуси Лоҳур буд [6,15]. Эҳтимол меравад, ки Точуддин Юлдуз чихати истилои Лоҳур ва ё ғорати маҳалҳои наздисарҳадии он иқдомот анҷом додани буд. Бинобар ин, Қутбуддин Ойбек пешдастӣ карда, ба ҷониби Ғазнин лашқар кашида, онро гирифт. Точуддин Юлдуз ба ҳучуми Қутбуддин Ойбек тоб наоварда, ба Қирмон фирор кард [6,15]. Аммо пас аз чил рӯзи ҳукмронӣ (ба ахбори Сихрандӣ чаҳор рӯз) мардуми шаҳр пинҳонӣ Точуддинро чихати дигарбора ба даст овардани шаҳри Ғазнин даъват намуданд. Точуддин аз пайдо шудани тарафдорони худ дар дохили шаҳр руҳбаланд гардида, ногаҳонӣ ба Ғазнин ҳучум кард. Дар ин вақт шумораи зиёде аз мардуми шаҳр ба тарафдории ӯ ба муқобили Қутбуддин мубориза бурданд. Қутбуддин Ойбек пас аз дидани чунин ҳодиса муборизаро салоҳ надониста, ба Лоҳур фирор намуд [5,149].

Қутбуддин Ойбек муддати чаҳор сол дар Дехлӣ аз номи хонадони Шинасбонӣ ҳукмронӣ кард. Аммо дар асл ӯ бо истифода аз заифии пояҳои давлатдорӣ дар Ғур, ба ҳукумати марказии Ғуриён итоат намекард, балки дар намоз хутба ба номи ӯ хонда шуда, ҳамзамон сиккаҳо низ ба номаш зарб зада мешуданд. Ин иқдомот аз нишонаҳои асосии давлати мустақили асримиёнагӣ буданд.

Қутбуддин моҳи ноябри соли 1210, ҳангоми чавгонбозӣ зери асп монда, ба ҳалокат расид.

Бино ба ахбори Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ султон Қутбуддин Ойбек писар надошт. Аз ӯ танҳо се духтар боқӣ монда буд, ки дутои он дар ҳиболаи малик Носируддин ва яке дигар дар никоҳи султон Шамсуддин буданд [4,417]. Аммо Яҳё ибни Аҳмади Сихрандӣ, баръақс ишора менамояд, ки Қутбуддин писаре бо номи Оромшоҳ дошт [6,16]. Ба санади Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ Қутбуддин дар замони салтанати худ мехост Шамсуддинро ҷойгузини худ гардонад [4,418]. Вале дар бораи расман валиаҳд эълон шудани Шамсуддин дар манобеи хатӣ маълумот дастрас нест ва эҳтимол меравад, ки воқеан Қутбуддин расман ўро валиаҳд эълон накарда буд. Мутобиқи ахбори сарчашмаҳои хатӣ Шамсудин Илтутмиш яке аз афроди наздики Қутбуддини Ойбек ба ҳисоб мерафт.

Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ дар асари худ «Табақоти Носирӣ» мефармояд, ки Қутбуддин Ойбек Шамсуддинро дар Дехлӣ аз Низомуддин ном тоҷир бо арзиши як лак читл харидорӣ ва ўро ба фарзандӣ хонда, ба худ наздик кард [4,436]. Пас аз ин ҷойгоҳи ӯ дар дарбори Қутбуддин Ойбек боло рафта, ба мартабаи амиршикор расид. Баъди ба даст омадани Коливор Қутбуддин Ойбек

Шамсуддинро ба маснади амири Коливур расонд. Сипас ӯ малики Бадован таъин шуд.

Дар ин вақт Шамсуддин бо лашкари худ дар муборизаҳо ва кишваркушоиҳои Кутбуддин фаъолона иштирок менамуд. Ба ҳангоми зинда будани Муъизуддин, ки ин ҳодисаҳо сар зада буд, Шамсуддин бо часорату мардонагӣ зери назари ӯ қарор гирифт. Бо вучуди ин, пас аз вафоти Кутбуддин умарои Дехлӣ Оромшоҳро бар тахти салтанат нишонданд. Аммо ҳукмронии ӯ дер давом накард. Тарафдорони Шамсуддин дар Дехлӣ, хусусан бо ибтикори Алӣ Исмоил ба унвони Шамсуддин Илтутмиш, ки тавре қайд гардид, дар Бадуван қарор дошт, нома навишта, ӯро ба тахти салтанати Дехлӣ даъват намуданд. Шамсуддин бо истифода аз чунин фурсат соли 1211 ба Дехлӣ лашкар кашида, онро тасарруф намуда, бар тахт нишаст. Оромшоҳ, ки дар ин ҷанг шикаст хӯрда буд, асир афтода, сипас ба қатл расонида шуд. Минҳоч Сирочӣ Ҷузҷонӣ оид ба ин масъала чунин нигоштааст: «Чун биомад дар шуҳури санаи сабъ ва ситамоъа бар тахти Дехлӣ бинишаст ва забт кард ва чун туркон ва умаро кутбе аз атроф (ба Дехлӣ) чамъ шуданд ва аз атроқ ва умаро маъзе бо эшон чамъ шуданд ва исён ба хурӯҷ оғоз ниҳоданд»[4,437]. Ин масъаларо Тоҷуддин Ҳасан Низомӣ дар асари худ «Тоҷумаосир» бо сабки дигар инъикос менамояд, ки мазмунан ба ахбори Ҷузҷонӣ мувофиқат мекунад[7,270-272]. Шамсуддин аз шаҳр берун шуда, онҳоро шикаст ва қисми зиёдашонро ба қатл расонд. Тоҷуддини Юлдуз аз ин воқеа бохабар шуда, бо Шамсуддин аҳди дӯстӣ бастанд. Аммо малик Носируддин бо ӯ аз Лоҳур ба мубориза бархост, ки дар натиҷа дар ин навбат Носируддин шикаст хӯрда, ба қафо баргашт. Инчунин, чанд маротибаи дигар Носируддин ва дигар ҳокимон, ки бар зидди ӯ ба мубориза бархестанд, шикаст хӯрданд. Шамсуддин атрофи мамолики Дехлӣ, Бадувон, Овда, Банора ва Сулукро аз муҳолифатҳо озод ва тобеи худ кард.

Дар ин вақтҳо Тоҷуддин Юлдуз, ки дар Ғазна аз лашкари Хоразмшоҳиён шикаст хӯрда, ба ҷониби Лоҳур фирор намуда буд, соли 1216 дар хусуси сарҳадот бо Шамсуддин муҳолифат оғоз кард. Ба иттилои Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ «дар шуҳури санаи ошнӣ ашра ва ситамоа Тоҷуддини Юлдуз шикаст хӯрда, асир афтод»[4,437]. Тоҷуддинро ба Дехлӣ ва аз он ҷо ба Бадован фиристоданд, ки дар он ҷо ба эҳтимоли зиёд ба қатл расонида шуд. Соли 1217 Носируддин Қабоча ба Лоҳур лашкар кашид. Аммо дар мубориза бо Шамсуддин шикаст хӯрда, ба Синд баргашт [5,149]. Соли 1221 зимни хучуми муғулҳо ба Мултон, ки бо баҳонаи таъқиби султон Ҷалолуддини Хоразмшоҳ ба ҷониби сарзамини Ҳиндустон ҳаракат карда буданд, Носируддин тавонист ҳокимияти худро нигоҳ дорад.

Султон Ҷалолуддини Хоразмшоҳ, ки соли 1221 аз таъқиби лашкари муғул ба ҷониби Ҳиндустон фирор намуда буд, дар сарҳадоти Лоҳур бо тарафдоронаш пайвастанд. Шамсуддин аз воқеа хабар ёфта, аз Дехлӣ ба ҷониби Лоҳур лашкар кашид. Ҷалолуддин ба ҷониби Синду Севор гурехт.

Шамсуддин соли 1225 бо лашкари зиёд ба ҷониби Лакҳанутӣ ҳаракат кард. Лашкариёни ӯ дар муддати кӯтоҳ Бихараро забт намуданд. Малики он бо

додани хирочи зиёд ва ба ҳокимияти Шамсуддин ҳамроҳ намудани ҳокимияти худ, инчунин ба номи Шамсуддин хондани хутбаи намоз дар мансаби худ боқӣ монд. Аммо пас аз ду сол писари Илтутмиш Носируддин аз нав аз ҷониби Бангола ба Лакхнаутӣ ҳучум карда, Ғиёсуддинро ба қатл расонд [2,44].

Бино ба маълумоти «Табақоти Носирӣ»-и Ҷузҷонӣ Шамсуддин дар шуҳури санаи салоти ва ашрин ва ситамоъа ба ҷониби Ранпур ҳаракат ва онро фатҳ кард. Пас аз як сол қалъаи Мандур, ки дар минтақаи саволик буд, фатҳ ва ғорат намуда, ба Дехлӣ баргашт. Шамсуддин солҳои 1226-1227 Мултон ва қалъаи Очиро, ки дар итоати малик Носируддин буданд, забт карда, Носируддин ба ҷониби Баҳкир фирор намуд. Аммо пас аз фатҳи Очӣ Носируддин писари худ Алоуддинро ба хизмати Шамсуддин фиристода, худро аз қалъаи Баҳкир ба дарёи Синд ғарқ кард [2,43]. Шамсуддин каме дертар Алоуддинро ҳокими Лакханоту таъин кард.

Малик Синон Ҷаннисар, ки волии Девал ва Синд буд, ба хизмати Шамсуддин пайваста, ҳокимияти ӯ ба ҳокимияти Шамсуддин ҳамроҳ карда шуд. Шамсуддин ҳисори Коливарро низ забт карда, соли 1234 ба ҷониби Малух лашкар кашида, шаҳрҳои Баҳлисон ва Очингариро гирифта, сипас ба Дехлӣ баргашт.

Шамсуддин Илтутмиш моҳи апрели соли 1236 пас аз 25 соли ҳукмронӣ дар шаҳри Дехлӣ вафот кард. Ӯ дар давраи ҳукмронии худ лашкаркашиҳои зиёд анҷом дода, шаҳру қалъаҳои водии Синд, Оч, Мултон, Лоҳур, Сарсутӣ, Кухрам, Самана, Сиволик, Табриҳинда, Ҳансӣ, Дехлӣ, Бадуан, Ауд ва Банаресро тасарруф намуд [2,45].

Шамсуддин се писар ва як духтар дошт. Бо сабаби қобилият надоштани писаронаш дар идораи умури давлат духтараш Розияро валиаҳд эълон кард. Аммо умарои давлат ба тахти салтанат нишастани Розияро хуш напазируфтанд. Аз ин сабаб ҳам писарони Шамсуддин ва ҳам баъзе ҳокимони шаҳру қалъаҳо муҳолифат намуданд. Розия бар зидди онҳо мубориза бурд. Аз ҷумла, соли 1240 бар зидди амири Панҷоб, Кабирхон Айёз, ки бар зидди сиёсати Розия бархеста буд, лашкар кашид. Пас аз баргаштан ба Дехлӣ ҳокими Табриҳинда Ихтиёруддин Олтуния шӯриш бардошт. Розия бо мақсади пахши шӯриш бо лашкари зиёд ба ҷониби Табриҳинда ҳаракат кард, вале ба дасти Ихтиёруддин Олтуния асир афтода, сарлашкаронаш ба қатл расонида шуданд [5,152].

Дар ҳамин вақт пайравони чараёни Исмоилия, ки дар Ҳинд зиёд шуда буданд, аз чаҳор тараф ба Дехлӣ ҳучум намуда, мусулмонони зиёдро ба қатл расониданд. Умарои шаҳр пас аз ин воқеаҳо, инчунин дар асорат афтодани Розия писари хурдии Шамсуддин Муъизуддин Баҳромро моҳи апрели соли 1240 ба тахти Дехлӣ нишонданд. Яҳё ибни Аҳмади Сихрандӣ дар рисолаи худ «Таърихи Муборакшоҳӣ» менависад, ки «Чун султон Розия дар қалъаи Табриҳинда маҳбус шуд, рӯзи душанбе ба таърихи бисту ҳаштуми моҳи мубораки рамазон санаи сабъ ва салосин ва ситамоъа султон Муъизуддинро умарои мулуки шаҳрдор бар тахти салтанат дар қасри давлатхона хос иҷлос доданд» [6,28].

Малики Табриҳинда султон Розияро, ки дар асораташ буд, озод карда, ба никоҳи худ дароварда, якҷоя ба ҷониби Деҳлӣ лақар кашиданд. Муъизуддин ба муқобили онҳо мубориза бурд. Розия ва Олтуния шикаст хӯрда, ҳангоми баргаштан дар Китол бо хиёнати лашкариёнаш ба дасти ҳиндуён асир афтада, сипас ба қатл расонида шуданд. Ҳукумати Розия 3 солу шаш рӯз идома ёфта буд.

Қайд кардан ба маврид аст, ки пас аз марги Илтутмиш миёни атрофиён ва ҳокимон ихтилоф сар зад. Феодалон ва ҳокимони шаҳру қалъаҳо ҳар кадом мехост ҳокимияти худро мустақил ва ё худуди ҳокимияти худро васеъ намояд. Бинобар ин мудом рақобат ва бетартибӣ дар салтанати Деҳлӣ ҷой гирифт.

Хусусан, дар давоми даҳ соли баъди марги Шамсуддин бар тахти салтанати Деҳлӣ чор нафар нишаст. Маҳз дар давраи ҳукмронии Розия Қарматия ҳамчун як ҳаракати барҷастаи динӣ ва сиёсӣ пайдо шуд. Ин ҳаракат ҳам дар Деҳлӣ ва ҳам дар дигар навоҳии Ҳиндустон ба муқобили суннимазҳабон ва шофеиён мубориза мебарданд. Масалан, соли 1241 тақрибан ҳазор нафар аз пайравони ин ҷараён ба масҷиди ҷомеи Деҳлӣ ҳучум карда, мардуми зиёдро аз дами теғ гузарониданд. Низомиёни Деҳлӣ ба пайравони ҷараёни қарматия ҳучум карда, қисми зиёдашонро ба қатл расониданд.

Дар замони салтанати Муъизуддин (1240-1242) лашкари муғул Лоҳурро забт намуд. Аниқтараш соли 1241 Хулагухан ба Лоҳур ҳучум карда, мардуми зиёдро ба қатл расонд. Муъизуддин бар зидди лашкари муғул лашкариёни худро ба Лоҳур фиристод. Аммо ин натиҷа набахшид. Пас аз баргаштан лашқараш қалъаро муҳосира намуда, моҳи майи соли 1242 Муъизуддинро ба қатл расониданд [5,153]. Минҳоҷ Сирочи Ҷузҷонӣ, ки ҳангоми ҳукмронии Муъизуддин дар Деҳлӣ қарор дошт ва шоҳиди зиндаи воқеаҳо буд, менависад, ки дар шаби шанбе 13 –уми моҳи мазкур султон Муъизуддин Баҳромшоҳ шаҳид шуд [4,453]. Муддати ҳукумати ӯ ду солу як моҳро ташкил мекард. Сипас, умаро ва мансабдорони дарбор Алоуддинро, ки бо ду бародараш дар зиндон буданд, озод ва ба тахти Деҳлӣ нишонданд. Аммо Алоуддин бештар ба айшу ишрат машғул шуда, пас аз чор солу як моҳ умарои шаҳри Деҳлӣ ӯро зиндон карданд, ки дар он ҷо ба ҳалокат расид.

Пас аз вафоти Алоуддин умарои шаҳри Деҳлӣ султон Носируддин –писари султони Шамсуддин Илтутмишро, ки лақаби Носируддин Муҳаммадро гирифта буд, бар сари ҳокимият оварданд. Ӯ дар замони салтанати худ ба ҷониби Ковча, Бандана ва Баласанда ҳучум карда, онҳоро ғорат ва ба ҳокимияти худ ҳамроҳ кард. Сихрандӣ Яҳё ибни Аҳмад дар асари худ «Таърихи муборакшоҳӣ менависад, ки «Дар санаи сит ва арбаъин ва ситамоъа ба ҷониби кӯҳпораи Мевот омад ва лашқарро ба тарафи Ҷибол номзад фармуд, наҳб ва тороҷ кард ва ғаноими бисёр бар дасти эшон афтад» [6,36].

Дар давраи ҳукмронии ӯ малик Изуддин Балабан дар хитаи Ногур исён бардошт. Носирудин ба он ҷониб ҳаракат карда, Изудин балабан таслим шуда, ошӯб фурӯ нишаст. Носируддин Коливур, Чандирӣ ва Молуро низ забт карда, ба Деҳлӣ баргашт. Дар навбати дигар ӯ Лоҳур, Очи ва Мултонро, ки ба саркашӣ оғоз намуда буданд, сарқӯб ва ба ҳокимияти худ илова намуд. Ҷамзамон, ӯ ба хиттаи Бадован лашқар кашида, Қутлуғхонро, ки дар замони салтанати Алоуддин ба Ҳиндустон фирор ва бо умарои он пайваст гардида буд, шикаст дод. Носируддин дар

замони салтанати худ тавонист бисёр аз шаҳру қалъахоро ба итоати худ дароварда, ҳокимиятро то андозаи мустақкам ва муттамарказ намояд. Инчунин хатари азиме ки ба давлати ӯ таҳдид мекард, ин ҳучуми муғулҳо буд, ки Носируддин дар мубориза ба онҳо бисёр кӯшиш намуд.

Носируддин пас аз 19 солу се моҳи ҳукмронӣ соли 1265 аз олам даргузашт. Умарои Деҳлӣ пас аз вафоти ӯ султон Ғиёсуддин Балабан (1265-1287)-ро бар тахти салтанати Деҳлӣ нишонданд. Ғиёсуддин низ ба ишғоли шаҳру қалъаҳо машғул шуда, то соҳили дарёи Ганг расида, бисёр аз шаҳру қалъаҳо ба ҳокимияти Ғуриёни Ҳинд ҳамроҳ кард. Инчунин, ба Лоҳур, ки дар ин вақт гирифтори ноамнӣ буд, лашкари кашида, авзои сиёсии онро ором кард. Дар давраи ҳукмронии Ғиёсуддин худуди ҳокимияти Деҳлӣ васеъ шуд. Дар атрофи он бисёр аз мардумони Мовароуннаҳру Хуросон, Эрону Ҳиндустон ва Озарбойҷону дигар кишварҳо, ки аз муғулҳо гурехта буданд, сукунат намуданд, ки дар натиҷа 15 маҳалли нав пайдо шуд.

Ғиёсуддин пеш аз марги худ наберааш Кайхусрав писари Муҳаммадро валиаҳд эълон кард, аммо пас аз марги Ғиёсуддин атрофиёнаш набераи дигари ӯ Кайқубодро (1287-1290), ки писари Буғроҳон буд ва ҳамаги 17 сол дошт, бар тахти подшоҳӣ нишонданд. Буғроҳон дар давраи салтанати Ғиёсуддин Балабан ҳокими Банғола буда, худро Носируддин Муҳаммад ном ниҳода, ҳокимияташро мустақил эълон карда буд.

Кайқубод дар муддати кӯтоҳи ҳукмронии худ фармуд вазираш Низомуддинро заҳри ҳалоҳил нӯшонид, ба ҳалокат расонданд [3,170]. Бино ба таҳқиқот муҳаққиқ Алаев Л.Б. худи ӯ низ зимни ҳаракат ба ҷониби салтанати Фирӯзшоҳи Хилиҷӣ, дар оғози ҷанг заҳролуд гардонид шуд [1,104], маъҷуб гардид. Умарои шаҳр писари хурдсоли ӯ Шамсуддин Каюмарсро ба тахти Деҳлӣ нишонданд. Зиёуддин дар асари худ «Таърихи Фирӯзшоҳӣ» менависад, ки «..султон Балабанро ки вориси мулк буд, оқтоб карраҳ доданд ва ҷониби карраҳ равон карданд ва муҳолифон ва мувофиқон бо султон Ҷалолуддин байъати мулк карданд ва аз Баҳорпур султон Ҷалолуддин бо ҷамъияти бисёр савор шуд ва дар қасри маъзий дар Келугухарӣ фуруд омад ва онҷо бар тахти подшоҳӣ ва даровардани ақрабо мағул гашт ва омма халқи шаҳрро подшоҳии ӯ душвор намуд ва ӯ аз ҳароси шаҳриён даруни Деҳлӣ нарафт ва бар расми салотин муозия дар давлатхона фуруд наёмад ва бар тахти қадимина нишаст ва чанд гоҳ на ӯ даруни шаҳр мерафт ва на шаҳриён аз дил ва ҷон ба муборакбоди подшоҳии ӯ дар Келукаҳрӣ меомаданд ва малики халиҷиён шаҳриёноро бағоят душвор менамуд ва ишонро дар назар намеоварданд ва дар он айём маориф ва ақобир ва хеле хонҳои қадим ва хонаводаҳои бузург дар Деҳлӣ бисёр будааст ва аз рӯзи нақли султон Муъизуддин мулк аз хонадони туркон бирафт ва дар асл Халиҷиён афтод» [3,173].

Воқеан моҳи марти соли 1290 Ҷалолуддини Хилҷӣ Деҳлиро забт намуда, ба қатли Каюмарс-охирин намояндаи сулолаи ғулумони турки Ғуриён фармон дод. Каюмарс ба қатл расонид шуда, Ҷалолуддин ба тахти Деҳлӣ нишаст [5,158].

Ҷамин тариқ, давлатдорӣи ғулумони Ғуриён дар Ҳиндустон аз соли 1206 то соли 1290 идома ёфт. Ин давлат дар ибтидо аз номи сулолаи Ғуриён ҳукумат мекард, аммо дар асл мустақил буда, хутба ва сикка ба номи султонҳои Деҳлӣ хонда ва зарб зада мешуд. Давлати Ғуриёни Ҳинд дар давраи ҳукмронии Шамсуддин Илтутмиш, Носируддин ва Ғиёсуддини Баланбанд то андозаи рушд ва тараққӣ кард, аммо бо

вучуди ин давлати мутгамарказ ва устувор набуда, бо истифода аз вазъи ноустувори мамлакат мудом байни ҳокимон ва феодалон муҳолифатҳо сар мезад, ки оқибат сабаби аз байн рафтани он низ гардид. Забони ҳукуматдории ғуломони Ғур дар Ҳиндустон забони форсӣ - тоҷикӣ буд.

АДАБИЁТ

1. Алаев Л. Б. Средневековая Индия / Л. Б. Алаев. – Санкт-Петербург, 2003. – 303 с.
2. Ашрафян К. З. Делийский султанат / К. З. Ашрафян. – Москва, 1960. – 257 с.
3. Зиёуддин (Зиёбия Барнӣ). Таърихи Фирӯзшоҳӣ / Зиёуддин (Зиёбия Барнӣ). – Калкута, 1862. – С. 173.
4. Минҳоч Сирочи Чузҷонӣ. Табақоти Носирӣ / Минҳоч Сирочи Чузҷонӣ. – Чопи севум. – Кобул, 1391 ҳ.ш. – 649 с.
5. Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии / Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи. – Москва, 1954. – 441 с.
6. Сихрандӣ, Яҳё ибни Аҳмад. Таърихи Муборакшоҳӣ / Сихрандӣ Яҳё ибни Аҳмад; тасхеҳи Муҳаммад Ҳидоят Ҳусайн. – Техрон: Асотир, 1382 ш. – 278 с.
7. Точуддин Ҳасан Низомӣ. Точу-л-маосир / Точуддин Ҳасан Низомӣ. – Дехлӣ, 2008. – 329 с..

ҲУКУМАТИ ҒУРИЁН ДАР ҲИНД

Дар мақола замони ҳукумати Ғуриён дар Ҳиндустон инъикос ёфтааст. Муаллифи мақола қайд менамояд, ки баъди истилои давлати Ғуриён дар Хуросон аз ҷониби Муҳаммад Хоразмшоҳ пурра аз байн нарафта, ғуломони турки Ғуриён дар Ҳиндустон аз номи ин давлат то соли 1290 ҳукмронӣ намуданд. Хусусан, дар давраи Шамсуддин Илтутмиш ҳудудии салтанати Ғуриёни Ҳинд хеле васеъ гардид.

Муаллиф ба ҳулосае меояд, ки давлатдории Ғуриён дар Ҳиндустон, ки аз ҷониби ғуломони Ғур идома ёфт, мустақил буда, ба номи худ сикка зарб мезаданд ва хутбаи намоз низ ба номи онҳо хонда мешуд. Аммо ин давлат устувор ва мутамарказ набуд. Аз ин сабаб байни ҳокимони шаҳру қалъаҳо зуд-зуд муҳолифатҳо сар мезад. Забони давлатии салтанати Ғуриёни Ҳинд забони тоҷикӣ ва пойтахташон шаҳри Дехлӣ буд.

Калидвожаҳо: *Ғуриён, Ҳиндустон, Дехлӣ, салтанат, султон, муҳолифат, ҳукмронӣ, ҳокимон, исён, лашкарқашӣ.*

ПРАВЛЕНИЕ ГУРИДОВ В ИНДИИ

В статье анализируется правление династии Гуридов в Индии. Автор подчеркивает, что после вторжения Мухаммада Хорезмшаха в гуридское государство в Хорасане, оно не исчезло полностью. Тюркские рабы, бывшие подданными Гуридов, продолжали править в Индии от имени этого государства вплоть до 1290 года. Особое внимание уделяется периоду правления Шамсуддина Илтутмиша, когда территория индийского султаната Гуридов значительно расширилась.

Автор делает вывод, что государственность Гуридов в Индии, поддерживаемая их тюркскими рабами, имела признаки независимости. Это выражалось в чеканке монет от собственно-го имени и произнесении молитвенной проповеди (хутбы) от имени правителей. Однако государство не отличалось стабильностью и централизованностью. Вследствие этого правители городов и крепостей часто выступали против центральной власти. Государственным языком султаната индийских Гуридов был таджикский, а столицей государства являлся город Дели.

Ключевые слова: *Гуриды, Индия, Дели, королевство, султан, оппозиция, правление, правители, восстание, армия.*

THE GURIES' RULE IN INDIA

The article analyzes the rule of the Ghurid dynasty in India. The author emphasizes that after Muhammad Khwarazmshah's invasion of the Ghurid state in Khorasan, the state did not completely disappear. Turkic slaves, who were former subjects of the Ghurids, continued to rule in India on behalf of this state until 1290. Special attention is given to the reign of Shamsuddin Iltutmish, during which the territory of the Ghurid Indian Sultanate significantly expanded.

The author concludes that the Ghurid statehood in India, supported by their Turkic slaves, exhibited signs of independence. This was reflected in the minting of coins in their own name and the delivery of the Friday sermon (khutba) on behalf of the rulers. However, the state lacked stability and centralization. As a result, the rulers of cities and fortresses often acted against central authority. The official language of the Ghurid Indian Sultanate was Tajik, and its capital was the city of Delhi.

Key words: Gur-i, India, Delhi, kingdom, sultan, opposition, rule, rulers, rebellion, military campaign.

Сведения об авторе: Мирзоев Шухрат Джумамуродович – доктор философии (PhD) – по специальности 6D 020300 - История, ученый секретарь Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АМИТ. Телефон: 985-77-79-95. E-mail: mirzo-juma@mail.ru

Information about the author: Mirzoev Shukhrat Jumamurodovich - doctor of philosophy (PhD) - by specialty 6D 020300 - History, scientific secretary of the A. Donish Institute of history, archeology and ethnology named after of NAST. E-mail: mirzo-juma@mail.ru

УДК 737.1:94(575)"04/03"

**ҚАДИМТАРИН СИККАҲОИ ФОНДИ ОСОРХОНАИ МИЛЛИИ
ТОҶИКИСТОН ВА МАСЪАЛАҲОИ ТАЪРИХИ ТАШАККУЛИ
МУОМИЛОТИ ПУЛӢ ДАР ОСИЁИ МИЁНА¹**

**ШАРИФЗОДА А. Қ., КАРИМДОДЗОДА М. З.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониш**

Соли 2017 бо пешниҳоди сиккашиноси ҷавон Сафоев Муҳаммад Осорхонаи миллии Тоҷикистон як сиккаи нуқрагиро, ки аз водии Вахш ба таври тасодуфӣ ёфт шуда буд, харидорӣ намуд ва ҳоло он таҳти рақами давлатӣ - осорхонавии КВ-15560 қарор дорад. Сиккаи мазкур дарозрӯя буда, 5.08 грамм вазн ва 15/12 мм диаметр дошта, дар таърихи Тоҷикистон аввалин сиккаи ҳахоманишӣ мебошад, ки ба фонди осорхонаи давлатӣ ворид шудааст. Дар рӯи ин сикка марде тасвир шудааст, ки сари як зону истода, дар як дасташ камон, дар дасти

¹ Мақола дар асоси лоиҳаҳои «Таърихи халқи тоҷик» (асри III - аввали асри XX), рақами қайди давлатии 0121TJ1211 ва «Таърихи илм ва техникаи халқи тоҷик аз давраи қадим то замони ҳозира», рақамҳои қайди давлатии ва 0121TJ1273 навишта шудааст.

дигараш найзаи моил ба зер, дар кифташ тирдон ва дар сараш афсари (апсари, тоҷи) дандонадор дорад[1, 309 - 321].

Тасвири рӯйи ин сикка суда ва хира шудааст, ки ин далели муддати зиёд дар муомилот будани он мебошад. Дар тарафи дигари сикка аз поён то ба боло нақши жарфои фурӯрафта ба назар мерасад, ки он натиҷаи задани чакуш мебошад. Аз тарафи дигар, дар айни замон сиккаи мазкур қадимтарин сиккаи фонди Осорхонаи миллии Тоҷикистон мебошад ва ягон осорхонаи дигари ҷумхури ҳоло чунин сиккаро надорад. Чун сиккаи мазкур қадимтарин сиккаи Фонди осорхонавии Тоҷикистон мебошад, вобаста ба он чанд пурсише пайи ҳам ба миён меояд. Аз ҷумла, ин чи гуна сикка аст? Он кай ва дар кучо зарб шуда ва шахси дар он тасвиршуда кист? Умуман дар таърихи башарият аввалин сиккаҳо кай ва дар кучо ихтироъ шуданд? Муомилоти пулӣ дар Осиёи Миёна, ки як бахше аз сарзамини густурдаи ниёкони мо - тоҷикон аст ва онҳо дар ин сарзамин сокинони бумие мебошанд, кай оғоз шуд ва чӣ гуна ташаккул ёфт? Онҳо кай бо сикка шинос шуданд ва кай сикка истеҳсол карда, онро воситаи хариду фурӯш қарор доданд? Аввалин сиккаҳои баровардаи ниёкони мо – дар кучои сарзамини фарохи онҳо ва аз чӣ зарб шуданду чӣ ном доштанд? Аз ниёкони мо кӣ нахустин шуда сикка баровард?

Мутаассифона, пурсиши ин посухоро аз мероси хаттии ниёкон ёфтан ғайримкон аст ва маводи бостоншиносӣ аз ҷумла, сиккаҳо барои посухи ин пурсишҳо қариб сарчашмаи ягона мебошанд. Чунончӣ аз мазмуни матни Авасто огоҳ мешавем, ки ба пизишк барои табобати шаҳриёр як гардунаи чаҳорасба, барои табобати ҳамсари шаҳриёр шутури мода, барои табобати хонахудо (кадхудо) хурдтарин чорво (сутур), барои табобати ҳамсари раиси хона модагов, барои табобати раиси деҳа чорвои миёна, барои табобати ҳамсари раиси деҳа модагов, барои табобати раиси ноҳия чорвои калон, барои табобати ҳамсари раиси ноҳия асби мода, барои табобати чорвои калон чорвои миёна ва барои табобати гӯсфанд хӯроки гӯштӣ музди кор муайян шуда будааст. Албатта тарҷумаи ин бахши ба музди пизишкон марбути Авасто яқсон нест[2,520-521].

Вале дар умум ин муқаррароти авастой аз мавҷуд набудани сикка ва муомилоти пулии даврони авастой дарак медиҳад. Аммо ин вазъ бетағйир намонд ва “пешрафти иқтисодиёт ва зарурати танзиму такмили тичорат, пардохти ҳаққи кор ва дар умум мустаҳкам намудани соҳти давлат-полисҳо ҳанӯз дар асрҳои VIII – VII пеш аз милод зарурати зарби сиккаро ба миён оварда буд. То замони ихтироъ ва истифодаи сикка дар ҷаҳон муомилоти пулӣ вучуд надошт ва асоси муомилоти тичоратӣ ва ҳақпардозиро шаклҳои мухталифи мол, аз ҷумла маҳсулоти гуногун (кишоварзӣ, чорводорӣ, маъданӣ) ташкил менамуд. Ҳаққи иҷрои коре ҳам бо маҳсулоти гуногуни табиӣ пардохт мешуд, ки чунин маҳсулот “пули ибтидоӣ» номида мешавад»[3].

Азбаски ба муҳлати дароз захира намудани маҳсулот, аз ҷумла маҳсулоти кишоварзӣ ва чорводорӣ ғайриимкон буд, филизоти қиматбаҳо - тилло ва нуқра ҳамчун сарват ҷамъоварӣ шуда, пораҳои онҳо ҳам дар шакли хом ва ҳам дар

шакли гудохтаи гуногуншакл дар муомилоти молӣ ва ҳақпардозӣ истифода мешуданд, ки намунаҳои онҳо дар ғушаҳои олам кашф ва таҳқиқ шудаанд.

Аммо ин филизпораҳои қиматбаҳо шакли якхела ва вазну арзиши меъёрӣ надоштанд, ки ин дар навбати худ дар муомилоти молӣ мушкilotи зиёдро ба вучуд меовард. Масалан Лидия дар асрҳои VII-VI пеш аз милод яке аз бузургтарин марказҳои тичоратии замон дар Осиёи Сағир ба ҳисоб рафта, тичорат яке аз машғулиятҳои асосии мардумаш буд.

Онҳо барои аз хориҷ ворид намудани тилло ва нуқра эҳтиёҷ надоштанд ва аз соҳили дарёи Поктул (Ростол) тиллои зиёд ҷамъоварӣ карда, онро бо дигар маҳсулоти заруриашон иваз менамуданд. Вале ин мубодилои молӣ мушкilotи зиёд дошт ва муайян набуд, ки як маҳсулот ба маҳсулоти дигар дар асоси кадом меъёр иваз карда шавад.

Оқибат зарурати нигоҳдошти лашкари кироя барои ҳифзи ҳокимият, танзим ва осоннамоии муомилоти тичоратӣ ба ихтирои сикка- филизпораи арзиш ва шакли муайяндошта оварда расонд ва лидиягӣҳо аввалин шуда сиккаро ихтироъ намуданд, ки ин нуқтаро “падари таърих» Ҳеродот низ таъкид карда буд [4, 83].

Нахустин сиккаҳои лидиягӣ низ вазну шакли муназзам надошта, аз омехтаи тилло ва нуқра-электрум ба шакли каме дарозрӯя зарб мешуданд. Дар як тарафи чунин сиккаҳо аз зарби ҷакуш фурурафтагӣ ва дар тарафи дигарашон тасвири рӯбоҳ мавҷуд буд, зеро рӯбоҳ назди лидиягӣҳо қудсият дошт. Зарби аввалин сиккаҳо, ки вазн, иёр, шакл, тасвир, филиз ва арзиши муайян доштанд, ба охириин шоҳи Лидия – Крез (солҳои 561-546 пеш аз милод) мансубанд ва онҳо дар умум сиккаҳои крезӣ низ номида мешаванд. Крез бародари ҳамсари охириин шоҳи Мод – Остиаг (бобои модари Куруши Кабир) ва сарватмандтарин шахси замони худ буда, аз ҳама зиёд тилло андӯхта буд. Крез аз тилло ва нуқра сикка зарб мезад ва холисии ин сиккаҳо 98 фисадро ташкил намуда, меъёри муайян доштанд ва юниониёни қадим ин сиккаҳоро “статер» меномиданд, ки решаи вожаи “статер» тибқи хулосаи М. Богбедӣ бобулай буда, аз номи эзадбону Иштар гирифта шуда, маънои аслаш “меъёр», яъне сиккаи меъёрдошта мебошад [5].

Сиккаҳои крезӣ вазнҳои гуногун доштанд ва як сиккаи тиллоӣ баробари 12 сиккаи нуқрагӣ буд. Крез баъди ислоҳоти пулӣ барои сиккаҳои тиллоӣ вазни меъёрии аз 8,6 то 8,19 грам ва барои сиккаҳои нуқрагӣ вазни меъёриро аз 10.75 то 10.92 грам таъйин менамояд. Машхуртарин статерҳои крезӣ ҳамон статерҳое мебошанд, ки дар як тарафи онҳо нақши фурурафта ва дар тарафи дигарашон тасвири барҷастаи нимтанаи шеру наргов мавҷуд аст.

Ташаббускори асосии зарби сиккаҳои лидиягӣ давлат-полис дар симои Крез буд ва ин сиккаҳои лидиягӣ пеш аз ҳама барои пардохти музди сарбозони лашкари кирояи Лидия, ки онро Крез дар лашкаркашиҳои ишғолгаронаи худ истифода менамуд, зарб мешуданд. Ҳамчунин сиккаҳои крезӣ на танҳо дар ганчинаандӯзӣ ва муомилоти пулӣ, балки дар маросимҳои динӣ низ истифода

мешуданд. Чунончи шоҳ Крез соли 560 пеш аз милод чунин сиккаҳоро ба маъбади Эфсус ҳада менамояд.

Аз ниёкони мо аввалин шуда Ҳахоманишиҳо бо сикка шинос шуда буданд. Соли 546 пеш аз милод Куруши Кабир пойтахти Лидия-шаҳри Сард, аз ҷумла заробхонаи онро забт намуда, шаҳриёрии Крезро хотима мебахшад. То ин вақт Ҳахоманишиҳо сикка намебароварданд ва аз сиккаҳои лидиягӣ ва дигар сиккаҳои юнонӣ истифода менамуданд ва аз аҳаммияти сикка дар давлатдорӣ огоҳ буданд.

Аксари муҳаққиқон бар ин назаранд, ки Куруш ва писараш Камбучия ба ишғоли давлатҳои дигар машғул буда, фурсати аз номи худ сикка бароварданро надоштанд. Ба ин нигоҳ накарда, Куруш зарб ва гардиши минбаъдаи сиккаҳои лидиягиро дар қаламрави давлати ташкилкардаи худ иҷозат дод ва заробхонаи Сардро вайрон накард. Писари ӯ Камбучия низ бо ҳамин сабаб сикка зарб назад ва ба гардиши сиккаҳои лидиягӣ ва юнонӣ монёе нашуд. Аз ин ҷост, ки олимони сиккашинос бар ин ақидаанд, ки то замони зарби сиккаҳои ҳахоманишӣ ва ҳатто дар даврони ҳукмронии Дориюши Бузург (солҳои 522-486 пеш аз милод) сиккаҳои лидиягӣ дар ҳудуди империяи Ҳахоманишиҳо истифода мешуданд.

Дар бораи аз ҷониби кадом шоҳи Ҳахоманишӣ бори нахуст зарб шудани дарику сиглос дар илми сиккашиносӣ фикри ягона мавҷуд нест. Як гурӯҳи олимон (П. Гарднер, С. Аъзамӣ, Б. Маликзода) зарби нахустин сиккаи ҳахоманиширо ба Куруши Кабир (600 - 530 пеш аз милод) ва гурӯҳи дигар (М. М. Дандамаев, Б. Луконин, Э. Бабелон, Ҳ. Р. Боғбедӣ) аввалин зарби навъи сиккаи мазкурро ба Дориюш писари Виштосп (солҳои 522-486 пеш аз милод, машҳур бо Дориюши Бузург, Дорой якум) марбут медонанд, ки аз назари мо ҳамин нукта боварибахш менамояд. Вобаста ба маъно ва хостгоҳи вожаи “дарик» низ хулосаи ягона вучуд надорад.

Бархе олимон ба ин хулосаанд, ки номи ин навъи сиккаи тиллоии ҳахоманишӣ аз номи Дориюши Бузург гирифта шудааст ва онҳо ин гуфтаи Ҳеродотро асос медонанд: “Дориюш моил буд аз даврони салтанати худ ба унвони як сохтмон чизе ба ёдгор бигзорад, ки ҳеч подшоҳе пеш аз ӯ накарда бошад.» Дар ҳақиқат Дориюши Бузург дар таърих аввалин шуда, дар сикка тасвири шоҳро зарб мезанад ва то ӯ ягон шоҳи дигар ин корро анҷом надода буд. Ба ин нигоҳ накарда, гурӯҳи дуоми олимон, бавижа муҳаққиқи барҷастаи забонҳои бостонӣ – Доктор Ҳусейн Ризои Боғбедӣ чунин мешуморад, ки “номи Дориюш» дар забони форсии бостон вучуд надорад, аз ин рӯ ин вожаро наметавон муштак (гирифта) аз номи Дориюш донист...» Дарик» дар форсии бостон “дарӣ» ба маънои “заррин, тиллоӣ» будааст» [5].

Дар сиккаҳои ҳахоманишӣ ном, солу ҷойи зарб ва номи шоҳаншоҳ зикр нашудаанд, ки ин муайян намудани таърихи дақиқи онҳоро мушкул мегардонад. Аммо илми бостоншиносӣ барои ҳалли ин мушкул мусоидат менамояд. Чунончи соли 1933 дар рафти ҳафрияи толори марказии Оподони Тахти Чамшед ду сандуқи сангӣ бо як лавҳаи заррин ва як лавҳаи симин кашф

мегардад, ки дар ин лавҳаҳо бо фармони Дориюши Бузург ба забонҳои форсии бостон, эломӣ ва бобулай катиба навишта шуда буд. Инчунин аз ҳар як сандук боз чор сиккаи тиллоии лидиягӣ ва ду сиккаи нуқрагии юнонӣ ба даст меояд.

Аммо дар ин сандукҳо ягон сиккаи форсӣ - ҳахоманишӣ (дарик ва сиглос) набуд. Маълум аст, ки бинои Оподон соли 516 пеш аз милод бунёд шудааст. Агар Куруши Кабир ё дигар шоҳони ҳахоманишӣ аз ҷумла Дориюши Бузург то соли 516 пеш аз милод сикка мезаданд, дар ин сандукҳо сиккаҳои ҳахоманишӣ - дарикҳоро ҳатман мегузоштанд. Ҷунончи аз Тахти Ҷамшед лавҳае ба забони эломӣ ёфт шудааст, ки он ба соли 22-юми ҳуқумронии Дориюши Бузург, яъне ба соли 500 пеш аз милод мансуб аст ва дар он нақши ду дарик мавҷуд аст.

Аз ин маълум мешавад, ки аввалин дарикҳо байни солҳои 516 ва 500 пеш аз милод зарб шудаанд. Аксари сиккашиносон бар ин назаранд, ки зарби дарикҳо соли 515 пеш аз милод оғоз ёфтааст. Хулосаи ин матлаб ҳамин, ки аз эронӣ нахустин шуда Дорой якум аз тилло ва нуқра сикка зарб зад. Маълум нест, ки ҳуди Ҳахоманишиҳо ин сиккаҳоро чи меномиданд. Юнониёни қадим сиккаҳои тиллоии ҳахоманиширо “дарикус статер» ва сиккаҳои нуқрагиро “мидикус сиглус» меномиданд.

Мо то ин ҷо ба як бахши пурсишҳои худ посух гирифтём. Акнун саволе ба маврид аст, ки агар муомилоти пулӣ дар Эрони аҳди Ҳахоманишӣ дар асри VI пеш аз милод бо идомаи гардиши сиккаҳои лидиягӣ ва зарби дарику сиглоси ҳахоманишӣ оғоз шуда бошад, пас муомилоти пулӣ дар Осиёи Миёна кай ва тавассути кадом сиккаҳо сурат гирифтааст? Ин сиккаи ҳахоманишии Осорхонаи миллии Тоҷикистон ба ин мавзӯ чӣ рабте дорад?

Аввалин сиккаҳои ҳахоманишӣ аз Осиёи Миёна кай кашф шуданд ва Ҳахоманишиҳо дар ташаккули муомилоти пулии ин ҳавзаи фарҳангӣ чӣ нақше бозидаанд? Посух чунин аст, ки маҳз Ҳахоманишиҳо мардуми Осиёи Миёнаро бори аввал навиштор ва сикка шинос намуданд ва ин як ҷиҳати мусбати ин сарзаминро забт намудани онҳо мебошад [6, 85-86].

Доир ба шиносивии сокинони Осиёи Миёна бо сикка ҳаминро ҳам бояд ба назар гирифт, ки бохтариҳо, суғдиҳо, хоразмиҳо ва сакҳо дар лашкаркашиҳои Ҳахоманишиҳо бар зидди Юнон иштирок менамуданд ва дар он ҷо бо сикка шинос шуданашон имконпазир буд. Аз олимони шуравии Тоҷикистон сиккаҳои ганчинаи мазкурро Е. Зеймал таҳқиқ ва натиҷагирӣ карда буд. Ӯ доир ба сиккаҳои қадими Тоҷикистон асаре таълиф намуд, ки он соли 1983 ба нашр расида, яке аз шоҳкориҳои сиккашиносӣ дар ҷаҳон мебошад [7].

Муаллиф дар асоси таҳқиқи сиккаҳои ҳахоманишӣ (8 дарик, 7 сигил) ва юнонии дар таркиби Ганчинаи Амударё буда ва дигар сиккаҳо, ки аз Тоҷикистон то соли 1981 ёфт шуда буданд, ба хулосае меояд, ки сиккаҳои ҳахоманишии дар таркиби ин ганчина буда, дар муомилоти пулии Осиёи Миёна истифода нашуда, онҳоро чун сарват ҷамъ намудаанд.

Тибқи навиштаи Е. Зеймал қадимтарин сиккаҳои Ганчинаи Амударё, ки соли 1877/78 аз Тахти Қубоди Тоҷикистон ёфт шуда буданд, дар асрҳои V-IV пеш аз милод берун аз ҳудуди Осиёи Миёна зарб шуда, ба ташаккули

муомилоти пулии маҳаллӣ таъсиргузор намебошанд ва онҳоро дар чоряки охири асри III пеш аз милоди Исои Масеҳ дар Тахти Кубод зери хок пинҳон намуданд [7,15].

Дар муомилоти пулии Осиёи Миёна истифода нашудани сиккаҳои қадимаи Ганчинаи Амударёро академик Э. Ртвеладзе низ тасдиқ менамояд [8,17]. Массон В.М. паҳншавии васеи сиккаро дар Осиёи Миёна ба асри III пеш аз милод мансуб медонад [9,38].

Дар замони Шуравӣ кашфи муътамади сиккаҳои дигари ҳахоманишӣ дар Осиёи Миёна ба қайд гирифта нашуда буд. Тибқи навиштаи академик Э. Ртвеладзе ба истиснои як дарики ҳахоманишии дар асри XIX дар шаҳри Каркӣ (Туркманистон) ба таври норавшан пайдошуда ва дар Узбекистон маҳфузбуда замони Шуравӣ аз Осиёи Миёна ягон сиккаи асрҳои VI-IV пеш аз милоди Исои Масеҳ ба таври боэътимод кашф нашудааст [8,28].

Аммо дар солҳои охир ин вазъият тағйир меёбад. Чунончи аз ҷануби Туркманистон ганчинаи сиккаҳои ҳахоманишӣ кашф шуда, ду адад сиккаи ин ганчинаро Д. Ю. Брюков таҳқиқ намуда ба хулосае меояд, ки ворид будани Осиёи Миёна дар муомилоти пулии Ҳахоманишиҳо аз имконият берун нест. Илова бар ин соли 2020 аз ноҳияи Шамсиддин Шохини Кӯлоб сиккае ёфт шуд, ки он дар баррасии ин мавзуи мақолаи мо сарчашмаи муҳимми илмию таърихӣ мебошад. Бинобар ин, тавсифи комили онро зарур медонем.

Сиккаи мазкурро сокини рустои Деҳи Қозӣ Зоҳир Раҷабов меёбад. Аз таҳқиқи ин сикка маълум шуд, ки он аз филизи сафедранг ба шакли дарозрӯя зарб шуда, вазнаш 3.47 грам аст, ки аз ин тибқи нишондоди дастгоҳи иёрсанҷӣ 97,79% нуқра ва 2,20% тилло мебошад. Дар як тарафи ин сикка ду фурӯрафтагӣ бо андозаи гуногун ва дар тарафи дигари он тасвири барҷастаи дар муқобили ҳам ба таври ҳамлавар будаи нимтанаи шер ва гови нар мавҷуд аст.

Ин сиккаи нуқрагии аз мавзеи Сари Банд ёфтшуда, зоҳиран аз ҷумлаи аввалин сиккаҳои ҳаҳон мебошад, ки он дар заробхонаи Сарди Лидия дар асри VI то милод зарб шудааст. Аммо вазни сиккаи мазкур аз вазни навъи дигари сиккаҳои нуқрагии Крез сабуктар аст ва ин шояд қадимияти онро камтар намояд.

Дар баробари муайян намудани ҷинсу иёри маъдан ва вазну тасвири сиккаҳо барои хулосабарории дурусти илмӣ, мушаххасозии ҷой ва тарзи ёфт шудани сикка низ муҳим аст. Аз ин рӯ, яке аз муаллифон (Шарифзода А. Қ.) 12 июни соли 2020 ба рустои Деҳи Қозӣ омада, аз он ҷо бо роҳнамоии Зоҳир Раҷабов ба мавзеи ёфт шудани сикка рафта, ҷойи ёфти онро низ таҳқиқ намуд. Мавзеи мазкур новобаста ба доштани чашмаҳо ва растанию заминҳои кишт барои зиндагӣ мусоид мебошад ва он ниёз ба таҳқиқи бостоншиносӣ дорад. Начандон дур аз ин мавзеъ деҳаи Бодомту - ҷойи кашфи “Ганчинаи Кӯлоб»-бузургтарин ганчинаи дирҳамҳои сомони Хутгал дар дунё ва ёдгории Исккӯлоб (Кӯлоби дар баландӣ буда, Кӯлоби қадима) ва мавзеи машҳур ба Имом Аскара ва дар асл қалъаи Надими Кӯлоб ҷойгиранд. Ҷойи ёфти сиккаи навъи лидиягӣ дар поёни дарае, ки зиёда аз 100 метр жарф дорад ва он дар

давоми ҳазорҳо сол чунин шакл гирифтааст, воқеъ мебошад. Ҳоло ҳам дар поёни ин дара одамон ба тиллошӯйӣ машғул мешаванд ва сиккаи мазкур хангоми тиллошӯйӣ ёфт шудааст.

Маълум аст, ки таърихнигорони Юнони қадим ва чуғрофинависони қадиму асримиёнагӣ доир ба истехсоли тилло дар кӯҳистони Хатлон иттилоъ додаанд. Яъне тиллошӯйӣ дар ин мавзеъ аз гузаштаи хеле дур то имрӯз идома дорад. Бояд ёдовар шавем, ки ҳанӯз соли 2016 аз мавзеи Сари Банд як сиккаи нодири дигар – дударикаи ҳахоманишӣ низ ёфт шуда буд, ки он 20 мм кутр ва 16,57 грам вазн дошта, дар як тарафаш фурурафтагӣ ва дар тарафи дигараш симои шахси тоҷбарсари пойи росташ ба зону задаи дар дасти росташ ханҷар ва дар дасти чапаш камонбуда тасвир шудааст [10].

Дар ҷойи ёфти сиккаи лидиягӣ сафолпора, дигар ашёи сохташуда ва қабати фарҳангӣ ба назар намерасад. Аммо сокинони маҳаллӣ нақл мекунанд, ки аз ин ҷо гоҳ-гоҳ пораҳои ашёи сохташудаи таърихӣ ҳам ёфт мешавад. Кашфи сиккаи тавсифшудаи лидиягӣ дар таърихи муомилоти пулии Осиёи Миёна навгонии ҷиддиро ба вучуд овард. Яъне қадиматарин сиккаи Осиёи Миёна на сиккаҳои ҳахоманишӣ, балки сиккаи лидиягӣ мебошад, ки он дар асри VI то милод зарб шудааст.

Чи тавре дар боло қайд намудем баъзе аз олимон, аз ҷумла Е. Зеймал дар муомилоти пулии Осиёи Миёна истифода шудани сиккаҳои ҳахоманишӣ ва юнонии Ганчинаи Амударёро инкор менамоянд. Аз байни олимон Д. Довудӣ соли 2006 дар доираи баррасии мавзуи рисоли доктории хеш хулосаи Е. Зеймалро доир ба истифода нашудани қадимтарин сиккаҳои Ганчинаи Амударё дар муомилоти пулии Осиёи Миёна шубҳанок эълон намуд [11,9].

Тибқи хулосаи Д. Довудӣ аллакай дар асри V пеш аз милод сокинонии Осиёи Миёна бо сиккаи шаклаш гирд шинос шуда, онро дар муомилот истифода карда, илова бар ин сиккаҳои тақлидиро мебароварданд [11,10]. Инчунин кашфи сиккаи лидиягӣ ва дигар сиккаҳои ҳахоманишию юнонӣ аз Тоҷикистон дар ду даҳсолаи аввали асри XXI хулосаи Д. Довудиро доир ба ташаққули муомилоти пулии Осиёи Миёна қабл аз асри III пеш аз милод тақвият мебахшанд.

Яке аз чунин сиккаҳо ҳамон сиглоси ҳахоманишии соли 2017 ба фонди Осорхонаи миллии Тоҷикистон воридшуда аст, ки монанди сиккаи лидиягӣ дарозрӯя мебошад. Ин сикка метавонад ҳам далели пардохт шудани маош бо чунин сикка ва ҳам далели дар муомилоти пулӣ истифода шудани он бошад. Як сиккаи дигари ҳахоманишӣ низ аз Тоҷикистон ёфта шуд, ки онро бори нахуст соли 2018 Д. Довудӣ таҳқиқ ва ҷоп намуда буд [12, 35 - 36].

Ҷ дар баробари ибрази андешаҳои ҷолиб баъзе хулосаҳои баҳсноки зеринро ироа менамояд:

1. Сиккаи мазкур “дарики мисии ҳахоманишист”;
2. Онро тасодуфан аз ноҳияи Ёвони вилояти Хатлон ёфтаанд;
3. Дар рӯйи ин сикка акси Куруши Кабир тасвир шудааст;

4. Нақши пушти сикка мазмуни кайҳонӣ дошта, се доираи он се қабати осмонро ифода мекунад.

Гап сари ин аст, ки мо дар бораи аз мис сикка баровардани Ҳахоманишиҳо иттилое надоштем ва дар адабиёти муътамади илмӣ аз мис сикка баровардани Ҳахоманишиҳо зикр нашудааст. Бинобар зарурати илмӣ мо сиккаи мазкурро, ки холо дар коллексияи Садриддин Муҳаммадов ниғаҳдорӣ мешавад, 10 ноябри соли 2022 аз нав мавриди таҳқиқ қарор додем. Дар натиҷа маълум шуд, ки:

1. Сиккаи мазкур на аз мис, балки аз омехтаи тилло, нукра ва мис зарб шуда, дар таркиби он 80,70% нукра, 17,42% мис ва 1,87% тилло мавҷуд аст. Бинобар ғисади зиёдро ташкил кардани нукра он сиккаи нукрагӣ ҳисобида мешавад. Аз ин рӯ, сиккаи мазкур сиглоси (сигили) ҳахоманишист, на дарики мисии ҳахоманишӣ;

2. Тибқи нақли Садриддин Муҳаммадов он на аз ноҳияи Ёвон, балки соли 2010 аз ноҳияи Қубодиён кашф шудааст;

3. Куруши Кабир будани камондорӣ дар рӯйи ин сикка тасвиршуда ва се қабати осмонро ифода кардани нақши пушти он хулосаи боварибахш ба назар намерасад.

4. Сиккаи мазкур 11.51 грамм вазн ва 17мм диаметр дорад [1].

Чи тавре маълум шуд, дар давраи пасошуравӣ аз Тоҷикистон ҳамагӣ 1 адад сиккаи лидиягӣ ва як дударика аз Кӯлоб ва ду сигил аз водии Вахш на дар таркиби ганчина, балки ба таври чудоғона кашф шуданд. Ин нукта ҳам барои исботи иштироки онҳо дар муомилоти пулӣ муҳим аст. Ёфт шудани ин сиккаҳо дар шакли алоҳида далели он аст, ки онҳо дар Осиёи Миёна дар муомилоти пулӣ истифода мешуданд ва хулосаи он, ки сиккаҳои ҳахоманишӣ танҳо дар шакли ганчина ба Осиёи Миёна ворид шуданд, зери суол меравад. Аз ин рӯ, ба хулоса омадан мумкин аст, ки ҳарчанд дар ин давра дар Осиёи Миёна муомилоти пулӣ дар сатҳи баланд рушд накарда бошад ҳам, аммо он дар ҳудуди муайян вучуд дошт.

Баъд аз сиккаҳои Ҳахоманишӣ қадимтарин сиккаҳои аз Тоҷикистон ёфтшуда сиккаҳои юнонӣ ва сиккаҳои Искандари Мақдунӣ мебошанд. Чи тавре огоҳӣ дорем, солҳои 329-327 пеш аз милод Осиёи Миёна пурра аз ҷониби Искандар ишғол мегардад. Баъди аз байн рафтани империяи Ҳахоманишиҳо муомилоти пулӣ тавассути сиккаҳои юнонӣ дар Бохтари Қадим идома меёбад.

Дар Осорхонаи миллии Тоҷикистон 4 адад сиккаҳои Искандари Мақдунӣ - ду драхма, як тетрадрахмаи нукрагӣ ва як статер (сиккаи тиллоӣ) ҳифз ва муаррифӣ мешаванд. Ҳама сиккаҳо аз ҳудуди Тоҷикистон пайдо шуда, дар омӯзиши сиккаҳои Искандари Мақдунӣ ва муомилоти пулии ҳамон давраи Осиёи Миёна маълумоти зарурӣ медиҳанд. Ҳар се сиккаи нукрагии Искандар як навбанд. Дар рӯйи сиккаҳо тасвири нимруҳи шоҳ ба самти рост, дар сар қулоҳи тарҳи шердор тасвир шудааст. Даври тасвиirro нуктаҳои холкӯбишуда фаро гирифтаанд. Дар пушти сиккаҳо тасвири Зевси нимурёни тахтниншин ҳаққокӣ шудааст. Ӯ дар дасти рост парранда ва дар дасти чап сешоха дорад. Дар

баробари тасвири Эзад навиштаи юнонии “Александров» дар шакли амудӣ ба назар мерасад.

Сиккаи чаҳоруми Искандар (КВ-14177), ки дар Осорхонаи миллии ҳифзи мешавад, тиллоӣ буда, бори нахуст аз ҷониби яке аз муаллифони ин мақола таҳқиқ шуда буд. Дар рӯи сикка нимрухи модархудои юнонӣ Афина ҳақ шудааст. Дар пушти сикка фариштаи пирӯзӣ-Ника дар ҳолати рост истодан ва болкушода тасвир ёфтааст.

Боиси ёдоварист, ки статери (сиккаи тиллоӣ) Искандари Мақдунӣ то имрӯз ягона дар Осиёи Миёна буда, барои омӯзиш ва таҳқиқи сиккаҳои тиллоии Искандар арзиши калони илмӣ ва таҳқиқотӣ дорад [13].

Дар Тоҷикистон дигар сиккаҳои Искандари Мақдунӣ низ ёфт шудаанд. Дар ин хусус А. А. Семёнов иттилоъ дода буд. Ӯ дар рафти экспедитсияи таҳқиқотии соли 1898 дар шаҳри бостонии Кӯлоб бо як сиккаи Искандари Мақдунӣ ва сиккаҳои сершумори юнонӣ-бохтарӣ аз наздик шинос шуда, доир ба гардиши онҳо иттилои муҳим додааст [14, 46-50].

Аммо ин иттилои муҳими ӯро Е. Зеймал ба эътибор намегирад ва Д. Довудӣ низ аз он беҳабар мондааст. Зеро вай на дар монографияи соли 2006 ва на дар диссертатсияи докториаш ин гуфтаҳои А. А. Семёновро истифода накардааст. Гузашта аз ин, тибқи таҳқиқоти Болеараччи О. (Vorearachchi O.) соли 1996 аз минтақаи Кӯлоб як ганчинаи сиккаҳои қадим кашф шуда буд, ки 800 сиккаро дар бар мегирифт. Дар таркиби ин ганчина 6 драхмаи Искандари Мақдунӣ низ муайян шуданд [15].

Соли 2000 дар Тахти Сангин як драхмаи Искандари Мақдунӣ аз ҷониби сарҳадбонони рус ёфт шуда, ба шаҳри Тошканд бурда шудааст. Бар зами ин гуфтаҳо аз худуди Бохтари қадим кашф шудани ҳам сиккаҳои тилло ва ҳам сиккаҳои нуқрагии Искандари Мақдунӣ далели дар муомилоти пулии асри IV то милод истифода шудани онҳост. Ин нуқтаро сиккаҳои Искандари Мақдунӣ, ки дар Осорхонаи миллии Тоҷикистон (ОМТ) маҳфузанд низ тақвият мебахшанд.

Бозёфти сиккаҳои Искандари Мақдунӣ дар Тоҷикистон					
Номи шоҳ	Ҷойи маҳфузи нигоҳдорӣ	Миқдор	Фирқа	филиз	Ҷойи бозёфт
Искандар	ОМТ	1	Статер	тилло	Хатлон
Искандар	ОМТ	1	Тетрадрахма	нуқра	ноҳияи Рӯдакӣ, деҳаи Гулистон
Искандар	ОМТ	1	Драхма	Нуқра	Шаҳри Кӯлоб
Искандар	ОМТ	1	Драхма	Нуқра	Шаҳри Душанбе
Искандар	Осорхонаи Лондон ва	273	Тетрадрахма ва драхма	Тилло ва	Тахти Кубод

	Эрмитажи давлатии Россия			нукра	(Ҳазинаи Амударё)
Искандар	Покистон	6		нукра	Ганчинаи Кӯлоб
Искандар	Номаълум	1	Тетрадрахма	нукра	ноҳияи Файзобод
Искандар	Номаълум	1	Драхма	нукра	ноҳияи Фархор
Искандар	Узбекистон?	1	Драхма		Тахти Сангин
Ҳамагӣ		286			

Дар умум аз 7 мавзеи Тоҷикистон 286 сиккаи Искандари Макдунӣ (статер, драхма, тетрадрахма) ёфт шудаанд, ки мумкин аст онҳоро ба ду гурӯҳи калон тақсим кард. Якум, сиккаҳое, ки дар замони зиндагии Искандар зарб шудаанд. Дуюм, сиккаҳое, ки пас аз вафоти Искандар меросхӯрони ӯ номаш баровардаанд. Дар ин хусус фикри ҳамаи олимони яқсон нест. Аз ҷумла А. Горин чунин меандешад, ки ҳама сиккаҳои Искандарро, ки аз Осиёи Миёна ёфт шудаанд, ворисонаш баъди маргаш барои поси хотири ӯ зарб кардаанд [16,51].

Ба фикри Ч. Крибб дар муомилоти пулии Осиёи Миёна истифода шудани сиккаҳои аслии Искандар, ки ҳамроҳи ӯ ва сарбозонаш вориди Осиёи Миёна шуда буданд, ҳоло ба таври бозғимод исбот нашудааст [17,4].

Тибқи навиштаи Е. Зеймал дар ибтидо сиккаҳои Искандар барои нигоҳдории артиш дар Бохтар ва пардохти маоши сарбозон истифода мешуданд ва онҳо дар муомилоти пулии Осиёи Миёна иштирок нашоштанд.

Аммо аз таҳқиқи сиккаҳои қадимаи солҳои охир аз Осиёи Миёна, аз ҷумла аз ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон кашфшуда, ки дар боло мавриди баррасӣ қарор гирифтанд ва як миқдорашон дар фонди Осорхонаи миллии Тоҷикистон ҷамъоварӣ шудаанд, ҳулоса қардан мумкин аст, ки қадимтарин сиккаи ба Осиёи Миёна воридшуда сиккаи лидиягии дар асри VI пеш аз милод зарбгаштаи аз шаҳри Кӯлоб ёфтшуда буда, илова бар он кашфи ҷудоғонаи дигар сиккаҳои ҳахоманишӣ ва юнонӣ аз ҳудуди Осиёи Миёна далели муътамади дар як дараҷаи наҷандон баланд ташаккул ёфтани муомилоти пулии ин ҳавзаи қадимаи тамаддун дар асрҳои V-IV пеш аз милод мебошад ва инро ба таври қомил инкор қардан ба назар саҳеҳ намерасад.

Ҳамин тариқ, дар натиҷаи таҳқиқи маводи нумизматики дар аввали асри XXI аз ҳудуди Осиёи Миёна кашфшуда чунин метавон чунин ҳулоса кард:

1. Қадимтарин сиккаи Осиёи Миёна, аз ҷумла Тоҷикистон сиглоси лидиягӣ-крэзии аз Кӯлоб ёфтшуда мебошад, ки он дар асри VI пеш аз милод дар заробхонаи Сарди Лидия (имрӯза ҳудуди Туркия) зарб шуда, тавассути бохтариҳо ё ҳахоманишиҳо ба сарзамини Кӯлоб оварда шудааст;

2. На ҳамаи сиккаҳои Ҳахоманишии Ганчи Амударё ҳамчун сарват ҷамъоварӣ шудаанд (ҳулосаи Е. Зеймал), балки як миқдори онҳо ва инчунин

сиклҳои ҳахоманишии солҳои охир аз Тоҷикистон ва Туркменистон кашфшуда далели дар тиҷорати асри VI пеш аз милод дар Бохтар чун пул истифода шудани ин сиккаҳои ҳахоманишии мебошанд;

3. Юнониҳо ба муомилоти пулии Осиёи Миёна асос нагузоштаанд ва то ҳучуми Искандари Мақдунӣ дар Бохтар муомилоти пулӣ ташаккул ёфта буд;

4. Шимоли Бохтар то ҳучуми Искандари Мақдунӣ тамаддуни ниҳоят ҳам баланд дошт ва дар онҳо шаҳраку шаҳрҳо мавҷуд буданд, ки сиккаҳо ба ҳар тариқе вориди онҳо шуданд. Дар аҳди Селевкиён шаҳрҳо раванқ ёфтанд ва заминаи фаъолияти заробхонаҳо фароҳам гардид, аммо дар давраи юнону бохтарӣ бе шак заробхонаҳои маҳаллӣ ташаккул ёфтанд;

5. Кашфи сиккаи тавсифшуда ва инчунин кашфи 6 драхмаи Искандари Мақдунӣ, сиккаҳои селевкии ва юнону бохтари аз Кӯлоб кашфшуда, ки онҳоро олими машҳур Осмунд Бопеараччи таҳқиқ ва чоп намудааст, аз ҷиҳати илмӣ боғтимод будани гуфтаҳои соли 1898-и академик А. А. Семёновро доир ба мавҷудияти сиккаҳои қадим дар Кӯлоби шимоли Бохтар тасдиқ менамояд;

6. Эҳтимол меравад, ки дар охири давраи Ҳахоманишии ва замони Юнону бохтарӣ дар шимоли Бохтар, аз ҷумла ҳудуди онвақтаи Тоҷикистони имрӯза заробхонаҳои маҳаллӣ амал мекарданд ва ин эҳтимол аз кашфи минбаъдаи сиккаҳои қадим такмил хоҳад ёфт;

7. Дар сиккаи ҳахоманишии Осорхонаи миллии Тоҷикистон, ки дар адабиёти илмӣ сигил, шикил ва сиклос номида мешавад, Дориюши Бузург тасвир шудааст. Аммо ин хулосаи мо ниҳой нест.

8. Бақайдгирӣ, таҳқиқ ва ҳуҷҷатгузории дурусти сиккаҳои қадимаи кашфшуда ва дар оянда кашфшаванда саҳифаҳои нави таърихи сикказанӣ ва муомилоти пулии ин бахши Бохтарро равшантар хоҳад намуд [1,327].

АДАБИЁТ

1. Шарифзода А. Қ., Сафоев М., Сафоев Ф. Кашфи нави сиккаҳои бостонӣ аз Тоҷикистон// Тахти Сангин намоди омезиши тамаддуни Шарқу Ғарб. - Душанбе, 2023 – С. 309-328.

2. Авасто/Точнома. Силсилаи “Тоҷикон дар масири таърих». Таҳиягарон: Б. Ғаффор, М. Ҳотам, М. Диловар. – Душанбе, 2014. – 784 с.

3. Шарифзода А. Қ. Қадимтарин сиккаи Осиёи Миёна аз Кӯлоб/ Аҳбори Осорхонаи миллии Тоҷикистон- Душанбе, №3, 2021- С.56-62

4. Геродот. История//Перевод и примечания Г. А. Стратаноского – Ленинград, 1972.- 600 с.

5. Боғбедӣ Ҳ. Р. Сиккаҳои Эрон дар давраи исломӣ. Аз оғоз то баромадани Салҷуқиён- Техрон, 1393. – 745 с.

6. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история – Москва, 1972. – 425 с.

7. Зеймал Е. В. Древние монеты Таджикистана – Душанбе, 1983. – 344 с.

8. Ртвеладзе Э. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана –Ташкент, Т.1, 2002. – 304 с.

9. Массон В. М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным// Вестник древней истории – Москва, 2 (52), 1955. – С. 37-47.

10. Шарифзода А. Кашфи яке аз сиккаҳои қадимтарини дунё аз Кӯлоб//Мероси ниёгон - Душанбе, №22, 2020. – С. 19-22.
11. Довуди Д. денежное обращение древнего и средневекового Хатлона (V в. до н.э. – нач. XX в. н. э.).- Душанбе, 2006. – 347 с.
12. Довудӣ Д. Сиккаи нодири Ҳахоманишӣ аз Ёвон// Мероси ниёгон. – Душанбе, №20, 2018- С.35-36.
13. Шарипов А. Тухфаҳои нодир//Ахбори Осорхонаи миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба номи Камолиддин Бехзод. – Душанбе, №1, 2014. – С. 5 -15.
14. Шарифзода А. Кӯлоб дар тасвири академик А. А. Семёнов// Мероси ниёгон – Душанбе, № 25, 2023 – С. 46-50.
15. Каримдодов М. Ганҷинаи Кӯлоб//Ахбори Осорхонаи миллии Тоҷикистон. – Душанбе, 2022. – С.59-67.
16. Горин А. Н. Каталог монет крепости Узундара / А. Н. Горин Двуреченская Н. Д.– Ташкент: SAN’AT, 2018.– 175 с.
17. Cribb J., Herrmann G. After Alexander: Central Asia before Islam/ J. Cribb//. British Academy Scholarship. - London, 2007 – 34 p.

ҚАДИМТАРИН СИККАҲОИ ФОНДИ ОСОРХОНАИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН ВА МАСЪАЛАҲОИ ТАЪРИХИ ТАШАККУЛИ МУОМИЛОТИ ПУЛӢ ДАР ОСИЁИ МИЁНА

Муаллифон дар асоси таҳқиқи қадимтарин сиккаҳои фонди Осорхонаи миллии Тоҷикистон ва дигар сиккаҳои қадими аз Тоҷикистон ва дигар ҷумҳуриҳои Осиеи Миёна кашфшуда масъалаҳои пайдоиши сикка ва муомилоти пулиро дар ин ҳавзаи қадими тамаддуни башарӣ баррасӣ намуданд. Қадимтарин сиккаи Осиеи Миёна сиглоси лидиягӣ мебошад ва он соли 2020 аз минтақаи Кӯлоби Тоҷикистон кашф шудааст.

Муайян карда шуд, ки қадимтарин сиккаи фонди Осорхонаи миллии Тоҷикистон сиглоси ҳахоманишии Дориюши Бузург буда, он бароварди асри V пеш аз милод мебошад. Инчунин сиккаҳои ҳахоманишӣ, юнонӣ, селевкӣ ва юнону бохтариӣ дар ибтидои асри XXI аз ҳудуди Осиеи Миёна кашфшуда далели ин аст, ки воридшавии қадимтарин сиккаҳо ва ташаккули муомилоти пулӣ дар Осиеи Миёна на дар асри III пеш аз милод, балки дар асрҳои V-IV пеш аз милод рост меояд.

Калидвожаҳо: *Осорхонаи миллии Тоҷикистон, Осиеи Миёна, Тоҷикистон, Бохтари қадим, Кӯлоб, қадимтарин сиккаҳо, муомилоти пулӣ, ганҷина, музди сарбозон.*

ДРЕВНЕЙШИЕ МОНЕТЫ ИЗ ФОНДА НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ТАДЖИКИСТАНА И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

На основе исследования древнейших монет, хранящихся в Национальном музее Таджикистана, а также других монет, обнаруженных на территории Таджикистана и других республик Средней Азии, авторы изучили вопросы появления первых монет и становления денежного обращения в этом древнем регионе человеческой цивилизации.

Лидийский сиглос, найденный в 2020 году в Кулябском регионе Таджикистана, на сегодняшний день является самой древней привозной монетой, обнаруженной в Центральной Азии. Установлено, что самой древней монетой в коллекции Национального музея Таджи-

кистана является ахеменидский сиглос Дария Великого, датируемый V веком до нашей эры.

Кроме того, находки ахеменидских, греческих, селевкидских и греко-бактрийских монет, обнаруженных в начале XXI века на территории Средней Азии, свидетельствуют о том, что введение древнейших монет и формирование денежного обращения в регионе произошло не в III веке до нашей эры, как считалось ранее, а в V–IV веках до Рождества Христова.

Ключевые слова: *Национальный музей Таджикистана, Средняя Азия, Таджикистан, древняя Бактрия, Куляб, древнейшие монеты, лидийский сиглос, ахеменидские, греческие и селевкидские монеты, денежное обращение, клад, солдатское жалованье.*

THE OLDEST COINS OF THE FUND OF THE NATIONAL MUSEUM OF TAJIKISTAN AND THE ISSUES OF THE HISTORY OF THE FORMATION OF MONEY CIRCULATION IN CENTRAL ASIA

Based on the study of the oldest coins of the National Museum of Tajikistan and other ancient coins discovered in Tajikistan and other Central Asian republics, the authors examined the issues of the appearance of the first coins and the formation of monetary circulation in this ancient region of human civilization. The Lydian siglos, which was found in 2020 in the Kulob region of Tajikistan, is currently the oldest imported coin in Central Asia.

It has been established that the oldest coin in the National Museum of Tajikistan is the Achaemenid siglos of Darius the Great, issued in the 5th century BC. Also, Achaemenid, Greek, Seleucid and Greco-Bakhtar coins discovered in Central Asia at the beginning of the XXIst century prove that the introduction of the most ancient coins and the formation of monetary circulation in Central Asia occurred not in the IIIrd century BC, but in the Vth-IVth centuries BC.

Key words: *National Museum of Tajikistan, Central Asia, Tajikistan, ancient Bactria, Kul-yab, ancient coins, Lydian siglos, Achaemenid, Greek and Seleucid coins, money circulation, treasure, soldiers' pay.*

Сведения об авторах: **Шарифзода Абдували** - кандидат исторических наук, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАН. Тел.: (+992) 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

Каримдодзода Мирали Замон - заведующий отделом археологии и нумизматики Национальный музей Таджикистан, соискатель четвертого курса Института истории, археологии и этнографии НАНТ. Тел.: (+992) 98901615, E-mail: mkarimdodov@mail.ru

Information about the authors: **Sharifzoda Abduvali** - Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel: (+992) 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

Karimdodzoda Mirali Zamon - Head of the archaeological and numismatics Department of the National Museum of Tajikistan, and applicant of the fourth year of Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel: (+992) 989016151, E-mail: mkarimdodov@mail.ru

УДК 72(575+55)"11/12"

**ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО АРХИТЕКТУРНО -
ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ В МАВЕРАННАХРЕ И
ХОРАСАНЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА¹****МУКИМОВ Р. С.,****Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ**

В странах, активно связанных общностью социально-экономического и культурного развития, в частности, в Мавераннахре и Хорасане, в течение продолжительного времени формировались закономерности художественных стилей, последовательно сменяющихся в процессе развития архитектурно-художественного творчества среднеазиатских народов. Причина в этом – не только территориальное, но и экономическое, политическое и историческое единство явлений двух стран в средние века (9). Поэтому мы выделяем в них общие закономерности культурного развития в самом широком понимании слова, т.е. архитектуры, градостроительства, изобразительного, прикладного и декоративного искусств, строительного дела, науки, литературы и т.д.

Предлагаемая нами систематизация архитектурно - художественных стилей и их периодизация (о них в несколько ином плане было сказано в нашей монографии об истории и теории таджикского зодчества) (7) в целом отражает принятое в специальной литературе развитие архитектурного творчества Центральной, в том числе Средней Азии, но здесь возможно его уточнение и конкретизация в зависимости от местной политической, экономической, исторической и другой ситуаций.

Архитектура, как и любой вид искусства, имея внутреннюю закономерность развития, должна рассматриваться в неразрывной связи с историей человеческого общества. Иногда развитие архитектуры и искусства находится в полном соответствии с общественным развитием, иногда обнаруживается неравномерность, но всегда наблюдаются между ними определенные исторически обусловленные взаимоотношения и взаимосвязи. Поэтому важнейшей задачей изучения истории архитектуры вообще должно быть установление связи между возникновением стиля (архитектурного, художественного) какой-либо эпохи и историко-культурной средой. Проследим, как те или иные черты архитектуры возникают на базе определенного уровня развития производительных сил, про-

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа (III век - начало XX века)», государственной регистрационный номер 0121 ТЖ 1211.

изводственных отношений и господствующего мировоззрения той или иной эпохи.

Конечно, в вопросах искусства и, в частности, архитектуры, речь идет не о примитивной зависимости причины и следствия. Порой даже при сравнительно невысоком уровне общественного развития может быть создано, при известных условиях, выдающееся художественное произведение. Невозможно, например, понять сущность величайших произведений искусства, архитектуры и культуры эпохи Саманидов, не понимая общественного идеала движения «шуубийя» (культурная оппозиция ассимиляторской политики Аббасидского халифата) в Мавераннахре. Точно также специфические условия развития торговли, ремесел и городского хозяйства в IX - начале XIII вв. находят отражение в характерных чертах гуманистических воззрений эпохи Достижения (9) в архитектуре и искусстве мавераннахро - хоросанского региона. Только передовыми архитектурно-художественными идеями эпохи можно объяснить появление такого великолепного памятника не только центральноазиатской, но и мировой архитектуры, как династийный мавзолей Саманидов в Бухаре (8, 24-35).

«Архитектуру и искусство средних веков, исходя из исторической обусловленной взаимосвязи эпох, мы разделили на три периода: раннее средневековье – IV-X вв.; зрелое – XI-XV вв.; позднее – XVI-XVII вв. Каждый из них имеет свои этапы, связанные с определенными вехами в историческом развитии, культуре, искусстве и архитектуре. Первый период подразделяется на два этапа: IV-VIII вв. и IX-X вв.; второй – также на два этапа: XI-начало XIII вв.; XIV-XV вв.» (6).

Указанная периодизация непосредственно обусловлена историко-культурной средой, а также возникновением и развитием архитектурных и художественных идей и концепций, ни в какой степени не противоречащих многообразию местных и индивидуальных форм, в которых эти идеи облечены.

Как уже отмечалось выше, в IV - VIII вв. в Мавераннахре и Хоросане, а значит и в Центральной Азии в целом, складывается новый феодальный общественный строй со своей духовной жизнью и художественной культурой, меняется письменность. В отличие от западных стран, где средневековье полностью смело древнюю цивилизацию, в Центральной Азии картина была иная – завершая античность, зодчество раннего феодализма закладывало основу развития архитектуры последующих веков. Преемственность традиций, экономические и культурные связи между отдельными государственными образованиями и районами Центральной Азии, наряду с этноязыковой консолидацией служат признаками подъема культуры в каждой из отдельных областей: Согде, Хорезме, Тохаристане, Хоросане, Уструшане и др.

Складывающаяся общность материальной и духовной культур способствовала становлению архитектурных и художественных школ. В Центральной Азии наиболее активную роль стали играть искусство и архитектура Согда, который воспринял ряд образов и приемов, созданных местным античным искусством и архитектурой, и распространил их через свои колонии на весь центральноазиатский регион. Так, с согдийской колонизацией Семиречья ученые

(А. Н. Бернштам, П. Н. Кожемяко и др.) связывают развитие городов Чуйской долины в общем русле с Мавераннахром (цитадель, шахристан, рабад). На это указывает двух - или трехчастность городищ (Краснореченское городище, Акбешим, Апшар и др.). Близкую структуру имеет и поселение Карабулак в Уструшане, где кроме замковой и жилой частей имелась единая система укреплений, включая и вал, закрывающий подступы к Карабулаку с западной стороны. Столица Уструшаны – Бунджикат, состоящая из отдельных укрепленных городищ (Калаи Кахкаха I, II и III), была окружена общей четвертой стеной (11).

Мавераннахрские, и особенно согдийские традиции, проявляются не только в сходстве основ градостроительства, но и материальной культуры Семиречья: жаровен, оссуариев, керамической посуды, архитектурных деталей (фигурные кирпичи Акбешима, Тараза, замка Актепа и Бунджиката), «дастарханов» и др. (11).

В IX-X вв. вслед за арабским завоеванием и утверждением ислама происходит завершение этногенетического формирования народов Среднего Востока, в частности, таджикского. Этому способствовало усиление экономических и культурных связей между отдельными государственными образованиями и районами Центральной Азии, а также рост городов в условиях развития феодальных отношений, приведших к слиянию преимущественно оседлых среднеазиатских народностей. Каждая из этих народностей – согдийцы, бактрийцы-тохаристанцы, хорезмийцы, парфяно-хоросанцы, уструшанцы, ферганцы, а также кочевые племена – саки, став составной частью таджикского народа, внесла в общенародную сокровищницу все, что было создано ею до образования таджикского народа (9).

К слову сказать, Г. А. Пугаченкова в статье о средневековых архитектурных школах упрекнула Р. С. Мукимова в паниранизме при определении им вклада таджикского народа в архитектурное наследие Средней Азии (14). Однако ни для кого не является секретом большой вклад оседлых восточноиранских народов – бактрийцев, согдийцев, уструшанцев – в формировании архитектуры раннего средневековья, а через них и в зодчество IX-XIII вв. Именно эти народы повлияли на формирование таджикского народа, и в данном случае переход от восточноиранских языков к таджикскому не означает, что этнический состав населения резко изменился.

Таджики возводили первые этажи богатого архитектурного наследия. Позже, после перехода кочевых народов тюркского происхождения к оседлой жизни, образовался тот сплав, творческие силы которого участвовали в возведении всего здания. Генетические связи между восточноиранскими народами и таджиками подтверждаются обширным материалом в области антропологии, верований, этнографии, археологии и других источников, а не только по принципу языковой общности, хотя, на наш взгляд, умалять значение последней также не следует (10, 71-112).

Об активной роли Согда, а затем и Мавераннахра в развитии архитектуры и искусства Средней Азии красноречиво свидетельствует высказывание Л. И. Ремпеля, неоднократного соавтора Г.А. Пугаченковой, что «...мастерам Мавераннахра принадлежит полнота прав на все, что создано было в эту пору (IX-нач. XIII вв. – Р. М.) на территории Среднеазиатского Междуречья *иранцами (таджиками)* (курсив наш - Р. М.) или их выучениками из числа тюрок» (16, 91).

Процесс формирования таджикского народа и его государственности совпал со сложением феодальной социально-экономической формации. Причем, этноязыковая консолидация в рассматриваемый период (IX-X вв.) наряду с общим стремлением к сохранению политической самостоятельности отдельных областей Мавераннахра и Хоросана послужило толчком к дальнейшему развитию и объединению политической, экономической, материальной и духовной культур всего таджикоязычного региона (9, 222-228). Так, одним из важных свидетельств намечающейся экономической общности является факт снабжения города Худжанда уструшанским и ферганским хлебом. А общность духовной культуры можно проследить в религиозных воззрениях и обрядах захоронения на территории Уструшаны и соседних областей (9, 216).

Интенсивная феодализация не только породила новые формы этнокультурной общности и общественной идеологии, но и отразилась в области архитектурного творчества. Как отмечалось выше, «...период IX-X вв. характеризуется расцветом городской жизни, идет завершение формирования средневекового города, возникают новые типы зданий и сооружений, что было вызвано утвердившейся в государстве Саманидов идеологией ислама. Получили развитие и постройки, связанные с совершенствованием городского коммунального хозяйства и образованием» (5). Расцвет экономики и культуры, архитектуры и искусства был настолько велик, что в специальной искусствоведческой литературе возникло понятие об эпохе Восточного Ренессанса, хотя такое стилистическое сравнение, по словам Л. И. Ремпеля, «...разных «Возрождений» в искусстве и архитектуре недопустимо» (16, 30).

Возникновение школ было подготовлено всем развитием предшествующего этапа. Именно преемственность традиций доарабского зодчества способствовало становлению нового стиля, например, в Мавераннахре, с его принципиально новыми приемами – планировочными, художественно-композиционными, строительными и другими, которые стали определяющими для облика сооружений Центральной Азии. Отдельные школы в этот период сохраняются в Тохаристане, Мервском Хоросане, в среднем течении реки Сырдарья, в Ферганской долине, Гератском Хоросане и др.

Тезис о преемственности художественных, архитектурных и культурных традиций в различных районах Центральной Азии некоторым образом противоречит мнению Г. А. Пугаченковой, выделяющей в средние века на территориях, не связанных с отдельными историко-культурными областями, северотуркестанскую, восточнотуркестанскую и южнотуркестанскую школы (14,73).

Эти школы не совпадают территориально с культурными центрами раннего средневековья, что вызывает некоторые сомнения в определении этнокультурной общности народов, населявших рассматриваемые области.

Мы считаем, что при определении и выделении характерных черт тех или иных школ плодотворным будет такой анализ их произведений, при котором эти произведения рассматриваются не только как продукт своей эпохи и не только как законченный художественный организм, но и как явление, носящее в себе прогрессивные черты, которым дано оплодотворить более поздние архитектурные стили и школы.

Продолжая тезисную характеристику архитектурно-художественных школ в различные исторические эпохи, отметим, что период развитого средневековья характеризуется взлетами и падениями архитектурно-художественного творчества. Так, в XI - начале XIII вв. Центральная Азия, в том числе Мавераннахр и Хорасан, находится в ряду самых передовых цивилизаций Запада и Востока. Окончательно складывается новый стиль в искусстве и архитектуре, который охватывает вскоре весь Средний и Ближний Восток. Многовековое наследие народов Центральной Азии в период феодализма получило большую кристаллизацию и художественную шлифовку. Цеховая организация ремесленников и строителей породила новые виды архитектуры, декора и бытового искусства, много новых идей и форм. Мастера XI-начала XIII вв. выработали язык художественных и архитектурных форм, отвечающий эпохе.

Отличительной особенностью периода XI - начала XIII вв. является необычайно стремительный взлет культуры Мавераннахра и Хорасана во всех ее проявлениях, где большое значение приобретает преемственность традиций в архитектуре, градостроительстве, строительном деле и монументальном строительстве и искусстве. В XI - начале XIII вв. был выработан ряд приемов на основе преемственности традиций IX - X вв. – художественных, планировочных, композиционных, строительных и других, которые стали определяющими для облика монументальных сооружений исламского зодчества – медресе, мечетей, мавзолеев, ханака, каравансараяв и т.п.

Уже в XI - начала XIII вв. в Средней Азии практиковался широкий взаимобмен мастерами художественных профессий, в частности приглашение порой издалека снискавших добрую славу зодчих. Так, архитектор Али бини Мухаммад из Серахса осуществлял строительство джаркурганского минарета (1, 70-71), другой серахский зодчий, Мухаммад бини Атсыз был создателем мавзолея султана Санджара (2,121-122), а зодчий Абу-Наср ибн Ахмад из Термеза трудился в хорасанском городе Анбаре (современный Сарыпуль в Афганистане). Это не могло не сказаться на взаимообогащении и взаимопреемственности творческих идей во всем обширном среднеазиатском регионе. Вместе с тем, при общности стиля здесь сохранялась приверженность к традициям местных архитектурных школ.

Архитектура и архитектурный декор Средней Азии XI - начала XIII вв. развивались в тесном взаимодействии с зодчеством лежащих к югу и юго-западу

сопредельных зон современного Афганистана и Ирана (Хорасана). Тесные экономические и историко-культурные связи и обмен мастерами, как отмечает Г. А. Пугаченкова, способствовали слиянию художественных течений в общий поток средневековой культуры этих областей (13, 100-101).

Руины загородного дворца в окрестностях средневекового Термеза (Халчяне) предоставляют пример не только жилища правителей, но и удачный синтез архитектуры и изобразительного искусства. «...Дворцовый комплекс охватывала высокая стена. Вход был выделен монументальным порталом и вел в прямоугольный двор, окруженный строениями, с большим квадратным бассейном по середине. Напротив главного входа, на одной оси с ним, располагался аудиенц-зал, обращенный во двор арочным портиком-айваном. Айван был пятипролетным со стрельчатыми арками, опирающимися на стены и на массивные устои. Средняя арка была шире и, вероятно, выше остальных. Сам аудиенц-зал состоял из среднего возвышенного нефа и обводящей его с трех сторон двухъярусной сводчатой галереей. Лицевая сторона оставалась открытой – если ее и прикрывали, то лишь драгоценными занавесами.

Строительный материал дворца – в основном сырец, хотя местами использован и жженный кирпич. Архитектурный декор прост и сдержан: он исчерпывался фигурными кирпичными кладками с рельефными узорами, образованными перевязкой кирпичей, выкладкой их на геометрической сетке, резными узорами - вставками. В XII в. все поверхности аудиенц-зала – от панелей и до замков сводов – были покрыты слоем ганча, по которому была нанесена глубокая трехслойная резьба» (1, 54-55).

Свидетельством наличия крупных сооружений в XI - начала XIII вв., как уже упоминалось выше, в Северном Таджикистане являются также деревянные архитектурные детали, покрытые изумительной по красоте резьбой. Это – михраб из селения Искодар Айнинского района Согдийской области Республики Таджикистан, классический образец из резного дерева Средней Азии рассматриваемого времени. Михрабная ниша, прямоугольная в плане, завершается полукуполом с фестончатой аркой, опирающейся на изящные четверные колонки. Все эти части небольшого (180x277 см), изящного михраба покрыты резьбой. Причем, он собран без клея и гвоздей из 280 частей, выполненные в традициях согдийского, доисламского искусства и зодчества. И не только согдийского. По мнению ученых, памятник связан с искусством зарубежного Востока – Ирана, Месопотамии и др. Например, килевидная снаружи арка михраба, украшенная круглыми фестонами, сродни архитектуре грузинских храмов XI-XII вв. Она имеет аналоги в мавританской архитектуре, в зодчестве Индии (3, 215-216).

Таким образом, только один пример анализа резной детали сооружений XI - начала XIII вв. показывает классику среднеазиатского искусства, корнями уходящей в глубокие пласты доисламских представлений. Именно в традициях Средней Азии следует искать один из главнейших источников, питавших вдохновение придворных мастеров Аббасидского Халифата. Произведения резного дерева Северного Таджикистана достойно представляют классику среднеазиат-

ского, да и всего центральноазиатского, искусства в эпоху культурного расцвета государственных образований XI - начала XIII вв.

От периода монгольского владычества сохранилось не много памятников, некоторые из которых (часть ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде, несколько монументальных сооружений погребального назначения в Бухаре, в Таласской долине, близ Термеза и других местах Мавераннахра и Хорасана), знаменательны по архитектурно-декоративному убранству (например, мавзолеи начала XIV века Ходжа Ахмад, Усто Али, Туркан-ака в Шахи-Зинде, мавзолеи Куны Ургенча Нажмеддин Кубра, Тюрабек-ханым и др.).

В начале XIII - XIV вв. начинает формироваться крупный культовый ансамбль Шейха Муслихиддина, который в 1391/92 годах посетил Тимур, о чем пишет биограф эмира Шарефеддин Али Йезди (3, с. 354-355). Здесь, на месте первичной усыпальницы XII-начала XIII вв. с терракотовым декором и резным деревянным панно, был построен двухкамерный мавзолей из жженого кирпича с великолепным порталом, украшенным глазурованными плитками. В последующем мавзолей неоднократно подвергается перестройке и ремонтам и лишь в XVII веке получил свой облик, дошедший до нашего времени. В последующие столетия у мавзолея формируется ансамбль, включающий постройки старой и новой мечети, минарет и небольшое кладбище (19).

В 1982 году Специальными научно-реставрационными производственными мастерскими Минкультуры Таджикистана были начаты работы по реставрации мавзолея и по ходу разборки позднейших наслоений были произведены исследования, которые позволили реконструировать первоначальный облик памятника. В настоящее время памятник полностью восстановлен в первоначальном виде и в результате благоустройства территории вокруг мавзолея здесь вновь возродился крупный ансамбль из общественных и культовых построек с включением новых зданий медресе и мечети Шейха Муслихиддина, где производятся праздничные моления в дни мусульманских праздников (17).

Таким образом, на примере ряда монументальных памятников в городах Мавераннахра и Хорасана мы рассмотрели особенности архитектуры и градостроительные традиции. Архитектура и градостроительство XI - начала XIII вв. получило своё наивысшее выражение на основе преемственности архитектурно-художественных традиций прошлого, новаторски дополненного новыми идеями и направлениями зарубежных стран Востока. Это взаимообогащение архитектуры путем проникновения и слияния творческих идей позволило в последующий знаменательный период XI- начала XIII вв., когда окончательно сформировалось то новое, что вознесло зодчество XIV - XV вв. над достижениями предшествующей ему эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршавская, З. А., Ртвеладзе, Э. В., Хакимов, З. А. Средневековые памятники Сурхандарьи / З. А. Аршавская, Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. – Ташкент: Изд. литер. и искусства им. Г. Гуляма, 1982. – 152 с., ил.

2. Булатов, М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. / М. С. Булатов. – М.: Наука, 1988. – Изд. 2-е. – 362 с., ил.
3. Воронина, В. Л. Резное дерево Зеравшанской долины / В. Л. Воронина // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1950. – № 15. – С. 210–220, ил.
4. Греков, Е. Д., Якубовский, А. Ю. Золотая Орда и её падение / Е. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – 479 с., 16 л. ил., карт.
5. Мирбабаев, А. К. Города эпохи Саманидов / А. К. Мирбабаев // Мероси ниёгон. – 1999. – Вып. 4. – С. 49–54.
6. Мукимов, Р. С. К проблеме периодизации архитектурного наследия Мавераннахра средних веков / Р. С. Мукимов // Информационный бюллетень. МАИКЦА. – 1987. – Специальный выпуск. – С. 59–64.
7. Мукимов, Р. С. История и теория таджикского зодчества / Р. С. Мукимов; под ред. Н. Н. Негматова. – Душанбе: ТТУ им. акад. М. С. Осими, 2002. – 464 с., ил.
8. Мукимов, Р. С. Искусство градостроения в IX–X вв. / Р. С. Мукимов // Муаррих. – 2023. – № 4 (36). – С. 24–35.
9. Негматов, Н. Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хоросан в IX–X вв.) / Н. Н. Негматов. – Душанбе: Изд. «Дониш», 1977. – 279 с.
10. Негматов, Н. Н. Таджикский феномен: теория и история / Н. Н. Негматов. – Душанбе: Оли Сомон, 1997. – Гл. II. – 406 с.
11. Негматов, Н. Н., Мамаджанова, С. М. Согдийские традиции в градостроительстве и культуре Семиречья / Н. Н. Негматов, С. М. Мамаджанова // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». – Л.: Госэрмитаж, 1983. – Вып. 1. – С. 76–77.
12. Прибыткова, А. М. Строительная культура Средней Азии IX–XII вв. / А. М. Прибыткова. – М.: Стройиздат, 1973. – 234 с., ил.
13. Пугаченкова, Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV век / Г. А. Пугаченкова. – Ташкент: Изд. литер. и искусства им. Г. Гуляма, 1976. – 115 с., ил.
14. Пугаченкова, Г. А. О средневековых архитектурных школах Средней Азии / Г. А. Пугаченкова // Известия АН Тадж. ССР. Серия: ВИФ. – 1988. – № 1 (9). – С. 66–67.
15. Рахматуллаева, С. Дворцовая архитектура эпохи Саманидов / С. Рахматуллаева // Мероси ниёгон. – 1999. – Вып. 4. – С. 95–96.
16. Ремпель, Л. И. Искусство Среднего Востока / Л. И. Ремпель. – М.: Советский художник, 1978. – 284 с., ил.
17. Талбакова, Н. С., Никитина, О. М. Архитектурно-археологическое исследование мавзолея Шейха Муслихиддина в процессе реставрации / Н. С. Талбакова, О. М. Никитина // Исследования по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе: Изд. «Дониш», 1986. – С. 122–134.
18. Хмельницкий, С. Г. Между Саманидами и монголами. Том 2 / С. Г. Хмельницкий. – Берлин-Рига: Изд. «Гамаджум», 1997. – 229 с., ил.
19. Хмельницкий, С. Мавзолей Шейха Муслихиддина / С. Хмельницкий. – Худжанд: Изд. «Вароруд», 2002. – 90 с., ил.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ В МАВЕРАННАХРЕ И ХОРОСАНЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

На примере ряда монументальных памятников в городах Мавераннахра и Хорасана рассматриваются особенности архитектуры и градостроительные традиции. Архитектура и градостроительство XI - начала XIII вв. получило своё наивысшее выражение на основе преемственности архитектурно-художественных традиций прошлого.

Они новаторски дополняются новыми идеями и направлениями зарубежных стран Востока. Это взаимообогащение архитектуры путем проникновения и слияния творческих идей позволило в последующий знаменательный период (XI - начала XIII вв.), достичь то-

го, когда окончательно сформировалось то новое зодчество, которое вознесло эпоху XIV-XV вв. над достижениями предшествующей ему эпохи.

Ключевые слова: *архитектура, преемственность традиций, Мавераннахр, Хорасан, средние века, новаторство.*

ТАШАККУЛИ УСЛУБИ ЯГОНАИ МЕЪМОРӢ ВА БАДЕӢ ДАР МОВАРОУННАХР ВА ХУРОСОН ДАР АСРҶОИ МИЁНА

Дар мисоли як қатор ёдгориҳои монументали дар шаҳрҳои Мовароуннахр ва Хуросон хусусиятҳои меъморӣ ва анъанаҳои шаҳрсозӣ баррасӣ карда мешаванд. Меъморӣ ва шаҳрсозӣ дар асрҳои XI ибтидои асри XIII дар асоси пайдарпаии анъанаҳои меъморӣ ва ҳунарии гузашта ифодаи баландтаринро ба даст овард.

Онҳо бо ғояҳо ва самтҳои нави кишварҳои хориҷии Шарқ пурра карда мешаванд. Ин ғанисозии мутақобилаи меъморӣ тавассути воридшавӣ ва яқояшавии ғояҳои эҷодӣ имкон дод, ки дар давраи муҳими минбаъда (асри XI ибтидои асри XIII) ба он ноил шавад ва он меъморӣ нави, ки давраи асрҳои XIV - XV-ро аз дастовардҳои давраи пеш аз он боло бурд ва ба таври ниҳойи ташаккул ёфт.

Калидвожаҳо: *меъморӣ, пайдарпаии анъанаҳо, Мовароуннахр, Хуросон, асрҳои миёна, навоарӣ.*

NANTES THE FORMATION OF A UNIFIED ARCHITECTURAL AND ARTISTIC STYLE IN TRANSOXIANA AND KHOROSAN IN THE MIDDLE AGES

Using the example of a number of monumental monuments in the cities of Transoxiana and Khorasan, the features of architecture and urban planning traditions are considered. Architecture and urban planning of the XI - early XIII centuries received its highest expression on the basis of the continuity of architectural and artistic traditions of the past.

They are innovatively complemented by new ideas and trends from foreign countries of the East. This mutual enrichment of architecture through the penetration and fusion of creative ideas made it possible in the subsequent significant period (XI- early XIII centuries) to achieve when the new architecture was finally formed, which elevated the era of the XIV-XV centuries above the achievements of the era preceding it.

Key words: *architecture, continuity of traditions, Transoxiana, Khorosan, the Middle Ages, innovation.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Муқимов Рустам Самадович** - доктори илмҳои меъморӣ, профессор, ходими калони илмии шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нави Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши АМИТ. Тел. моб.: (+992) 907 - 77 - 18 - 02. E-mail: mukimovr@mail.ru

Information about the author: **Mukimov Rustam Samadovich** - Doctor of Architecture, Professor, Senior Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after Akhmad Donish of the National Academy of Sciences. Tel. mob.: (+992) 907 - 77 - 18 - 02. E-mail: mukimovr@mail.ru

УДК 377.8:7(575.3)"195/196"

**СРЕДНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В ТАДЖИКСКОЙ ССР В 50-Е -
60-Е ГОДЫ XX ВЕКА**

**МУХИДИНОВ С. Р., АЛЛОЕВА Х. Х.,
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

В 1950-е годы культурная сфера Советского Таджикистана начала активно развиваться и совершенствоваться. Средние специальные учебные заведения, будучи важным звеном образовательной системы, готовили кадры для различных сфер общественной жизни, многие из которых впоследствии сыграли значимую роль в развитии культуры и искусства страны.

После войны педагогический состав Художественного училища пополнили вернувшиеся с фронта выпускники, а также новые педагоги: Н.Н. Писанко, А. Н. Камелин, Г. Н. Кузьмин (Заслуженный учитель Таджикской ССР, проработал 30 лет), Е. Г. Чемодуров (Народный художник Белорусской ССР, Заслуженный деятель искусств РСФСР, Литовской и Таджикской ССР), Н.К. Рушев, М.Н. Шипулин (Народный художник Таджикской ССР), Б.Д. Лавров. В 1951 году они подготовили первый послевоенный выпуск живописно-педагогического отделения, состоящий из 13 человек, многие из которых стали известными мастерами искусства. Среди них — заслуженные деятели искусств Таджикской ССР А.Т. Бесперстов (проработал в училище 20 лет), Х.А. Расулов, а также художники К. Закиров, А.П. Белецкий, В.М. Жаданов, Н. Руденко, К. Туренко и другие.

С 1951 года училище постоянно пополнялось молодыми педагогами, прибывавшими из разных городов страны. Среди них: М.М. Мухин (Народный художник Таджикской ССР), П.В. Кранцевич, В.Н. Кушнер, А.Я. Медведев, В.П. Алексеев, М. Олимов (Народный художник Таджикской ССР, лауреат Государственной премии Таджикской ССР им. А. Рудаки), В.М. Боборыкин (Народный художник Таджикской ССР), Е.Д. Носик (Заслуженный работник культуры Таджикской ССР) [4,67].

В 1959 году преподавательский состав пополнился талантливыми специалистами, уже своими кадрами – выпускниками Республиканского художественного училища, закончившими вузы Москвы, Ленинграда, Таллина, Ташкента по разным видам изобразительного искусства– З.Н. Хабибуллаев, А.Т. Аминджанов, К. Закиров, Х.Д. Хушвахтов[11].

Много сил и времени отдали любимому делу – подготовке молодых специалистов опытные преподаватели, проработавшие в училище более 15–20 лет, в

прошлом выпускники училища: А.П. Умаров, Х.Р. Бердыев, З.А. Турдыева, З.Бондаренко, М. Курбанов, А. Ахмедов, Р. С. Сафаров [12].

Педагогический коллектив, партийная, комсомольская и профсоюзная организации Республиканского художественного училища им. М. Олимова проводили большую работу по идейно-политическому воспитанию учащихся. Серьезное внимание уделяли организации и проведению производственной практики учащихся. В основном учащиеся направлялись на объекты, где им предстояло в будущем работать. Тематика их работ была разнообразной и актуальной, отражая современность. Студенты-дипломники оформляли интерьеры и экстерьеры многих промышленных и общественных зданий в городе и районах, а также благоустраивали пионерские лагеря и дворовые площадки.

Художественное училище им. М. Олимова продолжало развивать традиции прошлых лет, добиваясь значительных улучшений в преподавательской деятельности. Особое внимание уделялось укреплению связи обучения с производством и ориентации на конечный результат — подготовку высококвалифицированных специалистов. Педагогический коллектив целенаправленно совершенствовал учебно-воспитательный процесс, повышая качество подготовки будущих художников. Студенты получали профессиональные навыки по выбранной специальности, а также воспитывались в духе трудолюбия и коммунистических убеждений.

Большой вклад в формирование будущих художников вносили преподаватели общеобразовательных дисциплин, многие из которых проработали в училище более 15–20 лет. Среди них: преподаватели истории А.С. Сулейманов, Н.Ф. Лунева, М. Миралиева, физики Д.Х. Хушмамадова, Т.Н. Шевченко (заведующая отделением по общеобразовательным дисциплинам), немецкого языка С.М. Мухтарова, педагогики В.В. Рухляда, истории искусств Т.С. Алпатова, черчения Н.В. Шустер и Т. Шабалтина, математики Т.П. Зайченко, химии Б.Р. Бальян, пластической анатомии Н.Н. Хамидова, физкультуры М. Сафармамадов и другие.

Даже ушедшие на пенсию педагоги сохраняли связь с училищем. Среди них - В.А. Яценко, ветеран труда и преподаватель литературы с более чем 20-летним стажем, А.Т. Бесперстов (Заслуженный деятель искусств Таджикской ССР), а также Г.Н. Кузьмин (Заслуженный учитель Таджикской ССР)[6].

Преподавательский состав посвятил все свои силы и опыт, воспитанию молодых художников, поддерживая связь с выпускниками и помогая им советами в начале их профессионального пути. Выпускники педагогического отделения получали квалификацию преподавателей черчения и рисования, трудились в общеобразовательных школах и детских художественных школах. Училище тесно сотрудничало с 25 детскими художественными школами, расположенными в городах и районах республики, которые являлись основной практической базой. Подготовкой специалистов на педагогическом отделении занимались опытные преподаватели, многие из которых были Заслуженными деятелями искусств Таджикской ССР.

Декоративно-оформительское отделение выпускало художников-оформителей средней квалификации для работы в различных отраслях народного хозяйства и культуры. Здесь готовили мастеров широкого профиля, владеющих искусством оформления выставок, парков, демонстраций, витрин, а также созданием рекламных плакатов и наглядной агитации. Во время обучения студенты изучали достижения современного декоративного искусства, декоративные свойства различных материалов, материаловедение и основы архитектуры.

Первый набор на это отделение состоялся в 1959 году по инициативе Заслуженного деятеля искусств Таджикской ССР З. Н. Хабибуллаева, художника объемных форм моделей Х. Асрора и скульптора В. Амиджанова, который стал первым преподавателем этого отделения. Завершением обучения была защита дипломного проекта, включающая создание рекламного плаката, оформление интерьеров общественных зданий, выставок, детских парков и других объектов[4,254].

Отделение художественной росписи готовило мастеров в области художественной и альфрейно-декоративной росписи, предназначенной для оформления общественных и жилых зданий. Первый набор студентов в это отделение состоялся в 1956 году. Работы учащихся неоднократно выставлялись на ВДНХ СССР, ВДНХ Таджикской ССР и выставке в Крыму. Кроме того, через Дом дружбы произведения, выполненные в технике «кундаль», экспонировались за рубежом, включая такие страны, как Кипр, Сирия, Швеция и другие[16].

По контингенту учащихся Сталинабадского художественного училища в 1953 году количество учащихся составили 88 чел., в том числе таджики -19, узбеки, бухарские евреи-5 и девочек -17. Среди них, конечно, большинство составили представители местной национальности[18].

Художественное училище Таджикистана ежегодно выпускало более 20 специалистов средней квалификации, пополняя ряды художников республики. В период с 1953 по 1959 годы училище подготовило 163 художника. Многие из них становились преподавателями рисования и черчения в школах и техникумах, а часть выпускников продолжала образование в высших художественных учебных заведениях или становилась творческими работниками.

В 1950-е годы выпускники художественного училища активно работали в редакциях республиканских журналов, создавая иллюстрации и художественное оформление для произведений литературы, выпускавшихся Таджикгосиздатом. Например, Даврон Сафаев успешно трудился в сатирическом журнале «Хорпуштак», его карикатуры публиковались также в журнале «Крокодил», а рисунки экспонировались на республиканских выставках, получая высокую оценку. В это же время В. Четко занимал должность главного художника журнала «Пионер». Художественным оформлением книг, выпускавшихся издательством, занимались такие художники, как В. Щедрин, Л. Винников, В. Горбунов и Н. Федяев [8].

Конечно, в эти годы наблюдался новый творческий подъем художников старшего поколения. Они создали ряд ярких, картин отражавших многогранную жизнь республики. Среди них работы М. Хошмухамедова «Богатый урожай», «Хлопковое поле» и др., А.М. Пономарева «На хирмане», Н.А. Матасова «Трудовые будни» (сбор хлопка) и т.д. Художники создавали образы героев труда, портреты знатных людей. Например, Н.И. Дрегалин написал портрет агронома Касымова, А.С.Краснопольский мастера прикладного искусства Алимова и портрет колхозника, И.Л. Лисиков портрет народного артиста Таджикской ССР А. Бурханова, А.Д.Ашуров – портрет учителя, В. Н. Боборыкин – портрет литейщика К. Фазылова. К 1000-летию со дня рождения Авиценны, которое по решению Всемирного Совета Мира отмечалось в 1952 г., художники Б.И. Сереб В эти годы художники старшего поколения переживали новый творческий подъем, создавая яркие произведения, отражающие многогранную жизнь республики. Среди них выделяются работы М. Хошмухамедова, такие как «Богатый урожай» и «Хлопковое поле», а также картины А.М. Пономарева «На хирмане» и Н.А. Матасова «Трудовые будни» (сбор хлопка).

Художники активно создавали образы героев труда и портреты выдающихся людей. Так, Н.И. Дрегалин написал портрет агронома Касымова, А.С. Краснопольский изобразил мастера прикладного искусства Алимова и колхозника, И.Л. Лисиков – народного артиста Таджикской ССР А. Бурханова, А.Д. Ашуров – портрет учителя, а В. Н. Боборыкин – литейщика К. Фазылова.

К 1000-летию со дня рождения Авиценны, отмеченному в 1952 году по решению Всемирного Совета Мира, художники Б.И. Серебрянский и М.Р. Хошмухамедов создали портреты великого ученого [2].

Следует отметить, что была установлена главная тематика во всех жанрах искусства - победа советского народа в Великой Отечественной войне. В 50-е годы в творчестве живописцев и мастеров декоративно-прикладного искусства появилась свежая струя – они стремились создать произведения на современную тематику с использованием богатого наследия таджикского народа. В этой манере работали художники А. Ашуров, А. Хошмухамедов, А. Камелин, П. Фальбов, Р. Багдасаров и др. [5,231].

Выставки и Декады служили своеобразной формой демонстрации и оценки работы мастеров изобразительного искусства. В послевоенные годы выставки таджикских художников проходили в 1947 и 1959 годах. В 1957 году в Москве, в рамках декады таджикского искусства, были представлены новые работы в области живописи, скульптуры, графики и народного прикладного искусства. К творческой конференции художников Средней Азии и Казахстана, прошедшей в Душанбе в 1955 году, была подготовлена крупная межреспубликанская художественная выставка. Пополнение рядов таджикских художников обеспечивалось выпускниками художественного училища, которое ежегодно готовило более 20 специалистов среднего уровня. В период с 1953 по 1959 годы училище выпустило 163 специалиста [4,266].

Качество подготовки молодых специалистов в Таджикистане напрямую зависело от наличия необходимых и хорошо оснащенных кабинетов и мастерских по ключевым профессиональным дисциплинам. Постановлением Министерства культуры Таджикской ССР от 6 ноября 1956 года № 265 «О состоянии подготовки кадров высшей и средней квалификации по системе Министерства культуры Таджикской ССР» отмечалось, что в 1956 году была проведена определённая работа в этой области. Существенное количество специалистов высшей и средней квалификации из числа местного населения готовилось в учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других городов страны [7,89-90].

Особенно это касалось музыкального образования. Причина была в том, что в 1950-х гг. музыкальные училища не готовили педагогов для вновь открываемых музыкальных школ и для преподавания пения и музыки в общеобразовательных школах, педагогических училищах и институтах. Контингент учащихся для этих учебных заведений нигде не готовился.[19]

В сентябре 1955 года была проведена проверка Сталинабадского музыкального училища, призванного готовить специалистов музыкантов средней квалификации. За последние 10 лет училище выпустило всего лишь 63 специалиста [14].

Подготовка музыкальных кадров имела свои особенности. Для решения проблемы нехватки специалистов в средних специальных учебных заведениях культуры и искусств, Министерство культуры Таджикской ССР планировало с 1963-64 учебного года открыть подготовительные отделения при Душанбинском и Ленинабадском музыкальных училищах. Эти отделения должны были готовить по 50 человек на два года обучения в таких областях, как народные инструменты, дирижирование, хоровое пение, струнные и духовые инструменты.

В 1962 году Душанбинское музыкальное училище завершило обучение 57 студентов местной национальности из общего числа 150 выпускников. Большинство из них работало в республике, в Театре оперы и балета им. С. Айни, Государственной филармонии, в детских музыкальных школах и общеобразовательных учебных заведениях. За все годы в консерватории страны было принято 80 студентов, и к 1962 году около 50 человек продолжали обучение. В тот период в музыкальном училище существовало 8 отделений: фортепианное, теоретико-композиторское, дирижерско-хоровое, вокальное, народных инструментов, духовых инструментов, струнное, класс баяна и актерское. Общее количество студентов составляло 264 человека, из которых 135 были местной национальности. Педагогический состав включал 82 человека, из которых 42 имели высшее специальное образование [4,235].

Одной из ключевых задач музыкального училища было подготовить квалифицированных специалистов с общим средним образованием в различных музыкальных сферах: артистов симфонического оркестра и оркестра народных инструментов, артистов хора, дирижеров, преподавателей детских музыкальных и общеобразовательных школ и других.

Однако эта задача выполнялась недостаточно эффективно, поскольку учебно-воспитательная работа была на низком уровне. Многие выпускники не получали должной подготовки и квалификации, что негативно сказалось на качестве преподавания в музыкальных и общеобразовательных школах.

Из-за острой нехватки высококвалифицированных преподавателей с высшим образованием и низкого уровня общей специальной подготовки учащихся, многие из них не могли продолжить обучение в высших учебных заведениях страны. Например, из 15 студентов, направленных Министерством культуры Таджикской ССР в консерваторию страны в 1962 году по вне конкурса, только 4 человека успешно сдали экзамены и были зачислены.

Педагогический коллектив и студенты музыкального училища активно участвовали в пропаганде музыкального искусства, проводя концерты и лекции-концерты на предприятиях, в учебных заведениях, в воинских частях Душанбе, перед строителями Нурекской ГЭС, а также участвуя в творческих вечерах и отчетных концертах, организуемых в училище. К сожалению, их выступления не находили должного освещения в средствах массовой информации, таких как радио, телевидение и пресса.

Большинство абитуриентов музыкального училища не имели необходимой музыкальной подготовки, так как детские музыкальные школы еще не успели подготовить достаточное количество квалифицированных кадров для училища. Это отчасти было связано с тем, что педагоги, выпущенные музыкальным училищем, не всегда обеспечивали качественное обучение. Все это замедляло процесс подготовки профессиональных музыкальных кадров.

Значительно лучше обстояло дело в Душанбинском художественном училище, где очень правильно был поставлен учебный процесс, который проводился квалифицированными преподавателями. Художественное училище, созданное в 1945 г., с контингентом в 12 человек учащихся выросло до семи отделений: художественно-педагогического, театрально-декорационного, скульптурного, оформления архитектурных сооружений, художественной обработки дерева, тканей, художественной керамики с контингентом в 227 человек [1,74].

В училище был создан квалифицированный и опытный педагогический коллектив, который готовил высококлассных специалистов средней квалификации. Многие преподаватели работали здесь на протяжении длительного времени. Учебное заведение было полностью укомплектовано педагогами, преимущественно с высшим специальным образованием. Исключением были лишь трое преподавателей с средним образованием, но с большим опытом работы. Большинство преподавателей и художников республики, имеющих высшее образование, когда-то окончили Душанбинское училище, среди них - Д. И. Сафоев (заместитель директора), А.С. Садриддинов, А. Т. Амиджанов, Х. Р. Бердыев и другие. В училище работали два старших преподавателя, один из которых, А.А. Ганиев, был направлен в аспирантуру. Также в числе преподавателей был народный художник Таджикской ССР М. Алимов и 13 членов Союза художни-

ков республики. До 1963 года училище выпустило более 200 человек, из которых около 50% составили представители местной национальности [17,10].

Следует отметить, что бывшие выпускники художественного училища твердо придерживались принципов социалистического реализма и активно участвовали в республиканских, всесоюзных и периодически международных выставках. В 1963 году работы выпускников 1962 года были представлены на Всесоюзной выставке дипломных работ средних художественных учебных заведений в Академии художеств СССР. В училище было предпринято много усилий для того, чтобы обучение соответствовало растущей роли художника в развитии культуры и народного хозяйства страны. В связи с этим была пересмотрена подготовка специалистов с учетом потребностей народного хозяйства республики. В последние годы училище начало активно укреплять связи учащихся с производственной практикой и реальной жизнью.

В 1962 году была впервые организована производственная практика для студентов прикладных отделений. Например, студенты 4-5 курсов оформительского отделения проходили практику в строительных управлениях Душанбе и в проектно-институте Гипростроя, студенты отделения художественной обработки тканей - на Ленинабадском шелковом и ковровом комбинате, а учащиеся по художественной обработке дерева — на Душанбинской мебельной фабрике.

В 1963 году эти студенты продолжили работать на тех же предприятиях. Также училище установило связи с Союзом архитекторов, архитектурным управлением города и рядом промышленных предприятий, школ и других организаций. Были организованы постоянно действующие выставки работ учащихся на механическом заводе, в школах № 31 и 44, в школе-интернате и в музыкальном училище. Кроме того, на общественных началах в школах № 14, 34 и 44 города Душанбе были открыты ИЗО кружки [9,180].

Несмотря на определенные успехи в работе Душанбинского училища и укрепляющиеся связи с жизнью и производством, в его деятельности имелись и недостатки, часто не зависящие от учебного заведения. Например, несмотря на хорошие результаты студентов отделения по оформлению архитектурных сооружений, Главтаджикстрой отказывался принимать выпускников училища, утверждая, что в его организациях нет штатных вакансий для художников-оформителей. Хотя такие специалисты были востребованы в некоторых учреждениях, вопрос о создании штатных должностей оставался не решенным, и выпускники не могли найти работу по своей специальности [10,56].

Республиканское художественное училище, готовя специалистов в области культуры и искусства через свои многопрофильные отделения, внесло значительный вклад в развитие культуры и искусства республики. Оно готовило оформителей широкого профиля, мастеров оформления выставок, парков, демонстраций, витрин, рекламных плакатов и наглядной агитации. В процессе обучения студенты знакомились с достижениями современного декоративного искусства и изучали декоративные свойства различных материалов, а также основы материаловедения и архитектуры [4,245].

В конце 1950-х годов в республике была проведена определённая работа по расширению сети музыкальных учебных заведений, укреплению их материальной базы и улучшению учебно-воспитательного процесса. В период с 1950 по 1960 годы Министерством культуры Таджикской ССР было открыто 8 новых музыкальных школ, среди которых средняя специальная музыкальная школа и музыкальные школы № 2 и 3 в Душанбе, а также семилетние музыкальные школы в Кулябе, Канибадаме, Регаре, Хороге и Курган-Тюбе. В сентябре 1963 года в рамках народнохозяйственного плана были открыты дополнительные музыкальные школы в Орджоникидзебаде, Исфаре, Худжанде, Шурабе и Табошаре. С 1959 по 1962 учебный год общее количество учащихся в музыкальных школах увеличилось с 1962 до 2529 человек, при этом если в 1959/60 учебном году в музыкальные школы республики поступило 380 человек, то в 1962/63 учебном году их количество возросло до 680.

Кроме того - 99 человек (все местной национальности) обучались в 1960-1961 учебном году в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и Ташкента. В этом же учебном году ощущалась следующая потребность в специалистах с высшим образованием:

1. Музыковеды - 3 специалиста: 2 специалиста для Ленинабадского музучилища и 1 - для Сталинабадского музучилища за счет приглашения на работу в республику.

2. Пианистов - 12 специалистов: 7 специалистов для Ленинабадского и 5 для Сталинабадского училища (так же за счет приглашения).

3. По народным инструментам - 4 специалиста: особенно гиджакисты и рубобисты для Сталинабадского музучилища.

4. По живописи - 2 специалиста. Художественное училище смогли обеспечить за счет окончивших учебу в 1960 году.

5. Для оперно-симфонического дирижирования – 1 специалист для Ленинабадского музучилища также за счет приглашения, так как по этой специальности на учебу никто не был послан.

6. По хоровому дирижированию - 2 специалиста. Сталинабадское музыкальное училище смогли укомплектовать только по приглашению, так как ими по этой специальности на учебу в Москву в 1959 году вернутся только через 4 года.

7. Певцов - 2 специалиста [20].

За период с 1960 по 1965 гг. был расширен обмен культурными ценностями между братскими республиками путем обмена пьесами, музыкальными произведениями, направления режиссеров, дирижеров, балетмейстеров для постановки спектаклей и проведения концертов, а также приглашение таковых из других республик в Таджикистан.

Таким образом, музыкальные училища городов Сталинабада и Ленинабада расширили подготовку, открыв в 1961 году заочное и вечернее отделения с контингентом учащихся по 10 человек на каждом отделении [15].

Подготовка специалистов проводилась по шести направлениям: фортепиано, дирижерско-хоровое, теория музыки, оркестровое, народные инструменты и вокальное мастерство. Проблемы с набором студентов в музыкальные училища оставались схожими с довоенным периодом.

Согласно требованиям, на все отделения, за исключением вокального, должны были поступать учащиеся, завершившие музыкальную школу. Однако, из-за того, что не все музыкальные школы выпускали учеников, училища были вынуждены принимать абитуриентов без предварительного музыкального образования, что негативно влияло на качество набора. В итоге, в период с 1958 по 1991 годы музыкальные училища Сталинабада и Ленинабада, включая дневное, заочное и вечернее отделения, выпустили около 4000 музыкальных специалистов [21].

Таким образом, средние специальные учебные заведения, являясь важным элементом подготовки кадров для различных отраслей общественной жизни страны, сыграли значительную роль в развитии культуры и искусства Таджикистана. В 1950-х годах развитие культуры, особенно профессиональной музыкальной, было неразрывно связано с решением проблемы подготовки музыкальных кадров для различных направлений, в которых ощущалась острая нехватка специалистов. В этот период Ленинабадское музыкальное училище сыграло ключевую роль в подготовке кадров для сферы искусства. В условиях дефицита педагогических кадров потребность в них для музыкальных учебных заведений республики резко возросла, при этом недостаточно внимания уделялось обучению девушек местной национальности в музыкальных училищах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойназаров, Б. История становления и развития изобразительного искусства таджикского народа (20–80-е годы XX века): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Б. Бойназаров. – Душанбе, 2004. – 155 с.
2. Давыдов, Г. Эстетическое воспитание молодежи – благородная задача общеобразовательной школы / Г. Давыдов // Коммунист Таджикистана. – 1957. – 25 сент.
3. Искусство таджикского народа. – Душанбе: Дониш, 1979. – 216 с.
4. История культурного строительства в Таджикистане (1917–1977 гг.). Т. 2. – Душанбе: Дониш, 1983. – 472 с.
5. История таджикского народа. Новейшая история (1941–2010). Том VI / Под ред. академика Р. М. Масова. – Душанбе: Имперал-груп, 2011. – 688 с.
6. Мавлонназаров, А. Отради нави рассомон / А. Мавлонназаров // Маориф ва маданият. – 1968. – 13 июля.
7. Мухиддинов, С. Р. Русские художники в Таджикистане (вторая половина XIX – 80-е гг. XX века) / С. Р. Мухиддинов. – Душанбе: изд-во РТСУ, 2012. – 217 с.
8. Назаров, Ё. Мактаби хунарҳои зебо / Ё. Назаров // Газетаи муаллимон. – 1985. – 16 июл.
9. Очерки о художниках Таджикистана. – Душанбе, 1975. – 261 с.
10. Республиканское художественное училище им. М. Олимова. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 168 с.
11. ТАМК РТ. Справка о Республиканском художественном училище за 1959–1963 гг.
12. ТАМК РТ. Справка о состоянии и мерах по улучшению работы Республиканского художественного училища.
13. ТАМК РТ. Докладные записки Республиканского художественного училища. – Л. 45.

14. ТАМК РТ. Справка о состоянии учебно-воспитательной работы в Сталинабадском музыкальном училище.
15. ТАМК РТ. Справка «О работе Душанбинского и Ленинабадского музыкальных училищ».
16. Ходжаев, М. Донишгоҳи хунарҳои зебо / М. Ходжаев // Маориф ва маданият. – 1970. – 17 дек.
17. Хушвахтов, Х. О развитии изобразительного искусства Таджикистана / Х. Хушвахтов // Творчество. – 1969. – № 7. – С. 8–16.
18. ЦГА РТ. Ф. № 1483, оп. № 1, ед. хр. № 106, л. 19.
19. ЦГА РТ. Ф. № 1483, оп. № 1, ед. хр. № 554, л. 7–8.
20. ЦГА РТ. Ф. № 1483, оп. № 4, ед. хр. № 246, л. 142 // Справка «О состоянии и мерах дальнейшего развития профессионального искусства в Таджикской ССР».
21. ЦГА РТ. Ф. № 1483, оп. № 1, ед. хр. № 557, л. 24.

СРЕДНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В ТАДЖИКСКОЙ ССР В 50-Е – 60-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В статье рассматривается состояние средних специальных учебных заведений в сфере культуры и искусства в 50-е-60-е годы XX века. В годы войны одним из источников пополнения предприятий и учреждений кадрами и специалистами продолжали оставаться средние специальные учебные заведения. В этот период техникумам и училищам пришлось изменить весь учебный процесс, привычное русло жизни учащихся и преподавательских коллективов, направив и подчинив все интересам фронта.

Что касается подготовки кадров художников из числа молодежи, то она была прервана в связи с трудностями, вызванными войной. Немаловажное значение в эти годы имела подготовка музыкальных кадров. Функционировавшие в эти годы в городах Сталинабаде и Ленинабаде два музыкальных училища не обеспечивали необходимой подготовки кадров для учреждений культуры республики.

Эти училища на протяжении длительного времени не были укомплектованы квалифицированными преподавательскими силами, в результате чего основная тяжесть учебного процесса была возложена на педагогов-совместителей, работающих в разных зрелищных предприятиях. Надо отметить, что послевоенный период характеризовался восстановлением и укреплением материальной базы ССУЗов сферы культуры. Перевод техникумов и училища на 4-летнее обучение, затем на 2-летнее повлекло за собой перестройку учебного процесса, программы, что не могло не сказаться на качестве обучения.

В эти годы необходимы были и специалисты клубных и библиотечных учреждений. Несмотря на существующие недостатки, ссузы сферы культуры и искусства внесли свой вклад в дело восстановления и развития искусства республики, обеспечивая приток специалистов.

Ключевые слова: *сфера культуры, искусство, художественное училище, техникум, специальные учебные заведения, преподаватель, учащиеся, кадры, учебный процесс.*

SECONDARY SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE SPHERE OF CULTURE AND ARTS IN THE TAJIK SSR IN THE 50S - 60S OF THE XX CENTURY

The article examines the state of secondary specialized educational institutions in the field of culture and arts during the 1950s–1960s. During the war years, one of the sources for staffing enterprises and institutions with personnel and specialists continued to be secondary specialized educational institutions. During this period, technical schools and colleges had to completely alter their educational processes and the usual routines of students and teaching staff, directing and subordinating everything to the needs of the front.

As for training young artists, it was interrupted due to the difficulties caused by the war. Significant importance during this period was attributed to the training of musical personnel. The two music

colleges operating during this time in the cities of Stalinabad and Leninabad did not provide adequate training for the cultural institutions of the republic.

For an extended period, these colleges lacked qualified teaching staff, resulting in the main burden of the educational process falling on part-time teachers who also worked in various entertainment enterprises. It should be noted that the post-war period was characterized by the restoration and strengthening of the material base of cultural secondary specialized educational institutions.

The transition of technical schools and colleges to a four-year training system, and later to a two-year system, led to a restructuring of the educational process and programs, which inevitably affected the quality of education. During this time, there was also a demand for specialists in club and library institutions. Despite existing shortcomings, secondary specialized educational institutions in the field of culture and arts contributed to the restoration and development of the republic's arts, ensuring an influx of specialists.

Key words: *culture, arts, art college, technical school, specialized educational institutions, teacher, students, personnel, secondary specialized, educational process.*

МУАССИСАҶОИ ТАҲСИЛОТИ МИЁНАИ МАҲСУС ДАР СОҶАИ ФАРҲАНГ ВА САНЪАТ ДАР РСС ТОҶИКИСТОН ДАР ДАВРАИ СОЛҶОИ 50-60-УМИ АСРИ ХХ

Дар мақола вазъи муассисаҳои таҳсилоти миёнаи махсус дар соҳаи фарҳанг ва санъат дар давраи солҳои 50-60-уми асри ХХ баррасӣ карда мешавад. Дар солҳои ҷанг яке аз манбаҳои пур қардани корхонаҳо ва муассисаҳо бо кадрҳо ва мутахассисон муассисаҳои таҳсилоти миёнаи махсус боқӣ монданд. Дар ин давра техникумҳо ва мактабҳо маҷбур шуданд, ки тамоми раванди таълим, чараҳои маъмулии ҳаёти хонандагон ва коллективҳои омӯзгоронро тағйир диҳанд ва ҳама чизро ба манфиатҳои фронт равона ва тобеъ кунанд.

Дар мавриди омода қардани кадрҳои рассомони ҷавон, он бо сабаби мушкилоти ҷанг қатъ карда шуд. Дар ин солҳо омодагии кадрҳои мусиқӣ аҳамияти бориз дошт. Дар ин солҳо дар шаҳрҳои Сталинобод ва Ленинобод ду мактаби мусиқӣ барои муассисаҳои фарҳангии ҷумҳурӣ омода қардани кадрҳои заруриро таъмин намекарданд. Ин мактабҳо муддати тӯлонӣ бо қувваҳои таҳассусии омӯзгорӣ таъмин набуданд, ки дар натиҷа бори асосии раванди таълим ба зиммаи омӯзгорони ҳамзамон, ки дар корхонаҳои гуногуни тамошобоб кор мекунанд, гузошта шуд.

Бояд қайд кард, ки давраи баъдичангӣ бо барқарорсозӣ ва мустаҳкам қардани заминаи модии муассисаҳои таҳсилоти миёнаи махсус дар соҳаи фарҳанг ва санъат хос буд. Гузаронидани техникумҳо ва таълимгоҳҳо ба таҳсили 4-сола, сипас ба таҳсили 2-сола ба таҷдиди раванди таълим, барнома оварда расонд, ки ин ба сифати таълим таъсир расонида наметавонист.

Дар ин солҳо мутахассисони муассисаҳои клубӣ ва китобхонаҳо низ зарур буданд. Бо вучуди камбудии мавҷуда, ссузаҳои соҳаи фарҳанг ва санъат дар барқарорсозӣ ва рушди санъати ҷумҳурӣ саҳм гузошта, вуруди мутахассисонро таъмин карданд.

Калидвожаҳо: *соҳаи фарҳанг, санъат, мактаби санъат, техникум, муассисаҳои таълимии махсус, омӯзгор, хонандагон, кадр, раванди таълим.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Муҳидинов Саидалӣ Раҷабович** – Донишгоҳи (Славянии) Русияву Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессори кафедраи таърихи умумӣ ва ватанӣ. Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, кӯчаи Мирзо Турсунзода, 30. E-mail: raja1956@mail.ru

Аллоева Ҳалима Ҳочиевна – Донишгоҳи (Славянии) Русияву Тоҷикистон, омӯзгори кафедраи таърихи умумӣ ва ватанӣ. Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, кӯчаи Мирзо Турсунзода, 30. E-mail: historia.rtsu@mail.ru

Information about the authors: Mukhidinov Saidali Rajabovich - Russian Tajik (Slavic) University, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Universal and National History Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M.Tursunzade str., 30. E-mail: raja1956@mail.ru

Alloeva Halima Khodzhiyevna - Russian Tajik (Slavic) University, lecturer at the Department of Universal and National History Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30. E-mail: historia.rtsu@mail.ru

УДК 620.9(575.3:470)"195/198"

ПОМОЩЬ РСФСР В РАЗВИТИИ ТОПЛИВНО - ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ В 50 – 80 -Е ГГ. XX В.

**АРТЫКОВ А. А., МУСОЕВ Б. З.,
Российско -Таджикский (Славянский) университет**

После окончания Великой Отечественной войны советский народ получил возможность соиздательному труду. В марте 1946 г. Верховный Совет СССР утвердил план восстановления и развития народного хозяйства на 1946-1950 гг. В нем были определены пути возрождения и дальнейшего развития экономики. Основная задача четвертого пятилетнего плана заключалась в том, чтобы восстановить районы страны, подвергавшиеся оккупации фашистских войск, достичь довоенного уровня развития промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти их. Советский народ с энтузиазмом относился к поставленной цели и задачам.

План четвертой пятилетки конкретизировал задачи, поставленные в области промышленности общесоюзным планом перед Таджикской ССР. В республику направлялись значительные финансовые средства, материальные и трудовые ресурсы. В частности, предусматривалось восстановление и дальнейшее развитие добывающей и обрабатывающей промышленности, увеличение добычи угля, нефти, электроэнергии, строительных материалов и др. Было намечено построить и ввести в действие Чойрух - Дайронский, Алтын - Топканский, Такобский рудники и Зиддинскую угольную шахту.

В особенности большие задачи были поставлены в области восстановления и развития электроэнергетики. Достигнутые высокие темпы энергетического строительства в республике в 50–60 годы XX века обеспечивались, прежде всего, всемерной финансовой и материально-технической помощи союзного государства и русского рабочего класса. В те годы вступили в строй новые электростанции, в том числе Нижне– Варзобская ГЭС, явившаяся первым шагом на

большом пути развития гидроэнергетики Таджикистана; крупная в Средней Азии Кайраккумская гидроэлектростанция, Перепадающая и Головная ГЭС на Вахше, Душанбинская ТЭЦ.

На строительстве объектов электроэнергетики в Таджикистане бок о бок с таджиками трудились специалисты и квалифицированные рабочие, прибывшие из разных городов РСФСР и других республик Союза ССР. Например, в сооружении Кайраккумской ГЭС «Дружба народов» и Кайраккумского водохранилища, то есть Таджикского моря на Сыр-Дарье принимали участие представители других наций и народностей страны. Электроэнергию Кайраккумской станции использовали Таджикистан и Узбекистан. Большой вклад они внесли также в подготовке местных кадров – энергетиков.

Наряду с вводом в строй новых предприятий, оснащенных современной техникой, поступивших из РСФСР, интенсивно велась техническая реконструкция старых предприятий. Например, угольные шахты Шураба являлись одним из старейших предприятий республики. Здесь долгое время преобладали устаревшие примитивные методы добычи угля. В годы восстановления и развития народного хозяйства в целях полного использования проектных мощностей угольной промышленности республики, союзное правительство выделило Таджикской ССР необходимые средства и поручило РСФСР послать в Таджикскую ССР группу профессиональных рабочих кадров. Началось осуществление комплексной механизации, внедрялись новые механизированные способы добычи и транспортировки угля.

Техническое обновление осуществлялось и на Адрасманском свинцово-цинковом комбинате. С помощью электроники и автоматики на комбинате выполнялся контроль за работой главных вентиляторов на шахтах, во многих забоях начали работать полуавтоматические буровые станки и т.д. [5].

В больших масштабах осуществлялась комплексная механизация и автоматизация на предприятиях легкой промышленности.

Наглядным примером проявления взаимодействия между таджикским и русским народами являлись массовое социалистическое соревнование и обмен опытом производственной работы. Высокие темпы восстановительных работ позволили трудящимся республики достигнуть значительных результатов в развитии промышленности и сельского хозяйства.

Весной 1946 г. с такой инициативой выступил коллективы металлургического завода им. С.М. Кирова, заводов Москвы и других предприятий с призывом включиться на всесоюзное соревнование за выполнение и перевыполнение заданий пятилетки. В Таджикской ССР первыми эту инициативу поддержали шахтеры рудника «Шурабуголь» и включились в борьбу за досрочное выполнение планов пятилетки. Вскоре шахтеров поддержали рабочие других предприятий и строек. Трудовые коллективы промышленных предприятий столицы республики выступили инициаторами досрочного выполнения четвертого пятилетнего плана. И с первых же дней промышленность города Сталинабада начала набирать темпы, превышая довоенный уровень производства [11,233].

В ноябре 1947 г. с инициативой выступили рабочие, инженерно-технические работники и служащие промышленности Ленинграда ко всем работникам промышленных предприятий Советского Союза об организации соревнования за досрочное выполнение четвертой пятилетки. Призыв ленинградцев подхватили коллективы нефтепромысла «КИМ», шахтеры Кансая и треста «Таджикуголь», рабочие Ленинабадского шелкокомбината, шелкоткацкой фабрики «Красный ткач» и ряд других промышленных предприятий республики взяли обязательство выполнить пятилетку к октябрю 1949 г. – к 20-летию образования Таджикской ССР [2].

В годы пятой пятилетки 1951-1955 гг. значительно выросла энергетическая база народного хозяйства республики. Вступили в действие новые тепловые и гидроэлектростанции, в том числе Нижне-Варзобская ГЭС. В результате чего производство электроэнергии за пятилетие увеличилось более чем в 2,7 раза и достигло 169,5 млн. кВт ч [1, 297].

Несмотря на ввод новых гидроэлектростанций, потребность в энергетических ресурсах в республике росла. Необходимо отметить, что в советское время и на постсоветском пространстве Таджикистан по гидроэнергетическим ресурсам после Российской Федерации занимает второе место. В общем по оценкам экспертов потенциальные гидроэнергетические ресурсы республики составляют около 500 миллиардов киловатт часов.

Для народного хозяйства страны эти ресурсы имеют колоссальное значение, о чем в своих выступлениях неоднократно подчеркивал Основатель мира и национального единства, Лидер нации, Президент республики Эмомали Рахмон. На этой базе в 50-60 гг. XX века в Таджикистане развернулось строительство крупных гидроэлектростанций. Первой крупной гидроэлектростанцией стала строительство Кайраккумская ГЭС на реке Сыр-Дарья, которая вступила в строй в 1959 году. Затем на Вахше была построена другая крупная в Средней Азии – Головная ГЭС [11, 239].

В строительстве Кайраккумской ГЭС были задействованы свыше двухсот предприятий страны, которые выполняли государственные заказы для сооружения этой крупной гидроэлектростанции в республике. Строительные материалы поступали из РСФСР, Белоруссии, Украины, Узбекистана, Киргизии, Молдавии, братские республики поставляли технику и отправляли квалифицированных строителей и рабочих разных профессий.

Кайраккумская ГЭС носит название ГЭС «Дружбы народов», что явилось плодом труда представителей десятков наций и народностей СССР. В ее сооружении принимали участие строители Волжской, Фархадской и Камской ГЭС, опытные специалисты Москвы и Ленинграда. Уральцы снабжали стройку гидротурбинами.

Действительно, строительство Кайраккумской ГЭС является памятником крепкой дружбы народов. Это была крупнейшая по тому периоду в среднеазиатском регионе гидроэлектростанция с шестью агрегатами. Ее строительство показало великую созидательную силу дружбы и сотрудничества советских

людей, великое братство народов СССР, в особенности таджикского и русского народов [11,240].

В 50-60 г. XX века на реке Вахш был сооружен каскад электростанций - Головная ГЭС и Перепадная ГЭС. В 1956 году на реке Вахш развернулось строительство Головной ГЭС, и первый агрегат был запущен в 1962 году. Строительство гидроэлектростанции было завершено в 1966 году.

Строительство Головной ГЭС, как и Кайраккумской ГЭС стало ярким примером братского сотрудничества и взаимопомощи народов СССР. Оно превратилось в центр передового опыта в области гидростроительства. Так, Харьковский турбомоторный завод поставил строительству 6 гидротурбин мощностью 35 тыс. киловатт каждая [4]. Конструкторы и рабочие Свердловского завода «Уралэлектроаппарат» специально создали для Головной ГЭС мощные генераторы.

В эти годы по примеру рабочих передовых предприятий Москвы и Ленинграда в республике развернулось социалистическое соревнование за досрочное выполнение производственных заданий пятой пятилетки. Наглядным примером явился показательный труд бригады проходчиков Чорух - Дайронского угольного рудника. Русский рабочий М. Нагорский вместе с проходчиками Н. Нурмухамедовым и М. Хакимовым внедрили новые формы организации труда – комплексное ведение работ. В результате шахтеры почти в четыре раза ускорили подготовку очистных забоев, почти в два раза перекрывая задания по производительности труда [14,192-193]. Высокие трудовые показатели бригады М. Нагорского были достигнуты, прежде всего, благодаря их производственному сотрудничеству с другими коллективами рудников страны. Прогрессивный метод работы скоропроходчиков бригад Чорух–Дайронского рудника по курсу взаимобмена опытом работы изучался и использовался на рудниках Криворожья, Урала, Сибири и Казахстана [12,145].

В дальнейшем опыт таджикских шахтеров получил широкое распространение в других угольных шахтах страны. В связи с расширением производства и ассортимента товаров также в других отраслях индустрии усилился обмен товарами, опыт работы между коллективами промышленных предприятий Таджикистана, Российской Федерации и других республик Союза.

Период с 1959 по 1965 год отмечен стремительным развитием промышленности, в особенности тяжелой. В то время как в 5-6 пятилетках в Таджикистане основное внимание уделялось перерабатывающей промышленности, ориентированной на производстве сельскохозяйственного сырья, семилетний план предусматривал ускоренное развитие машиностроения и металлообработки, а также отраслей, связанных с производством строительных материалов. Планировалось создание и развитие химической и электротехнической промышленности.

В целях досрочного и успешного выполнения принятых планов и обязательств коллективы промышленности Таджикистана развернули социалистическое соревнование. Появлялись все новые и новые формы творческого труда,

получившие массовое распространение. Так, коллектив рудоуправления «Шурабуголь» выступил в печати с призывом ко всем рабочим, служащим, инженерно-техническим работникам промышленных предприятий и железнодорожного транспорта за досрочное выполнение заданий пятилетки. Призыв шахтеров был подхвачен многими коллективами промышленных предприятий и транспортных организаций республики. Движение социалистического соревнования охватило десятки промышленных предприятий и тысячи передовых рабочих. Стахановское движение, развернулось во всех отраслях народного хозяйства республики, на каждом трудовом участке и бригаде. Большой патриотический подъем, охвативший многие передовые промышленные предприятия Таджикистана, стал важным фактором в деле успешного выполнения производственных заданий.

Высокие темпы развития машиностроения и других отраслей тяжелой индустрии в Таджикистане обеспечивались, главным образом, в результате постоянного технического снабжения промышленного производства, в котором огромную роль играла Российская Федерация, а также благодаря самоотверженному труду рабочих республики, их плодотворной совместной работе с представителями русского рабочего класса, расширению технического сотрудничества Таджикистана с РСФСР и другими советскими республиками, ускоренному развитию топливной промышленности, особенно электроэнергетики. Уже в первой половине 60-х годов Таджикская ССР стала индустриально-аграрной республикой с многоотраслевой промышленностью.

При поддержке РСФСР и других советских республик во второй половине 50-х годов в Таджикистане ввод в действие несколько крупных гидроэлектростанций, способствовало строительству новых крупных промышленных предприятий, таких как азотно-туковый завод в Вахше, «Текстильмаш», «Торгмаш» и др.

В 50-е гг. XX века в промышленных производствах происходит внедрение новых технологических оборудований. В течение 1959 г. было внедрено в производство 1500 единиц нового технологического оборудования, в том числе свыше 900 автоматов и полуавтоматов, 12 автоматических и поточно-консервных линий, 10 новых технологических процессов. Осуществлено дистанционное управление на Сталинабадской ТЭЦ, телеуправление каскадом Варзобских гидроэлектростанций и Кайраккумской ГЭС «Дружба народов» [14,240]. Производственная программа 1959 г. была завершена раньше срока. Выпуск промышленной продукции в 1959 г. возрос по сравнению с 1958 годом на 11% [14,241].

Специалисты и рабочие из Таджикистана, посещая предприятия в РСФСР, проходили краткосрочные курсы, перенимали опыт коллег, осваивали передовые методы работы и новые технические достижения. В то же время они делились с российскими коллегами своими знаниями и опытом.

Успешное окончание строительства Кайраккумского водохранилища создало необходимые условия для более широкого развертывания работ по ороше-

нию земель Голодной степи и ускорить решение задачи создания в стране нового крупного хлопководческого района [3].

В 50–60-х годах XX века руководство Таджикистана смогло форсированными темпами развивать сельское хозяйство республики, в связи с этим правительство Таджикской ССР приняло решение расширения орошаемых земель за счет освоения Дальверзинской и Самгарской степей, а также в Ура-Тюбинском и Ганчинском районах Ленинабадской области. Было запланировано освоение до 50 тысяч гектаров новых земель.

В последующие годы семилетки продолжились активные работы по внедрению технического прогресса в промышленности и сельском хозяйстве. Особенно заметным этапом в развитии народного хозяйства стала вторая половина 60-х годов.

При поддержке союзного правительства в Таджикской ССР развернулось масштабное капитальное строительство, были приняты конкретные меры для ускоренного развития промышленности, включая рост электроэнергетики, машиностроения и цветной металлургии.

Учитывая возросшие потребности наличия более крупных энергетических объектов для темпов экономического развития республики, правительство республики вышло с ходатайством перед Правительством Советского Союза о сооружении на юге республики крупного энергетического объекта – Нурекской ГЭС, на базе которой должны были строиться ряд крупных промышленных предприятий, формирующих Южно-Таджикский территориально-производственный комплекс. Таковыми объектами в последующем на юге республики стали – Яванский электрохимкомбинат, Таджикский алюминиевый завод, Душанбинский ТЭЦ-1,2, Курган-Тюбинский аккумуляторный и Азотно-туковый заводы и др. Активно велась работа по разведке и освоению природных ресурсов.

Только успехи научно-технического прогресса, накопление средств, появление мощной строительной техники, практический опыт в строительстве ГЭС в сложных горноклиматических условиях позволили поставить на повестку дня вопрос об освоении энергетических ресурсов южного Таджикистана.

Руководство СССР особое внимание уделяло строительству Нурекского энергетического гиганта, общей мощностью до 3 млн. кВт. часов. С начала строительства (1961г.) до пуска в строй действующего первого агрегата государство израсходовало на этот объект свыше 820 млн. рублей. Но главная особенность Нурекской ГЭС состоит в том, что ее строила вся страна. Более 200 городов страны поставляли на строительство этого объекта проектно-сметную документацию, технику, оборудование, станки, агрегаты, специалистов.

За этот период в республике было построено и введено в эксплуатацию более 260 крупных промышленных предприятий и цехов, что привело к значительным изменениям во всех отраслях индустрии. Доля тяжелой промышленности в общем объеме производства выросла более чем на 50% [15,194].

Формирование Южно -Таджикского территориально производственного комплекса продолжалось ускоренными темпами, его ключевым объектом являлась Нурекская ГЭС.

Экономическое развитие национальных республик, включая Таджикскую ССР, всё больше зависело от успешного решения общесоюзных хозяйственных задач. Без постоянной поддержки со стороны советского государства и братских республик строительство таких объектов, как Нурекская ГЭС, алюминиевый завод и других крупных предприятий, было бы практически невозможно.

В то же время успешное развитие экономики всего Союза напрямую зависело от того, насколько своевременно и полностью каждая республика выполняла свои задачи и вносила вклад в общесоюзный фонд. Это способствовало углублению межреспубликанского разделения труда, специализации и интеграции, что сделало сотрудничество и взаимопомощь между республиками более эффективными и продуктивными.

Особое внимание уделялось созданию благоприятных условий для реализации крупных энергетических и промышленных проектов в Таджикистане. Ключевым из них стал территориально - производственный комплекс на юге республики. При планировании таких комплексов партия и правительство Советского Союза подчеркивали их важность для развития народного хозяйства. Они позволяли оптимально сочетать отрасли общесоюзной специализации с производствами, ориентированными на удовлетворение местных потребностей, что способствовало формированию гармоничной структуры экономики, более эффективному использованию местных ресурсов и увеличению общей производительности.

Новым этапом в экономической жизни республики стало внедрение комплексного подхода к размещению производительных сил. Это включало создание территориально - производственных, топливно - энергетических, аграрно-промышленных и других комплексов. Основные материально-технические ресурсы, усилия специалистов и человеческие ресурсы были сосредоточены на их формировании.

В Таджикистане было запланировано создание Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса (ЮТТПК), работа над которым началась в годы семилетки 1959 - 1965 гг. При разработке проекта учитывались богатства юга республики: гидроэнергетический потенциал, запасы химического сырья, цветных металлов, других полезных ископаемых, а также уникальные природно-климатические условия. Эти факторы стали основой для формирования многоотраслевого комплекса, включая развитие аграрно-промышленного направления.

Ключевой особенностью было то, что создание таких комплексов осуществлялось при активной помощи братских советских республик и значительной финансово-технической поддержки союзного правительства. Они были ориентированы на удовлетворение, как местных, так и общесоюзных потребностей.

В условиях Средней Азии первоочередной задачей стало ускоренное развитие электроэнергетики. В Таджикистане началось строительство Нурекской гидроэлектростанции, которая стала ядром Южно-Таджикского территориального комплекса. Её возведение велось совместными усилиями практически всех союзных республик.

В начале 1960 года Академия наук Таджикской ССР проводила совещание по вопросам энергетики и, в частности, по вопросу «Каскад Вахшских ГЭС и его роль в энергетике Средней Азии». На нем был обсужден ряд крупных инженерных и научных вопросов, связанных со строительством Нурекского энергетического гиганта. На этой основе и согласно выводам и рекомендациям, ученые ряда научных и плановых учреждений – Институт экономики АН Таджикской ССР совместно с Госпланом СССР и Госпланом Таджикской ССР и при участии других научно-исследовательских и проектных учреждений, в начале 60-х гг. изучали вопросы по обоснованию структуры и масштабов электропотребления, условий перспективы развития электроэнергетики, цветной металлургии, химической промышленности, ведущих отраслей сельского хозяйства, возможных масштабов орошения и сферы обслуживания [11, 267].

Во второй половине 60-е гг. XX века в Южном Таджикистане началось ускоренное строительство крупных объектов, основывающееся на богатых минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсах республики. На территории Таджикистана насчитывалось около 300 месторождений полезных ископаемых, включая уголь, нефть, газ, полиметаллы и драгоценные металлы, что способствовало развитию промышленности.

С помощью союзных республик, особенно РСФСР, Украины, Белоруссии и Казахстана, в 60–70 гг. XX века был создан значительный энергетический потенциал. Республика, обладающая вторым по величине запасом гидроэнергии в Центральной Азии, активно развивала гидроэнергетику.

Почти в один и тот же момент началось сооружение трех крупных гидроэлектростанций в сложных горных условиях Средней Азии: Нурекская ГЭС в 1961 году, Токтогульская ГЭС в 1962 году, Чарвакская в 1963 году. Трудности строительства гидроузлов в этих районах связаны не только с неустойчивым водным режимом горных рек, но и со сложными топографией и инженерно-геологическими условиями, удаленностью от путей сообщения, источников энергии многим другим [8, 27].

На реке Вахш построен каскад гидроэлектростанций, включая уникальную Нурекскую ГЭС, строительство которой началось в 1960-х годах. Это сооружение, отмеченное инновационными инженерными решениями, стало базой для создания крупных промышленных и сельскохозяйственных объектов, способствуя развитию экономики Таджикистана. Работы по завершению ГЭС, предусмотренные планами 1980-х годов, принесли значительные сдвиги в производстве и укрепили экономический потенциал республики.

В проектировании и проведении научно-исследовательских работ, связанных с Нурекским гидростроительством, участвовали 34 проектных и 60 научно-

исследовательских институтов. Среди них: Всесоюзный НИИ «Гидропроект» им. С. Я. Жука (г. Москва и ленинградское отделение), Московское специальное КБ гидротехнических стальных конструкций и механизмов «Мосгидросталь», Среднеазиатское отделение Всесоюзного института «Энергосельпроект», «Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта», Украинский институт инженеров водного хозяйства, Всесоюзный институт проектирования и организации энергетического строительства (г. Москва), Ленинградский институт гидротехники им. Б. Е. Веденеева, НИИ Харьковского турбинного завода им. С. М. Кирова и Краматорского завода тяжелого машиностроения, Всесоюзный НИИ трансформаторостроения (г. Запорожье), НИИ «Уралэлектротяжмаш» (г. Свердловск), Энергетический институт им. Г. М. Кржижановского (г. Москва), Московский инженерно-строительный институт им. В. В. Куйбышева, Геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе, «Таджикгипрострой» (г. Душанбе) и многие другие научные центры, тресты и объединения [7,23].

Расчёты сейсмической зоны плотины тоже учитывалось. Эту работу выполняли специалисты Таджикского института сейсмологии и сейсмостойкого строительства совместно с учёными из Грузии. Эти расчёты проверялись на крупномасштабных моделях, с внесением корректировок в проект плотины. Вместе с сотрудниками Института физики земли при Академии наук СССР была уточнена схема сейсмического микрорайонирования стройплощадки. Благодаря этим тщательным исследованиям Нурекский гидроузел получил «паспорт» сейсмической устойчивости, что позволило возводить его в зоне восьмибальной сейсмичности [7, 25].

Главный инженер института «Гидропроект» Министерства энергетики СССР Д. А. Жигарев отмечал, что сложность проектирования Нурекской ГЭС заключалось в том, что: «Институт выбрал место строительства на реке Вахш, в узком Пулисангинском ущелье. Решение о типе плотины было непростым: высота более 300 метров не имела аналогов в мировой практике. Бетонная плотина потребовала бы огромных затрат на доставку материалов, поэтому выбрали более экономичную земляную конструкцию.

Проектирование началось в августе 1959 года, а уже через два года в ущелье прибыли строители. Работы велись параллельно с проектированием, что позволило улучшать проект в процессе. Например, изучив местные условия, инженерная группа внесла изменения, которые обеспечили экономический эффект в 20 миллионов рублей благодаря изобретениям и рационализаторским решениям» [11,271].

Чтобы представить масштаб строительства и участие многонационального советского рабочего класса и научных сил страны в ее сооружении, приведем некоторые общие цифры и факты. В проектировании этого энергогиганта участвовали 34 проектных и научно-исследовательских институтов.

Сооружение самой крупной в Средней Азии Нурекской ГЭС мощностью в 2700 тыс. кВт часов началось в январе 1961 года [9,44].

Нурекскую ГЭС строила вся страна Советов, представители десятков наций и народностей СССР. Более 350 предприятий страны, почти из всех союзных республик снабжали стройку строительными материалами, оборудованием и механизмами. Оборудование и технику поставляли такие крупные предприятия, как Горьковский и Минский автозаводы, Челябинский и Брянский заводы строительно - дорожных машин, бульдозеров и скреперов, Ленинградский завод гидромеханического оборудования изготовил и поставил на строительный объект затворы, Красноярский завод «Сибтяжмаш» – подъемные механизмы для щитов, Магнитка поставляла крупносортовую арматурную сталь, Москва – комплексные распределительные устройства, Горький – нержавеющую сталь, Кузнецкий машиностроительный завод – самоходные бурильные установки, Саратов – витринное стекло, Нижний Тагил – стальные балки, Харьковский гидротурбинный – турбины - гиганты, Свердловский завод «Уралэлектротяжмаш» изготовил и послал девять уникальных электрических машин, каждая мощностью 300 тыс. киловатт. Из Москвы шли автокраны, из Сибири – лес, из Узбекистана – алюминиевый провод и сантехническое оборудование и т.д. Это небольшой список предприятий, которые выполняли важные заказы Нурекских таджикских строителей [13,94].

Учитывая огромное значение стройки на Вахше, заводы – поставщики открыли заказам Нурека «зеленую улицу». Нурекская гидроэлектростанция явилась блестящим примером совместных трудовых усилий представителей около 50 наций и народностей.

При поддержке РСФСР и других братских советских республик, благодаря организационному труду дало возможность досрочно пустить три агрегата Нурекской ГЭС – 15 ноября и 20 декабря 1972 года, 20 мая 1973 года [8,32].

Основное ядро специалистов и квалифицированных рабочих на стройке составляли представители русского народа, прибывшие из территории РСФСР, в частности работавшие на строительстве гидроэлектростанций России. Они построили и город Нурек, который по праву называют городом дружбы. Здесь родилась новая, очень эффективная форма социалистического соревнования – «Рабочая эстафета», которая являлась плодом великой дружбы и братства.

Наглядно роль «Рабочей эстафеты» раскрыл секретарь Нурекского горкома партии М.Е. Ёров. «За семь лет – указывал он, - «Рабочая эстафета» принесла государству большую пользу в экономическом и социальном смысле. Вот некоторые примеры по Нурекской ГЭС. Восемь агрегатов досрочно введены в строй – на 280 дней раньше, чем это было утверждено Минэнерго СССР. Для нужд ирригации республик Средней Азии с начала наполнения водохранилища выдано более 7 млрд. м³ воды» [9,56].

Известно, что на основе директив партии в Таджикистане в начале 60-х годов была начата подготовка к строительству алюминиевого завода. Деятельность предприятий данной отрасли требовало наличия значительного количества электроэнергии, что было обеспечено введением в эксплуатацию Нурекской гидроэлектростанции. Таджикский алюминиевый завод, строительство

которого началось в середине 60-х годов, являлся крупнейшим в Средней Азии предприятием металлургической промышленности [6].

РСФСР и другие братские республики оказывали помощь Таджикистану не только в строительстве Нурекской ГЭС, но в сооружении и эксплуатации других крупных объектов, в частности, Таджикскому алюминиевому заводу и Яванскому электрохимическому заводу и др. В их проектировании участвовали десятки научно-исследовательских и проектных институтов Москвы, Ленинграда, Свердловска, Саратова, Новосибирска, Украины, Белоруссии и т.д., например, своевременный ввод в эксплуатацию Регарского алюминиевого завода зависел не только от строителей и монтажников, но и в большей мере от заводов-поставщиков технологического и электротехнического оборудования, строительных материалов. Оборудование и материалы Таджикскому алюминиевому заводу поставляли более двухсот предприятий страны [10,23].

На всех участках строительства ГЭС рядом с русскими и украинцами, казахами и киргизами, узбеками и азербайджанцами с большой энергией и энтузиазмом трудились рабочие-таджики.

Благодаря развитию социалистического соревнования Нурекская ГЭС ввелась на полную мощность раньше срока. В этой связи объем электроэнергии в Таджикистане за период с 1965 г. по 1985 г. увеличился более чем в 10 раз, от 1.6 млрд. кВт ч. до 13,5 млрд. кВт ч. [15,95], когда по Союзу он вырос в 2,2 раза. Эти данные свидетельствуют, что Таджикская ССР по этому важному экономическому показателю в стране развивалась опережающими темпами.

На базе Нурекской электроэнергии ускоренным темпом развивалось производство вахшских азотных удобрений. Предприятие в достаточной степени обеспечило удовлетворение потребностей высокопродуктивного сельского хозяйства Таджикистана.

Создание здесь комплекса энергохимических производств положило начало расширению сырьевой базы для легкой промышленности. Сотрудничество и взаимопомощь между народами СССР, в том числе между русскими и таджиками в период 60–80-х годов XX века. На карте республики появилось много крупных промышленных предприятий, в частности тяжелой, имевших общесоюзное значение.

Это -Вахшский азотно-туковый, Таджикский алюминиевый, Яванский электрохимический заводы, Нурекская ГЭС, которые способствовали наращиванию экономического потенциала республики, служили источниками дальнейшего роста ассортимента товаров и продукции в республике, большим фактором расширения ее связей с внешним миром. Во всем этом по линии экономического сотрудничества большой вклад внесли братские советские республики, прежде всего РСФСР.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Таджикской ССР / Под общ. ред. Б. А. Антоненко. – Душанбе: Маориф, 1983. – 398 с.
2. Коммунист Таджикистана. – 1947. – 2, 10 декабря.

3. Коммунист Таджикистана. – 1958. – 30 октября.
4. Коммунист Таджикистана. – 1963. – 4 октября.
5. Коммунист Таджикистана. – 1973. – 8 августа.
6. Коммунист Таджикистана. – 1984. – 1 января.
7. Лугманов, Т. Стройки дружбы / Т. Лугманов. – Душанбе, 1986. – 62 с.
8. Маликов, М. Выполняя великие заветы / М. Маликов. – Душанбе, 1989. – 143 с.
9. Маликов, М. На индустриальные рельсы / М. Маликов. – Душанбе, 1992. – 208 с.
10. Махкамов, Л. Завод строит вся страна / Л. Махкамов // Агитатор Таджикистана. – 1975. – № 3. – С. 23.
11. Наимов, М. История дружбы и сотрудничества / М. Наимов. – Душанбе, 2014. – 234 с.
12. Наимов, М., Сатторов, А. Россия и Таджикистан (из истории российско-таджикских экономических взаимоотношений 1917–1990 гг.) / М. Наимов, А. Сатторов. – Душанбе, 2004. – 190 с.
13. Наимов, М. Социально-экономические основы сближения социалистических наций / М. Наимов. – Душанбе, 1986. – 254 с.
14. Очерки истории коммунистической партии Таджикистана. – Т. 2. – Душанбе, 1984. – 509 с.
15. Советский Таджикистан за 60 лет: стат. сборник. – Душанбе, 1984. – 346 с.

ПОМОЩЬ РСФСР В РАЗВИТИИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ В 50-80-Е ГГ. XX В.

В статье рассматривается развитие энергетических ресурсов Таджикистана в 50–80-х годах XX века, достигнутое благодаря всесторонней финансовой и технической поддержке союзного государства и русского рабочего класса. В этот период были построены такие объекты, как Кайраккумская, Перепадная, Головная и Нурекская ГЭС, а также Душанбинская ТЭЦ. В их создании участвовали более двухсот предприятий, выполнявших государственные заказы.

Кроме того, РСФСР и другие союзные республики активно содействовали строительству ключевых промышленных объектов Таджикистана, включая Таджикский алюминиевый и Яванский электрохимический заводы. Проектирование велось с участием научно-исследовательских институтов из разных регионов СССР, а ввод в эксплуатацию Регарского алюминиевого завода стал возможен благодаря поддержке множества предприятий, поставивших необходимое оборудование и материалы.

Ключевые слова: республика, энергетические, ресурсы, потенциал, уголь, нефть, гидроэнергетика, промышленность, народное хозяйство.

КУМАКИ РСФСР ДАР РУШДИ ИҚТИДОРИ СЌЗИШВОРӢ ВА ЭНЕРГЕТИКИИ ЧУМХУРӢ ДАР СОЛӒОИ 50–80-УМИ АСРИ ХХ

Дар мақола рушди захираҳои энергетикӣ Тоҷикистон дар солҳои 50–80-уми асри ХХ баррасӣ мешавад, ки бо шарофати кумаки молиявӣ ва техникӣ ҳамаҷонибаи давлати иттифоқӣ ва синфи корғари рус ба даст оварда шудааст. Дар ин давра иншооти бузурге, аз қабилӣ НБО-и Қайроққум, НБО-и Парапад,

НБО-и Головная, НБО-и Норак ва инчунин НОБ-и Душанбе сохта шуданд. Дар бунёди онҳо беш аз дусад корхона ширкат варзид, ки фармоишҳои давлатӣ иҷро мекарданд.

Ғайр аз ин, РСФСР ва дигар ҷумҳуриҳои иттифоқӣ ба сохтмони иншооти асосии саноати Тоҷикистон, аз ҷумла КВД “Алюминийи тоҷик» ва заводи электрохимиявии Ёвон, кӯмак расониданд. Лоихақашӣ бо иштироки институтҳои илмӣ - таҳқиқотӣ аз минтақаҳои мухталифи ИҶШС анҷом ёфта ба истифодадиҳии заводи алюминийи Регар бо дастгирии бисёр корхонаҳо, ки таҷҳизот ва масолеҳи заруриро таъмин карданд, имконият фароҳам оварда шуд.

Калидвожаҳо: *ҷумҳури, энергетика, захираҳо, иқтидор, ангишт, нафт, гидроэнергетика, саноат, хоҷагии халқ.*

THE ASSISTANCE OF THE RSFSR IN THE DEVELOPMENT OF THE FUEL AND ENERGY POTENTIAL OF THE REPUBLIC IN THE 1950s–1980s

The article examines the development of Tajikistan's energy resources in the 1950s–1980s, achieved through comprehensive financial and technical support from the Soviet Union and the Russian working class. During this period, significant projects such as the Kayrakkum, Perepadnaya, Golovnaya, and Nurek hydroelectric power stations, as well as the Dushanbe thermal power plant, were constructed. More than 200 enterprises were involved in their construction, fulfilling state orders.

Additionally, the RSFSR and other Soviet republics actively contributed to the construction of key industrial facilities in Tajikistan, including the Tajik Aluminum Plant and the Yavan Electrochemical Plant. The design work was carried out with the participation of research institutes from various regions of the USSR, and the commissioning of the Regar Aluminum Plant became possible thanks to the support of numerous enterprises that supplied essential equipment and materials.

Key words: *republic, energy, resources, potential, coal, oil, hydropower, industry, national economy.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Ортиқов Абдурафиқ Абдурахмонович** -Донишгоҳи (Славянии) Русияву Тоҷикистон, номзади илмҳои таърих, дотсент, мудири кафедраи таърихи умумӣ ва ватанӣ. Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, кӯчаи Мирзо Турсунзода, 30. E-mail: rafick_rtsu@mail.ru

Мусоев Баҳром Зоирович – Донишгоҳи (Славянии) Русияву Тоҷикистон, омӯзгори калони кафедраи таърихи умумӣ ва ватанӣ. Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, кӯчаи Мирзо Турсунзода, 30. E-mail: bakhromi.zoir82@mail.ru

Information about the authors: **Artikov Abdurafik Abdurakhmanovich** - Russian Tajik (Slavic) University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Universal and National History Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M.Tursunzade str., 30. E-mail: rafick_rtsu@mail.ru

Musoev Bahrom Zoirovich - Russian Tajik (Slavic) University, Senior Lecturer at the Department of Universal and National History Address: 30 M.Tursunzade str., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan. E-mail: bakhromi.zoir82@mail.ru

УДК 72 (575): 94(575.3):72:902/904

НАҚШИ ЧАШНГИРИИ ШАХРҲОИ ҚАДИМА ДАР ҲИФЗИ ЁДГОРИҲОИ ТАЪРИХӢ ВА ФАРҲАНГӢ

РАҶАБОВА У. Р.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Тақозои давру замон аст, ки баҳри пойдорӣ миллату давлат шинохти таъриху фарҳанг ва тамаддуни қадима нақши муҳим мебозад. Аз ин рӯ, давлату Ҳукумати Тоҷикистони соҳибистиклол баҳри шиносии халқ бо таъриху фарҳанги гузаштаи худ пайваста чораву тадбирҳои ҳадафмандона меандешанд.

Ин аст, ки дар саросари мамлакат баҳри гиromидошти мероси таърихиву фарҳангӣ, арчгузориву тармим ва нигоҳдорӣ мавзӯҳои таърихӣ мунтазам чорабиниҳои сатҳи ҷумҳуриявӣ ва байналмилалӣ баргузор карда мешаванд. Тавре Президенти мамлакат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон қайд мекунанд: «Шинохти таърих ва ҳикмату фарҳанги оламгирӣ ниёгон ба хотири муаррифии мақоми ҷаҳонии миллати мо мебошад. Он дар ҳудуди ҳақиқат ва ҳақиқатҳои таърихиву миллии тоҷикон марҳалаи комилан тозаро ба вучуд овардааст» [13,4]. Аз ин рӯ, вазифаи ҳар як фарди ватандӯсту ҳештаншинос пас доштани арзишҳои миллии ва муаррифии он ба ҷаҳониён буда, ҳар чӣ бештар дар шакли комил ба наслҳои оянда мерос гузоштани он аст.

Вобаста ба ин, дар замони соҳибистиклолӣ як қатор иқдомот баҳри дар арсаи байналмилалӣ муаррифии намудани соҳибдавлату соҳибтамаддун ва таърихи чандинасра доштани халқи тоҷик амалӣ гардид. Зеро ба андешаи Пешвои муаззами миллат: «Рӯ овардан ба таърих ва омӯзиши он маҳз барои ҳудуди ҳақиқат, бедорӣ ва хушбӯии миллати мо басо ногузир аст. Ба назарам, ифтихор аз гузаштаи таърихӣ халқу миллати худ вақте бачову шоиста аст, ки онро донӣ, дарк кунӣ ва аз бурду бохташ огоҳ бошӣ. Вагарна ифтихорат пучу бепоя аст ва ба ҷуз саргарангиву гумроҳӣ ҳосиле нахоҳад дошт» [14,10].

Яке аз иқдомоте, ки ба шинохти таъриху фарҳанги миллии ҳамбастагӣ дорад, ин ҷашнгирии солгарди шаҳрҳои таърихӣ қадима, ки аз ҷониби Президенти маҳбубамон, Асосгузори сулҳу Ваҳдати миллии – Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон ба роҳ монда шудааст, маҳсуб меёбад. Ин ибтикор василаи хубест барои шиносии насли имрӯза аз таъриху фарҳанги шаҳрсозӣ ва шаҳршиносии қадимаи халқи тоҷик.

Дар ин қатор ҷашнҳои ба монанди 2500 – солагии Истаравшан, 2700 – солагии шаҳри Кӯлоб, 3000 – солагии Ҳисори Шодмон, 5500 – солагии Саразми бостонӣ ва 2500 – солагии Тахти Сангин мебошанд, ки намунаи олии ташаббуси Сарвари давлат баҳри омӯзишу азхудкунии таъриху фарҳанг ва санъати меъморӣ шаҳрсозии халқи тоҷик мебошад.

Яке аз вилоятҳои қадимаи халқи тоҷик ин Истаравшан ё худ Уструшанаи бостонӣ мебошад. Истаравшани имрӯзаро метавон шаҳр – осорхона номид, зеро дар тӯли

таърих ин сарзамин маркази тичорат ва хунармандӣ ва яке аз шаҳрҳои қадимаи Осиёи Марказӣ ба ҳисоб мерафт. Номи дигари Истаравшан Курушкада ба номи шоҳи давлати Ҳахоманишиён Куруш гузошта шуда буд.

Тавре, ки академик Аҳрор Мухторов дар китоби худ «Мақоми ҷаҳонии Уструшаниҳо» қайд намудаанд: «Истаравшан яке аз ободтарин ва калонтарин вилоятҳои Суғд ва дар асри VI давлати мустақил ва мутаракқӣ буд. Вилояти Истаравшан асосан дар пахтагии (ё ҳавзаӣ) Ўротеппа ва Шахристон воқеъ аст. Пойтахти ин вилоят Бунчикат (ё Бунҷакат) ном дошт» [8,4].

Истаравшан дар забони ориёӣҳои шарқӣ Уструшана, маънои «Ситораи равшан»-ро ифода мекард. Зеро оини тоисломӣ ба одамон парастии ҷирмҳои осмонӣ: Офтоб, Моҳтоб, ситорагонро талқин менамуд. Худи номи Истаравшан ифодаи барҷастаи пайдоиши ориёӣ ин тоифа буда, таърихи қадим ва ғании ниёгонро таҷассум менамояд [10,3]. Ин мавзӯ таърихи зиёда аз 2500 – соларо дар бар гирифта, дар қаламрави имрӯза он беш аз 250 мавзӯҳои ёдгории таърихиву фарҳангӣ ҷойгир аст, ки аз онҳо 30-тоаш ёдгории бостонӣ ва боқӣ 220 адади дигарашро ёдгориҳои меъмории ташкил медиҳанд [20,61].

Шаҳри Истаравшани имрӯза аз қадим бо меъмору хунармандони забардаст дар ҷомеа соҳибэътибор буда, намунаи олии санъати меъморию хунармандиаш Кӯкунбаз, Ҳазрати Шоҳ, Сари Мазор, Бобо Тағо, мақбараи Абдуқодири Ҷелонӣ барин коҳҳо, Муғтеппа, Каҳқаҳа ва арку қасрҳо, инчунин обидаҳо, ҳазорон ашӯҳои фарҳанги модӣ ва санъати амалии халқ мебошад [10,5].

Муғтеппа чун яке аз ёдгориҳои таърихиву фарҳангии ин ноҳия муаррифғари таъриху тамаддуни бою ғании халқ мебошад. Зимни ҳафриёти ин мавзӯ як қатор ёдгориҳои ҳуччатӣ ва маданӣ ёфт шудаанд, ки гувоҳи шаҳри қадима будани инҷост.

Бояд қайд намуд, Фармони Президенти мамлакат «Дар бораи таҷлили 2500-солагии Истаравшан» 3-юми феввали соли 2000 қабул гардид. Дар ин раванд Ҳукумати мамлакат бо мақсади таҷдиду барқарор сохтани ёдгориҳои таърихӣ ва огоҳии халқ аз таърихи гузашта, қарор дар бораи азнавсозии «Муғтеппа» бо шукуҳу шахомати таърихӣ қабул намуд. Дар баробари ин, дар арафаи таҷлили ин ҷашн даҳҳо ёдгориҳои таърихӣ, мисли Мадрасаи Абдулатиф Султон, мақбараи Шайх Абдуқодири Ҷелонӣ, маҷмааҳои «Боботағо», «Сари Мазор», «Чоргунбаз» ва дигарҳо таъмиру таҷдид гардиданд [11].

Бешак метавон гуфт, ки ин шаҳри қадимӣ бори дигар далолат аз таърихи хунармандиву меъмории халқи тоҷик медиҳад. Тавре Президенти мамлакат дар суҳанронии худ дар маросими тантанавии ҷашни 2500 – солагии шаҳри Истаравшан қайд намуданд: «Ҳар пора хишту поҳсадевори осори куҳани Истаравшани бостонӣ аз афтидану хестанҳо, сӯхтану сохтанҳо, шикастану пайвастанҳо ва борҳо завол ёфтани боз эҳё шуданҳо – яъне аз тамаддуни дерина, давлату давлатдорӣ куҳанбунёд ва заҳматписандию ободгарии миллати ҷафокашидаю сарбаланди тоҷик қисса мекунанд» [12,76].

Ҷашнгирии 2700-солагии шаҳри Кӯлоби бостонӣ яке аз ташаббусҳои дигари Пешвои миллат мебошад, ки аз ҷониби Созмони умумиҷаҳонии ЮНЕСКО тасдиқ гардида буд. Қобили зикр аст, ки ин ташаббус баҳри тармиму таъмири марказҳои таърихӣ фарҳангии ин минтақа айни муддао буда, омӯзиши ҳамаҷонибаи таърихи ин шаҳр аз ҷониби олимони маъруфи мамлакат ба монанди Ю. Ёқубов ва дигар бостоншиносон пурра фаро гирифта шуд. Соли 1993 аз ҷониби П. Самойлик ва М. Азизов аввалин ёдгории аз маданияти қадимии шаҳри Кӯлоб даракдиханда – хумдони замони Ҳахоманишиён кашф шуда буд.

Шаҳри Кӯлоб ва ноҳияҳои гирду атрофи он аз замонҳои қадим маркази антиқӣ ва асримиёнагии давлатҳои қаламрави Осиёи Марказӣ буд. Ҳанӯз дар марҳалаи аввали инкишофи тамаддуни башарӣ дар ин ҷо, дар ҳудуди Бохтари Шимолӣ аввалин нишонаҳои маданияти ба шаҳр монанд ташаккул ёфта буд [5,283].

Бозёфтҳо ва як қатор ёдгориҳои бостонии мансуб ба давраҳои неолит, асри биринҷӣ ва қарнҳои VII-VI пеш аз милод, ки дар ҳудуди шаҳри имрӯзаи Кӯлоб ва ноҳияҳои Вахшу Кубодиён, аз ҷумла Ачинатеппаву Тахти Сангин пайдо карда шудаанд, бозгӯи таърихи ниҳоят кӯҳан мебошанд [12,82].

Намунаи олии мероси меъмории Кӯлоби бостонӣ ин мақбараи Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ - мансуб ба асрҳои XIV ва XVI-и милодӣ, мақбараи Ҳоча Исҳоқи Хатлонӣ, мақбараи Шайх Шамсуддини Хатлонӣ, мақбараи Домуллоҳҷа ибни Исмонҳӯча, масҷиди ба номи Ҳоча Сафар ва монанди инҳо мебошанд, ки тараннумгари санъати волои меъмории гузаштагони мо ҳастанд. Тавре муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар суҳанронии худ дар маросими бошукуҳи таҷлили ҷашни 2700-солагии шаҳри Кӯлоб қайд намуданд: «Аҷдодони мо, ки ориёитаборанд, маҳз ба шарофати истеъдоди тамаддунсозиву шаҳрдорӣ, сарфи назар аз гирудору тохтутозҳои ҳазорсолаи аҷнабиёни истилогар ҳастии миллати худро бо фарҳангу забони шеваи тоҷикӣ ва бунёди шаҳрҳои эмин нигоҳ доштаанд. Ва аз умқи ҳазорсолаҳо ба мо аз худ осори сершумору гаронбаҳои адабиёту фарҳанг ва ёдгориҳои зиёди меъморӣ таърихро ба мерос гузоштаанд, ки ин ҳама аз қобилияти баланди фарҳангофариву шаҳрсозии миллатамон шаҳодат медиҳанд» [14].

Дар доираи ҷашнгирии 2700-солагии Кӯлоб дар ин шаҳри бостонӣ як қатор ёдгориҳо тармиму азнавсозӣ ва осорхонаҳову хонамузейҳо таҷдид гардиданд. Дар ин миён метавон Мучтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлобро номбар намуд, ки он дар заминаи се осорхона Осорхонаи мероси адабӣ ва осори хаттӣ ба номи Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ, хона-музеи ба номи шоир ва ҳофизӣ халқӣ Саидалӣ Вализода ва Осорхонаи таъриху кишваршиносии 2700-солагии Кӯлоб ба фаъолият оғоз намудааст ва дар доираи омодагӣ ба ҷашнгирии ин шаҳри бостонӣ бунёд гардидааст. Дар ин мучтама алҳол беш аз 10 000 нигора мавҷуд буда, инъикосгари таъриху тамаддуни халқи тоҷик мебошад [9].

Ҷашнгирии шаҳрҳои қадима баҳри баланд бардоштани сатҳи фарҳангӣ таърихогаҳии наслҳои имрӯза нақши муассир мегузорад. Яке аз ҷашнҳои дигар ин 3000-солагии шаҳри Ҳисор мебошад. Водии Ҳисор яке аз минтақаҳои қисми марказии Ҷумҳурии Тоҷикистон аст. Бино ба маълумоти Юсуфшоҳ Яъқубов водӣ дар замонҳои хеле қадим аз тарафи инсон макони зист интиҳоб шудааст ва аз ин рӯ, дорои ёдгориҳои зиёди таърихиву фарҳангӣ мебошад. Дар ҳудуди ин мавзеи таърихӣ бошишгоҳи қадима – Тепшаи Ҷозиён мавҷуд аст, ки ба замони неолит, ҳазораи V-III-и пеш аз милод таллуқ дорад [6,65].

Дар китоби «Древнейшая и древняя история Гиссара» қайд шудааст, ки ёдгориҳои шаҳри Ҳисор якҷанд давраҳои таърихро дар бар мегиранд. Бояд қайд намуд, ки ба омӯзиши ин водӣ дар солҳои 70-уми қарни гузашта, диққати махсус дода шудааст [1,60]. Дар омӯзиши он бостоншиносони машҳур ва кормандони Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии АМИТ, Эрмидажи давлатӣ (ш. Санкт – Петербург), Институти шарқшиносии шаҳри Москва, Институти таърихи фарҳанги модии ш. Санкт-Петербург – М. С. Андреев, М. М. Дяконов, Л. С. Британитский, А. П. Окладников, Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович, А. Мухторов ва дигарон иштирок намудаанд [6,32].

Соли 1982 Мамнӯъгоҳи таърихию фарҳангии Ҳисор ташкил карда шуд, ки бо кӯшишҳои зиёди академик Н. Неъматов ва кормандони ин мамнӯъгоҳ шумораи зиёди маводи бостоншиносӣ мардумшиносӣ чамъ оварда шуд ва ҳоло баъзеи онҳо дар осорхонаи бинои Мадрасаи кӯхна ба намоиш гузошта шудааст [6,32].

Мадрасаи кӯхна намунаи олии меъморӣ ин водӣ ба шумор рафта, таърихи беш аз 500 – сола дорад. Дар наздикии Мадрасаи кӯхна Мадрасаи нав комат афрохтааст, ки он каме дертар, аниқтараш дар асрҳои XVII – XVIII сохта шудааст. Тарҳи зоҳирии он низ бо намои шарқӣна ороиш ёфтааст [2,168].

Бояд қайд кард, ки дар арафаи чашнигирии 3000-солагии Ҳисор, Қалъаи Ҳисор ба таври кулӣ тағйир ёфта, тармиму азнавсозӣ гардид.

Саразм ба ёдгории нодири давраи энеолит ва асри биринҷии Осиёи Марказӣ, ки тақрибан ҳазораҳои чорум - сеюми то милод ва дар баъзе минтақаҳо то ҳазораи дуоми пеш аз милодро дар бар мегирад, мансуб аст [18].

Маънои калимаи Саразм «сари замин» аст, ки бошишгоҳи қадимтарини аҳолии муқимии Осиёи Марказӣ аз ҳазораи IV то III- и пеш аз милод мебошад. Харобаҳои қадима шаходатдихандаи пешрафти ҳаёти чамбиятӣ дар ин минтақа мебошад. Саразм яке аз бошишгоҳҳои қадимаи Осиёи Марказӣ аст, ки дар минтақаи кӯҳӣ чойгир буда, водии фарох аст ва аҳолии муқимии он аслан кишоварз буданд, аз обёрии сунъӣ истифода мебуданд. Саразм инчунин гувоҳи мавҷудияти робитаҳои тичоратӣ ва фарҳангӣ байни қаламрави васеъ аз даштҳои Осиёи Марказӣ, Туркманистон, Эрон, водӣҳои Ҳинд то уқёнуси Ҳинд тӯл кашида мебошад [17].

Саразм бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун маркази ташаккулибии тамаддуни кишоварзӣ, хунармандӣ ва шахрсозии тоҷикон, Мамнӯъгоҳи таърихӣ – бостоншиносӣ эълон гардид. Ин буд, ки барои ба ҷаҳониён нишон додани таърихи кӯхани Саразм ва мавқеу мақоми он дар қатори 12 ёдгориҳои қадимаи кишоварзии Шарк, А. Исоқов ва дигар бостоншиносон дар як қатор ҷамоишҳои байналхалқӣ – дар Тоҷикистон (1979 ва 1994), Вашингтон (1981 ва 1986), Париж (1985), Ўзбекистон (1983 ва 1987), Олмон (1992), Эрон (2003), Италия (2007) ва Африко (2008) маърузаҳои илмӣ намудаанд. Инчунин як қатор монографияҳо ва асарҳои илмӣ – таҳқиқотӣ, ки ба ин мавзӯ бахшида шудааст, аз тарафи Исоқов А.И., Пянкова Л.Т., Эшонқулов У., Раззоқов А.Р., Бобомуллоев С. (аз Тоҷикистон), Безенвал Р., Франкфор А.П., Леоне В., Казанова М. (аз Фаронса), Ламберг Карловский ва Колл Ф. (аз ИМА), Массон В., Кошеленко Г.А. (аз Россия) ва дигарон бо забонҳои гуногун нашр гардидаанд.

Дар натиҷа 31 июли соли 2010 Саразм ба рӯйхати нодиртарин ёдгориҳои фарҳангии умумибашарии ЮНЕСКО шомил гардид [16,11-12]. Дар давраи омодагӣ ба чашнигирии 5500-солагии Саразм олимону бостоншиносони Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониш ва олимони хоричӣ як қатор китобҳоро ба нашр расонданд, ба монанди «Саразм оғози тамаддуни тоҷикон»; «Андар шинохти Саразм»; «Роланд Безенвал»; «Археологическая карта Таджикистана (Верховья долины Зерафшана)»; «Производственная деятельность населения Саразма»; «Саразм оғози тамаддуни саноати тоҷик»; «Саразм» ва дигар, ки баҳри шинохти таърихи гузаштаи мардум, ҳаёти маданияту шахрсозии ин минтақа маълумоти муфассал медиҳанд.

Саразм – яке аз марказҳои пайдоиши фарҳанги тамомнашаванда, бузург ва бостонии халқи тоҷик мебошад [7,12]. Саразмиён дорои маданияти баланди меъморӣ замони худ буданд. Зиёда аз 100 биноҳои зист ва маъмуриву мазҳабӣ, ки то имрӯз қушода шудаанд, гувоҳи ин фикранд. Шубҳае нест, ки саразмиён яке аз аввалин паҳнкунандагони маданияти зироаткорӣ ва чорводорӣ дар Осиёи Марказӣ буданд [7,15]. Таҳқиқи

Саразм ханӯз соли 1984 аз ҷониби бостоншиносони тоҷику фаронсавӣ А. Исҳоқов, Анри - Пол Франкфор ва Роланд Безенвал оғоз ёфтааст. Бостоншиносони Донишгоҳи Ҳарварди Америка К.К. Ламберг-Карловский ва Филипп Колл бошанд, соли 1985 ба ҳафриёти ин ёдгори хамроҳ шуда, ду хандаки озмоишӣ канда, дар натиҷа таҳқиқоти А. Исҳоқовро тасдиқ намуданд [15,243].

Бояд тазаккур дод, ки чашн гирифтани 5500-солагии Саразми бостонӣ ба ҳифзи бештари ин ёдгории беназир такони чиддӣ дод. Дар Саразм Осорхонаи нав бунёд гардид, ки дар он бозёфтҳои аз ин мавзеъ ҷой дода шуда, ёдгори ба яке аз мавзеъҳои сайёҳӣ мубаддал гардид.

Ҳафриёти шаҳри Саразм гувоҳи он аст, ки кишвари суғдиёнро яке аз аввалин марказҳои оташпарастон бигӯем. Оташгоҳҳои Саразм ва Маъбади офтобӣ далели ин гуфтаҳост. Ба ақидаи муҳаққиқи англис Мери Бойс саразмиён 1000-1500 сол пеш ба парастии оташ шуруъ карда буданд. Равшан гардид, ки дар рафти ҳафриёти шаҳри Саразм то соли 1990 – 31 оташгоҳ кушода шуд. Ҳамаи онҳо дар мобайни хонаҳо ва толорҳои гуногунҳаҷм сохта шудаанд [3,18].

Тахти Сангин – ёдгории нодири тоисломии халқи тоҷик, инъикосгари санъати волои шаҳрсозӣ мебошад. Ин ёдгори маҳфузгари сиккаҳо, осори хунармандӣ, боқимондаи маъбадҳо, асбобу анҷоми рӯзгор, мучассама ва катибаҳои хонаҳои истиқоматӣ аст. Бостоншиносон Б.А. Литвинский ва И.Р. Пичикян ин мавзеъро дар асарҳои худ «Шаҳри сангин» меномиданд ва шуруъ аз соли 1980 дар адабиёти илмӣ ин ёдгори номи «Тахти Сангин»-ро гирифт, ки ба вазъи ҷуғрофӣ он вобастагӣ дорад. Дар наздикии ин шаҳр Тахти Кубод ва қалъаи қадима ҷойгир аст. Масоҳати умумии ин шаҳр 105 га²-ро дар бар гирифта, дар атрофи он биноҳои истиқоматӣ ҷойгиранд. Дар маркази шаҳр маъбади Окс мавҷуд аст, ки яке аз бузургтарин иншооти меъморӣ Шарқ ва ёдгории муҳимми таърихӣ ва фарҳангии нимаи дуюми асри I пеш аз милодӣ Осӣи Марказӣ ба ҳисоб меравад [21,6]. Тарҳи сохтмони ин ёдгории меъморӣ шакли шаркиёна дорад. Деворҳои ин маъбад шакли қадима дошта, 3,4м баланд буданд. Он аз хишти хом сохта шуда, хоси давраи Ҳахоманишиҳо аст [21,244].

Дар маъбад, ки андозаи масоҳаташ 51x51 м буда, дар асрҳои IV-III - и то милод бунёд шуда, то садсолаи аввали баъд аз милод, дар замони Кушониён низ фаъолият намудааст, инчунин дар биноҳои ёридихандаи он бозёфтҳои зиёде кашф шудаанд, ки онҳо асосан аз тухфаҳои зиёраткунандагони маъбад иборат буд [4,83]. Асоси маъбадро толори марказии дорои чор сутун ташкил медиҳад, ки дарозии ҳар чаҳор девораш тақрибан 12 метрӣ ва майдони умумиаш қариб 144 м² кв аст. Даромадгоҳи асосии толори чорсутуна ба сӯи Шарқ нигаронида шудааст. Дар рӯбарӯи он айвони ҳаштсутуна ҷойгир аст. Аз толори марказӣ ду дари пурҳашаммати дигар (бо баландӣ ва паҳнии қариб 3 м) яке ҷониби шимол ва дигар ба ҷануб мебаранд, ки дар он ҷо долонҳои дуқисмаи кӯтоҳаш 12 м ва дарозаш 20,5 м ҷойгиранд [22,43].

Дар асоси шакли ҷойгиршавии қурбонгоҳҳои маъбади Омӯ оид ба маросимҳои динии маъбадҳои оташи ориёӣ тасаввурот пайдо кардан мумкин аст. Дар оташгоҳҳои оташи ҷовидон ниғаҳдорӣ мешуд. Ғайр аз ин, ду бинои махсус боз дар даҳлези №1 қурбонгоҳи дигар кашф карда шуд [22,50].

Вобаста ба ҳифзу нигоҳдошти ёдгориҳои ин шаҳри қадима 4-6 октябри соли 2023 дар ҷумҳурӣ Симпозиуми байналмилалӣ илмӣ бахшида ба 2500-солагии Тахти Сангин баргузор гардид.

Тавре Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон дар суҳбати худ дар ҷашни пуршукуҳи 2700-солагии Қӯлоби бостонӣ қайд намуданд:

«Маҳз дар натиҷаи шинохти асли худ ва аз арзишҳои миллӣ умумибашарӣ бархурдор гардидани мо ҳисси ватандӯстиву ватанпарастӣ ва ифтихору хувияти миллиамон боло гирифта, моро беш аз пеш ба таҳкими ваҳдати иттиҳод, созандагиву бунёдкорӣ ва ободсозии Ватани азизи худ ҳидоят мекунад» [19].

Аз ин рӯ, чашнгири ва дар ин раванд тармиму ниғаҳдорӣ ва омӯзиши ҳамаҷонибаи ёдгориҳои ин шаҳрҳои қадима бо ҳисси баланди миллӣ ва пос доштани арзишҳои миллӣ таърихӣ барои муаррифӣ ва нигоҳ доштани мавқеи миллат дар ҷомеаи мутамаддин, шиносӣ аз таъриху фарҳангӣ оламшумул ва мерос гузоштани он ба наслҳои оянда нақши калидӣ мебошад. Чашнгирии шаҳрҳои қадима иқдоми ҳубу саривақтии бевоқифаи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон мебошад.

Чашнгирии солгарди шаҳрҳои қадима нишона аз фарҳангу таърихи шаҳрсозиву ҳунармандии миллати соҳибтамаддуни тоҷик аст. Мақсади чашнгирии солгарди ин шаҳрҳо тармиму барқарорсозии мероси таърихиву фарҳангии халқи тоҷик ва дар ҳолати ҳуб нигоҳ доштани онҳост. Дар раванди чашнгири ва омодагӣ ба ин чашнҳо дар ин шаҳрҳо як қатор корҳои ободонӣ на танҳо дар тармиму барқарорсозии мероси таърихиву фарҳангӣ, балки баҳри пешрафти ҳаёти халқ ба роҳ монда мешаванд, ки сиёсати давлату Ҳукумати ҷумҳури ба он равона карда шудааст.

АДАБИЁТ

1. Бобомуллоев, С. Г. Древнейшая и древняя история Гиссара / С. Г. Бобомуллоев. – Душанбе: Дониш, 2015. – 206 с.
2. Бузургние, Д. Из истории учебных заведений на территории Таджикистана (мадраса) / Д. Бузургние // Историк. – 2019. – № 2(18). – С. 66-69.
3. Исҳоқов, А. Саразм – оғози тамаддуни тоҷикон / А. Исҳоқов. – Душанбе: Дониш, 2018. – 280 с.
4. Қодиров, Ф. Захираҳои туристӣ: ёдгориҳои фарҳангӣ – таърихӣ ва табиӣ / Ф. Қодиров. – Душанбе: Ирфон, 2012. – 128 с.
5. Мамаджанова, С., Муқимов, Р., Ганиев, Д. Архитектурное наследие Куляба и его округи / С. Мамаджанова, Р. Муқимов, Д. Ганиев // Из истории древнего Куляба. – Душанбе, 2006. – С. 283.
6. Филимонова, Т. Г., Абдуллоев, А. Л., Самойлик, П. Т., Якубов, Ю. Мамнӯғоҳи таърихӣ фарҳангии водии Ҳисор / Т. Г. Филимонова, А. Л. Абдуллоев, П. Т. Самойлик, Ю. Якубов. – Душанбе: Дониш, 2015. – 80 с.
7. Масов, Р. Выступление академика Рахима Масова на Международном симпозиуме на тему «Долина Заравшана и её место в системе цивилизации Древнего Востока» / Р. Масов // Андар шинохти Саразм. – Душанбе: Дониш, 2020. – С. 250.
8. Мухторов, А. Мақоми ҷаҳонии Устурушаниҳо / А. Мухторов. – Душанбе: Сурушан, 2002. – 165 с.
9. Мучтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлоб // Википедия: [Маводи электронӣ]. – URL: <https://tg.wikipedia.org/wiki/> (санаи истифодабарӣ: 13.06.2024).
10. Назирҷон, Т. Х. Истаравшан (Шарҳи муҳтасари таърих ва маданияти халқ) / Т. Х. Назирҷон. – Душанбе: Ирфон, 1992. – 208 с.
11. Паёми Истаравшан // сомонии Мақомоти ҳокимияти иҷроияи ш. Истаравшан: [Маводи электронӣ]. – URL: <https://mihdistaravshan.tj/category/media/> (санаи истифодабарӣ: 23.06.2024).
12. Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон – эҳғари таърихи бостони халқи тоҷик / Мураттиб ва муҳаррир Н. Убайдулло. – Душанбе: Дониш, 2020. – 138 с.
13. Раҳмон, Э. Чехраҳои мондагори / Э. Раҳмон. – Душанбе: ЭР-граф, 2016. – 364 с.
14. Раҳмонов, Э. Тоҷикон дар оинаи таърих / Э. Раҳмонов. – Душанбе: Ирфон, 1999. – 138 с.

15. Рустамова, Г. Р., Одинаев, А. Н., Хоркашев, И. С. Саразм – древний и культурный памятник таджикского народа / Г. Р. Рустамова, А. Н. Одинаев, И. С. Хоркашев // Вестник педагогического университета. – 2021. – № 1 (90). – С. 302.

16. Саразм – оғози тамаддуни кишоварзӣ, хунармандӣ ва шаҳрсозии тоҷикон (маводи симпозиуми байналмилалӣ бахшида ба 5500 – солагии шаҳри Саразми бостонӣ). – Душанбе: Дониш, 2022. – 180 с.

17. Список всемирного наследия. Саразм // сомонаи ЮНЕСКО: [Маводи электронӣ]. – URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/1141> (санаи истифодабарӣ: 17.06.2024).

18. Суханронӣ ба муносибати 5500-солагии Саразм // сомонаи расмии Президенти ҶТ: [Маводи электронӣ]. – URL: <http://www.prezident.tj/node/23799> (санаи истифодабарӣ: 15.07.2024).

19. Суханронӣ дар маросими бошукухи таҷлили ҷашни 2700-солагии шаҳри Кӯлоб // сомонаи расмии Президенти ҶТ: [Маводи электронӣ]. – URL: <http://www.prezident.tj/node/9538> (санаи истифодабарӣ: 8.07.2024).

20. Феҳристи ёдгориҳои таърихӣ фарҳангии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе: Бебок, 2017. – 204 с.

21. Ходжаева, Н. Тахти Сангин в истории и культуре Центральной Азии (Монография) / Н. Ходжаева. – Душанбе: Дониш, 2023. – 319 с.

22. Шахристони Тахти Сангин ва шаҳраки Ойхонум. – Душанбе: Дониш, 2023. – 186 с.

НАҚШИ ҶАШНГИРИИ ШАҲРҲОИ ҚАДИМА ДАР ҲИФЗИ ЁДГОРИҶОИ ТАЪРИХӢ ВА ФАРҲАНГӢ

Дар мақолаи мазкур ҷашнгирии солгарди шаҳрҳои қадима ва аҳамияти он ба сатҳи донишу фаҳмиши аҳоли бахри баланд бардоштани ҳисси ватандӯстию хештаншиносӣ ва огоҳ будан аз таърихи шаҳрсозиву меъморӣ халқи тоҷик дарҷ гаштааст. Дар натиҷаи ҷашнгирии солгарди ин шаҳрҳои бостонӣ як қатор объектҳои таърихиву фарҳангӣ ва мероси гаронбаҳои ниёгон тармиму барқарор гаштаанд.

Дар мақола таърихи таҳқиқи ин шаҳрҳои қадима, шахсиятҳои маъруфи таърихӣ, тарҳи меъморӣ ин шаҳрҳо, бозёфтҳо ва қабатҳои маданияи шаҳрҳо қайд карда шудааст.

Калидвожаҳо: *шаҳрҳои қадима, хештаншиносӣ, шаҳрсозӣ, меъморӣ, ёдгориҳои таърихӣ, фарҳангӣ, тармиму барқарорсозӣ.*

РОЛЬ ПРАЗДНОВАНИЯ ЮБИЛЕЯ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ В ОХРАНЕ ИСТОРИКО - КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В данной статье исследованы вопросы празднования юбилея древних городов и его значение для повышения уровня знаний населения с целью повышения чувства патриотизма и самосознания, а также для ознакомления с историей градостроительства и архитектуры таджикского народа. В результате празднования юбилея этих древних городов восстановлен ряд историко-культурных объектов и драгоценное наследия наших предков.

В статье отмечены история исследования этих древних городов, известные исторические личности, архитектурное оформление этих городов, находки и культурные слои городов.

Ключевые слова: *древние города, самосознание, градостроительство, архитектура, памятники истории, культуры, реконструкция.*

THE ROLE OF CELEBRATING THE ANNIVERSARY OF ANCIENT CITIES IN PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

This article explores the issues of celebrating the anniversary of ancient cities and its importance for increasing the level of knowledge of the population in order to increase the sense of patriotism and self-awareness, as well as to familiarize themselves with the history of urban planning and architecture

of the Tajik people. As a result of the celebration of the anniversary of these ancient cities, a number of historical and cultural sites and the precious heritage of our ancestors were restored.

The article notes the history of the study of these ancient cities, famous historical figures, architectural design of these cities, finds and cultural layers of the cities.

Key words: *ancient cities, identity, urban planning, architecture, historical monuments, culture, reconstruction*

Сведения об авторе: Раджабова Умеда Раджабовна – научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. E-mail: vanil_1996@bk.ru

Information about the author: Rajabova Umeda Rajabovna – researcher of Department of Modern History of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography NAST, E-mail: vanil_1996@bk.ru

УДК 613.4:379.85(575.3)"192/195"

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ САНИТАРНО - КУРОРТНОЙ СЛУЖБЫ В СОВЕТСКОМ ТАДЖИКИСТАНЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

НУРЗОДА А. Р.,

Таджикский национальный университет, Государственное
образовательное учреждение
«Медицинский колледж города Канибадама»

На территории Центральной Азии, в частности Таджикистана, чрезвычайно богатыми минеральными источниками и грязями, до Великой Октябрьской социалистической революции, не было ни санаториев, ни курортов. Однако местное население знало о целебных свойствах источников, многие из которых были объявлены духовными священными местами.

В русской литературе первые сведения об источниках минеральных вод и грязевых озёрах Восточной Бухары появились в трудах Русского биологического общества после присоединения Средней Азии к России. Прогрессивные ученые того времени, такие как М. Венюков, В. И. Липский, В. Вебер, В. И. Кушелевский и др., интересовавшиеся природными богатствами Средней Азии, в своих трудах неоднократно отмечали лечебную ценность многих минеральных источников и грязевых озёр Таджикистана. Однако все их предложения о рациональном использовании природных богатств края не находили отклика ни у царского правительства, ни у правительства Бухарского эмирата. В результате на источниках наживались в основном местное духовенство, которое объявляло их священными целебными источниками.

После установления советской власти было объявлено о том, что все природные богатства принадлежат народу. Декретом Совнаркома от 20 марта 1919 года «О лечебных местностях общегосударственного значения», подписанным

В.И. Лениным, все курорты были объявлены собственностью страны и предоставлены для лечения трудящихся. Этим декретом были заложены основные принципы организации и деятельности советских курортов. Управление курортами было передано Наркомздраву. В исторически короткий срок советское правительство поставила на службу народу богатейшие природные богатства. Щедрое ассигнования государства позволили развернуть строительство здравниц во всех республиках СССР [2, 375].

Здравницы играли важную роль в советском государстве, что способствовало обеспечению медицинского обслуживания промышленных рабочих и тружеников социалистического сектора сельского хозяйства, поднятию санитарной культуры населения и повышению производительности труда.

В Таджикистане на основе ленинского декрета о курортах в 1919 г. предполагалось открыть для широкого пользования трудящихся климатическо-кумысную лечебницу в Ура-Тюбе [8,167].

Однако практически её организация затянулась в связи с разрухой и продолжавшейся гражданской войной. Работы по организации местных курортов развернулись после образования в 1929 г. Таджикской ССР. В 1930 г. Наркомздрав республики организовал специальную экспедицию под руководством профессора Н. И. Рогозы по изучению курортных ресурсов республики. В её работе принимали участие известные в республике врачи – К. П. Арихбаев, М. М. Кишешьян, Л. Ф. Парадоксов. Ученый А. С. Уклонский в мае того же года обследовал минеральные источники Ходжа-Обигарма. В трудах советских ученых А. С. Кобозева, Г. Н. Смолко, Т. В. Сазонова дано биологическое и климатическое описание источников Обигарм, Ходжа-Обигарм, Гармчашма и др.

9 апреля 1931 г. на совещании постпредства Таджикской ССР при Средазкосо слушался вопрос об организации курорта на озере Оксукон. Было решено организовать экспедицию «для ориентировочного осмотра соляно-грязевого озера Оксукон, определения плана работ, обследования его на предмет эксплуатации в ближайшее время и разработки плана подготовительных мероприятий по развёртыванию курорта в текущем году» [7, 28]. Однако курорт стал эксплуатироваться уже в 1930 году. В 1930-1931 гг. амбулаторную помощь здесь получили свыше 4 тыс. больных, количество процедур составило 12 тысяч [10,11].

Целебные свойства озера привлекали много народа. Больные прибывали из Ташкента, Самарканда, Коканда, Ашхабада, Фрунзе, Керки, Актюбинска и других мест.

В начале 30-х была организована экспедиция Центрального государственного бальнеологического института Наркомздрави РСФСР в составе врача-бальнеолога М. В. Лаврова, инженера-бальнеохимика Э.Э. Карстенса и климатолога М. В. Двицкого, которая провела большую работу по изучению минеральных источников и лечебных местностей Таджикистана. Серьёзный вклад в организацию курортов в Таджикской ССР внесли исследования видных курортологов Советского Союза Н.Е. Хрисанфова и Г.И. Жукова, которые в 1932-

1933 г. изучали свойства минеральных вод Ходжа-Обигарма, Гармчашмы, Обигарма и более 40 других источников в различных районах республики [9,145].

В результате проведённых экспедиционных обследований были выработаны рекомендации по организации в ряде мест республики санитарно-курортных учреждений и климатических станций. В 1934 г. район источников минеральных вод Ходжа-Обигарм был объявлен климатобальнеологическим курортом республиканского значения. В новой здравнице, рассчитанной в то же время на 25 человек, продолжительность курортного сезона была определена с 15 июня по 15 сентября, со сроком лечения в 28 дней.

В период становления курорт ещё не имел жилых помещений, и отдыхающие располагались в юртах. Отсутствовали ваннные корпуса, и больные получали процедуры в открытых бассейнах, а главное, не было автомобильной дороги до курорта. От кишлака Гушары больные могли пользоваться только вьючным транспортом. Однако, уже в 1935 г. курорту были выделены средства на организацию временного ванного корпуса и бытовых построек, к нему была проложена автодорога. К 1936 г. курорт уже располагал 50 санаторными местами. В последующие годы он продолжал расширяться. Были построены новые спальные корпуса летнего типа, появились новое хозяйственное оборудование и медицинская аппаратура. К 1941 году на курорте функционировала своя гидростанция, работала лаборатория, действовала физкультурная площадка. Лечебные блага курорта Ходжа-Обигарм широко использовало население республики. За период с 1938 по 1941 г. его посетило около 2370 человек [9,145].

В довоенные годы в Таджикистане были созданы и другие здравницы. Так, еще в 1933 г. в Шахристане стала функционировать кумысо-виноградная лечебница для больных лёгочным туберкулёзом. В том же году на окраине г. Душанбе, в поселке Шахмансур, открылся детский сезонный туберкулёзный санаторий, а в 1938 году костно-туберкулёзный санаторий был открыт в 15 км от Душанбе – в ущелье Харангон [1,174]. Велись дальнейшие изыскания с целью расширения курортной сети в республике.

После окончания Великой Отечественной войны в республике началось восстановление старых курортов и создание новых. В 1947 году на высот 1300 м над уровнем моря, на юго-восточном склоне Каратегинского хребта, на базе горячих минеральных источников была создана новая здравница – курорт Обигарм на 50 коек [5, 5]. Вначале он функционировал только летом, а затем в течение всего года. Курорт быстро приобрел большую популярность не только в республике, но и далеко за её пределами. В 60-е годы там могли лечиться одновременно около 300 человек.

В Ура-Тюбинском районе, в урочище Хаватаг, геологоразведочной экспедицией была выведена на поверхность горячая минеральная вода. Изучение показало, что она полезна при лечении многих групп заболеваний. В 1954 году здесь был построен ванный корпус и было положено начало использованию источников для лечения больных.

В Колхозабадском районе, в урочище Кизил-Тумшук, также была выведена на поверхность горячая минеральная вода. Её химический состав показал, что эти воды относятся к водам типа Сочи-Мацеста. На их основе в летнее время Колхозабадская райбольница создала стационар санаторного типа для лечения больных.

Было продолжено детальное изучение природных богатств самого крупного курорта республики Ходжа-Обигарм. Его лечебные свойства изучались экспедицией Центрального института курортологии Министерства здравоохранения СССР под руководством инженера-гидролога А. Китициной. В середине 50-х годов контора «Таджикгеоинвод» провела работы по увеличению дебита минеральных вод. На основе результатов изыскательских работ в 1954-1955гг. в Ходжа-Обигарме был построен пароземанаторий. Таджикистанская здравница стала единственной в Союзе, где проводилось эффективное лечение хронических заболеваний суставов, мышц и костей радиоактивным паром.

Правительство уделяло большое внимание дальнейшему развитию курорта. В 1957 году на его благоустройство было выделено около 6 млн. руб. [11,32]. В том же году была проложена на территории курорта автомобильная дорога. Больные получили возможность пользоваться транспортом для посещения пароземанатория и ванн. Увеличился коечный фонд. Ежегодно за сезон санаторий мог обслуживать до 2,5 тыс. больных.

В 1953 году на южном склоне Гиссарского хребта на базе глубоких разведочных скважин, вскрывших термальные сероводородные воды, был открыт бальнеологический санаторий Шаамбары. Здесь был построен ванный корпус, проточный бассейн и стационар для больных. Вскоре новая лечебница завоевала большую популярность, так как воды Шаамбары по своим минеральным качествам, особенно по наличию радона, значительно превосходят воды не только местных курортов, но и курортов этого профиля Кавказской группы.

В 1959 году на базе Муминабадской участковой больницы был создан туберкулёзный санаторий Муминабад. Здравница до сих пор функционирует круглогодично. По тем временам она была оснащена новейшей аппаратурой, там имелась клиничко-диагностическая лаборатория, рентгенкабинет, кабинет физической культуры, аэрозолярий и т.д.

В 50 – х годах прошлого века уделялось большое внимание детскому здоровью, по этой причине росла численность детских здравниц. В 1958 году на базе бывшего дома отдыха, в 42 км от Душанбе, в Варзобском ущелье, открылся детский санаторий Гушары. Там лечились дети в течении всего года. Два детских санатория- лёгочно-туберкулёзный и костно-туберкулёзный были открыты в этом же году в г. Ленинабаде (нынешний Худжанд).

Целебные источники, о которых издевка знало местное население, были открыты на территории ГБАО. Наибольшую известность и популярность приобрёл источник Гармчашма. Он расположен на южном склоне Шахдаринского хребта на высоте 2325 м над уровнем моря в среднем течении р. Шахдара. Здесь, в живописном уголке, на сравнительно небольшом участке расположены

холодные и горячие углекислые источники. В 1957 г. обзаводом ГБАО построил корпус для ванн процедур, организовал амбулаторное лечение больных. А с 1959 года Гармчашма стала водолечебницей санаторного типа со стационаром на 25 коек [6,8].

Таджикистан богат разнообразными природными лечебными ресурсами, которые стали широко использовать только в советское время. На их основе созданы курорты, санатории, водолечебницы и стационары при больницах санаторного типа. К середине 60-х годов прошлого века в Таджикистане было разведано более 200 источников минеральных вод самого различного состава: имеется 20 грязевых и 6 солёных озёр, более 10 климатических станций [4]. Сеть санаторных учреждений постоянно росла в исследуемый период. Если в 1939 году санаториев круглогодичного пребывания было только 4, то в 1950 г. – 8, а в 1965 г. – 13 [2, 375]. В связи с ростом числа курортов и санаториев стало уделяться внимание повышению квалификации и специализации работников санаторно-курортных учреждений. В центральных санаториях и на курсах, в клиниках Таджикского мединститута ежегодно повышали свою квалификацию до 20 работников здравниц. В во всех санаториях велась научно-исследовательская работа практическими врачами и специалистами мединститута. Важные исследования проводили В. И. Зайцева, А. М. Говорков, Б. Н. Мухитдинов и др.

Таким образом, природные богатства на территории Таджикистана несмотря на то, что исследовались задолго до установления советской власти, только после Великой Октябрьской революции стали полноценно использоваться. Правительство страны не только стало использовать курортные лечебницы для оздоровления населения, но также проводились новые исследования для выявления оздоровительных способностей других мест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заседание Верховного Совета Таджикской ССР. (Вторая сессия седьмого созыва). 26–27 октября 1967 г.: Стенографический отчет. – Душанбе, 1967. – 174 с.
2. Из истории культурного строительства в Таджикистане (1917–1965 гг.). – Душанбе, 1968. – С. 375.
3. История культурного строительства в Таджикистане (1917–1977 гг.). – Душанбе: Дошиш, 1983. – Т. 2. – С. 42–43.
4. Кахаров, О. Ленинские декреты о курортах / О. Кахаров // Коммунист Таджикистана. – 1969. – 20 марта.
5. Кирадиев, Х. Г. Минеральные воды и здравницы Таджикистана / Х. Г. Кирадиев. – Душанбе, 1962. – С. 5.
6. Леонов, М. А., Таджиев, Я. Т. К итогам развития здравоохранения Таджикистана / М. А. Леонов, Я. Т. Таджиев // Здравоохранение Таджикистана. – 1966. – № 3. – С. 8.
7. Майборода, В. С. Успехи профилактической медицины в Таджикистане / В. С. Майборода // Здравоохранение Таджикистана. – 1970. – № 2. – С. 28.
8. Максаков, К. П., Шевченко, З. М. Советское здравоохранение Таджикистана в годы восьмой пятилетки / К. П. Максаков, З. М. Шевченко // Таджикистан в братской семье народов СССР: Сборник статей. – Душанбе, 1972. – 167 с.
9. Народное хозяйство Таджикской ССР в 1971 г.: Стат. ежегодник. – Душанбе, 1972. – 145 с.

10. Саженин, И. А. Состояние здравоохранения Таджикистана и перспективы его развития / И. А. Саженин // Здравоохранение Таджикистана. – 1970. – № 2. – С. 11.

11. Хвайсени, Д. В. Некоторые данные о лечебных свойствах Ходжа-обигарских минеральных вод и их санитарно-курортная перспектива / Д. В. Хвайсени. – Сталинабад, 1947. – Т. 2. – 32 с.

ТАШАККУЛ ВА ИНКИШОФИ ХАДАМОТИ САНАТОРИУ КУРОРТӢ ДАР ТОЧИКИСТОНИ ШУРАВӢ ДАР НИМАИ АВВАЛИ АСРИ XX

Табобати санаторию курортӣ, ҳамчун чораи муассири пешгирӣ намудан аз намудҳои мухталифи бемориҳо, инчунин барқарорсозии ҳолати саломатии инсон аҳамияти калон дорад. Аз ин рӯ, ҳадафи асосии табобати санаторию курортӣ ин пеш аз ҳама барқарорсозии саломатӣ, инчунин беҳтар намудани ҳолати ҷисмонӣ ва равонии инсон ба ҳисоб меравад.

Дар мақолаи мазкур муаллиф дар бораи ташкил ва рушди табобати санаторию курортӣ дар Тоҷикистони Шуравӣ ва аҳамияти обҳо ва лойқаҳои шифобаҳши Тоҷикистон дар самти беҳтар намудани ҳолати саломатии аҳоли маълумоти илмӣ додааст. Муаллиф дар мақолаи илмӣ худ ҳамзамон аз адабиёти илмӣ, маҷаллаю нашрияҳои матбуоти даврӣ ва дигар сарчашмаҳои муътамад ба таври васеъ истифода бурдааст.

Дар мақолаи мазкур қайд карда шудааст, ки дар Тоҷикистон мутобики “Декрети ленинӣ дар бораи курортҳо» соли 1919 дар шаҳри бостонии Уротеппа (Истаравшани ҳозира) барои истифодаи васеи меҳнаткашон ифтитоҳи табобатгоҳи мавсимӣ пешбинӣ шуда буд. Аммо ташкил намудани он бинобар харобиҳо ва идомаи чанги таҳмилии шаҳрвандӣ ба таъхир афтод. Асосан масъалаи ташкили курортҳо ва санаторияҳо баъди ташкил ёфтани ҶШС Тоҷикистон оғози амалии худро ёфтанд, ки дар ин хусус дар мақолаи мазкур ба таври муфассал маълумот дода шудааст.

Калидвожаҳо: санатория, курорт, Уротеппа, Ходжа Обигарм, Гармчаишма, Ҳавотог, табобат, барқарорсозӣ.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ САНИТАРНО - КУРОРТНОЙ СЛУЖБЫ В СОВЕТСКОМ ТАДЖИКИСТАНЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Санитарно – курортное лечение, как действенная мера профилактики различных заболеваний и восстановления здоровья человека, имеет большое значение. Основной целью санитарно – курортного лечения является, прежде всего, улучшение физического и психического состояния человека.

В данной статье автор представил научные сведения о становлении и развитии санитарно – курортной службы в Советском Таджикистане, а также о значении целебных вод и грязей для улучшения состояния здоровья населения. Автор при написании данной статьи широко использовал научную литературу, журналы и другие авторитетные источники.

Отмечено, что в Таджикистане, согласно ленинскому декрету о курортах, уже в 1919 году для широкого использования населением было предусмотрено создание сезонной лечебницы в Уратюбе, но разруха и продолжающаяся гражданская война отодвинули это важное дело на более поздний срок. В основном, вопросы создания курортов и санаториев нашли своё практическое решение после образования Таджикской ССР, о чём в указанной статье даны подробные сведения.

Ключевые слова: санаторий, курорт, Уратюбе, Ходжа Обигарм, Гармчаишма, Хаватаг, лечение, восстановление.

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF SANATORIUM SERVICES IN SOVIET
TAJIKISTAN IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY**

Sanatorium treatment is of great importance as an effective measure to prevent various types of diseases, as well as to restore human health. Therefore, the main goal of sanatorium treatment is first of all the restoration of health, as well as improvement of the physical and mental condition of a person.

In this article, the author has provided scientific information about the organization and development of sanatorium treatment in Soviet Tajikistan and the importance of the healing waters and muds of Tajikistan in improving the health of the population. In writing this scientific article, the author widely used scientific literature, scientific journals and other valuable sources.

It is noted in this article that in Tajikistan, on the basis of Lenin's decree on spas, in 1919, it was proposed to open a climatic treatment center in Uroteppa for the wide use of workers. But in practice, its organization is delayed due to the destruction and continuation of the civil war. Basically, the issue of the establishment of spas and sanatoriums began after the formation of the Tajikistan SSR, which is detailed in this article.

Key words: *sanatorium, resort, Hodja Obigarm, Garmchashma, Hawatag, treatment, restorer.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Нурзода Амирҷон Рӯзихон - номзади илмҳои таърих, докторанти кафедраи таърихи халқи тоҷики факултети таърихи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, директори Муассисаи давлатии таълимии «Коллеҷи тиббии шаҳри Конибодом». Телефон:(+992) 918-24-76-78; E-mail: amirinur@mail.ru

Information about the author: Nurzoda Amirjon Ruzikhon - Candidate of Historical Sciences, Working for degree of doctors of the Department of History of the Tajik People, Faculty of History, National University of Tajikistan, director of the Medical College of Kanibadam. Tel: (+992) 918-24-76-78; E-mail: amirinur@mail.ru

УДК 620.9:556.18(575.3+57)"20"

**МАВҶЕИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР СИСТЕМАҲОИ ОБИҶО
ЭНЕРГЕТИКИИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ**

**АЛИМАРДОНОВ Б. М.,
Муассисаи таълимии ғайридавлатии
“Донишқадаи тиббӣ - иҷтимоии Тоҷикистон”**

Барқарор кардани кори системаи хатти неругоҳҳои хурди корношоям ва фарсудашуда, инчунин аз нав таҷҳизонидани неругоҳҳо, сохтмони сершумори неругоҳҳои хурду калон аз нав пайвастанӣ хоҷагии халқ бо хатҳои электрикӣ ва ғайраҳо аз ҷумлаи чорабиниҳои бомавҷеи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон маҳсуб меёбанд.

Дар асоси чорабиниҳои зикршуда дар ибтидои солҳои истиқлол захираҳои энергетикӣ аз нав омӯхта шуданд ва ҳамзамон барномаи васеи энергетикӣ дар амал ҷорӣ шуда истодааст. Масалан гирем, соли 1993 истеҳсоли неруи барқ дар мамлакат 15 млн. кВт соат даромад дода буд. Соли 2022 истеҳсоли қувваи барқ ба 21 млн. кВт соат расонида шуд. Ин нишондод имконият дод, ки қувваи барқ дар самти энергетика ба таври пурра истифода карда шавад.

Мусаллам аст, ки равнақу инкишофи васеи тамоми соҳаҳои хоҷагии халқи ҷумҳурӣ аз бисёр ҷиҳат ба азхудкунии захираҳои неруи барқ вобастагии бештаре худро дорад. Аз ин лиҳоз, ба рушд ва пешрафти ин неъмате пуарарзиш, ки барои хоҷагии халқ хеле муҳим аст, беш аз пеш эътибори зарурӣ додан тақозо мегардад.

Суръати баланди афзоиши аҳоли ва дар ин асос зиёд намудани истеҳсоли маҳсулоти кишоварзӣ дар ҷумҳурӣ тақозо менамояд, ки меъёрҳои истифодаи об ва умуман стратегияи тақсмоти он дар байни давлатҳои Осиёи Марказӣ таҷдиди назар карда шаванд. Ин чунин маъно дорад, ки дар ин бобат ҳамаи қонуну меъёрҳои ҳуқуқӣ мутобиқи талаботи байналхалқӣ риоя карда шаванд. Дар арсаи ҷаҳонӣ нисбати тақсмоти об мо шохиди бисёр кашмакашу тундшавии муносибатҳо гардидаем. Мо бояд аз он шукр намоем, ки кишвари мо-Тоҷикистон аз чунин проблемаҳои мушкили замон дар канор аст Муҳаққиқони соҳа Караулов И. А., Тоҳиров И. Г. ва инчунин дигарон сохтани неругоҳҳои обӣ ва обанборҳои ғунҷоишашон калонро барои нигоҳ доштани захираҳои обӣ ва истифодаи самараноки он пешниҳод намудаанд.

Дар баробари ин, дар Ҷумҳурии Тоҷикистон обҳои зеризаминӣ ҳамчун воситаҳои иловагии бо об таъмин намудани хоҷагии халқ хизмати арзанда менамоянд. Мувофиқи маълумоти олимони И. Г. Тоҳиров ва Г. Д. Купайи танҳо ҳаҷми якҷояи оби истифодашавандаи ҳавзаи дарёи Зарафшон 429, 90 млн м.кв. аз ҷумла обҳои зеризаминӣ 19.63 млн.м.кв.ро ташкил медиҳанд [4].

Ҳамин тариқ, гидрографияи Тоҷикистон ва ҳавзаи дарёи Зарафшон аз қабиле пирияхҳо, дарёҳо, кӯлҳо, обҳои зеризаминӣ хеле зиёд ва инчунин беназиранд, вале мақсаднок истифода намудани он барои рушди минбаъдаи захираҳои обӣ дар мамлакат мувофиқи мақсад мебуд.

Бояд тазаққур дод, ки камчини маҳсулоти энергетикӣ ба таври воқеӣ дараҷаи рушди соҳаҳои иқтисодиёт, соҳибкорӣ, шуғли аҳоли, вазъи иҷтимоӣ, роҳ ёфтани ба илму дониш, таъмини оби тоза ва хизматрасонии тиббиро паст намуда, дар навбати худ истифодаи ғайрисамараноки ҷангал ва буттаҳо бошад, боиси сар задани фалокатҳои экологӣ мегарданд.

Хусусан мушкилоти истифодабарии об андешидани чораҳои ҷиддӣ ва эҳтироми ҳуқуқи тарафайнро тақозо менамояд, зеро ба ҳисоб гирифтани манфиати яктарафа ҳамеша боиси изтироб ва зиёни тарафи дигар мегардад.

Масалан, бо сабаби баландшавии нархи сӯзишворӣ Ҷумҳурии Қирғизистон бо мақсади боз ҳам зиёд намудани қувваи барқ дар неругоҳи Тохтагул дар фасли тобистон низоми обро кам карда, зимистон бошад обро зиёдтар сар медиҳад.

Яъне дар фасли зимистон дар натиҷаи аз обанбор нисбати меъёри муқаррарӣ ду маротиба зиёд сар додани об боиси дар вилояти Суғд баланд шудани сатҳи обҳои зеризаминӣ дар давраи нашъунамои зироат, шӯршавии замин ва ҳатто зери об мондани баъзе деҳаҳои ба соҳили дарё наздик мегардад.

Президенти мамлакат ба ин масъала дахл намуда, қайд кардааст: «Стратегияи нави манбаъҳои энергетика, истифодаи он ва дар маҷмӯъ экологияи мамлакат ва энергетикаи кишварро ба таври дақиқ таҳия намуда, мо бояд барои рушди устувори ояндаи мамлакат ва минтақа тамоми тадбирҳоро андешем. Муҳим аст, ки дурнаморо муайян карда, набояд, дар ҳалли ягон проблемаи глобалии имрӯза ва оянда ба тундравӣ ва ё кундравӣ майл намоем».

Дурнамои ҳамкориҳои иқтисодии мамлакатҳои ҳавзаи Осиёи Марказӣ зарурати ҳамгироии энергетикиро дар асоси ташаккулёбӣ ва татбиқи стратегияи ягонаи обӣ - энергетикиро тақозо менамояд. Рушди ҳамгироии энергетикӣ дар ҳавзаи Осиёи Марказӣ на танҳо барои ҳаллу фасли масъалаҳои идоракунии захираҳои обӣ - энергетикӣ, ташаккулёбии бозори ягонаи фуруши барқ имкон фароҳам меорад, балки омили пуриқтидори пешрафти иқтисодӣ ва ба баланд бардоштани сатҳи зиндагии аҳолии ҷумҳуриҳои миллии кишварҳои ин минтақа мусоидат менамояд. Тоҷикистон, ки дар қаламрави он 60 фоиз захираҳои оби Осиёи Марказӣ тавлид мегардад, на ҳамчун сарчашмаи асосии ба маводи ҳаётан муҳим таъминкунандаи яке аз минтақаҳои сернуфузи олам, балки ташаббускори самаранок истифода кардани ин неъматӣ бебаҳо бо мақсади таракқӣ ва пешрафти мардуми сайёра мебошад [6].

Ташаббусҳои Пешвои муаззами миллат оид ба оби тоза, ки соли 1999 ба миён гузошта буд ва онро Созмони Милали Муттаҳид, мамлакатҳои ҷаҳон ва аҳли башар яқдилона пазируфтанд.

Мақсад аз ин ташаббус мушаххас ва ҳаматарафа омӯхтани захираҳои мавҷудаи оби тамоми кураи замин, қитъаҳои олам ва мамлақату ноҳияҳои алоҳида, ба тозагӣ ва сарфаву сариштакорона истифода намудани он эътибори ҷиддӣ додан мебошад, зеро имрӯзҳо як қатор кишварҳо аз норасоии оби ошомиданӣ ба душвориҳои зиёд рӯ ба рӯ гаштаанд [6].

Дастоварди муҳим, ки нишонгари обрӯ, эътибор ва эътирофи Ҷумҳурии Тоҷикистон, бо манзалати кишвари «ташаббускор ва пешсаф дар арсаи ҷаҳонӣ» аз ҷониби Маҷмаи умумии Созмони Милли Муттаҳид дастгирӣ ёфтани пешниҳоди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон пешниҳод намудани барномаи «Об барои рушди устувор, солҳои 2018-2028» мебошад, ки дар он масъалаҳои ҳифз ва истифодаи самараноки захираи ҳаётбахши табиӣ - об дар миқёси ҷаҳон аҳаммияти беандозаро доро аст. Ин барномаи имрӯз дар назди оламиён ҷунон масъалаҳои мубрами ҳаёти муҳимро талаб мекунад.

Имрӯзҳо бо мақсади таъмини истиқлоли энергетикӣ, аз ҷумла электронунонии ноҳияҳои дурдасти мамлакат, ки ба таъминоти барқ эҳтиёҷи зиёд доранд, барқарор намудани неругоҳҳои мавҷуда ва ҳамзамон бо мақсади ба қор андохтани иқтидорҳои нави гидроэнергетикӣ, аз ҷумла бунёди хатҳои интиқоли барқ, истифодаи сарфакаронаи неруи барқ, паст кардани талафоти он

ва истифодаи технологияи каммасрафи барқӣ ва аз ҷониби дигар, идораи оқилонаи захираҳои обиро тақозо менамояд.

Имрӯз Тоҷикистон дар ҳоли рушди устувор қарор дорад ва ин ҳолат масъалаи пайдо шудани истифодабарандагони нави неруи барқро ба миён мегузорад. Дар ҳалли масъалаҳои рӯзафзуни ҷумхурӣ ба неруи барқ дар баробари неругоҳҳои мавҷуда ба нақша даромадаи неругоҳҳои бузург ба монанди Неругоҳи барқи оби «Роғун» мушкилкушоӣ он мешавад.

Бар замми ин дар кишвари мо, инчунин манбаҳои дигари истеҳсолкунандаи қувваи барқ мавҷуданд, аз қабилӣ ангиштсанг, нефт, газ, қувваи офтоб ва ғайраҳо. Масалан, аҳолии Тоҷикистон метавонад дар як сол 300 рӯз қувваи офтобро дар истеҳсоли қувваи барқ истифода барад ва он рӯзҳо дер нест, ки тавассути электрикунонии пурраи мамлакат – Тоҷикистон тамоми шабҳо ҳам ба рӯзҳо монанд мешаванд.

Сиёсати дурусти ояндабинонаи Ҳукумати мамлакат дар бораи рушди энергетика сатҳи тараққиёти иқтисодӣ мамлакатро ба дараҷаи давлатҳои пешқадамтарини дунё мерасонад. Аз ин рӯ, мақсаду мароми ҳамаи барномаҳои дар давраи аввали истиқлол тартиб дода шуда, ки расидан ба истиқлолияти энергетикӣ дар назар дорад, дар назди ҳамватанон вазифаи муҳимми эҳтиёткорона сарфакорона истифодабарии қувваи барқ истода аст. Сарфакорӣ сарчашмаи ҳама гуна боигарии оила ва мамлакат ба ҳисоб меравад.

Неругоҳҳои барқи обӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон имконият дод, ки дар шаҳру ноҳияҳои кишварамон корхонаву муассисаҳои нави саноатӣ тавлид ёбанду номгӯи зиёди маҳсулоти ниёзи мардум истеҳсол шаванд. Манбаҳои нави ашёи хоми саноатӣ кашфшаванда, захираҳои нави сӯзишвориву энергетикӣ маҳаллӣ ба истифода дода шаванд.

Ҳамин тариқ, раванди электрикунонии мамлакат таъмини истиқлоли энергетикӣ, ба рушди минбаъдаи мамлакат ва ҳамзамон зина ба зина баланд бардоштани сатҳи некуаҳолии мардум ҳамачониба мусоидат намуда, вазъи иҷтимоӣ аҳолиро ба маротиб баланд мебардорад [5].

Чунончӣ, имрӯз иқтидори умумии гидроэнергетикӣ Тоҷикистон 527 млрд к.В./соатро ташкил медиҳад, ки он нисбат ба талаботи кунунии кишварҳои Осиёи Марказӣ ба неруи барқ се маротиба зиёд мебошад.

Бо мақсади ба даст овардани истиқлоли энергетикӣ мамлакат, дар асоси нақшаю чорабиниҳои стратегӣ бо ҷалби сармояҳои дохилию хориҷӣ як қатор лоиҳаҳои энергетикӣ нав амалӣ гардида, корҳои таҷдиду азнавсозӣ ва барқарорсозии иншооти энергетикӣ мавҷуда бомуваффақият идома доранд.

Тибқи таҳлилҳо дар ин давра давомнокии пешниҳоди истифодабарии қувваи барқ то 24 соат зиёд гардида, иқтидорҳои корхонаҳои барқ истеҳсолкунанда то ба 6694 мВт зиёд карда шуд ва 70 адад НБО-ҳои хурд бунёд гардида ба истифода дода шуданд [3].

Рушди низоми энергетикӣ дар мамлакат дар доираи ҳамкориҳо бо кишварҳои хориҷӣ ва шарикони рушд имрӯзҳо муваффақона роҳандозӣ гардида истодааст. Дар кишвар иқтидорҳои нави корхонаҳои истеҳсолӣ баҳрабардорӣ

гардида истодааст, ки тавонои онҳо ба 1300 МВт баробар буда, дастовардҳои назаррас ба ҳисоб меравад. Мавриди истифода қарор гирифтани неругоҳҳои барқи обии Сангтӯда-1(670 МВт), Сангтӯда - 2 (220 МВт), хатҳои интиқоли барқии 220 кВ “Лолазор - Хатлон» дар самти электрикунонии минтақаҳои чанубу шарқии мамлакат нақши муҳимро мебозад.

Раванд ва инкишофи минбаъдаи электрикунонии мамлакат яке аз самтҳои афзалиятноки рушди мамлакат буда, таъмини истиқлоли энергетикӣ ба рушди минбаъдаи мамлакат, зина ба зина баланд бардоштани сатҳи зиндагии мардум ҳамаҷониба мусоидат намуда, вазъи иҷтимоии аҳолиро ба маротиб баланд мебардорад.

Рушди захираҳои табиӣ, аз ҷумла энергетика, умедворкунандаи рушд аст. Чунончӣ, иқтидори умумии гидроэнергетикаи Тоҷикистон 527 млрд кВ/соатро ташкил медиҳад, ки нисбат ба талаботи имрӯзаи кишварҳои Осиёи Марказӣ ба нури барқ се маротиба зиёд мебошад.

Ҳамасола, ҳудуди 30-35км кубӣ об тавассути неругоҳҳои барқии обии кишвар гузашта, дар маҷмӯъ 16-17 млрд кВ/соат барқ ҳосил мешавад, ки ба 3-4 % иқтидори умумии билқувваи Ҷумҳурии Тоҷикистон баробар аст. Бар замми ин 265 адад неругоҳҳои хурди барқӣ ба иқтидори зиёда аз 23287 кВт бунёд карда шуда, мавриди истифода қарор дода шуданд.

Дурнамои азхудкунии захираҳои энергетикаи Тоҷикистон хеле бузурганд. Аз 600 млрд кВт соати захираҳои гидроэнергетикӣ фақат 2% аз худ шудаанд, 00,2% аз ҳисоби энергияи офтоб ва 0,1% аз ҳисоби захираҳои ағиштсанги мамлакат аз худ шудаасту ҳалос.

Дар сурати пурра ба қор даромадани Неругоҳи барқи обии “Роғун» истиқлоли энергетикии кишвар ба таври пурра таъмин мегардад, сохтмони якҷанд неругоҳҳои дигар ба монанди Даштиҷум (4000 ҳазор квт соат) пурра ба бозори энергетикӣ бароварда мешавад, ки сатҳи зиндагии аҳолии мамлакатро 3 - 5 маротиба баланд мебардорад. Ин маънои онро дорад, ки дар оянда сатҳи баланди зиндагии аҳолии мамлакатро фақат аз рӯи истеҳсоли қувваи барқ, боз ҳам беҳтар қардан мумкин аст.

Илова ба гуфтаҳои боло қайд қардан мумкин аст, ки дар ояндаи наздик Ҷумҳурии Тоҷикистон ба захираҳои асосии энергетикии худ яке аз минтақаҳои асосии энергетикии Осиёи Марказӣ табдил меёбад.

Пешвои муаззами миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон зимни ироаи қаблии Паёми солонаи худ низ ба Маҷлиси Олӣ доимо аз ташаккул ва рушди ояндаи «иқтисоди сабз» ёддовар мешуданд. Масалан, дар Паёми дар таърихи 23-юми декабри соли 2022 ба Маҷлиси Олӣ пешниҳод намудаи худ Роҳбари давлат қайд намудаанд, ки «...тақроран таъкид менамоем, ки бояд таваҷҷуҳи асосӣ ба рушди босуботи соҳаҳои иқтисоди миллӣ, пешгирӣ қардани таъсири хавфҳои эҳтимолии он, истифодаи самараноки иқтидорҳои мавҷуда, ташкили корхонаҳои истеҳсолӣ, таъсиси ҷойҳои кории нав, баланд бардоштани рақобатнокии маҳсулоти ватанӣ, тақвияти содиротӣ, ташаккули «иқтисоди сабз» равона қарда шавад».

Пешвои муаззами миллат, инчунин таъкид намуданд, ки дар шароити таҳаввулоти босуръату пешгӯйинашавандаи иқтисоди ҷаҳонӣ, рақобатҳои шадид барои дастрасӣ ба захираҳои ва пайомадҳои тағйирёбии иқлим бояд дар кишвар тамоми воситаҳои муосири ҷаҳонгардонии сармоягузори ба таври васеъ истифода бурда шаванд.

Як нуктаро низ бояд қайд намуд, ки солҳои охир рушди бомароми соҳаи энергетика ба рушди “энергияи сабз» ва раванди саноатикунони босуръати кишвар заминаи мусоид фароҳам оварда истодааст. Умуман, дар замони соҳибистиклолӣ аз ҷониби Ҳукумати мамлакат барои азнав-созӣ, яъне таъмиру таҷдиди низоми энергетикӣ кишвар 85,7 млрд. сомонӣ равона карда шуда, низоме, ки дар 75 соли замони гузашта муҳ-лати истифодаи аксари таҷҳизоти он қариб ки ба анҷом расида буд, таҷдиду азнавсозӣ карда шуд.

Чи тавре, ки Пешвои муаззами миллат дар Паёми навбатии имсолаи худ ба Парлумони мамлакат қайд намуданд, дар ин давра танҳо барои азнавсозии неругоҳҳои барқи обии амалкунанда беш аз 11,3 млрд. сомонӣ равона гардида, Неругоҳи барқи обии «Сарбанд» пурра таҷдид ва иқтидори он 30 мегаватт зиёд карда шуд. Инчунин, таҷдиди неругоҳҳои «Норак» ва «Қайроққум» низ бомаром идома дошта, баъди ба анҷом расидани корҳои иқтидори онҳо, дар маҷмуъ 423 мегаватт афзоиш меёбад. Нуктаи муҳим ин аст, ки неругоҳҳои зикршуда баъди азнавсозӣ боз даҳсолаҳои дигар хизмат менамоянд.

Маҳз амалисозии тадбирҳои ва ҷорабиниҳои маҷмуӣ (комплексӣ) имкон дод, ки Ҳукумати мамлакат, бо дарназардошти фаровонии захираҳои гидроэнергетикӣ, иқтидори бузурги истеҳсоли «энергияи сабз» ва содироти он, дар ҷодаи ноил гардидан ба ҳадафи стратегияи худ расидан ба истиқлоли энергетикӣ қадамҳои устувор гузошта истодааст. Масалан, соли 2023 иқтидори энергетикӣ Тоҷикистон зиёда аз 6 ҳазор мегаватт ва истеҳсоли неруи барқ 22 миллиард киловатт - соатро ташкил дод, ки нисбат ба соли 2017-ум 4,8 миллиард киловатт - соат ё ин ки 28 % зиёд мебошад.

Ба ақидаи Пешвои муаззами миллат, новобаста аз муваффақиятҳои ба даст омада, ҳамзамон бо мақсади расидан ба ҳадафҳои гузошташуда зарур аст, ки дар солҳои оянда аз ҷониби Ҳукумати мамлакат, Вазорати энергетика ва захираҳои об ва дигар сохтору мақомоти марбути тадбирҳои зерин амалӣ карда шаванд: якум: бунёди неругоҳҳои барқи обии «Роғун», «Себзор» ва инчунин таҷдиди неругоҳҳои амалкунандаро бомаром идома дода, корҳои дар самти дарёфти маблағгузориҳои иқтидорҳои нави тавлиди «энергияи сабз» ва ба 10 ҳазор мегаватт расонидани иқтидорҳои энергетикӣ кишвар вусъат дода шаванд, дуюм: барои беҳтар кардани таъминоти аҳолии кишвар бо неруи барқ ва рушди соҳаи истихроҷи маъдан ва саноати металлургия суръати корҳои асосноккунӣ техникаӣ ва лоиҳакашии Неругоҳҳои барқи обии «Шуроб» бо иқтидори 1000 мегаватт дар дарёи Вахш, «Санобод» бо иқтидори то 500 мегаватт дар се марҳала дар дарёи Панҷ - қисмати ноҳияи Рӯшон ва «Барсем» дар дарёи Ғунди ноҳияи Шӯғнон бо иқтидори 14 мегаватт, бо дарназардошти бунёди хатти интиқоли барқ ва дигар инфрасохтори зарурии интиқол ва

тақсимоти барқ тезонида шавад. Сеюм: дар робита ба амалисозии лоиҳаҳои сохтмони хатти интиқоли барқи CASA-1000 ва азнавпайвастанавӣ ба низоми энергетикӣ Осиеи Марказӣ барои дар 7 соли оянда то 10 миллиард килловатт-соат афзоиш додани содироти неруи барқ тадбирҳои таъхирнопазир андешида шаванд.

Чорум: чиҳати кам кардани талафоти неруи барқ ва ноил гардидан ба нишондиҳандаи на зиёда аз 9 %-и талафот татбиқи саривақтӣ ва боси-фати лоиҳаҳои сармоягузори давлатӣ дар ин самт таъмин гардида, ҷалби сармояи ватаниву хориҷӣ ва истифодаи механизми шарикӣ давлат ва бахши хусусӣ барои ҳалли ин масъала дар шахру ноҳияҳои кишвар вусъат бахшида шавад. Панҷум: бо мақсади расидан ба ҳадафҳои Стратегияи рушди «иқтисоди сабз» чиҳати бунёди неругоҳҳои барқӣ аз ҳисоби манбаъҳои барқароршавандаи энергия ва то соли 2030 ба ҳаҷми на кам аз 1000 мегаватт расонидани иқтидорҳои алтернативии истеҳсоли «энергияи сабз», яъне бо истифодаи захираҳои офтобӣ бодӣ тадбирҳои амалӣ андешида шаванд.

Шашум: корҳо дар самти гузариш ба таҷҳизоти каммасрафи барқӣ дар иншооти иқтисодиву иҷтимоӣ ва истеҳсоливу коммуникатсионии мамлакат ва риояи фарҳанги баланди истифодаи неруи барқ аз ҷониби аҳоли тақвият бахшида шаванд.

Ҳамзамон ба ақидаи Президенти мамлакат дар назар дошта мешавад, ки соли 2025 ҷарҳаи сеюми Неругоҳи барқи обии «Роғун» мавриди истифода қарор хоҳад гирифт. Дар маҷмӯъ, чи тавре, ки аз Паёми им-сола бармеояд, бо ин мақсад дар соли 2023 аз ҳисоби бучети давлатӣ беш аз 5 миллиард сомонӣ равона гардида, ҳоло дар ин иншооти муҳимми аср 15 ҳазор нафар мутахассисону коргарон ва 3,5 ҳазор техникаи сохтмонӣ фаъолият доранд.

Бо пешниҳоди Пешвои муаззами миллат, Президенти кишвар муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон бо дарназардошти тағйирёбии иқлим ва ҳамзамон бо мақсади беҳтар намудани вазъи экологии кишвар, инчунин муҳайё намудани шароити харҷӣ беҳтар ва мусоиди зист барои аҳоли ба Ҳукумати мамлакат, Кумитаи ҳифзи муҳити зист ва тамоми сохтору мақомоти давлатӣ супориш дода мешавад, ки барномаи мушаххаси давлатӣ оид ба кабудизоркунии кишварро барои давраи то соли 2040 қабул ва амалӣ намоянд.

Дар маҷмӯъ, бо амалисозии тадбирҳои зикршуда соли 2032 истеҳсоли барқ дар кишвар пурра аз ҳисоби манбаъҳои барқароршаванда, яъне 100 % бо «энергияи сабз» таъмин гардида (ҳоло ин нишондиҳанда зиёда аз 98 %-ро ташкил медиҳад), дар ин замина аз рӯйи меъёрҳои байналмилалӣ то соли 2037 партови газҳои гулхонаӣ то ҳадди ниҳой коҳиш дода мешавад. Ин рақамҳо аз он гувоҳӣ медиҳанд, ки ҷумҳурии ҷавону ояндадори мо ҳамчун давлати пешсафи ҷаҳон дар самти инкишофи «иқтисоди сабз» соли 2037 воқеан ба «кишвари сабз» табдил меёбад. Хотиррасон менамоем, ки ҳоло кишвари мо аз рӯйи Ҷои истифодаи барқ аз манбаъҳои барқароршаванда дар ҷаҳон дар ҷойи 6-ум қарор дошта, баъди амалисозии тадбирҳои дар боло овардашуда метавонад то 2 зина боло барояд.

Ҳамин тавр, ба ақидаи Роҳбари давлат мушкilotи ҷой-дошта аҳли башар, аз ҷумла ҳамаи моро водор месозад, ки барои ислоҳи вазъи нoгувори муҳити зист ва инчунин пешгирӣ кардани харобшавии минбаъдаи он, дар навбати аввал, бо роҳи ҷиддан кам кардани партови газҳои гулхонаӣ, ниҳолшинониву кабудизоркунӣ ва истифодаи оқилонаи захираҳои об, яъне ба хотири наҷоти табиат ва инсоният тадбирҳои бетаъхир ва муассир андешида шавад.

Мо низ дар тақвияти андешаҳои Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон қайд карданӣ ҳастем, ки албатта, амалисозии тадбирҳои баррасишуда имкон медиҳанд, ки равангӣ зарурии ҳамаи соҳаҳои «иқтисоди сабз» асосноку баробар таъмин шаванд. Аз ин ҷост, ки бо мақсади муаррифӣ намудан ва рушди ояндаи «иқтисоди сабз» дар базаи кафедраи иқтисоди миллий ва бехатарии факултети иқтисод ва идораи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон соли панҷум аст, ки ихтисоси 25011027 - «Иқтисоди сабз» амал намуда, донишҷӯён ба таҳсил фаро гирифта шуда, соли гузашта нахустин дастпарварони он донишгоҳро хатм намуданд.

Ҳамин тавр, бо боварӣ метавон қайд намуд, ки амалисозии ҷунин тадбирҳо воқеӣ буда ва ба Ҷумҳурии Тоҷикистон имкон медиҳанд, ки дар ҳолати ҳалли тадбирҳои дар боло овардашуда рушди «иқтисоди сабз»-ро таъмин намуда, истеҳсоли молу маҳсулот ва хизматҳои ба талаботи стандартҳои давлатӣ ҷавобгӯ ва аз ҷиҳати экологӣ тозаю аз нуқтаи назари иқтисодӣ самаранок ба роҳ монда шавад.

Тавре, ки аз Паёми навбатии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон «Дар бораи самтҳои асосии сиёсати дохилӣ ва хориҷии ҷумҳурӣ ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз санаи 28-уми декабри соли 2023 бармеояд: - Дар ҳафт соли минбаъда то 10 фоиз паст кардани сатҳи камбизоатӣ дар мамлакат;

- Дар муҳлатҳои наздиктарин роҳандозӣ намудани низоми мукаммали муносибатҳои молияи рақамӣ;

- Дарёфти манбаъҳои иловагии маблағгузорӣ ва дар ин замина зиёд кардани пешниҳоди қарзҳои дарозмуддат, дастрас ва бо фоизи паст;

- Дастгирии ҳамаҷонибаи ташаббусҳои соҳибкорон;

- Ташкили корхонаҳои нави истеҳсолӣ бо воридоти технологияҳои муосири каммасраф;

- Истеҳсоли бештари «энергияи сабз», рушди «иқтисоди сабз» ва паст кардани партови газҳои гулхонаӣ;

- То соли 2030 ба ҳаҷми на кам аз 1000 мегаватт расонидани иқтидорҳои алтернативии истеҳсоли «энергияи сабз» (бо истифодаи захираҳои офтобӣ);

- Соли 2025 ба истифода додани агрегати сеюми Неругоҳи барқии обии «Роғун» ва ҳоказо дигар ба инобат гирифта шудааст [12].

АДАБИЁТ

1. Муҳаббатов, Х. Инсон ва сарватҳои табиӣ / Х. Муҳаббатов. – Душанбе: Адиб, 2012. – 366 с.

2. Аброров, Ҳ. Тоҷикистон – кишвари кӯлҳои беназир / Ҳ. Аброров. – Душанбе: Деваштич, 2003. – 195 с.
3. Маликов, М. Энергетическая независимость Таджикистана: История, проблемы развития, перспективы / М. Маликов. – Душанбе, 2013. – С. 42, 44–46.
4. Муҳаббатова, Х. М., Камолидинов, А. К. Водные ресурсы – основа сотрудничества в Центральной Азии / Х. М. Муҳаббатова, А. К. Камолидинов // Экономика Таджикистана: стратегия, развития. – 2008. – № 1. – С. 131–140.
5. Толибов, И. Пешвои миллат дар танзими сиёсати обию энергетикаи Ҷумҳурии Тоҷикистон / И. Толибов // Идоракунии давлатӣ. – 2017. – № 4. – С. 91.
6. Каримзода, Б. Иқдому, ки 11275 нафарро ба қор таъмин кард / Б. Каримзода // Садои мардум. – 2019. – № 132–133 (2 ноябр). – С. 4.
7. Раҳмон, Э. Уфуқҳои истиқлолият / Э. Раҳмон. – Душанбе: Ганҷ-нашриёт, 2018.
8. Аҳмад, Қудрати Роғун / Аҳмад. – Душанбе, 2008. – С. 91.
9. Хуррамзода, М. Х. Нақши Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон дар бунёди Неругоҳи барқи обии «Роғун» / М. Х. Хуррамзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2018. – С. 10.
10. Ҳотамов, Н. Б. Дигаргуниҳои иҷтимоӣ-иқтисодии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давраи соҳибхӯрии (солҳои 1991–2006) / Н. Б. Ҳотамов. – Душанбе, 2008. – С. 49–50.
11. Исайнов, Ҳ. Р. «Иқтисоди сабз»-и Тоҷикистон: мушкилоти ҷойдошта ва тадбирҳои амалишаванда (дар партави суханронии Пешвои муаззами миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон аз Паёми навбатӣ) / Ҳ. Р. Исайнов // КИИ "Дониш"-ҲХДТ дар Донишгоҳи миллии Тоҷикистон.
12. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон // Сономаи расмӣ Khover. – URL: <https://khover.tj/2023/12/payjmi-prezident> (санаи истифодабарӣ: 19.10.2024).

МАВҶЕИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР СИСТЕМАҶОИ ОБИЮ ЭНЕРГЕТИКИИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ

Дар мақолаи мазкур масъалаҳое, ки дар даврони соҳибистиқлолӣ мавриди баррасӣ ва таҳлил қарор гирифтаанд, аз он ҷумла, масоили рушди захираҳои обӣ ва «энергетикаи сабз», ҳифзу истифодаи самараноки он, ҳаллу фасли масъалаҳои идоракунии захираҳои обӣ - энергетикӣ ва инчунин тарзи дурусти истифодаи онҳо, сарфаи нури барқ, бунёди иншооти корхонаҳои муосир ва ҳамзамон дар ин замина суръат бахшидан ба саноатикунони мамлакат мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд.

Дурнамои ҳамкориҳои иқтисодии мамлакатҳои ҳавзаи Осиеи Марказӣ зарурати ҳамгироии энергетикӣ дар асоси ташаккулёбии ва татбиқи стратегияи ягонаи обӣ - энергетикӣ тақозо менамояд.

Рушди ҳамгироии энергетикӣ дар ҳавзаи Осиеи Марказӣ на танҳо барои ҳаллу фасли масъалаҳои идоракунии захираҳои обӣ - энергетикӣ, балки ба ташаккулёбии бозори ягонаи фурӯши барқ имкон фароҳам меорад ва инчунин ҳамчун як омилҳои пуриқтисодии пешрафти иқтисодӣ баҳри боз ҳам баланд бардоштани сатҳи некуаҳволии зиндагии аҳолии ҷумҳуриҳои миллии ин минтақа ҳамаҷониба мусоидат менамояд.

Калидвожаҳо: захираҳои обӣ, гидроэнергетика, саноати доракунии захираҳои обӣ, обҳои кӯл, стратегӣ, ангишт, корхонаи истеҳсоли, нури барқ, захираҳои гидроэнергетикӣ, Неругоҳи барқи обии «Роғун».

ПОЗИЦИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ВОДНО - ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье рассмотрены и проанализированы на сегодняшний день вопросы освоения водных ресурсов и их эффективной охраны и использования, решения проблем управления водными и энергетическими ресурсами и правильного способа их использования, экономии электроэнергии, строительства современных объектов и предприятий, и в этом контексте ускорение индустриализации страны было успешным.

Перспектива экономического сотрудничества между странами Центрально - Азиатского бассейна требует энергетической интеграции, основанной на формировании и реализации единой водно-энергетической стратегии.

Развитие энергетической интеграции в Центральноазиатском бассейне не только дает возможность решения вопросов управления водными и энергетическими ресурсами, формирования единого рынка сбыта электроэнергии, но и является мощным фактором экономического прогресса и способствует повышению качества проживания населения национальных республик этого региона.

Ключевые слова: *вода, энергетика, водное хозяйство, воды озер, стратегическое, уголь, добыча.*

POSITION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN WATER AND ENERGY SYSTEMS OF CENTRAL ASIA

In the article, the issues of developing water resources and their effective protection, solving the problems of water and energy resources management and their correct use, electricity economy, construction of modern facilities and enterprises, and in this context the acceleration of industrialization of the country was successful.

The prospect of economic cooperation between the countries of the Central Asian basin requires energy integration, based on the formation and implementation of a unified water and energy strategy.

The development of energy integration in the Central Asian basin not only gives the opportunity to solve the issues of water and energy resources management, the formation of a single market for electricity, but also is a powerful factor of economic progress and contributes to the improvement of the quality of life of the people of the national republics of this region.

Key words: *water, energy, water economy, lake water, strategic, coal, mining.*

Сведения об авторе: Алимардонов Бобохон Махмадиевич - Негосударственное медицинское учреждение «Медико - социальный институт Таджикистана». Телефон: (+992) 918-52 -95-45, E- mail: bobokhon2020@mail.ru

Information about the author: Alimardonov Bobokhan Mahmadiyevich - Non-governmental medical institution "Medico-social Institute of Tajikistan". Phone: (+992) 918-52-95-45, E- mail:bobokhon2020@mail.ru

УДК 78.01:82-1(575.3)"19/20"

**ТАДЖИКСКО - ПЕРСИДСКАЯ ПОЭЗИЯ В МУЗЫКАЛЬНОМ
ИСКУССТВЕ ТАДЖИКИСТАНА¹****КАБИЛОВА Б. Т.,****Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша**

Классическая поэзия, являясь бесценной частью духовного наследия таджикского народа, испокон веков распространялась не только письменно, но и с помощью музыки, посредством многообразных музыкальных форм и жанров.

Примечательно, что в поэтическом творчестве классиков таджикско-персидской поэзии обнаруживается едва ли не вся система средств музыкальной выразительности, имеющая свою иерархическую структуру. Для передачи смысла поэты использовали такие приемы, как звук, тембр, ритм, метроритм, интонация, мелодия, гармония, жанр.

Глубокая внутренняя связь поэтического текста и музыки определяется не только сущностью поэтической и музыкальной интонации, но и чертами, свойственными восточной поэтике, а именно – теснейшей связью стихотворной метрики с музыкальной ритмикой.

Этому вопросу огромное внимание уделено в трактатах средневековых мыслителей Востока - Фараби, Ибн Сино, Аш-Ширази, Аль-Амули, Джами, Дервиша Али и др. Широко освещая учение о ритме, они доказали органическое единство поэтического слова и музыки, вылившуюся в манеру распева поэтических произведений, ставшую на Востоке традицией.

Лучшие образцы поэзии таджикско - персидских классиков послужили поэтической основой монументального цикла «Шашмаком». И это не случайно, ибо «происходит как бы невольное, подсознательное отождествление великого в поэзии с великим в музыке» [12,175].

Основатель мира и национального единства, Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон отметил: «Шашмаком» — это наш мир, наш язык, наша культура и наша сущность. Если бессмертное творение Фирдоуси «Шахнаме» - вершина творчества в мире поэзии, то вершиной творчества в мире музыки является «Шашмаком». «Шахнаме» и «Шашмаком» олицетворяют вершины патриотической мысли, честь и достоинство, мир и согласие, борьбу и самоотверженность, храбрость и отвагу, знание разума и мудрости, радость и

¹ Статья написана в рамках проекта «История и теория искусств таджикского народа». Государственный регистрационный номер 01011 TJ 0454.

веселье, величие и триумф, скорбь и душевную боль народа, свои истоки они берут в арийской культуре» [5, 38].

Своеобразной энциклопедией различных знаний, в том числе и о музыке, называют «Шахнаме» Фирдоуси. Здесь можно встретить много сведений о древнейших музыкальных традициях народов Средней Азии и Ирана; о музыкальных инструментах, таких как чанг, руд, барбат, рубаб, най, даф, нагора, сурнай, карнай и др., о названиях мелодий и их составных элементах. В поэме описываются различные музыкальные сцены, даются литературные портреты крупнейших музыкантов древности, в частности, Борбада (585-638), уроженца Мерва, одного из наиболее ярких профессиональных представителей, имя которого еще при его жизни стало легендарным. Придворный музыкант сасанидского царя Хосрова II Парвиза, певец, поэт-песенник, теоретик музыки, создавший и обосновавший семь циклических музыкально-поэтических дастанов, тридцать ладов [6], Борбад предположительно является автором многих высокохудожественных произведений. Его ежегодный репертуар состоял из 360 мелодий, которые он сам и создавал. Его творчество включало религиозные гимны, героические песни к народным празднествам и др. [10,35]. Более того, именно Борбаду приписывают создание циклических пьес «Хусравони», послуживших исходной эстетической, художественной, структурной базой для последующего развития профессиональных музыкально-теоретических и исполнительских традиций [10,35]. «Творчество Борбада и его эпоха, – отмечает А. Раджабов, – заслуживает особого внимания и, характеризуя его место в истории таджикско-персидской музыкальной культуры, прежде всего, надо обратить внимание на содержащиеся в его музыкально-поэтических произведениях историко-культурные события» [9,41].

Искусство Борбада было очень популярным на Ближнем и Среднем Востоке, оно было воспето Дакики и Фирдоуси, Низами и Навои. Особенно ярко мастерство Борбада было описано в поэме Низами «Хосров и Ширин» [8]. Высокохудожественные произведения крупнейших поэтов и профессиональных музыкантов внесли неоценимый вклад в становление и развитие многих музыкальных жанров и видов, а также в их интерпретацию. Об этом свидетельствуют не только восточные первоисточники, но и исследования западно-европейских ученых. Так, давая оценку искусству Борбада, А. Кристинсен писал, что он своим творчеством и исполнительским искусством «оказал громадное влияние на сасанидскую музыку, которая явилась главным источником арабской и персидской музыки времен ислама и которая, вероятно, оставила следы вплоть до нашего времени на исламском Востоке» [3, 276].

Важное место музыка занимала и в придворном быту. Султаны и эмиры, стремясь приобрести репутацию просвещенных покровителей науки и искусства, привлекали к своим дворам выдающихся представителей музыкального творчества – певцов и поэтов, композиторов и ученых, занимающихся проблемами звука, ритма и т.д. Так, основоположник таджикско-персидской классической литературы – Рудаки – был не только поэтом, но и музыкантом,

жившим при дворе Саманида Насра II в Бухаре. Он обладал даром музыкально-поэтической импровизации, играл на нескольких музыкальных инструментах. Поэт создал прекраснейшие образцы лирических стихотворений, звучный лад которых можно назвать истинно песенным.

Музыкальность творений Рудаки раскрывается в их эмоциональном строе, в форме стихотворения, в составляющих его элементах, напоминающих структуру произведений профессиональной музыки устной традиции. Взаимосвязь поэзии с музыкой, которую так чутко ощутил и выразил Рудаки, достигает своего высокого выражения в искусстве макомата, где единство поэзии и музыки проявляется в выражении единых эмоций и чувств, единого мироощущения. В Шашмакоме поэзия Рудаки зазвучала в основополагающих частях макомов Рост, Дугох, Сегох и др.

Поэт Гургани – современник Рудаки, на заре среднеазиатского Ренессанса, писал: *«Из всех сокровищ этого мира, что осталось от рода Сасанидов и Саманидов? Лишь оды Рудаки сохранились и восхваления (его), лишь мелодии Борбада остались и песни (его)»* [7, 145].

О роли и месте Рудаки, о широте его поэзии, его музыкальности, о его вечности мастерски писал великий Фирдоуси в Шахнаме [9, 158]. В своем творчестве он продолжил развивать высокие идеи гуманизма, свободолюбия и патриотизма основоположника таджикско-персидской литературы.

Согласно Р. Петрушанской, «поэзия и музыка словно родились под знаком Близнецов. И хотя совершенно очевидно, что «рождение» этих искусств было вовсе не одновременным, оба обозначены постоянным тяготением друг к другу. Тайны тут нет: оба этих рода искусства выросли из одного зерна, вышли из одного лона – народного музыкально-поэтического искусства» [11].

Безусловно, последнее является существенной частью национальной культуры каждого народа. Если в древности народнопоэтическое творчество было единственным источником в познании истории народа, то в более позднее время оно стало важнейшим источником изучения эстетических представлений народа. Поэтому, стремясь глубже проникнуть в смысл народной жизни, многие поэты и писатели черпали из фольклора не только сведения о быте народа, но и темы, сюжеты, образы, поэтические краски, эстетические нормы и идеалы.

Творчество классиков питалось соками народного искусства, его идеями и сюжетами, но и в свою очередь вдохновляло устную народную поэзию. Фольклорное начало особенно ярко выражено в газелях и рубаи выдающихся поэтов Рудаки, Дакики, Хайяма, Хафиза, Саади, Руми и др. При этом отметим, что и некоторые газели классиков стали народными песнями, передававшимися устно из поколения в поколение и неотразимо влиявшими на поэтику фольклорного творчества. Так, в «Шахнаме» Фирдоуси искусно поэтизировал народные предания и легенды.

Творения классиков таджикско-персидской поэзии легли в основу и современной музыки. Слияние музыки и поэзии дало искусству особый жанр – во-

кальную музыку в ее многочисленных формах: от песни до вокального цикла и оперы. Композиторы разных поколений, обращаясь к поэтическому наследию своих предков, создали множество произведений в различных жанрах. Это, прежде всего, оперы «Кузнец Кова» С. Баласаняна, «Комде и Мадан» З. Шахиди, «Рудаки» Ш. Сайфиддинова, «Умари Хайём» Ф. Бахора, «Рустам и Сухроб» Т. Сатторова, «Авиценна» и «Борбад» М. Бафоева, балеты «Лейли и Меджнун» С. Баласаняна, «Бежан и Манижа» С. Хамраева, «Рубаи Хайяма», «Юсуф и Зулайхо» Т. Шахиди, «Прекрасная Дувалрони», «Макоми ишк» Ф. Бахора, симфония «Ибн Сино» Ф. Бахора и многие другие.

Классическая поэзия явилась благодатной почвой для композиторов Таджикистана в создании камерно-вокальных сочинений. Основа для развития этой музыки в республике была заложена в 40-60-е годы, когда появились первые образцы профессиональных песен, романсов и обработок народных песен для голоса и фортепиано. В дальнейшем вокальное творчество композиторов Таджикистана достигает своего расцвета, несмотря на безраздельное господство жанра массовой песни, как устоявшейся и развитой формы. Показателем нового уровня развития таджикской камерно-вокальной музыки явился жанр романса, связанный с традициями русской и европейской классики. В таджикской музыке – это явление новое, хотя круг образов и средств, используемых в нем, имеет глубокие корни в традиционной лирике таджиков, как правило, исполняющейся на слова классиков таджикско-персидской поэзии: Рудаки, Хайяма, Руми, Саади, Хафиза, Джами, Хилоли, Бедиля и современных поэтов. И это оправдано, поскольку, по словам Бертельса, в средневековом Иране и в Средней Азии стихи пелись «...наподобие романса или речитативом в сопровождении музыкальных инструментов» [2,126]

Композиторами написан ряд высокохудожественных произведений, которые вошли в золотой фонд таджикского музыкального искусства. Это – песни и романсы «Зулфи ту» (сл.Рудаки) Ф. Шахобова, «Ёри мехрубон» (сл. Рудаки), «Мағӯ афсонаи Мачнун», «Зи сӯзи сина» (сл. Хилоли), «Эй, сорбон» (сл. Саади), З. Шахиди, «Насими баҳор» (сл. Рудаки), «Нигоҳ» (сл. Хафиза), А. Хамдамова, «Эй ёр, кучо рафтӣ?» (сл. Руми) Х. Абдуллаева, «Зулфи сунбул» (сл. Хафиза) Ш. Сайфиддинова, «Шоми ҳичрон» (сл. Рудаки) С. Хамраева, «Нақши ту» (сл. Хафиза) Я. Сабзанова и др. Чутко воспринимая и по-своему развивая «скрытую музыку» газелей, композиторы в своих произведениях достигли определенных успехов. Музыкальный язык свеж и оригинален для таджикской музыки. Вышеназванные композиторы удачно сочетают традиционные приемы развития мелодии, структурные особенности народных песен и жанров традиционной профессиональной музыки, а именно устремленность движения к кульминации – ауджу с принципами европейского формообразования.

Среди вокальных произведений, созданных композиторами Таджикистана, особое место принадлежит романсам и песням на стихи Джами, увлекающие слушателей выразительностью мелодического материала, логичностью музыкальной формы, проникновением в образно-эмоциональный строй поэтического

текста. Насыщенность поэзии Джами образами, смыслами, музыкой – удивительнейшая, поскольку блестящий мастер ритма, рифмы, тонкий знаток языка, Абдуррахман Джами, выступавший против усложненности стиля литературного произведения в целях ясности поэтической мысли, был также прекрасным теоретиком музыки. Его уникальное творение «Трактат о музыке» не перестает восхищать идеями, посвященными, в сущности, временной и интонационной природе музыкального искусства. В своих размышлениях о способности передавать тончайшие оттенки чувства и душевное состояние человека Джами отмечал: *«Бывает и так, что одно из сокровенных состояний души, как тоска или радость, отчаяние или надежда, упадок или воодушевление, влияет на звук определенным образом, окрашивая его в свой цвет, благодаря чему слушатель узнает об этом сокровенном состоянии, и в этом... заключается свое особое наслаждение»*[4,8].

Мысль Джами позволяет сделать вывод, что поэт, «транспонирующий» образы своего творчества в другой вид искусства, обладает потенциальным даром творчества и в этом ином искусстве. Его мелодические и эмоциональные строфические стихи близки народному песенному творчеству. Ювелирное гранение каждого бейта, блеск поэтической формы, чеканное изящество афоризмов и зримость метафор – все эти лучшие черты таджикско-персидской классики нашли в его творчестве совершенное воплощение [1;24].

Творения Джами послужили поэтической основой музыкального традиционного творчества таджиков и современного композиторского. Обращаясь к текстам поэта, работавшего над структурой слова, интонации, ритмики, композиторы, чтобы сделать свой язык поэтическим, идут от внешнего, фонетического слоя к глубинному смыслу стиха. Одни композиторы прибегают к внешней театрализации и звукоизобразительности («Чи кунам?» Ш.Сайфиддинова, «Назора» А.Хамдамова), другие – ставят перед собой задачу передачи значения стиха. При этом подчинение стиху не ограничивает круг выразительных средств: слово запечатлено в звуке разнообразно – от простого чтения до сложного распева. Среди них «Романс» З. Шахидӣ, «Эй, зулфи ту», «Субҳи висол» Ф. Шахобова, «Ёдам медиҳад», «Маҳфил мабош» Х. Абдуллаева, «Чи меравӣ?» М. Атоева, «Бипурс» Д. Дустмухаммедова, «Вафо надида», где философские размышления поэта о жизни, о высоких человеческих качествах находят свое выражение то в сдержанных, медленно-лирических мелодиях, то в экспрессивных.

В контексте настоящей статьи большой интерес представляют песни и романсы композитора, исполнителя, теоретика таджикской традиционной музыки Фазлиддина Шахобова. Будучи прекрасным музыкантом, он обладал тонким и глубоким пониманием восточной поэзии. Сын придворного поэта Абдурахима Хатлони – крупнейшего знатока творчества Бедиля, Шахобов особенно внимательно подходил к возможности синтеза слова с музыкой.

В способах интонационного развертывания материала, в принципах формообразования, в особой поэтике сказывается кропотливая работа музыканта над

словом. Чутко слыша поэзию, он смог передать тончайшие смысловые нюансы в вокальной партии, относящейся к тому типу интонирования, который составляет отличительную черту макомного искусства. В его творчестве нередко можно встретить произведения, трудно отличимые от подлинно народно-классических.

Создать их удается тем композиторам, кто глубоко знает и ценит художественное наследие своего народа. Не случайно, в Таджикистане первая нотная запись монументального вокально-инструментального цикла «Шашмаком» была поручена Фазлиддину Шахобову – одному из знатоков этого искусства. Вместе с Шохназаром Сохибовым и Бобокулом Файзуллаевым они с 1947 по 1970 год осуществили выпуск шести макомов в пяти томах, за что в 1972 году были удостоены Государственной премии им. Рудаки в области литературы и искусства.

Ярким примером единения музыки и слова является романс Ф.Шахобова «Зулфи ту» на стихи Рудаки. Написанный в классических традициях, он носит характер глубоко прочувствованного, личного высказывания, в музыкальном отношении близкого проникновенно лирическим песням, звучащих в устах хафизов. Эмоциональное содержание стиха находит свое музыкальное выражение в сдержанно лирической, медленно развивающейся мелодии, передающей психологический оттенок грусти. В ней ярче всего проявляются такие черты, как вокальность, идущая от народной и профессиональной музыки таджиков, гармоничность, подлинная красота, простота, непосредственность высказывания.

Слова романса передают конкретный образ, мысль, настроение – страдания от безответной любви. Каждый байт газели, несущий определенное содержание с различными оттенками состояния героя, осмыслены музыкально, тонко передавая малейшие нюансы, перемены настроения. Все интонационное развитие романса ведет к драматическому ауджу, совпадающему с третьим кульминационным байтом в тексте.

Как и в профессиональной музыке устной традиции в романсе имеют место вспомогательные слова, типа ёра, джонам, способствующие расширению музыкальной формы. Такие распевы придают произведению эмоциональную выразительность, и очевидно, что, так называемая, музыкальная поэзия в трактовке композитора включает не только взаимодействие слова и музыки, но и тип вокального интонирования.

Ф.Шахобов не стремится удивить необыкновенно сложным построением мелодии, гармонии. Самое сложное композитор выражает простейшими средствами, что увеличивает силу воздействия и доходчивость его музыки. Оставаясь верным своему выработанному художественному чутью и чувству меры и стиля, он отбирает только те средства, которые необходимы в каждом конкретном случае.

Исходя из внутренней интонации, музыкально расшифровывая поэтический текст, Ф. Шахобов создал романс, который открыл новые горизонты в области

сочетания слова и музыки, возможностей музыкальной трактовки слова, основанной на достижении абсолютного единства с музыкой и который стал новым явлением в таджикской камерно-вокальной музыке.

Как знаток восточной поэзии, Ф. Шахобов был требовательным к текстам, понимая, что удача песни во многом зависит от стихотворения, являющегося его поэтической основой. Не случайно среди авторов текстов его песен и романсов видное место занимают классики персидско-таджикской поэзии. Показательными в этом плане являются песни «Зулфи ту» и «Субхи висол» на стихи Джами.

Стихотворная метрика стихов наложила отпечаток на конструкцию песен с характерной распевностью. При этом композитор вовсе не стремится к стилизации. Неспешно пластично развивая мелодическую линию, он стремится передать все оттенки поэтического ритма – естественные акценты, стяжения и зияния, цезуры. Это приводит к своеобразному *rubato*, постоянному ритмическому варьированию, изменению вокальной мелодии при повторениях. Его привлекает возможность найти точки соприкосновения традиционных национальных форм и современных способов творческого выражения. При этом музыкальный язык песен свеж и оригинален для современной таджикской музыки.

Таким образом, анализ взаимодействия поэтического и музыкального текстов в выше приведенных примерах показывает, что процесс музыкального претворения поэтических текстов обусловлен глубоким проникновением композиторов в сущность поэтического произведения, породившим его музыкальное интонирование, родство в выборе средств выразительности. Темы, образы, сюжеты бессмертной поэзии классиков таджикско-персидской поэзии – это неисчерпаемый источник для создания новых музыкальных творений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афсахзод, А. Вступительная статья к книге / Джами. Избранные произведения / А. Афсахзод. – Л., 1978. – С. 3–27.
2. Бертельс, Е. Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы / Е. Э. Бертельс. – М., 1960. – 556 с.
3. Вызго, Т. Афрасиабская лютия / Т. Вызго // Из истории искусства великого города. – Ташкент, 1972. – С. 269–297.
4. Джами, А. Трактат о музыке / А. Джами. – Ташкент, 1960. – 127 с.
5. Из выступления Президента РТ Эмомали Рахмона на концерте, посвященном «Дню Шашмакома» / Цит. по: Хучамкулов, А. Достони мухташами савту калом / А. Хучамкулов // Тоҷикистон. – 2007. – № 5–8. – С. 38–42.
6. Иностранцев, К. Сасанидские этюды / К. Иностранцев. – СПб., 1909. – 140 с.
7. Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или четыре беседы / Под ред. А. Н. Болдырева. – М., 1963. – 113 с.
8. Рафили, М. Хосров и Ширин / М. Рафили // Низами. – М., 1941. – С. 50–68.
9. Раджабов, А. Борбад и Рудаки: преемственность и общность традиций / А. Раджабов. – Душанбе, 2013. – 278 с.
10. Раджабов, А. Традиции классической музыкальной культуры эпохи Сасанидов / А. Раджабов. – Душанбе, 2005. – 108 с.
11. Петрушанская, Р. И. История музыки и её жанры / Р. И. Петрушанская. – URL: <http://art.sovfarfor.com/muzyka/muzyka-i-poeziya-nemnogo-istorii>. (Дата: 10.09.2024)

12. Янов-Яновская, Н. Макомные традиции в узбекской симфонической музыке / Н. Янов-Яновская // Макомы, мугамы и современное композиторское творчество. – Ташкент, 1978. – С. 172–189.

ТАДЖИКСКО - ПЕРСИДСКАЯ ПОЭЗИЯ В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ТАДЖИКИСТАНА

Классическая поэзия, являясь бесценной частью духовного наследия таджикского народа, испокон веков распространялась не только письменно, но и с помощью музыки, посредством многообразных музыкальных форм и жанров. Глубокая внутренняя связь поэтического текста и музыки определяется не только сущностью поэтической и музыкальной интонации, но и чертами, свойственными восточной поэтике, а именно – теснейшей связью стихотворной метрики с музыкальной ритмикой.

Лучшие образцы поэзии таджикско-персидских классиков послужили поэтической основой монументального цикла «Шашмаком», а также легли в основу современной музыки. Композиторы разных поколений, обращаясь к поэтическому наследию своих предков, создали множество произведений в различных жанрах.

Ключевые слова: *таджикско-персидская поэзия, поэтический текст, ритм, музыка, Шашмаком, песня, романс, композитор.*

ШЕЪРИ ТОЧИКӢ - ФОРСӢ ДАР САНЪАТИ МУСИҚӢИ ТОҶИКИСТОН

Шеъри классикӣ, ки чузъи бебаҳои мероси маънавии халқи тоҷик аст, аз қадимулайём на танҳо дар ҳаттӣ, балки тавассути мусиқӣ ва ҳамзамон бо шакли жанрҳои мухталифи мусиқӣ паҳн шудааст. Робитаи амиқи дохилии матни шеърӣ ва мусиқӣ на танҳо бо моҳияти интонатсияи поэтикую мусиқӣ, балки бо хусусиятҳои ҳоси поэтикаи Шарқ, яъне робитаи зичи метрикаи поэтикӣ бо ритми мусиқӣ низ муайян карда мешавад.

Беҳтарин намунаҳои ашъори классикони тоҷику форс барои таскли монументалии «Шашмақом» асоси поэтикӣ хизмат карда, асоси мусиқии муосирро низ ташкил меоданд. Бастакорони наслҳои гуногун ба мероси назми ниёгон рӯ оварда, дар жанрҳои мухталиф асарҳои зиёде эҷод кардаанд.

Калидвожаҳо: *шеъри тоҷикӣ-форсӣ, матни шеърӣ, ритм, мусиқӣ, Шашмақом, суруд, романс, оҳангсоз.*

TAJIK-PERSIAN POETRY IN THE MUSICAL ART OF TAJIKISTAN

Classical poetry, being an invaluable part of the spiritual heritage of the Tajik people, from time immemorial has been spread not only in writing, but also through music, through a variety of musical forms and genres. The deep internal connection between poetic text and music is determined not only by the essence of poetic and

musical intonation, but also by features characteristic of Eastern poetics, namely, the close connection of poetic metrics with musical rhythm.

The best examples of poetry of the Tajik-Persian classics served as the poetic basis for the monumental cycle “Shashmakom», and also formed the basis of modern music. Composers of different generations, turning to the poetic heritage of their ancestors, have created many works in various genres.

Key words: *Tajik-Persian poetry, poetic text, rhythm, music, Shashmaqom, song, romance, composer.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Қобилова Баҳринисо Тўйчиевна- доктори илмҳои таърих, сарҳодими илмии шуъбаи таърихи санъати Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Тел.: (+992) 93- 514- 20- 77. E-mail: b_kabilova@list.ru

Information about the author: Kabilova Bakhriniso Tuychievna - Doctor of Historical Sciences, chief scientific employee of the Department of Art History of the PAE named after. A. Donisha NANT. Tel.: (+992) 93 514 20 77. E-mail: b_kabilova@list.ru

УДК 379.85:069(575.3)"20"

САЙЁҲИИ ОСОРХОНАВӢ ВА ДУРНАМОИ РУШДИ ОН ДАР ҚУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

НУРМАТЗОДА Ҳ.,

Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибқории Тоҷикистон

Сайёҳии фарҳангӣ як қисми муҳим ва таркибии ҷомеа ба ҳисоб меравад. Тибқи таърифи Созмони Умумиҷаҳонӣ Сайёҳӣ (СУС), сайёҳии фарҳангӣ ин ҳаракати одамоне мебошад, ки дорои ҳавасмандии истисноии фарҳангӣ буда, дар шакли: турҳои таълимӣ; барои омӯхтани мавзӯҳои фарҳангӣ; иштирок намудан дар рафти баргузории фестивалҳо ва инчунин дигар чорабиниҳои фарҳангӣ, омӯхтани фолклор, санъат ва анъанаҳои миллӣ сафар мекунанд [6, 4].

Яке аз объектҳои асосии сайёҳии фарҳангӣ осорхонаҳо ба шумор рафта, ҳамзамон мавқеи осорхонаҳо дар рушди сайёҳии фарҳангӣ хело ҳам назаррас мебошад. Солҳои охир дар илми саёҳатшиносӣ сайёҳии осорхонавӣ бештар аз пештар маъмул гардидааст.

Сайёҳии осорхонавӣ дар ибтидо як соҳаи анъанавии фаъолияти осорхонаҳо набуд. Ин падида дар солҳои 70-уми асри XX дар замоне ки осорхонаҳо дар вазъияти худмуайянқунии ҷавқулода, ҷустуҷӯи роҳҳои нави тараққиёт ва

манбаъҳои нави ғайрибуҷетии ба даст овардани маблағро пеш гирифтанд, ба ғаёлияти касбӣ ва оммавии осорхонаҳои Ғарб ворид шуд [6, 4].

Лозим ба тазаққур аст, ки дар даврони соҳибистиклолӣ Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар сиёсати фарҳангии худ дар баробари ҳифзу муаррифии арзишҳои фарҳангии миллӣ, ҳамзамон ба таъсис ва рушди муассисаҳои фарҳангӣ бавижа осорхонаҳо шароити мусоид фароҳам оварда, дар ин самт чораҳои зарурӣ андешидааст. Ин омил барои ҷалби бештари сайёҳон ҳамачониба мусоидат намуда, метавонад дар рушди сайёҳии фарҳангӣ бавижа сайёҳии осорхонавӣ мусоидат намояд. Сайёҳии осорхонавӣ дар ғаёлияти осорхонаҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ин падидаи нав буда, омӯзиши вазъу ҳолати имрӯзаи он дар мамлақати мо яке аз масъалаҳои муҳимми соҳаи самти саёҳат ва осорхонашиносӣ мебошад.

Масъалаи мазкур дар Тоҷикистон бо дарназардошти осорхонаҳои гуногунсоҳа то ҳоло мавриди таҳқиқ қарор нагирифтааст. Танҳо дар доираи мақолаҳои илмӣ Фирдавси А. (Нақши осорхонаҳо дар рушди сайёҳии фарҳангӣ) [8,158] ва Шарифзода А. (Ҷойгоҳи осорхонаҳо дар рушди туризми фарҳангӣ) [9, 61] мавзӯи мазкур то ҳоле мавриди тавачҷуҳ қарор гирифта, мавқеи осорхонаҳо дар рушди сайёҳии фарҳангӣ арзёбӣ гардидааст. Соли 2021 муаллифи ин сатрҳо дар мавзӯи «Нақши дастаҳои хунарии назди осорхонаҳо дар рушди туризми фарҳангӣ» мақолае чоп кард [2, 38-44], ки он низ ба мавқеи дастаҳои хунарии назди осорхонавӣ (ансамблҳои мусиқии фолклорӣ) дар рушди сайёҳии фарҳангӣ бахшида шуда аст.

Боиси зикр аст, ки қаблан дар муайян кардани мақоми осорхона дар меҳвари асосӣ коллексияҳои он буд. Имрӯз бошад ин нуқтаи назар тағйир меёбад: тамошобин дар маркази ғаёлияти осорхона мебошад. Тарзи нави фаҳмиши моҳияти осорхона ва мақсади иҷтимоии он инкишоф меёбад. Яъне ғаёлияти хизматрасониҳои осорхонавӣ дар марҳалаи нав ба бозори сайёҳӣ ворид гардида ба фурӯш бароварда мешавад.

Пайдост, ки осорхонаҳо муассисаи тичоратӣ набуда, ҳадафи асосии онҳо гирдоварӣ ва ҳифзу муаррифии мероси таърихӣ фарҳангӣ мебошад. Вале ин маънои онро надорад, ки осорхона ба ғаёлияти тичоратӣ машғул шуда наметавонад. Бояд дар назар дошт, ки фурӯши маҳсулоти осорхона ва тичорати осорхонавӣ ин ғаёлият ва хизматрасониҳои гуногунсамти осорхона ба шумор меравад. Яъне дар ғаёлияти осорхонаҳои муосир на ашёи осорхонавӣ, балки хизматрасониҳои осорхонавӣ ба фурӯш бароварда мешаванд. Аз ҷониби дигар, ба фурӯш гузоштани ашёи осорхонавӣ низ дар тичорати осорхонавӣ ва сайёҳии осорхонавӣ мавқеи муҳим дорад.

Дар банди 4.7-и Кодекси этикии ICOM доир ба осорхонаҳо ба масъалаи нусхабардории ашёи осорхонавӣ бахшида шуда, дар он қайд гардидааст, ки ашёи осорхонавӣ ҳангоми нусхасозӣ бояд айнан монанди ашёи асли нусхабардорӣ карда шавад ва дар ашёи такрорсохташуда нусха навишта шавад. Албатта ин омил ҷиҳати ҳифзи ҳуқуқи ашёи осорхонавӣ ва эҳтироми он ҳамчун арзиши фарҳангӣ ҳамачониба мусоидат менамояд [10,11].

Ҳамчунин моддаи 28 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи осорхонаҳо ва фонди осорхонаҳо» ба истифода ва истеҳсоли ашё ва коллексияҳои осорхонавӣ бахшида шуда, дар моддаи мазкур қайд мегардад, ки истеҳсоли ашёи осорхонавӣ танҳо бо ризоияти осорхонаи дахлдор ва мақомоти ваколатдори давлатии соҳаи фарҳанг амалӣ мегардад [1, 91]. Яъне такрорсозии ашё ва коллексияҳои осорхонавӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон тибқи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи осорхонаҳо ва фонди осорхонаҳо» бо дарназардошти эҳтироми ашё ва коллексияҳо иҷозат дода шудааст. Ин омил метавонад ҷиҳати ҷалби ҳарчи бештари сайёҳон ҳамаҷониба мусоидат намуда, ҳамзамон боиси рушди сайёҳии осорхонавӣ гардад.

Осорхонаҳо метавонанд вобаста ба самти фаъолиятшон ба сайёҳон маҳсулоти зиёде пешниҳод кунанд - моддӣ ва ғайримоддӣ, ки пеш аз таъсиси онҳо корҳои таҳқиқотӣ анҷом дода мешаванд. Субъекти сайёҳии осорхонавӣ метавонад доираи васеи қонунҳои объективии марбут ба равандҳои ба даст овардан ва таҳлили маълумот дар бораи бозори сайёҳӣ ва истеъмолкунандаи маҳсулоти осорхонавӣ, фароҳам овардани шароит барои омода ва фурӯши маҳсулоти осорхонавӣ бошад.

Мероси бой ва рангини осорхонаҳои кишвар имкон медиҳад, ки сайёҳии осорхонавӣ ҳамчун як шакли нави хизматрасонии осорхонавӣ рушд намуда, дар иқтисодии осорхонаҳо нақши муассир гузорад.

Яке аз осорхонаҳои замонавие, ки дар рушди сайёҳии осорхонавӣ мавқеи назаррас дорад, ин Муассисаи давлатии “Осорхонаи миллӣ» – и Дастгоҳи иҷроияи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад.

Осорхонаи миллии Тоҷикистон дари худро барои тамошобинон 20 марти соли 2013 боз намуда, дар як муддати кӯтоҳ ба яке аз ҷойҳои дӯстдоштаи меҳмонони дохилу ва хориҷӣ табдил ёфтааст. Осорхона аз зербино ва се ошёна иборат буда, дорои 22 толори намоишӣ ҳаҷман хурду калон мебошад, ки дар онҳо бехтарин мероси аҷдодони мо, ки муаррифиқунандаи таъриху тамаддуни халқи тоҷик мебошанд, ба намоиш гузошта шудаанд [8,159].

Ҳунарҳои мардумии бо санъати баланд сохташуда ва асарҳои рассомии дар онҳо таъриху фарҳанг ва анъанаҳои миллии тоҷик таҷассумёфтаи осорхона, тавачҷуҳи ҳар як сайёҳро ба худ ҷалб мекунад. Боздиди чунин нодираҳои фарҳангӣ сайёҳони дохилию хориҷиро водор мекунад, ки ҷиҳати дастрас намудани ҷолибтарин намунаҳои онҳо ба ҳунармандон ва рассомон дархост намоянд. Аммо барои дастрас намудани маводи дархосткардаи сайёҳон бояд дар назди осорхонаи мазкур корхонаи истеҳсоли маҳсулоти ҳунари ва нодир ташкил карда шавад. Дар назди Осорхонаи миллӣ мағозаи армуғонҳо фаъолият менамояд. Аммо он на нусхаҳои арзишҳои осорхона, балки сангҳои қиматбаҳои ороишӣ ва нусхаи дигар арзишҳои миллиро ба фурӯш мебарорад. Албатта ин хуб аст, аммо вақти он расидааст, ки фаъолияти менечмент ва маркетинги осорхона ба истеҳсол ва фурӯши нусхаҳои нодир мероси ҳуди осорхона бештар тавачҷуҳ намояд.

Ҳатто дар байни коллексияҳои бостонии осорхона ашӯи ҷолиб ва мафтункунанда зиёд аст, ки истеҳсоли онҳо низ барои фурӯш ба сайёҳон муҳим ва саривақтӣ аст. Барои пеш бурдани ин кор ходимони осорхонаро лозим аст, ки тавассути ташкили корхонаи хурди истеҳсоли маводи осорхонавӣ бо ҷалби ҳунармандон аз қабилҳои заргарон, кулолгарон, гулдӯзон, кандакорон, гачкорон ва рассомон ба такрорсозии ашӯи осорхонавӣ бештар тавачҷуҳ зоҳир намоянд. Ин омил ҷиҳати ташаккули ҳазинаи молиявии осорхона мусоидат намуда, осорхона метавонад аз ҳисоби чунин даромадҳо фаъолияти илмию оммавиашро тақвият бахшад. Вале бояд дар назар дошт, ки нусхасозии ашӯи осорхонавӣ бояд ба меъёри эҳтироми арзиши фарҳангӣ мутобиқ бошад. Яъне дар сурати такрорсозии ашӯ дар ҳуди ашӯ нусха навишта шавад ва нусха айнан мисли ҳуди ашӯи асли сохта шавад.

Бояд қайд кард, ки ташкили ширкати истеҳсоли маводи нодири осорхонавӣ шарт нест, ки дар ҳама осорхона мавҷуд бошад. Ташкили чунин корхонаи истеҳсоли дар як осорхонаи марказӣ кифоя буда, метавонад бо дигар осорхонаҳои кишвар дар истеҳсоли маводи нодири ҳунари ё таърихӣ шартнома баста, ҳамкорӣ намояд.

Яке аз осорхонаҳои дигаре, ки дар рушди сайёҳии осорхонавӣ нақши муҳим дорад, ин Осорхонаи мардумшиносии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш (дар шаҳри Душанбе) мебошад. Дар осорхонаи мазкур беҳтарин намунаҳои ҳунари мардумии халқи тоҷик муаррифӣ мешаванд. Осорхонаи мазкурро лозим аст, ки дар баробари номолишгоҳи доимоамалкунандааш барои рушди фаъолиятҳо бо ҳунармандони кишвар ҳамкорӣ намуда, ҷиҳати ташкили намоишҳои гуногуни ҳунари муосир дар дохили осорхона мусоидат намояд. Ё дар дохили осорхона гӯшаи махсуси фурӯши ҳунари муосирӣ мардумро ба роҳ монад. Яъне дастовардҳои ҳунари, ки тӯли солҳои охир офарида мешаванд.

Пешвои муаззами миллат, Ҷаноби Оли муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон бо мақсади рушди соҳаи сайёҳӣ дар Паёмашон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 2023 ҷиҳати ташкили гӯшаҳои фурӯши маҳсулоту маснуоти ҳунари мардумӣ дар тамоми дўкони бозорҳои мамлакат супориш дода буданд [4]. Ташкили чунин гӯшаҳои фурӯши маҳсулоти ҳунари дар осорхонаҳо низ ба мақсад мувофиқ мебошад. Вале мутаассифона намоишгоҳи осорхонаи мардумшиносӣ ҷиҳати ташкили гӯшаҳои фурӯши маҳсулоти ҳунари ва ташкили намоишҳои муваққатӣ бо дар назардошти хурд будани ҳаҷми бинои намоишӣ мусоидат карда наметавонад. Бинобар ин, дар оянда дар маркази пойтахтамон шаҳри Душанбе таъсис биноми наву замонавӣ ва бошукуҳи Осорхонаи мардумшиносӣ барои ҳарчи хубтар беҳтар муаррифӣ намудани мероси ҳунари ҳунармандони кишвар ва рушди сайёҳӣ тақдирӣ чиддӣ хоҳад бахшид.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар баробари фаъолияти осорхонаҳои миллию таърихӣ - кишваршиносӣ ҳамзамон осорхонаҳои соҳавии шахсӣ фаъолият менамоянд, ки дар рушди сайёҳии осорхонавӣ нақши калидӣ доранд. Яке аз чунин осорхонаҳои ҷолиб ин Осорхонаи соҳаи мусиқии Гурминҷ Завқибеков

мебошад. Осорхонаи мазкур соли 1990 ба ташаббуси Ҳунарманди халки Тоҷикистон Гурминҷ Завқибекӯв ташкил шудааст [3, 87]. Дар осорхона беш аз 100 адад созҳои мусиқӣ ҳифзу муаррифи мешаванд, ки қисми зиёди онҳо созҳои миллӣ буда, бархе аз онҳо аз мамлакатҳои мухталиф аз ҷониби Г. Завқибекӯв гирдоварӣ шудаанд. Фарқиати ин осорхона аз дигар осорхонаҳои мусиқӣ дар он аст, ки созҳои мусиқии ин осорхона навохтанашон имконпазир мебошад.

Осорхонаи Гурминҷ Завқибекӯв яке аз маконҳои ҷолиби дидани сайёҳони олам гардидааст. Дар дафтари хотирот сайёҳе аз Аврупо чунин навиштааст: «Дар ҷаҳон беш гаштам, осорхонаҳои зиёде дидаам, вале боз мегӯям, ки музейи Шумо - Гурминҷ Завқибекӯв яке аз беҳтаринҳост» [5].

Дар Осорхонаи Гурминҷ Завқибекӯв созҳои мусиқӣ тавассути дастаҳои хунари навохта ва муаррифи мешаванд. Пас аз вафоти Гурминҷ Завқибекӯв соли 2006 дар назди осорхона бо роҳбарии яке аз устодони санъат Шанбе Мамадаминов ансамбли «Само» ташкил шуд. Дастаи хунари аз 5 нафар иборат буда, Файзимамад Назариев дар рубоби бадахшонӣ, Шанбе Мамадаминов - ғичҷак, Шавқмуҳаммад Пулотов - сетор, танбӯр, Далер Паллаев - даф, Курбоннасим Алишоев - таблак хунарнамоӣ мекунад.

Осорхона соли 2018 таъсис ёфта, пештар дар кӯчаи Шота Руставелии ноҳияи Исмоили Сомонии шаҳри Душанбе фаъолият менамуд ва он аз 5 хонаи намоишӣ иборат буд. Ҳамарӯза зери навои мусиқии фолклории осорхона сайёҳони хориҷии ба осорхона ташриф оварда мераксиданд. Вале бояд қайд намуд, ки дар осорхона меъри ягонаи вақти вучуд надошт. Яъне бо дарназардошти шахси будани осорхона дари осорхона баъзан маҳкам мебошад ва тамошобинон наметавонанд дар вақти дилхоҳ аз ин осорхона дидан намоянд. Бинобар ин дар осорхонаи мазкур таъсиси воҳидҳои кории давлатӣ ҷиҳати ҳамарӯза муаррифи намудани мероси мусиқии миллӣ муҳим мебошад.

Яке аз самтҳои дигари фаъолияти осорхонавӣ, ки дар рушди сайёҳии фарҳангӣ ва сайёҳии осорхонавӣ мусоидат мекунад, ин ба таври шоиста муаррифи намудани объектҳои таърихӣ фарҳангии кишвар дар осорхона мебошад. Ҳар қадаре, ки дар экспозитсияи объектҳои таърихӣ фарҳангӣ ба таври аксу амсилаҳо бештар муаррифи карда шаванд, он ҳамон қадар барои рушди сайёҳии фарҳангӣ ва осорхонавӣ мусоид мебошад. Омили дигари рушди сайёҳии осорхонавӣ ин тавассути фаъолияти осорхонаҳо ташкил намудани хизматрасониҳои экскурсионӣ ва ташкили хатсайрҳои сайёҳӣ мебошад.

Дар ин самт ба ақидаи муҳаққиқи рус Е. В. Середина, ки инкишофи фаъолияти сайёҳӣ ва осорхонаҳои Россияро таҳқиқ намудааст, чунин иброз менамоянд, ки “маҳз осорхонаҳо дар бисёр маврид хатсайрҳои сайёҳиро ташкил ва муайян менамояд», вақте ки сайёҳ дар осорхона оид ба мавзӯҳои таърихӣ фарҳангӣ, бозёфтҳои маълумот мегирад, аллакай худаш муайян менамояд, ки ба кучо рафтани лозим аст [7, 6]. Яъне хизматрасонии сатҳи хуб ва дуруст муаррифи намудани дигар объектҳои сайёҳӣ ба воситаи осорхона имкон медиҳад, ки сайёҳ ба дигар мавзӯҳои сайёҳӣ тавассути осорхона шинос

гардида, ба ончо сафар намояд. Барои саривақт қонёъ намудани талаботи сайёҳон дар ин самт бояд дар назди осорхонаҳо хадамоти экскурсионӣ ва хатсайрҳои берун аз осорхона ташкил шавад. Ташкили хатсайрҳои экскурсионии берун аз осорхона то имрӯз дар назди осорхонаҳои Тоҷикистон роҳандозӣ нашудааст ва ташкили чунин хатсайрҳои экскурсионӣ дар назди Осорхонаи миллӣ басо ҳам муҳим мебошад.

Боиси зикр аст, ки мавзуи сайёҳии осорхонавӣ ва дурнамои рушди он дар Ҷумҳурии Тоҷикистонро бо дарназардошти зиёд будани осорхонаҳо дар кишвар наметавон дар доираи як мақолаи илмӣ таҳқиқу баррасӣ намуд. Бинобар ин мавзуи мазкур дар доираи фаъолияти 3 осорхонаҳои маъруфи кишвар, ки дар ҷавб тавсиф шуданд, баррасӣ гардид.

Аз омӯзиши мавзуи мазкур маълум гардид, ки вазъи сайёҳии осорхонавӣ дар фаъолияти осорхонаҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон то ҳоё назаррас буда, дар воқеъ осорхонаҳои кишвар тавассути мероси бою пурғановат ва рангинашон дар рушди сайёҳии осорхонавӣ нақши бориз доранд.

Аммо барои рушди минбаъдаи фаъолияти осорхонаҳои кишвар дар самти сайёҳии осорхонавӣ роҳандозӣ намудани пешниҳодҳои зерин ба манфиати қор аст:

Дар самти фаъолияти назариявии осорхонаҳо:

- 1) омӯхтани коллексияи осорхонавӣ ва ворид намудани онҳо ба фазои фарҳангии муосир;
- 2) тафсири коллексияи осорхонавӣ ҳамчун шакли мушаххаси мероси интеллектуалӣ ва бадеӣ;
- 3) ворид намудани сайёҳии осорхонавӣ ба фаъолият сайёҳии байналмилалӣ;
- 4) омӯзиши оқилонаи самти таълимии осорхона ва ҷузъи фароғатии сайёҳӣ;
- 5) ҷалб намудани барномаҳои махсуси сайёҳии шаклҳои гуногуни фаъолияти бадеӣ ва намудҳои мухталифи санъат, ки имкон медиҳад коллексияи осорхонаҳо аз нуқтаи назари нав нишон дода шавад.

Дар самти хизматрасонӣ:

- 1) ташкили намоишгоҳҳо ва намоишҳо, экскурсияҳо, хатсайрҳои сайёҳӣ ва барномаҳои махсус;
- 2) роҳандозии хизматрасоние, ки доираи он аз рӯйи имкониятҳои қормондон ва инфрасохтори он муайян қарда мешавад;
- 3) истеҳсоли армуғонҳо бо сифати баланд, ки бо номи фирмавии осорхона мучаҳҳаз шудаанд ё шаҳодатномае, ки дурустии тақрори онҳоро тақдик мекунад;
- 4) наشري китобҳо, феҳристҳо, қаталогҳо, буклетҳо ва дигар маҳсулотҳои қорпӣ, видеоҳо, слайдҳо, CD-ROM - ҳо ва дигар настрияҳо бо истифода аз технологияҳои муосири иттилоотӣ рӯйи қор омада.

АДАБИЁТ

1. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи осорхонаҳо ва фонди осорхонаҳо» аз 3 июли соли 2012, таҳти № 838. // Дастурамали меъёрию ҳуқуқии миллӣ ва байналмилалӣ дар самти

ҳифз ва истифодаи мероси таърихӣ фарҳангӣ (мураттиб Абдусаломов М. М.). Душанбе. – 2022. – 208с.

2. Нурматзода Ҳ. Нақши дастаҳои ҳунарии назди осорхонаҳо дар рушди туризми фарҳангӣ / Ҳ. Нурматзода // Нақши солҳои рушди деҳот, сайёҳӣ ва ҳунарҳои мардумӣ дар рушди инфрасохтор ва имкониятҳои сайёҳии Тоҷикистон, Маҷмуаи маводи Конфронси илмӣ - амалии донишқадавии ҳайати устодони кафедраи технологияҳои иҷтимоӣ - фарҳангӣ ва сайёҳӣ бахшида ба чашнҳои «30-солагии Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон» ва солҳои 2019 - 2021 «Солҳои рушди деҳот, сайёҳӣ ва ҳунарҳои мардумӣ» Душанбе – 2021. – С. 38-44.

3. Нурматзода Ҳ. Созҳои мусиқӣ дар коллексияҳои осорхонаҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон (масоили гирдоварӣ, ҳифз, омӯзиш ва оммавигардонӣ). - Душанбе: Дониш, 2023, 249 с. (бо замимаҳо).

4. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 28.12.2023). [Манобеи электронӣ] // Низоми дастрасӣ. <http://prezident.tj/node/32191>. (Санаи истифодабарӣ аз 20.08.2024)

5. Раҳмонқулов, А. Санъаткори моҳир ва ҳунарманди асил /А. Раҳмонқулов // Паёми Душанбе. – 2011. - №79 (1629). – 23 сентябр.

6. Романчук А. В. Музейный туризм: учебно - методическое пособие. -Санкт Петербург, 2010. - 46 с.

7. Середина Е. В. Роль музеев в формировании территориальных рекреационных систем : автореф. дис. . канд. геогр. наук : Е.В. Середина - М., 1995.- 20 с.

8. Фирдавсӣ А. Нақши осорхонаҳо дар рушди сайёҳии фарҳангӣ.// Паёми Донишқадаи давлатии забонҳои Тоҷикистон. – Душанбе, 2020. - №. - С. 158 – 163.

9. Шарипов А. Чойгоҳи осорхонаҳо дар рушди туризми фарҳангӣ. // Маҷмуи мақолаҳо ва баромадҳои иштирокчиёни семинари ҷумҳуриявӣ моҳи июни соли 2010. Душанбе. – 2011. – С. 61-84.

10. Этического кодекса ИКОМ для музеев на русский язык одобрен Президиумом ИКОМ России. – 2014. - 3 июня. – 22с. С. 11.

САЙЁҲИИ ОСОРХОНАВӢ ВА ДУРНАМОИ РУШДИ ОН ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Дар мақола мазкур масоили сайёҳии осорхонавӣ баррасӣ шуда, аҳамияти он дар рушди соҳаи сайёҳӣ мавриди таҳқиқу баррасӣ қарор гирифтааст. Дар рафти таҳқиқи мавзуи мазкур муаллиф дар асоси санадҳои меъёрию ҳуқуқии соҳаи осорхонашиносӣ ба масъалаи такрорсозии ашёи осорхонавӣ ва ташкили корхонаҳои хурди истеҳсоли маводи нодири осорхонавӣ тавачҷуҳ зоҳир карда, ҳамзамон қайд менамояд, ки ташкили фаъолияти истеҳсоли маводи нодири осорхонавӣ дар шакли такрорсозии ашё ва коллексияҳои осорхонавӣ барои рушди сайёҳии осорхонавӣ муҳим ва саривақтӣ мебошад.

Муаллифи матлаб ба фаъолияти Осорхонаи мардумшиносии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии АМИТ ҳамчун осорхонаи ҷолиб тавачҷуҳ намуда, ҳамзамон қайд менамояд, ки дар заминаи ин осорхона ташкил кардани осорхонаи бошуқӯи замонавӣ дар пойтахт бо дарназардошти мағозаву дӯконҳои фуруши маҳсулоти ҳунармандӣ дар назди осорхонаи мутазаққир муҳим ва саривақтӣ мебошад.

Бар зами ин гуфтаҳо, муаллиф фаъолияти осорхонаҳои шахсино дар мисоли Осорхонаи созҳои мусиқии Гурминҷ Завқибеков баррасӣ намуда, нақш ва мавқеи осорхонаи мазкурро бо дарназардошти мавҷуд будани ансамбли фолклорӣ дар назди осорхона дар рушди сайёҳии осорхонавӣ муҳим арзёбӣ намудааст. Дар фарҷоми мақола муаллиф натиҷаҳои таҳқиқоташро мушаххас намуда, барои дурнамои рушди сайёҳии осорхонавӣ тавсияҳои муфид пешниҳод кардааст.

Калидвожаҳо: сайёҳӣ, осорхона, фарҳанг, ашё ва коллексияҳо, такрорсозӣ, ҳунармандӣ, ҳунарҳои мардумӣ, намоиш, хизматрасонӣ.

MUSEUM TOURISM AND ITS DEVELOPMENT PERSPECTIVES IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

This article discusses the issues of museum tourism, and its importance in the development of the tourism industry is being studied and discussed. In the course of studying this topic, the author, based on the regulatory and legal documents of the field of museology, paid attention to the issue of reproduction of museum objects and the organization of small enterprises for the production of rare museum materials, noting that the organization of the production of rare museum materials in the form of reproduction of museum exhibits and collections is important and timely for the development of museum tourism.

At the same time, the author draws attention to the activities of the Museum of Ethnology of the Institute of History, Above and Ethnologems National Academy of the Republic of Tajikistan as an interesting museum, noting that on the basis of this museum, it is important and timely to organize a magnificent modern museum in the capital and organize shops and stalls selling handicraft products near the Museum of Ethnology.

In addition, the author discusses the work of private museums in the example of the Museum of music constructs Gurminj Zavqibekov, and the role of position this museum, taking into account the availability of folks in front of the museum. At the end of the article, the author identifies the results of its research and provided useful recommendations for the prospects of museanism development.

Key words: *Tourism, museum, culture, objects and collections, reproduction, crafts, demonstration, services.*

МУЗЕЙНЫЙ ТУРИЗМ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В этой статье обсуждаются проблемы музейного туризма, и ее важность в развитии туристической индустрии. В ходе изучения этой темы автор использовал нормативные и юридических документах области музеи. Организация производства редких музейных материалов в виде репродукции музейных экспонатов и коллекций важна и своевременно для развития музейного туризма.

В то же время автор обращает внимание на деятельность Музея этнологии Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистан как интересный музей, отмечая, что на основе этого музея современный музей в столице и при нем организовать магазины и киоски, продающие изделия ручной работы.

Кроме того, автор обсуждает работу частных музеев в примере музея музыкальных инструментов Гурминджа Завкибекова. В конце статьи автор определяет результаты своих исследований и даёт рекомендации для развития музейного туризма.

Ключевые слова: *туризм, музей, культура, предметы и коллекции, репродукция, ремесла, демонстрация, услуги, путешественник.*

Сведения об авторе: **Нурматзода Хасан** - кандидат исторических наук, доцент кафедры туристский бизнес и гостеприимство Таджикского Международного университета туризма и предпринимательства. Таджикистан, г. Душанбе, проспект Борбад, 48/5. Телефон (+992) 934-10-96-22.

Information about the author: **Narmatzoda Hasan** - candidate of historical Sciences, Associate Professor of the Department of Tourism, Recreation and Tajik International University of Tourism and Entrepreneurship / Address: 48/5 Borbad Avenue, Dushanbe, Tajikistan. Tel.: 934-10-96-22.

УДК 553:910(575.3)"17/20"

ИСТОРИКО - ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ТАДЖИКИСТАНА

МАХМАДОВ У. Д.,

Академия государственного управления при
Президенте Республики Таджикистан

Исследование природных ресурсов Средней Азии, в частности Таджикистана, началось задолго до советского периода. Еще в 1714 году русский император Петр I организовал в этот, тогда малоизученный, регион крупную экспедицию под руководством князя А. Бековича-Черкасского. В составе экспедиции, наряду с дипломатами и другими специалистами, присутствовали ученые, в том числе геодезисты из Императорской Академии наук. Перед ними стояла задача описания рек, озер, горных массивов, перевалов и других географических объектов, а также сбора сведений о местном населении и населенных пунктах.

К концу XVIII века Россия постепенно приобрела доминирующее положение во внешнеэкономических связях со среднеазиатскими ханствами и начала реализовывать свои военно-политические планы в отношении региона. Значимость Средней Азии для великих держав того времени подчеркивается известным изречением английского губернатора Виктории, сказанным Ахмаду Донишу: «Кто завладеет этим краем, его богатства обеспечат четыре и даже более великие державы» [2, 25].

Первая русская научная экспедиция в Среднюю Азию состоялась в 1820-х годах, когда в Бухару было отправлено русское посольство. В его состав вошли выдающиеся ученые-натуралисты Х. Г. Пандер и Э. А. Эверсман, а также топографы Е. К. Мейендорф, В. Д. Вальховский, А. К. Тимофеев и другие. Руководителем этой миссии был назначен советник русского посольства в Персии, археолог А. Ф. Негри. Экспедиция имела четко продуманную программу изучения территории Бухарского эмирата и соседних с ним регионов. В ходе экспедиции были собраны уникальные научные материалы.

В 1841 году Бухарский эмират посетила еще одна научная экспедиция под руководством специалиста по горным наукам К. Ф. Бутенева [20, 56]. В состав экспедиции входили горный инженер Ф. Богословский, штейгер Козлов, топограф Яковлев, географ Ханыков, натуралист А. Леман и другие. Экспедиция достигла Пенджикента, а также верховий горных рек Зеравшана, Фандарьи и Ягноба. Результаты работы экспедиции К. Ф. Бутенева оказались крайне цен-

ными. Были зарегистрированы водные и гидроэнергетические ресурсы региона, а также собрана уникальная ботаническая коллекция.

После экспедиции К. Ф. Бутенева достоверные данные о географии и геологии труднодоступных районов Средней Азии были доставлены в Россию такими выдающимися учеными и путешественниками, как П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. П. Федченко, Н. А. Северцов и другие. Например, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, исследуя Тянь-Шань в 1856–1857 гг., разработал первую схему орографии и высотной зональности региона, а также открыл мощное оледенение [18, 78].

В 1868–1871 гг. П. А. Федченко, путешествуя по Средней Азии, первым из европейцев пересек Алайский хребет и побывал в Алайской долине. Он стал первооткрывателем множества горных хребтов. Русский исследователь И. В. Мушкетов высоко оценивал достижения Федченко, отмечая: «В этом отношении путешествие П. А. Федченко на Алай составляет такую же эпоху, какую составило знаменитое путешествие Вуда в 1839 г. к озеру Сарыкол» [16, 32].

Значительная роль в изучении Средней Азии, включая Памир, принадлежит Русскому географическому обществу. Основанное в 1845 г. в Петербурге, общество с первых дней своего существования уделяло серьезное внимание изучению территорий Средней Азии. В частности, русские исследователи в начале 1860-х годов начали активно заниматься изучением Памира и Припамирья. Уже в 1853 г. по поручению Совета географического общества известные русские востоковеды Н. В. Ханыков и А. П. Болатов составили первую подробную карту Памира [16, 42].

Разумеется, все эти экспедиции и дипломатические миссии специалистов царской России имели своей главной целью изучение Средней Азии для последующего овладения ею и превращения региона в колонию — дешевый рынок сбыта для российской промышленности. Однако достижение этой цели требовало получения самых разнообразных и точных сведений о крае.

После присоединения Средней Азии к России весной 1870 года глава Зеравшанского региона генерал Абрамов организовал поход в верховья Зеравшана — Магиан, Фан, Киштут, Фальгар, Матча и Ягноб. Эта экспедиция, известная как «Искандеркульская экспедиция», имела военно-научный характер [21].

В составе Искандеркульской экспедиции участвовали такие известные ученые, как П. А. Федченко, А. Д. Гребенкин и другие. Экспедиция исследовала верховья реки Зеравшан и собрала обширный материал о сельском хозяйстве, населении и ирригационной системе региона. По данным участников экспедиции, основным занятием жителей долины Зеравшана являлись земледелие и скотоводство. Самые плодородные земли находились во владении Фороб, где урожай пшеницы и ячменя достигал 12 центнеров и более. В Магианском владении, где земля была каменистой, жители в основном занимались скотоводством [19, 173; 20, 119-130].

После присоединения Ферганы к России в августе 1876 года губернатор Ферганы, генерал Скобелев, с целью демонстрации военной мощи русской ар-

мии организовал экспедицию на территорию Восточного Памира. Экспедиция, в составе которой участвовали такие ученые, как географы, натуралисты и астрономы Л. Ф. Костенко, В. Ф. Ошанин, А. Р. Бонедорф и другие, направилась через Алайскую долину к предгорьям Памира [10, 177].

В ходе этой экспедиции были открыты три высочайших пика, расположенных на юге Заалайской долины (нынешние пики Ленина, Академии Наук и пик И. Сомони). Кроме того, экспедицией были обнаружены и внесены в отчет три притока реки Мургаб: Сауксай, Каинды и Сельсай.

Русский геолог И. В. Мушкетов уже в 1877 году возглавил специальную научную экспедицию, организованную Русским географическим обществом, и прибыл в регион. Вслед за ним Восточный Памир, Вахан, Дарваз и Каратегин посетили такие ученые, как Б. Л. Громбачевский, Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. Ф. Ошанин и А. Е. Регель. Ими были описаны водные источники, которые сегодня являются важной частью гидроэнергетического потенциала Таджикистана.

В 1877 году Русским географическим обществом была организована Комплексная Фергано-Памирская экспедиция, в которой принял участие известный своими исследованиями в Тянь-Шане Н. А. Северцов [1, 45].

Большой вклад в изучение Таджикистана и, в частности, Памира внес географ и путешественник В. Ф. Ошанин. Именно он открыл для науки Каратегин, дал название хребтам Петра I и Каратегинскому, а также леднику Федченко. В 1876–1878 годах Ошанин провел серию экспедиций, исследовав Алай, Заалайский хребет и озеро Кара-Куль, а также перевалы Кызыл-Арт и Узбель. Он составил топографические карты рек, описал разнообразие животного мира региона и отметил важные особенности его природных условий [17, 112].

В истории изучения дореволюционного Памира значительный вклад оставил русский исследователь Д. Л. Иванов. В 1883 году он как геолог принял участие в крупной Памирской экспедиции, возглавляемой капитаном Д. В. Путьтой. В состав экспедиции также входил топограф И. Бендерский. Д. Л. Иванов, бывший студент геологического факультета Петербургского университета, провел детальное изучение геологии и геоморфологии Памира. Он описал долину реки Мургаб и её нижнее течение, а также впервые поставил вопрос о географических границах Памира. Учитывая геоморфологические различия западной и восточной частей Памира, Иванов высказал мнение, что Памир следует считать восточной нагорной частью, а территория, лежащая к западу от неё, не относится к Памиру.

Следует также отметить, что небольшую статью, опубликованную Д. Л. Ивановым более ста лет назад, можно считать первой и наиболее реальной попыткой природного районирования Памира [16, 449]. С 1881 по 1891 годы ряд экспедиций на Памир предпринял другой выдающийся исследователь региона — Б. Л. Громбачевский [4, 68].

Для определения теоретико-методологических основ и концептуальных подходов к вопросам природных ресурсов и природопользования необходимо выделить вклад ученого В. И. Липского. Он посетил регион в составе трех экс-

педиций в 1896, 1897 и 1899 годах, исследовав подступы к хребту Петра I и леднику Федченко через перевал Вахё. Результаты его наблюдений изложены в книге *«Горная Бухара»*. Кроме того, значительные исследования в этом направлении провели другие русские ученые, такие как Н. Л. Корженевский, Д. И. Логофет и другие [11, 223–225].

Русские исследователи уделяли большое внимание изучению территории Восточной Бухары, с акцентом на состояние сельского хозяйства региона. Первые сведения по этому вопросу относятся к 1870-м годам. Одной из первых экспедиций, организованных на территорию Восточной Бухары, стала экспедиция под руководством главного редактора газеты *«Туркестанские ведомости»* Н. А. Маева в 1875 году. В состав экспедиции входили астроном Ф. Ф. Шварц, топограф Д. М. Вишневецкий, фотограф С. В. Кривцов и переводчик Ю. Казбеков. Экспедиция исследовала южные и восточные пределы Бухарского эмирата, включая Гиссарское и Кулябское бекства, и вошла в историю как первая Гиссарская экспедиция [19, 38]. Сведения, собранные Н. А. Маевым, хотя и разрозненные, являются объективными, так как основывались на достоверном экспедиционном материале [13, 116].

В 1877 году на территории Восточной Бухары побывал полковник Матвеев, собравший интересные сведения о Гиссарском и Кулябском бекствах [8, 73]. Согласно русским исследователям, сельское хозяйство Восточной Бухары, несмотря на примитивные орудия труда, являлось основным ресурсом народного благосостояния [15, 54]. Они особенно отмечали изобилие зерновых культур в Гиссарском, Кулябском, Бальджуанском и Каратегинском бекствах. Например, Н. А. Маев указывал, что Гиссар и Куляб в изобилии производили все виды зерновых и садовых культур, характерных для Средней Азии [14].

Другой исследователь, Н. А. Бендерский, изучая Гиссарскую долину, писал: «Гиссарская долина покрыта множеством арыков, земля здесь очень хорошо обрабатывается и производит все злаки Средней Азии, особенно рис и ячмень. Поэтому долину эту можно назвать житницей Восточной Бухары» [7, 73]. То же самое можно сказать о Каратегинском бекстве. По данным русских исследователей, годовой сбор зерна здесь достигал 3 млн пудов [5, 157]. Что касается Дарваза, то, несмотря на ограниченность земель, по данным Арандаренко, «каждый клочок земли в Дарвазе был засеян и прекрасно возделан». Этот исследователь оценивал валовой сбор зерна в Дарвазе вместе с Ваханом, Ванчем и Хулясом в 1 млн пудов [5, 157].

В 1878 году по поручению Генерального штаба Туркестанского генерал-губернаторства капитан А. Н. Быков был направлен для рекогносцировочных работ в Восточную Бухару. Он исследовал долины рек Кафирнигана, Вахша и, через Амударью, вернулся в Чарджоу. Быков собрал интересные материалы о возможностях судоходства по рекам Вахш и Амударья [3, 59].

Интересные данные о Восточной Бухаре приводит другой исследователь региона Д. Н. Логофет. Он пытался определить общее количество орошаемых земель, расположенных в долинах рек Сурхана, Кафирнигана, Вахша и Кызыл-

Су. По его подсчетам, ирригационная система реки Сурхан на территории Гиссарского, Денауского и части Бойсунского бекств орошала до 200 тыс. десятин земли, хотя большая часть вод реки оставалась неиспользованной. Река Кафирниган также оставалась практически неиспользованной, орошая лишь около 20 тыс. десятин [12, 79].

После создания в 1924 году Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики (Таджикской АССР) на первый план вышли вопросы восстановления народного хозяйства, изучения естественных производительных сил региона и подъема культуры. Для решения этих задач требовалось создание научно-исследовательских учреждений, которые могли бы заниматься комплексным изучением и освоением ресурсов края. В этот период, особенно после преобразования Таджикской АССР в союзную республику в 1929 году, изучение природных ресурсов региона приобрело характер фронтального ознакомления с местностью [2, 25].

С целью изучения региона были организованы комплексные экспедиции, объединявшие ученых различных специальностей: географов, геологов, биологов, геодезистов, экономистов, историков, этнографов, лингвистов и других. Эти экспедиции собрали огромный материал, который стал основой для систематического и целенаправленного научного поиска. Помимо сбора и обработки данных, экспедиции оставили после себя опорные пункты, ставшие базой для создания научных учреждений различного профиля в республике.

Одним из первых шагов в этом направлении стало создание в 1925 году в Ташкенте Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Его основателями были видные ученые, такие как В. В. Бартольд, М. С. Андреев, А. А. Семенов, Н. Л. Корженевский и другие [6, 16].

В том же 1925 году «Таджикское общество» под руководством Н. Л. Корженевского организовало первую научную экспедицию для изучения природных ресурсов восточных районов Таджикистана. Экспедиция начала изучение региона, составив новые карты горной системы Памира, где были обозначены результаты проведенных исследований.

В 1927 году Н. Л. Корженевский повторно совершил экспедицию в Ляхшскую долину и опубликовал результаты своих исследований в статье «Мугсу и нестарые ледники». Эти ледники были впервые описаны капитаном В. И. Мушкетовым в 1886 году, и сам Н. Л. Корженевский посещал эту местность ранее, в 1910 году. После возвращения из экспедиции Корженевский выступил на общем собрании Среднеазиатского отдела Российского географического общества, предложив назвать исследованную его группой горную систему именем Академии наук СССР [9, л. 4].

К моменту установления Советской власти в Восточной Бухаре, на территории которой была образована Таджикская АССР, практически вся местность была охвачена изыскательскими работами специалистов различного профиля. Они подготовили детальные сведения о природных богатствах региона. Проведенные исследования охватывали такие области, как география, геология, ми-

нералогия, зоология, ботаника, а также изучение редких видов растений и полезных ископаемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаханянц, О. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем: история изучения природы Памира / О. Агаханянц. – Душанбе, 1962. – 143 с.
2. Адабиёт ва санъат. – 1989. – № 3. – 30 авг.; Таджикистан. – 1998. – № 10. – С. 25.
3. Азатьян, А. А. Основные географические проблемы Средней Азии в их динамике / А. А. Азатьян. – Ташкент, 1974. – 159 с.
4. Акрамов, Н. М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского / Н. М. Акрамов. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 168 с.
5. Арандаренко, Г. А. Дарваз и Каратегин. Этнографический очерк / Г. А. Арандаренко // Военный сборник. – 1883. – Т. 154. – № 11. – С. 207.
6. Архив Института экономики Таджикистана. Рукопись. Гл. 1. Развитие промышленного производства. – С. 16.
7. Бендерский, Н. А. О Гиссарском крае / Н. А. Бендерский. – Ташкент, 1906. – Т. 7. – С. 140–156.
8. Бокиев, О. Б. Социально-экономическое положение Таджикистана в дореволюционной русской историографии / О. Б. Бокиев. – Душанбе, 1976. – 176 с.
9. Государственный архив Республики Таджикистан (ГА РТ). Ф. 20. Оп. 2. Д. 468. – С. 4.
10. Гафуров, Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история: в 2 кн. Кн. 2 / Б. Г. Гафуров. – Душанбе, 1998. – 470 с.
11. Диёри ошноӣ ва рӯшноӣ. – Душанбе, 2006. – 235 с.
12. Логофет, Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом / Д. Н. Логофет. – СПб., 1911. – Т. 11. – 279 с.
13. Маев, А. Н. Очерки истории Гиссара / А. Н. Маев. – СПб., 1879. – 116 с.
14. Маев, Н. А. Географический очерк Гиссарского и Кулябского бегств / Н. А. Маев // Туркистанский вестник. – 1877. – № 7.
15. Минаев, И. Сведения о странах по верховьям Амударьи / И. Минаев. – СПб., 1879. – 154 с.
16. Мушкетов, И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 гг. Т. 1, ч. 1 / И. В. Мушкетов. – Петроград, 1915. – 232 с.
17. Ошанин, В. Ф. На верховьях Муксу / В. Ф. Ошанин // ИИРГО. – 1880. – Т. 1. – 112 с.
18. Сверцов, Н. А. Путешествие по Туркестанскому краю / Н. А. Сверцов. – М., 1947. – С. 78; Орографический очерк Памирской горной системы // Записки РГО. – СПб., 1886. – 178 с.
19. Одинаев, А. Н. Искандеркульская экспедиция 1870 г.: вклад российского востоковеда А. Л. Куна в подготовку и редактирование «Дневника Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира / А. Н. Одинаев // Россия и мир: научный диалог. – 2024. – № 1(11). – С. 173–186.
20. Одинаев, А. Н. Инъикоси чараёни экспедитсияи Искандаркӯл дар «Рӯзномаи сафари Искандаркӯл»-и А. Мустачир / А. Н. Одинаев // Муаррих. – 2023. – № 1(33). – С. 119–130.
21. Одинаев, А. Н. Экспедитсияи харбию илмии Искандаркӯл (апрел-июли соли 1870) / А. Н. Одинаев, Л. В. Божинская, С. Л. Борошко // Вестник Педагогического университета. – 2024. – № 2(109). – С. 222–229.
22. Ханьков, Н. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря с окрестностями / Н. В. Ханьков // ЗИРГО. – 1851. – 163 с.

ЗАМИНАҲОИ ТАЪРИХӢ - ҶУҒРОҒӢИИ ОМУӢЗИШ ВА АЗХУДКУНИИ ЗАХИРАҲОИ ТАБИИИ ТОҶИКИСТОН

Дар мақола заминаҳои таърихӣ ва ҷуғроғиёи омӯзиш ва азхудкунии сарватҳои табиии Тоҷикистон баррасӣ шудааст. Муаллиф қайд мекунад, ки дар давраи пеш аз инқилоб олимони

рус ва англис ба омӯхтани сарватҳои табиӣи худудии Тоҷикистони имрӯза шуруъ карда буданд, ки дар натиҷаи ин конҳои сангҳои киматбаҳо, мис, нукра, оҳан, тилло ва сарватҳои табиӣи муайян карда шуданд.

Муаллиф дар асоси маъхазҳо ва асарҳои илмӣи як қатор муҳаққиқон таърихи омӯхтан ва азхуд кардани сарватҳои табиӣи Тоҷикистонро аз ҷониби муҳаққиқони шуравӣи соҳаҳои мухталифи илм ба таври хронологӣ таҳлил намуда, саҳми онҳоро дар омӯзиши сарватҳои табиӣи ҷумҳури муайян кардааст.

Калидвожаҳо: *сарватҳои табиӣи, ИҶШС, РСС Тоҷикистон, табиат, сарватҳо, муҳаққиқони шуравӣ, конфаронс, илми таърихи ватанӣ, Ҳокимияти Шуравӣ, ҷамъияти ҷуғрофӣ.*

ИСТОРИКО - ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ТАДЖИКИСТАНА

В статье рассматриваются историко-географические предпосылки изучения и освоения природных ресурсов Таджикистана. Автор отмечает, что еще в дореволюционный период русские и английские исследователи начали изучение природных ресурсов территории современного Таджикистана. В результате их работ были выявлены месторождения драгоценных камней, меди, серебра, железа, золота и других природных богатств.

На основе анализа источников и научных исследований ряда исследователей автор в хронологическом порядке прослеживает историю изучения и освоения природных ресурсов Таджикистана представителями различных научных направлений. В статье подчеркивается вклад исследователей в изучение природных богатств республики.

Ключевые слова: природные ресурсы, СССР, Таджикская АССР, природа, ресурсы, русские исследователи, историческая наука, Географическое общество.

HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL BACKGROUND FOR THE STUDY AND DEVELOPMENT OF NATURAL RESOURCES OF TAJIKISTAN

The article explores the historical and geographical background of the study and development of Tajikistan's natural resources. The author highlights that during the pre-revolutionary period, Russian and British researchers had already initiated studies of the natural resources in the territory of present-day Tajikistan. As a result of their efforts, deposits of precious stones, copper, silver, iron, gold, and other natural resources were identified.

Drawing on various sources and scientific works by numerous researchers, the author chronologically examines the history of the study and development of Tajikistan's natural resources, particularly by Soviet researchers from various scientific disciplines. The article also emphasizes their significant contributions to the exploration and understanding of the republic's natural wealth.

Key words: natural resources, USSR, Tajik ASSR, nature, resources, Soviet researchers, conference, Soviet historical science, Soviet power, geographical society.

Маълумот дар бораи муаллиф: Махмадов Убайдулло Давлатович – номазади илмҳои таърих, мудири шуъбаи таълими Академияи идоракунии давлатии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. Телефон: (+992) 918-42-95-24; E-mail: ubaidullo.88@mail.ru

Сведения об авторе: Махмадов Убайдулло Давлатович – кандидат исторических наук, заведующий учебной частью Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан. Телефон: +992 918429524 E-mail: ubaidullo.88@mail.ru

About the author: Makhmadov Ubaidullo Davlatovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Academic Department, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Tajikistan, Telephone: +992 918429524, E-mail: ubaidullo.88@mail.ru

УДК 930.1:396(575.3)"19/20"

НАҚШИ ЗАНОН ДАР ТАШАККУЛ ВА РУШДИ ИЛМИ ТАЪРИХИ ТОҶИКИСТОН

ИСМАТЗОДА Ш. Б.,

**Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ
ба номи А. Дониш**

Ташаккули илми академӣ дар Тоҷикистон ба чаҳоряки аввали асри ХХ рост меояд. Маҳз дар ҳамин давра аввалин марказҳои илмии низоми аврупоӣ бо кӯшиши Ҳокимияти Шуравӣ дар Осиеи Марказӣ ташкил ёфтанд ва нахустин экспедитсияҳои ҳадафмандонаи илмӣ-таҳқиқотӣ баргузор гардиданд. Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон низ оғози инкишофи илми академӣ ба давраи азнавсозии пуравчи инқилобии солҳои 20-30-юми асри гузашта рост меояд.

Барои вусъати корҳои илмӣ, пеш аз ҳама ифтитоҳи Донишгоҳи давлатии Осиеи Миёна, дар давоми солҳои 1924 -1932 ва ҳамзамон гузаронидани як қатор экспедитсияҳои илмӣ, ки мақсади асосии онҳо таҳқиқи қувваҳои истеҳсолкунандаи ҷумҳурӣ буд, нақши хеле муассир гузоштанд. Давраи муҳим дар ташаккули илми тоҷик ба замони ташкил ёфтани «Ҷамъияти омӯзиши Тоҷикистон ва халқҳои эронитабори берун зи он» (1925), таъсиси Пойгоҳи Академияи илмҳои ИҶШС ва баъдан Филиали тоҷикистони АИ ИҶШС маҳсуб меёбад.

Пас аз таъсис ёфтани Филиали тоҷикистони Академияи илмҳои Иттиҳоди Шуравӣ (1941) дар назди он се институти табиатшиносӣ (геология, ботаника, зоология) ва як институти гуманитарӣ (таърих, забон ва адабиёт) ташкил гардиданд. Бо вучуди ҷой доштани душворҳои замони ҷанг мақомоти давлатӣ ба такмили рушди муассисаҳои илмӣ мувофиқи талаботи хоҷагии халқи кишвар тавачҷӯҳи хоса меод. Аз ҷумла, соли 1944 дар назди филиал аспирантура кушода шуд, ки ба низоми мунтазам омода намудани кадрҳои илмӣ дар ҷумҳурӣ ибтидо гузошт. Вале дар баробари филиали Академияи илмҳои ИҶШС ташкил шудани Донишкадаи педагогии Сталинобод (ҳоло ДДОТ ба номи С. Айни) дар соли 1931 ва Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон (ҳоло ДМУ) соли 1948 имконияти боз ҳам бештар омода кардани кадрҳои илмӣ ба вучуд омад.

Котиби якуми Кумитаи Марказии Ҳизби Коммунисти Тоҷикистон Бобочон Ғафуров охири солҳои 40-уми асри гузашта бо назардошти пешрафти иқтисодию фарҳангии ҷумҳурӣ масъалаи ташкили Академияи илмҳои ҶШС Тоҷикистонро ба миён гузошт. Дар муддати кӯтоҳ қарорҳо ва санадҳои дахлдор доир ба ташкилҳои АИ ҶШС Тоҷикистон омода гардиданд. Б. Ғафуров ва А. А. Семёнов дар кори комиссияи ташкилҳои Академияи илмҳои ҶШС фаъолона ширкат доштанд. 14 апрели соли 1951 бо қарори Шурои Вазирони Иттиҳоди Шу-

равӣ Академияи илмҳои Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон таъсис ёфт. 15-17 апрели соли 1951 Маҷлиси муассисони Академияи илмҳои ҶШС Тоҷикистон баргузор гардид ва бо пешниҳоди Б. Ғафуров олими шинохта, асосгузори адабиёти навини тоҷик, устод Садриддин Айни президентӣ он интихоб гардид. Дар нахустин маҷлиси умумӣ ҳайати Академияи илмҳо бо се нафар академикҳои фахрӣ, 11 узви пайваста ва 14 узви вобаста интихоб карда шуд. Аз ҷумла, ба сифати муассисон ва узви пайвастаи Академияи илмҳо олимони шинохта Садриддин Айни, Б. Ғафуров, А. А. Семёнов ва С.М. Юсупова интихоб шуданд [17, 11].

Боиси ифтихор аст, ки дар байни аввалин академикҳои интихобшудаи АИ ҶШС Тоҷикистон як нафар намояндаи занҳои ҷумҳурӣ, доктори илмҳои геология минерология, профессор Сорочон Юсуфова низ буд.

Ҳамин тавр, Академияи илмҳо ҳамчун муассисаи асосии илмӣ ва таҳқиқоти бунёдии ҷумҳурӣ, маркази омода намудани мутахассисони соҳаҳои мухталифи илм дар ташаккули низоми илми академии тоҷик ва рушди минбаъдаи он нақши бориз гузошт. Ташаккули муассисаҳои илмӣ – таҳқиқотӣ дар шароити ниҳоят мураккаб, пеш аз ҳама норасоии пойгоҳи моддию техникӣ, мутахассисони ҳирфай ва шахсони соҳибмаълумот ба вуқӯъ меомад. Бо саъю кӯшиши мардуми ҷумҳурӣ дар кӯтоҳтарин муҳлат мушкilotи мавҷуда бартараф гардида, илми тоҷик ба фазои ягонаи илмии шуравӣ ворид шуд. Соҳаҳои нав ба нави илмӣ ташаккул ёфтанд, шумораи кормандони илмӣ босуръат афзоиш ёфта, натиҷаҳои корҳои илмӣ - таҳқиқотӣ вусъати баландро соҳиб гардиданд. Муҳимтарин дастовард баробари мардон ба илм ва корҳои таҳқиқотӣ ҷалб намудани занон буд. Дар соҳаҳои мухталиф, аз ҷумла фанҳои таърих, филология, педагогика, биология, санъат ва ғайра шумораи зиёди занони олима ҷалб карда шуданд, ки ҳар яке дар соҳаҳои интихобнамудаи худ муваффақиятҳои ҷашмрасро ба даст оварданд.

Пеш аз ҳама, нақши муҳаққиқзанони ҷумҳурӣ дар рушди илмҳои ҷомеашиносию гуманитарӣ, ба вижа илми таърих бештар мушоҳида мегардад. Таҳлилҳои нишон медиҳанд, ки муаррихзанони тоҷик нисбат ба таърихи давраҳои қадим ва асрҳои миёна бештар ба таҳқиқу омӯзиши таърихи давраи навтарини халқи тоҷик тавачҷуҳ зоҳир намудаанд. Махсусан, дар таҳқиқу омӯзиши таърихи даврони Шуравӣ олимаҳо М. Хонсуварова, Л. П. Сечкина, М. Ғаффорова, С. Юсупова, Х. Отахонова, Т. К. Каширина, Э. Ғуломова, Р. Набиева ва дигарон нақши боризи ҳудро гузоштаанд.

Аммо ин маъноӣ онро надорад, ки бонувон дар таҳқиқи дигар давраҳои таърихи халқи тоҷик саҳм нагузоштаанд. Нақш ва хизмати бонувони муаррих дар таҳқиқу омӯзиши таърих, фарҳанг ва тамаддуни тоҷикони даврони бостон, асрҳои миёна ва давраи нав низ хеле назаррас мебошад. Баробари ин бонувони муҳаққиқ дар пешрафти илму маориф, макотиби олий, фарҳанг, тарбия ва омода намудани кормандони илмӣ, омӯзгорони донишгоҳҳои олий, махсусан аз ҳисоби занони маҳаллӣ низ саҳмгуздоранд. Танҳо номбар намудани ному насаби бонувони таърихшинос, мавзуи таҳқиқоти илмии онҳо, самту равия, вусъат ва

хизмати шоистаи онҳо дар таҳқику омӯзиши таърих, фарҳанг ва тамаддуни тоҷикон саҳифаҳои зиёдеро банд менамояд. Аммо доир ба онҳое, ки дар ин самт аввалин буданд ва таҳқиқоти ҷолибро ба анҷом расонидаанд, тавачҷух намудан зарур аст. Ба назари мо яке аз чунин аввалинҳо Хонсуварова Муҳтарама Ҷалиловна - номзади илмҳои таърих, дотсент, Муаллимаи хизматнишондодаи ҶШС Тоҷикистон мебошад [1,819].

Доир ба айёми донишҷӯӣ ин олима муаллифони китоби “Нахустин маркази илму таълими таърих» аз ҷумла чунин нигоштаанд: “Соли таҳсили 1936-1937 дар донишкада аз 198 нафар донишҷӯӣ, 194 нафар пас аз супоридани санҷишу имтиҳонот ба курси болоӣ гузаронида шуда, танҳо 4 нафар бо сабаби аз худ накардани барномаи таълимӣ, аз донишкада хориҷ гардиданд. Ҳамзамон 13 нафар донишҷӯёни донишкада, аз ҷумла донишҷӯёни факултети таърих Назаров Т. ва Хонсуварова М. тамоми имтиҳонҳоро пурра бо баҳои аъло супориданд» [10, 218].

Баъди хатми донишкада М. Ҷ. Хонсуварова дар самтҳои гуногун, аз ҷумла солҳои 1940-1941 – лаборанти калон, 1941-1943 – аспиранти кафедраи таърихи ИҶШС, 1944-1947 – мудири кафедраи таърихи ИҶШС –и Мактаби ҳизбии коммунистии Тоҷикистон, 1947-1949 – муаллими калони кафедраи таърихи ИҶШС, 1949-1952 – декани факултети таърих, 1953 – дотсенти кафедраи таърихи ИҶШС, 1954 – декани факултети таъриху география, 1955-1957 – декани факултети таърих, 1957-1963 – мудири кафедраи таърихи ИҶШС, 1963-1990 – дотсенти кафедраи таърихи ИҶШС-и Донишкадаи давлатии омӯзгории шаҳри Душанбе ба номи Т.Г. Шевченко (ҳоло ДДОТ ба номи С. Айни) кору фаъолият намудааст [10,219].

Дар баробари фаъолияти омӯзгорӣ Муҳтарама Хонсуварова ба корҳои илмӣ-таҳқиқотӣ низ машғул буд. Ӯ соли 1953 рисолаи номзодии худро дар мавзӯи “Занони Тоҷикистон дар мубориза барои иҷрои нақшаи панҷсолаи якум» дифоъ намуда, минбаъд доир ба мавзӯи саҳми занони Тоҷикистон дар барқарор ва мустаҳкам намудани Ҳокимияти Шуравӣ корҳои зиёде таълиф намудааст. Соли 1960 рисолаи илмӣ ӯ “Занони Тоҷикистон дар мубориза барои сохтмони сотсиализм» интишор гардид [10,220], ки барои он замон на фақат арзиши илмӣ, инчунин таъсири тарбиявии назаррас низ дошт.

Дар баробари таҳқику омӯзиши давраҳои мухталифи таърихи даврони Шуравӣ бонувони муаррих ба мавзӯи Тоҷикистон дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ, қаҳрамониҳои фиристодагони Тоҷикистон дар майдони набард ва меҳнати шуҷоатноки мардуми тоҷик дар ақибгоҳ, саҳми мардуми Тоҷикистон дар таъмини ғалаба бар фашизм низ тавачҷух зоҳир намуда, дар инъикоси ин мавзӯҳо нақши боризи худро гузоштаанд. Дар ин самт метавон аз чанд рисолаҳои номзадӣ ва таҳқиқотии бонувони муаррих Л. П. Сечкина, Г. Муҳторова, М. Маҳкамова ёдовар шуд [3,10].

Муаррихи шинохтаи тоҷик, доктори илмҳои таърих, профессор Лидия Петровна Сечкина яке аз олимони маъруфи кишвар ва муҳаққиқи таърихи Тоҷикистон дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ мебошад. Ӯ соли 1951 баъди

хатми факултаи ховаршиносии Донишгоҳи давлатии Ленинград ба сифати муаррих, шарқшинос ба филиали Академияи илмҳои Иттиҳоди Шуравӣ дар Тоҷикистон, ки ҳамон сол ба Академияи илмҳои Тоҷикистон табдил ёфт, ба кор даъват шуд. Ҳамин тавр, фаъолияти муаррих ба Тоҷикистон пайваست ва ӯ шуруъ аз соли 1951 то 1992 дар Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ба сифати ходими хурд, ходими калон ва ходими пешбари илмӣ фаъолият намуд.

Соли 1961 Л. П. Сечкина натиҷаи ҷустуҷӯ ва пажӯҳиши чандсолаи худро ҷамъбаст намуда, дар Шурои диссертатсионии назди Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленин (ҳоло Донишгоҳи миллии Тоҷикистон) дар мавзӯи «Корнамоиҳои меҳнати халқи тоҷик дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ» таҳти роҳбарии муаррихи шинохтаи тоҷик, академик Зариф Шарифович Раҷабов рисолаи номзадиашро бомуваффақият Ҳимоя намуд.

Минбаъд низ бо қалами ин бонуи муаррих чанд рисолаҳои муҳимму калонҳаҷм ва дахҳо мақолаҳои пурарзиш нашр шуданд ва таълифоти ӯ дар илми таърихнигории тоҷик доир ба комилан равшан намудани ҳаёти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давраи Ҷанги Бузурги Ватанӣ мақоми махсусро соҳиб мебошад [6,7].

Дар тӯли фаъолияти кории хеш дар Тоҷикистон Л. П. Сечкина зиёда аз 70 асари илмӣ нашр кард, ки муҳиммтарини онҳо аз ҷумлаи “Доблестные сыны Таджикистана на фронтах Отечественной войны (1941-1945)», «Твои герои, Таджикистан: Об участниках Великой Отечественной войны из Таджикистана, удостоенных звания Героя Советского Союза»; «Таджикистан в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945» мебошанд. Таълифоти охири Л. П. Сечкина дар ҷилди 5-уми китоби бунёдии шашҷилдаи “Таърихи халқи тоҷик» соли 2012 ба нашр расидааст.

Албатта, таҳлил ва инъикоси саҳми бонувони муаррих дар таҳқиқи омӯзиши мавзуи Тоҷикистон дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ (1941-1945), диловарию мардонагии фарзандони Тоҷикистон дар майдони набард ва меҳнати шуҷоатмандонаи мардум дар ақибгоҳ ва саҳми Тоҷикистон дар таъмини ғалаба дар Ҷанги Бузурги Ватанӣ дар ҳаҷми як мақолаи маҳдуд аз имкон берун аст. Мавзуи мазкур тавачҷух, ҷустуҷӯ, пажӯҳишҳои ҷиддии минбаъдaro тақозо дорад ва дар оянда ин масъала мавриди омӯзиш ва пажӯҳиши муфассали мутахассисон қарор хоҳад гирифт.

Аз зумраи олимони дигари илми таърихнигории ватанӣ, олими шинохта, Арбоби шоистаи илм ва техникаи Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор Роҳатой Абдуваҳҳобовна Набиева ба шумор меравад.

Муаррихи шинохта Р. А. Набиева 6 - уми ноябри соли 1936 дар шаҳри бостонии Хучанд таваллуд ёфта [12,77], соли 1959 факултети таърихи Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленинро бо дипломи сурх хатм кардааст [13, 201].

Дар ибтидои солҳои 50-уми асри XX дар факултети таърихи донишгоҳ бештари устодон фиристодагони ҷумҳуриҳои бародарии собиқ Иттиҳоди

Шуравӣ, аз ҷумла Россия, Украина, Белоруссия, Узбекистон, ки дар байнашон омӯзгорони маъруф, номзади илмҳои таърих, дотсентон Д. Е. Хайтун, А. Ю. Шибаева, К. Бенедиктов ва дигарон буданд, фаъолият доштанд. Таълими фанни таърихи халқи тоҷик ба зиммаи аввалин ректори Донишгоҳи профессор З. Ш. Раҷабов буд. Ин олимони шинохта ва устои моҳиру доно дар симои Р. Набиева муҳаққиқи боистеъдодро кашф намуда, ӯро зери назорати худ гирифт ва ҷун шогирди пазируфт. Бо маслиҳат ва тавсияи устодаш Р. Набиева пайроҳаи душвор, вале пурифтихори илмро интихоб намуд. Ҳангоми интихоби мавзуи рисолаи илмӣ Р. Набиева, аввалан ба маслиҳат ва тавсияҳои бебаҳои устои ғамхор академик З. Ш. Раҷабов ва баъдан завқу рағбати хеш ба омӯзиши яке аз масъалаҳои рӯзмарра ва арзишманди илмӣ - таърихи муборизаи занон барои озодӣ таъян намуд. Таваҷҷуҳи олим ба таҳқиқ ва таҳлили масъалаи мақоми зан дар ҷомеа, нақши созандагии бонувони кишвар дар бунёд ва рушди минбаъдаи ҷомеаи навин ҳанӯз дар давраи мактабхониаш пайдо гардида буд. Аз ин рӯ, мавзуи мазкур дар меҳвари пажӯҳиш ва таҳқиқоти илмӣ Р. Набиева қарор гирифта, яке аз самтҳои асосии фаъолият ва мавриди баррасии илмиву таҳқиқотиаш гардид.

Ҷустуҷӯ, омӯзиш, кӯшиши пайгириҳои профессор Р. А. Набиева, фаъолияти бисёрсолаи муҳаққиқ дар самти ҷамъоварии маводи нодир аз бойгонҳои шаҳрҳои Душанбе, Москва ва Тошканд самараи нек доданд ва ӯ соли 1963 рисолаи номзадиро дар мавзуи «Нақши қонунҳои Тоҷикистон дар соҳтмони сотсиализм (солҳои 1933-1937)» ва соли 1975 таҳти роҳбарии академик З. Ш. Раҷабов рисолаи докториро дар мавзуи «Таҷрибаи таърихии озодшавии қонунҳои Тоҷикистон ва афзудани нақши онҳо дар соҳтмони сотсиализм (солҳои 1917-1937)» химоя намуд [8,55].

Р. Набиева дар давоми солҳои 1975-2012 мудирони кафедраи таърихи халқи тоҷик ва солҳои 1983-1989 декани факултаи таърихи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон қор қардааст ва дар самти омода намудани мутахассисони ҷавон низ саҳми арзанда гузоштааст. Ӯ ба ҳайси ноиби раиси Шурои координатсионӣ доир ба фанҳои ҷомеашиносии назди Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии А И Тоҷикистон, раиси Шурои диссертатсионии назди Донишгоҳи миллии Тоҷикистон оид ба дифои рисолаҳои докторӣ ва номзадӣ аз илмҳои таърих, сарвари Шурои илмӣ-методии назди Вазорати маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон (солҳои 1979-2003) фаъолият намудааст. Муаллифи 400 монография, брошюра, барномаҳо, китобҳои дарсию методӣ, мақолаҳои илмӣ – таҳқиқотӣ ва методӣ мебошад. Таҳти роҳбарии Роҳат Набиева 44 нафар доктору номзадҳои илм рисолаҳои худро дифоъ намудаанд.

Имрӯз дар Тоҷикистони соҳибистиклол идорае нест, ки қонунҳои тоҷик дар он ҷо қор намекунанд ва мақому манзалати хоссаи худро надошта бошанд. Қонуну духтарони тоҷик дар роҳбарияти ҳукумат, парлумон, соҳаҳои гуногуни истеҳсолот, тандурустӣ, фарҳанг, маориф фаъолият намуда, дар ҳаёти сиёсӣ чамбиятӣ, дар баланд бардоштани обрӯю эътибори Ҷумҳурии соҳибистиклоли Тоҷикистон дар арсаи байналхалқӣ ва ҳамзамон мустаҳкам намудани сулҳу

вахдат саҳми арзандаи худро мегузоранд. Аз ҷумла, дар самти илми таърих имрӯз олимаҳои шинохтаи тоҷик, докторони илм Л. Н. Додхудоева, Б. Т. Қобилова, Н. Ҷ. Хоҷаева, М. Ф. Зикриёева, С. А. Акрамова ва М. М. Ҳасанова, Қ. Собирова ва дигарон ба пажӯҳишҳои илмӣ машғул мебошанд.

Ҳамин тариқ, яке аз комиёбиҳои намоёни ҷумҳури дар садсолаи охир ҳалли масъалаи гендерӣ, озодӣ ва баробарҳуқуқии занон дар ҷомеа, комилан барҳам задани бесаводӣ дар байни занон ва ҷалби онҳо ба корҳои илмӣ - таҳқиқотӣ, тарбияи насли наврас ва омодагии кадрҳои илмӣ-педагогӣ мебошад. Муҳаққиқзанони ҷумҳури имрӯзҳо фаъолияти самараноки илмиву таҳқиқотӣ, омӯзгорӣ ва ҷамъиятӣ бурда, ҳамзамон дар рушду нумӯи илму маориф ва омӯзиши таърихи пурғановати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон нақши муассир мегузоранд.

АДАБИЁТ

1. Донишномаи Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни. – Душанбе: Эр-граф, 2021. – 951 с.
2. Зикриёева, М. Ф. Историография проблемы женщин Таджикистана. / М. Ф. Зикриёева. – Душанбе: Ирфон, 2001. – 226 с.
3. Бобоева, З. Бозтоби таърихи миллат дар осори бонувони муаррих. / З. Бобоева. – Хучанд: Нури маърифат, 2021. – 194 с.
4. Набиева, Р. А. Женщины Таджикистана в борьбе за социализм. / Р. А. Набиева. – Душанбе: Ирфон, 1964. – 276 с.
5. Нақши профессор Р. А. Набиева дар омӯзиши таърихи халқи тоҷик ва таҳқиқи масъалаи занон. – Душанбе, 2019. – 280 с.
6. Пирумшоев, Ҳ., Убайдуллоев, Н., Муродов, А. Нахустин маркази илму таълими таърих. / Ҳ. Пирумшоев, Н. Убайдуллоев, А. Муродов. – Душанбе, 2013. – 304 с.
7. Набиева, Р. Занони Тоҷикистон. / Р. Набиева. – Душанбе: Ирфон, 1991. – 217 с.
8. Сечкина, Л. П. Промышленность и сельское хозяйство Таджикистана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Л. П. Сечкина // Материалы к истории таджикского народа в советский период: Сборник статей. – Сталинабад: Таджик Госиздат, 1954. – 381 с.
9. Сечкина, Л. П. Твои герои, Таджикистан. Об участниках Великой Отечественной войны из Таджикистана, удостоенных звания Героя Советского Союза. / Л. П. Сечкина. – Душанбе: Маориф, 1980. – 240 с.
10. Саромадон ва дастпарварони нахустмаркази илму таълими таърих. Бахшида ба 90-солагии Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни ва факултети таърих. – Душанбе, 2021. – 416 с.
11. Фаъолияти Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, бахшида ба 70-соли фаъолияти илмӣ ва илмию ташкилӣ. – Душанбе, 2021. – 695 с.
12. Энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1984. – Ҷ. 5. – 640 с.
13. Энциклопедияи олимони Донишгоҳи давлатии миллии Тоҷикистон. – Душанбе, 2008. – 687 с.

НАҚШИ ЗАНОН ДАР ТАШАККУЛ ВА РУШДИ ИЛМИ ТАЪРИХИ ТОҶИКИСТОН

Мақола ба инъикоси нақши занон дар ташаккул ва рушди илми таърихи Тоҷикистон бахшида шуда, муаллиф дар заминаи асноди зарурӣ тавонистааст, ки саҳми занони ҷумҳуриро доир ба пешрафти илм, тарбияи кадрҳо, ташвику тарғиби ҷаҳонбинии илмӣ нишон диҳад.

Муаллифи мақола ба шакли намуна бо таъя ба асарҳои офаридаи олимаҳои тоҷик саҳми онҳоро дар ташаккул ва рушди илми таърихнигории халқи тоҷик ва омода намудани шогирдон зикр кардааст. Хусусан, таваҷҷуҳи бештар ба фаъолият ва асарҳои олимони маъруф М. Хонсуварова, Л. П. Сечкина, Т. К. Каширина ва Р. А. Набиева намуда, нақши онҳоро дар таҳқиқи саҳифаҳои алоҳидаи таърихи халқи тоҷик муайян намудааст.

Калидвожаҳо: *саҳм, бонувон, илм, илми таърих, олима, муаррих, Академияи илмҳо, мактаби олии, Институти таърих, нақши занон.*

РОЛЬ ЖЕНЩИН В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ТАДЖИКИСТАНА

Статья посвящена отражению роли женщины в становлении и развитии исторической науки Таджикистана, где автор смог показать вклад женщин республики в развитие науки, подготовку кадров, поощрение и пропаганду научного мировоззрения на основе необходимых документов.

Автор статьи на основе трудов таджикских ученых определил их вклад в становление и развитие таджикской историографии и подготовку студентов. В частности, большое внимание уделяется деятельности и творчеству М. Хонсуваровой, Л. П. Сечкиной, Т. К. Кашириной и Р. А. Набиевой. Значения и роль каждого из них определялась автором в изучении отдельных страниц истории таджикского народа.

Ключевые слова: *вклад, женщины, наука, историческая наука, учёный, историк, Академия наук, высшая школа, Институт истории, роль женщины.*

THE ROLE OF WOMEN IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE HISTORY OF TAJIKISTAN

The article is dedicated to the research of the role of women in the formation and development of the science of the history of Tajikistan. Based on the study of published scientific materials, the author notes that during the 20th century - the beginning of the 21st century, women made a significant contribution to the development and promotion of Tajik science. The author of the article based on the works created by Tajik scientists has included the essence and content of the chosen topic. Pay special attention to the works of M. Khonsuvarova, L. P. Secchina, K. Boboeva, M. Gaforova, S. Yusupova, X. Atakhanova, T.K. Kashirina and Nabieva R. The author concludes that this topic requires attention, search and further serious research.

Key words: *academic science, historiography, historian, women, Great Patriotic War, scientists, National Academy of Sciences of Tajikistan.*

Сведения об авторе: **Исматзода Шоиста Бозорбой** - научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана. E-mail ismatzoda shoista 1994 @ mail. ru Телефон: (+992) 93-820-48-48.

Information about the author: **Ismatzoda Shoista Bozorboy** - is a research fellow at the Institute of History, Archeology and Ethnography named after Akhmad Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. E-mail: ismatzoda shoista 1994 @ mail. ru Telefon: (+992) 93-820-48-48.

УДК 52(575.3):930.85

**ОИД БА САРЧАШМАҲОИ БОСТОНИИ ДОНИШҲОИ
АСТРОНОМИИ ХАЛҚИ ТОЧИК¹**

БОБОЕВ Х.,

**Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониш**

Илми нучум (ситорашиносӣ, астрономия) дар таърихи инсоният яке аз қадимтарин илмҳо ба ҳисоб меравад, зеро ки ҷузъиётҳои таҳқиқшавандаи он ситораҳо, галактикаҳо, сайёраҳо ва худи кайҳон, яъне Коинот хеле пеш аз пайдо шудани инсон ба вучуд омадаанд.

Нахустин кӯшишҳои инсони қадима дар дарки муҳити атроф бо нигоҳи нахустини ӯ ба сӯйи Осмон, Офтоб ва Моҳ асос ёфтааст. Зебоии осмони ситоразор, зарурати дарки моҳияти он ва вобастагии ҳаёти инсон аз ҳодисаҳои осмонӣ омилҳои асосии пайдоиши илми нучум (астрономия) гардида буд [6].

Кашфиётҳо дар соҳаи илми нучум ҳанӯз дар дунёи қадим ба одам имконият фароҳам оварда буданд, ки вақтро ба ҳисоб гиранд.

Чуноне ки сарчашмаҳо шаҳодат медиҳанд, маҳз Шарқи Қадим бунёдгузори тамаддун мебошад ва маҳз дар Шарқ аввалин тақвимҳо пайдо шуданд.

Нахустин тақвим ҳанӯз 6 ҳазор сол пеш аз ин дар Мисри Қадим тартиб дода шуда буд. Дар ин тақвим соли мисрӣ аз 365 рӯз иборат буд. Мисриёни қадим солро ба 12 моҳ ва моҳро ба 30 рӯз тақсим карда, ба моҳи охири боз 5 рӯз илова мекарданд [1, 225].

Дар марказҳои маданияти дунёи қадим дар қатори Офтоб боз дигар ситораҳо низ таҳти мушоҳидаи олимони қарор гирифта буданд. Онҳо аз рӯйи тулуъ ва ғуруби офтоб ва мавқеи ситорагон дар осмон чигунагии обу ҳаворо пешгӯӣ намуда, вақти кишту қор ва умуман заминдориро ба таври дақиқ муайян менамуданд. Чанде аз анъанаҳои заминдорӣ қадимӣ то имрӯз низ аҳамияти худро гум накардаанд.

Таҳқиқоти астрономӣ аз як тараф агар чигунагии манзараҳои олам ва мақоми инсонро дар он нишон дода бошанд, аз тарафи дигар тавассути системаи илмӣ - таълимӣ доир ба масоили қорқард ва ҳамзамон паҳн гардидани му-

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи “Таърихи халқи тоҷик. Таърихи илм ва техникаи тоҷикон аз давраи қадим то имрӯз”, рақами қайди давлатии 0121 ТҶ 1273 навишта шудааст.

носибатҳои объективӣ нисбат ба табиат ва ҷамъият ҳамаҷониба мусоидат наму-даанд.

Илми нучум дар Осиёи Миёна ҳанӯз хеле пеш аз ҳучуми арабҳо ба ин сарзамин дар зери таъсири усулҳои қадими бобули (Вавилонӣ), ки аз Эрони ҳахоманишинӣ, сосонӣ ва Юнон ба ин ҷо гузашта буданд, ташаккул ёфтааст.

Таърихан паҳншавии донишҳои нучумӣ дар сарзаминҳои Осиёи Миёна ба давраи ҳучуми Искандари Мақдунӣ рост меояд. Дар инкишофи илми нучум дар Осиёи Миёна донишҳои аз Ҳиндустон гирифташуда низ нақши басо ҳам муҳим бозидаанд.

Маълум, ки решаҳои илми Ҳиндустон то ба қабри асрҳо, ба давраи Кӯшонӣ, ки давлати онҳо қисми зиёди сарзамини Осиёи Миёна ва Ҳиндустони шимолро дарбар мегирифт, рафта мерасад.

Дар маданияти ҳелленӣ, ки баъди ҳучуми Искандари Мақдунӣ дар Осиёи Миёна ташаккул ёфта буд, на соф маданияти Юнон, балки омехтаи маданиятҳои юнонию шарқӣ инъикоси худро ёфтааст. Дар инкишофи ин маданият халқҳои Осиёи Миёна, аз он ҷумла тоҷикон низ нақши басо ҳам бузурги худро бозидаанд [1].

Дар китоби муқаддаси халқҳои ориёӣ, аз ҷумла тоҷикон-Авасто (ҳазораи 1 то милод) маҷмӯи бузурги донишҳои нучумӣ гирд оварда шудааст.

Авасто дар бораи системаи мураккаби донишҳои натурфалсафӣ ва космологӣ баҳс мекунад. Вай дар омӯхтани маданият ва маишати халқи тоҷик дар қадим, ҳаёти иҷтимоӣ ва сиёсӣ фарҳангии он, адабиёти он ва ҳоказои дигар ҳамчун сарчашмаи бебаҳо ба ҳисоб меравад [6, 9,10].

Матнҳои қадимтарини китоби муқаддаси «Авасто» дар миёнаи ҳазораи 1 то милод эҷод шудаанд. Минбаъд матни «Авасто» борҳо таҳрир гардида, то давраи Сосонӣ (асрҳои III-VI) ба он ислоҳу иловаҳо ворид карда мешавад.

Дар «Авасто» бештар ба таълимот дар бораи коинот ва ситораҳои осмонӣ тавачҷуҳи зиёд дода мешавад. Сайёраи мо – Замин дар «Авасто» ба тариқи зайл пешниҳод шудааст: «Замин, укёнуси Вурукрта, осмон муҳити беибтидои равшанидиҳанда ва биҳишт мебошад».

Замин дар тасвири «Авасто» аз ҷисми кулӯлае иборат аст, ки онро укёнуси Вурукрта чун дарёи васеъ ихота кардааст. Ин тасаввур дар бораи Замин бо ақидаи файласуфи Юнони Қадим Фалес ҳамоҳангӣ дорад.

Ақидаи он, ки Замин аз ҷаҳор тарафаш бо укёнус ихота шудааст, дар Зам Яшти 19-ум оварда шудааст. Мафҳуми укёнуси Вурукрта се баҳрҳои бузурги заминӣ - Ҳазар(Каспий), Миёназамин ва Халиҷи форсро дар бар мегирад [6,10].

Аз матнҳои китоби муқаддаси «Авасто» маълум мешавад, ки дар дунёи қадим одам Моҳтобро низ мушоҳида мекардааст. Дар «Авасто» моҳро ба шаш марҳала, ҳар кадом панҷрӯзӣ ҷудо кардаанд.

Панҷ рӯзи аввал («antarye maungha») давраи навшавии моҳ (ҳилол), панҷ рӯзи дуюм («pernaungha») пуррашавии моҳи пурра (бадр) «vishaptatxa» номида шудааст. Се марҳалаи боқимонда (аз 4 то 6-ум) марҳалаҳоеанд, ки дар бораи зери сояи Офтоб мондани Моҳ шаҳодат медиҳанд [7,10].

Мувофиқи «Авасто» олам аз 4 қабат: ситораҳо, мох, офтоб ва макони рӯшноӣ иборат аст. Онҳо ба тариқи зайл ҷо ба ҷо шудаанд: қабати якумро фазои ситораҳо, дуумро мох, сеюмро муҳити офтоб ва чорумро фазои «бихишт» ташкил медиҳанд [6,11].

«Авасто» қабати ситораҳо аз ҳама пасттарин ва ба Замин наздиктарин ҳисоб мекунад. Дар китоби муқаддаси «Авасто» ситораҳои зерин ном гирифта шудаанд: Гафтаринга (Дуббаи Акбар, Ҳафтдодарон), Ванант (Насри Вокӯш (Вега) дар бурҷи Лира), Тиштрия (Сириус, Шабоҳанг) ва ғайраҳои дигар.

Дар «Авасто» ба масъалаи ҳаракати ситораҳо низ ишораҳо дарҷ гардидааст. Мувофиқи Авасто рӯҳҳо (фраватӣ) ситорагонро, аз он ҷумла, Сатавесуро низ ба ҳаракат меоранд.

Ситорагон дар Авасто ба ду гурӯҳ ҷудо мешаванд:

1) ситораҳои, ки табиати ҳос доранд.

2) ситораҳои, ки табиаташон ба табиати Замин монандӣ доранд.

Дар «Авасто» махсусан ба ситораи Тиштрия (албатта ба ҷуз Офтоб) аз бурҷи Сағи Қалон эътибори зиёд дода шудааст. Яшти ҳаштум махсус ба ҳамин ситора бахшида шудааст.

Ситораи Тиштрия (Сириус) дар «Авасто» бо номҳои сафед, тобон, дурахшон, аз дур дидашаванда, табобаткунанда ифода ёфтааст [7,13].

Мувофиқи «Авасто» ситораи Тиштрия (Сириус) бисёр наҷиб ва дурахшон буда, ба одам оромию саодатмандӣ меорад, равшанӣ мебахшад, ўро аз бисёр бемориҳо наҷот медиҳад.

Ҷунин васфи ситораи Титрия бесабаб набуд. Зеро дар тасавури тоҷикони қадим Тиштрия таҷассуми некӯаҳволӣ, ҳосили баланд ва фаровонӣ буд.

Маҳз ба шарофати ў дар Замин барои одам гандум ва барои чорво алаф мерӯид. Тиштрия мамлакатро аз обҳезӣ ва аз ҳучуми бегонагон муҳофизат мекард. Дар ин бора ғалабаи Тиштрия дар ҷанги зидди дев Апаоша (рамзи хушк-солӣ) равшан шаҳодат медиҳад [9,45].

Тиштрияро моҳе се маротиба даҳрӯзӣ дар осмон дидан мумкин буд. Дар ин муддат Тиштрия ду маротиба серӯзӣ бо дев Апаоша ҷангида, баъд дар укёнус ғайб мезад.

Мугӯянд, ки қиссаи Тиштрия ҳанӯз то Зардушт вучуд доштааст. Дар «Авасто» ҷанги оташро бо дев ба он ташбеҳ додаанд. Мувофиқи ин қисса Тиштрия баъди муддати зиёд аз нав зинда шуда, боз дар осмон пайдо мешавад. Ин зиндашавии ўро уппагигиштати (зиндашавии мурда) меноманд.

Дар «Авасто» дар қатори Тиштрия ситораи Сатавеса низ мавқеи намоёнро ишғол мекунад.

Дар байни олимони оид ба ситораи Сатавеса фикри ягона дида намешавад. Гурӯҳе аз олимони (Карегат ва дигарон) Сатавесаро ҳамчун ситораи Канопус аз бурҷи Кил медонанд, дигарон (Соссюр, И. Гесс ва Генинг) онро Антарес аз ситораҳои асосии бурҷи Ақраб (Скорпион) меноманд.

Ин ду нуқтаи назари бо ҳам зид бо ҳалли мушкилоти дар кучо таълиф шудани китоби муқаддаси «Авасто» марбут аст. Масалан, Гертсфилд дар асоси

маълумоти нучумии китоби «Авасто» ба чунин хулоса омадааст. Ба ақидаи ӯ ватани «Авасто» на шарқи Эрон, балки Марв, Суғд ё Балх мебошад.

Умуман гирем, «Авасто» оламро ба се табақа замин, байнизамин ва бо-шишгоҳи ситораҳо, моҳ, офтоб ва осмон чудо мекунад. Вобаста ба ин Замин низ дар ибтидо аз се қисм иборат буд. Ин тақсимот аз тақсимоти (каршвара) ҳафтқабата, ки ҳар кадоми он аз ҳамдигар бо баҳрҳо ва кӯҳҳо чудо карда шуда-анд, қадимтар аст.

Ҳафт қабати замин аз як кишвари шарқӣ ва як **қабати** ғарбӣ, ду шимолӣ, ду қабати ҷанубӣ ва як қабати марказӣ (хванирата) иборат буд. Мувофиқи «Авасто» аз ин ҳафт қабати замин танҳо дар қабати марказӣ (хванирата) ҳаёт вучуд дорад. Дар шаш қабатҳои боқимонда ҳаёт вучуд надошт [6,12].

Шабоҳати сохтори тақвими зардуштӣ ба тақвими мисрӣ ба хулосае меоварад, ки гӯё тасаввурот дар бораи соли оянда аз мисриён гузашта бошад. Тахмин карда мешуд, ки офарандагони тақвими зардуштӣ танҳо бо тақсими сол ба 360 рӯз (осори ин дар тақсими сол ба мавсимҳо ва қайд намудани идҳои динии зардуштӣ дида мешуд) шинос будаанд.

Ҳатто номҳои 5 рӯзи боқимондаи сол дар вариантҳои мухталифи тақвим (масалан, тақвимҳои порсии миёна ва суғдӣ) аз ҳамдигар фарқ мекунанд ва ба прототипи худ ҳеҷ як қаробате надоштанд.

Шояд тасаввурот дар бораи 365 рӯзи сол дар қатори 360 рӯз дар байни халқҳои эронӣ дар қадим вучуд дошта бошад. Инро аз ҷумла дар ними моҳҳои тақвими қадими эронӣ, ки дар солҳои 492 ва 458 то милод тартиб дода шудааст, دیدан мумкин аст.

Дар ибтидо ин тақвим характери офтобӣ - кишоварзӣ дошт, дертар дар давраи Ҳахоманишиён номи моҳҳои порсии қадим бо номи моҳҳои тақвими моҳи офтобии бобулӣ як карда мешавад. Номҳои моҳҳои порсии қадим бори нахуст дар навиштаҳои шоҳ Дорой I (519-518 то милод) ба қайд гирифта шудааст.

Қадимтарин маълумот дар бораи тақвими форсӣ, ки бо соли офтобӣ вобаста аст, дар ахбори Квинта Курсия дида мешавад. Мувофиқи далелҳои Квинта Курсия дар маросими идие, ки соли 333 то милод барпо шуда буд, аз назди шоҳ Дорой III сафи қоҳинон ва 365 нафар ҷавон (аз ҳисоби 365 рӯзи сол) мегузаштанд, зеро «форсҳо солро аз 365 рӯз иборат медонистанд» [1, 235].

Лозим ба тазаккур аст, ки яке аз шоҳҳои нав илми астрономия - Археoaстрономия гувоҳӣ медиҳад, ки тамаддунҳои қадима ба мушоҳидаҳои нучумӣ эътибори зиёд медоданд. Тахмин меравад, ки ин ҷиҳати ғаболнокии иҷтимоӣ дар тӯли 7000 сол хусусияти (характери) глобалӣ пайдо карда буд.

Аз афти кор дар дунёи қадим вазифаҳои тақвим аз тақвими даврони мо фарқ мекард. Дар давраи мо тақвим дар асоси ҳаракатҳои ҷисмҳои дидашавандаи осмонӣ давраҳои дуру дарози вақтро ба ҳисоб мегирад.

Ҳамон тақвим мукамал доништа мешавад, ки агар дар вай адади бутуни шабонарӯзӣ бо дарозии ба ном соли тропикӣ (вақти байни гузаштани Офтоб аз нуқтаи баробарии шабу рӯзи баҳорӣ) мувофиқ ояд. Дар қадим ба баъзе

ходисаҳои даврагии табиат низ аҳамият дода мешавад. Агар мо ба тақвимҳои қадим назар афканем, мебинем, ки онҳо ниҳоят мураккабанд.

Дар ҳамаи марказҳои тамаддуни қадим: Месопатамия, Миср, Юнон, Ҳиндустон, Хитой, Мезоамерика - тақвимҳои қадимӣ ё қамарӣ ва ё қамарӣ – шамсӣ буданд.

Дар тақвими қамарӣ-офтобӣ ҳаракати Моҳро бо ҳаракати солони Офтоб (365,24 шабонарӯз) мутобиқ намудан зарур буд. Барои чунин мутобиқсозӣ силсилаи тақвимиеро дарёфт кардан зарур буд, ки дар онҳо адади бутун ба адади бутуни моҳҳои қамарӣ аниқ баробар оянд.

Яке аз чунин ёдгориҳои ҷолиб, ки ба мероси бостонии нучумии халқи тоҷик тааллуқ дорад, ин маҷмуаи дар водии дарёи Шароли ноҳияи Мурғоби Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшони Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад. Ин макон соли 1961 аз тарафи А. Д. Бобоев ва тақроран дар соли 1989 аз тарафи М. А. Бубнова таҳқиқ карда шудааст [8, 94].

Бозёфт дар маҷмуъ аз 14 фигураҳои дурангаи паҳно иборат буда, дар соҳили чапи дарё аз сангчаҳои сиёҳу сафед чида шудаанд. Онҳо аз чоркунҷаҳои тарафҳояшон ба дарун қатшуда иборат буда, аз 6-7 то 13 м. дарозӣ доранд.

Тахмин меравад, ки маҷмуаи мазкур дар асри V то милод эҷод шудааст. Яке аз муҳимтарин проблема, ки ҳангоми таҳқиқи ин бозёфти қадима ҳал кардан лозим буд, ин муайян намудани вазифаи фигураҳо буд. Маълум, ки дар қадим донишмандони оғози ин ё он мавсим аҳамияти калон дошт.

Барои муқаррар намудани он ки комплекс дар ҳақиқат тақвими қадимаи офтобии Помирӣ аст ё не муайян намудани лаҳзаҳои инқилоби тобистона (21-22 июн) ва инқилоби зимистонии Офтоб (21-22 декабр), баробарии шабонарӯзи баҳорӣ ва тирамоҳӣ бо самтҳои хатҳои тириҳои фигураҳо ба нуқтаи тулӯъ ва ғуруби Офтоб дар рӯзҳои нишондодашуда зарур буд.

Мушоҳидаҳо ва ҳисобҳо нишон доданд, ки 3 фигура аз 14 фигураи маҷмуа системаи тақвими офтобиро аниқ инъикос менамоянд. Масалан, азимути тириҳои фигураи 2 бо азимути нуқтаи тулӯи Офтоб дар рӯзҳои баробарии шабонарӯзии баҳорию тирамоҳӣ (97°) мувофиқат мекунад. Ҳамин тарик, ин фигураҳоро тақвими азимутии офтобӣ номидан мумкин аст [8,103].

Бояд қайд кард, ки дар тафаккури асотирии қадимиён Офтоб ва Моҳтоб мавқеи муҳимро ишғол мекарданд. Дар ин бора маъбади Офтоб бо шуоъҳои парешон дар Саразм (ҳазораи IV-V то милод), тарҳи маъбадҳои гирд (шимоли Афғонистон) ва мақбараҳои гирди (Тагискен) дар поёноби Сирдарё бо тасвири рамзи Офтоб возеҳу равшан шаҳодат медиҳад.

Маъбади Офтоб дар пойтахти Фарғонаи қадим низ вучуд дошт, ки он дар асри IX хароб карда мешавад. Мувофиқи маълумоти Наршаҳӣ дар асри VII милодӣ дар Бухоро низ қасре сохта шуда буд, ки сутунҳояш барои он ки хароб карда нашавад, миқдоран ба теъдоди ситораҳои «Ҳафтдодарон» баробар буд.

Элементҳои донишҳои нучумӣ дар қиссаҳои асотирии халқи тоҷик низ дида мешаванд. Масалан, дар қиссаи асотирии «Ҳафтдодарон» дар бораи ҷасорати бузурги ҳафт писарони ҷӯпоне нақл карда мешавад, ки дар кӯҳҳои баланд умр

ба сар мебурданд ва хангоми гирифтани Офтоб ҳафт духтарони вақти сайру гашт аз тарафи Дев дуздидашудаи шоҳро аз асорати Дев озод намуда, ин ҳафт хоҳаронро ба дарбор баргардонида, худ баъди ҳафт шабонарӯзи муборизаҳои шадид бо Дев хаста шуда дар боғи дарборӣ ба хоб мераванд.

Баъди чанде ҷӯпонбачаҳо зери садои мусикӣ, хурсандӣ, ки ба шарафи тӯи онҳо бо духтарони шоҳ ораста шуда буд, бедор мешаванд. Ҳамин тариқ, дар эҷодиёти халқи тоҷик мавқеи ҷойгиршавии ҳафт ситораи дурахшони бурчи Хирси Калон (Кафлес, Кофш, ҳафт писарони ҷӯпон) ва ҳафт ситораи дурахшони бурчи Хирси Майда (ҳафтхоҳарон, духтарони шоҳ) ва галаситораҳои «Аждаҳо» инъикоси худро ёфтаанд [7].

Халқи тоҷик инчунин дар бораи тарокуми ситораҳои Плеяда (Парвин) - таҷассуми мурғ ва ҷӯчаҳои он, Роҳи Коҳкашон низ қиссаҳои ҷолиб эҷод кардааст. Масалан, дар қиссаи асотирии «Роҳи Коҳкашон» дар бораи аҷдодони Одам нақл карда мешавад.

Мувофиқи ин қисса аҷдоди одам дар ароба гандум ва биринҷ кашонида, коҳ ва донаҳои гандуму биринҷи дар роҳ афтонида ин роҳро гӯё бунёд карда бошад. Бо ҳамин восита ӯ ба пайдо шудани қиссаи Роҳи Коҳкашон асос гузоштааст.

Халқ дар бораи сайёраи Зухро (Венера) ва ситораи Сириус (Шабоҳанг, Корвонкуш) низ андешаҳои худро баён кардааст. Масалан, сайёраи Зухро (Венера) ҳамчун ситораи сахарӣ шинохта шудааст. Ин бесабаб нест, зеро ин сайёра дар қисми ҷанубу шарқии осмон пеш аз тулӯи офтоб пайдо мешавад.

Дар осмон пайдо шудани ситораи Сириусро (Шабоҳанг) халқ бо оғози мавсими тирамоҳ-зимистон ва саршавии хунукӣ вобаста кардааст. Маҳз аз ҳамин сабаб онро ситораи хунукак меноманд. Бинобар ин халқ кӯшиш мекард, ки то пайдо шудани ин ситора тамоми корҳои тирамоҳӣ, ҷамъовариҳои ҳосилро ба охир расонда, ба зимистон омодагӣ бинад [7].

Илми нучум дар Суғд низ инкишоф меёфт. Дар ин бора ҳуҷҷатҳои кӯҳи Муғ (Панҷакенти қадим, асри VIII милодӣ) шаҳодат медиҳанд. Дар ин ҳуҷҷатҳо мазмуни тақвими нучумӣ баён ёфтаанд. Инро Берунӣ низ тасдиқ кардааст.

Мувофиқи маълумоти Ал-Берунӣ тақвими суғдӣ қисман тақвими табиӣ ва номгӯи рӯзхоро, ки дар «Авасто» оварда шуда буданд, инъикос менамояд. Таҳлили сарчашмаҳои Суғдӣ, ки дар шарқии Тур-кистон ба даст омадаанд, нишон медиҳад, ки дар Суғди қадим Офтоб, Моҳтоб ва панҷ сайёраи дар қадим маълум, парастада мешудаанд.

Ҳамаи ин гувоҳи он аст, ки дар гузаштаи дур Офтоб, Моҳтоб ва дигар сайёраҳои маълум барои халқҳои Осиёи Миёна мазмуни муайяни рамзӣ доштанд. Таҷассуми Офтоб ҳамчун объекти парастии дар маҳсули меҳнати сӯзани бонувони тоҷик низ дида мешавад.

Бояд зикр намуд, ки мероси нучумии халқи тоҷику форс дар давраҳои то ислом на фақат аҳаммияти назариявӣ (албатта дар сатҳи донишҳои давр), балки дар гузаронидани мушоҳидаҳои нучумӣ аҳаммияти амалӣ низ пайдо мекунад.

Маълум мешавад, ки халқ дар он тасаввуроти худро дар бораи Замин, Осмон, Олам, мавқеи ҷойгиршавии ҷисмҳои осмонӣ ва сабабҳои ҳаракати онҳо, инчунин таъсири онҳо ба неқӯаҳволии одам баён сохта аст.

Ин ҳама гувоҳи он аст, ки халқҳои тоҷику форс ҳанӯз дар гузаштаи дур на фақат бо масъалаҳои рӯзмарраи зиндагӣ, балки бо проблемаҳои фундаменталии офарида шудани Олам низ машғул буданд.

Ҳамин тарик, хеле возеху равшан дидан мумкин аст, ки осори қадимаи мардуми тоҷику форс аз донишҳои астрономӣ ва кашфиётҳои илмӣ бо мушоҳидаҳои асосноккардашуда басо ҳам бой буда, далели ин гуфтаҳо пеш аз ҳама саҳми бузурги ниёгонамон дар инкишофи илму тамаддуни ҷаҳонӣ мебошад.

АДАБИЁТ

1. Абдуллозода, Х. Ф. Абу Маҳмуди Хучандӣ ва таърихи астрономияи халқи тоҷик / Х. Ф. Абдуллозода. – Хучанд, 2005. – 440 с.
2. Абдуллозода, Х. Ф., Абдуллозода, М. Физика дар осори олимони Осиёи Марказӣ ва Шарқи Наздик (асрҳои IX–XVI) / Х. Ф. Абдуллозода, М. Абдуллозода. – Хучанд, 2009. – 460 с.
3. Беруни, Абу Райҳон. Китоб-ут-тафҳим / Абу Райҳон Беруни. – Душанбе, 1973. – 285 с.
4. Беруни, Абу Райҳон. Осор-ул-боқия / Абу Райҳон Беруни. – Душанбе, 1990. – 432 с.
5. Бабаджанов, П. Б. Астрономия в эпоху Саманидов / П. Б. Бабаджанов // 1100-летие образования Государства Саманидов. – СПб, 1999. – С. 93–101.
6. Бобоев, Х. Дунёи нучум ва фарҳанги кайҳоншиносӣ / Х. Бобоев. – Душанбе, 2010. – 189 с.
7. Бобоев, Х. Из истории астрономической мысли таджикского народа / Х. Бобоев. – Рига, LV: Lambert Academic Publishing, 2018. – 138 с.
8. Бубнова, М. А., Коновалова, Н. А. Древний солнечный памирский календарь: истоки и традиции / М. А. Бубнова, Н. А. Коновалова // Проблемы древней и средневековой истории и культуры ЦА. – Душанбе, 2001. – С. 94–114.
9. Маковельский, А. О. Авеста / А. О. Маковельский. – Баку: Изд. АН Азербайджанской ССР, 1960. – 144 с.
10. Мамедов, А. А. Религиозно-философские идеи Авесты / А. А. Мамедов. – URL: http://www.avesta.org.ru/books/mamedov/mamedov_2_4.htm (дата обращения: 15.10.2024).
11. Матвиевская, Г. П., Розенфельд, Б. А. Математики и астрономы мусульманского средневековья, и их труды (VIII–XVII вв.) / Г. П. Матвиевская, Б. А. Розенфельд. – М., 1983. – 650 с.
12. Рожанская, М. М. Механика на средневековом Востоке / М. М. Рожанская. – Москва: Наука, 1976. – 324 с.

ДАР БОРАИ САРЧАШМАҲОИ ПАЙДОИШИ ДОНИШҲОИ АСТРОНОМИИ ХАЛҚИ ТОҶИК

Дар мақолаи мазкур аз нуқтаи назари илми таърих сарчашмаҳои пайдоиши донишҳои астрономии халқи тоҷик ва нақши онҳо дар ташаккули фарҳанги башарӣ муайян шудааст.

Маълумоте, ки муаллифи мақола аз мероси бостонӣ ва мардумшиносии қадими халқи тоҷик истифода кардааст, бо далелҳои илмӣ тасдиқ шудааст ва ҳамзамон он имкон медиҳад, ки дар бораи воқеияти дидгоҳҳои астрономӣ дар ташаккули фарҳангу тамаддуни башарӣ хулоса барорем.

Муаллифи мақолаи мазкур инчунин аз мероси бою пурғановати фарҳангии халқи тоҷик ва ҳамзамон аз ҷиҳати мазмуни астрономӣ далелу мисолҳои мушаххаси илмӣ низ оварда, зимнан бо далелҳои мушаххас зикр кардааст, ки нахустин кӯшишҳои инсонӣ қадима дар дарки муҳити атроф бо нигоҳи нахустини ӯ ба сӯи Осмон, Офтоб ва Моҳ асос ёфтааст. Ба пиндори муаллифи матлаб зебоии осмони ситоразор, зарурати дарки моҳияти он ва вобастагии ҳаёти инсон аз ҳодисаҳои осмонӣ омили асосии пайдоиши илми нучум (астрономия) гардида будааст.

Калидвожаҳо: астрономия, илм, дониш, ситораҳо, сайёраҳо, кайҳон, Авесто, тамаддун, фарҳанг, осмон.

О ДРЕВНИХ ИСТОКАХ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

В статье с точки зрения исторической науки определяются истоки астрономических знаний таджикского народа и их роль в формировании культуры человечества.

Сведения использованные из археологического и этно наследия древности автором статьи закреплены научными подтверждениями, что позволяет говорить о действительности астрономических взглядов в формировании человеческой культуры и цивилизации.

Автор данной статьи также приводит конкретные научные доказательства и примеры из богатого культурного наследия таджикского народа, а также астрономического содержания, и в то же время упоминает с конкретными доказательствами, что первые попытки древнего человека познать окружающую среду начались с его первым взглядом на Небо, Солнце и Луну основано. По мнению автора статьи, красота звездного неба, необходимость познания его сущности и зависимость жизни человека от небесных событий стали основными факторами возникновения науки астрономии.

Ключевые слова: астрономия, наука, знания, звезды, планеты, Вселенная, Авеста, цивилизация, культура, небо.

ABOUT THE ANCIENT SOURCES OF ASTRONOMICAL KNOWLEDGE OF THE TAJIK PEOPLE

In article from the point of the science there are defined the contribution and role of the astronomic studies in forming the culture and knowledge of humanity.

The information used from archeological and ethnographical heritages to antiquities are bolted by scientific acknowledgements that allows to speak of reality astronomical ideas in forming the human culture and civilizations.

The author of this article also provides specific scientific evidence and examples from the rich cultural heritage of the Tajik people, as well as astronomical content,

and at the same time mentions with specific evidence that the first attempts of ancient man to know the environment began with his first look at the Sky, the Sun and the Moon are based. According to the author of the article, the beauty of the starry sky, the need to know its essence and the dependence of human life on celestial events became the main factors in the emergence of the science of astronomy.

Key words: *astronomy, imagination, mind, science, stars, planet, world, Avesta, civilization, culture, sky.*

Сведения об авторе: Бобоев Хайёл – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ. Тел.: (+992) 918-67-29-43, E-mail: khbobo@mail.ru

Information about the author: Boboev Khayyol –Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel: (+992) 918-67-29-43, E-mail: khbobo@mail.ru

УДК 616.9:578.26:92(575.3)

САҲМИ АКАДЕМИК Е. Н. ПАВЛОВСКИЙ ДАР ТАШАККУЛ ВА РУШДИ ИЛМИ ПАРАЗИТОЛОГИЯИ ТОЧИКИСТОН¹

АЗИЗУЛЛОЗОДА М. Н.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониш

Илми Шуравӣ саршор аз чехраҳои барҷаста ва мондагор аст, ки рӯзгор ва фаъолияти илмии онҳо дорои арзиши баланди таърихӣ буда, мояи ифтихори шогирдону пайравон маҳсуб меёбад.

Яке аз чунин олимони шинохта – асосгузори паразитологияи Шуравӣ, табиби ҳозик, академики Академияи илмҳои Иттиҳоди Ҷамоҳири Шуравии Сотсиалистӣ ва аъзои Академияи илмҳои тибби ИҶШС Евгений Никонорович Павловский мебошад, ки ҳаёт ва фаъолияти худро дар ибтидои даврони Шуравӣ бо Осиеи Миёна, аз ҷумла бо Тоҷикистони Шуравӣ пайваста, дар рушди илмҳои биологӣ ва раванди мубориза бар зидди бемориҳои сироятӣ дар ин кишвар саҳми бориз гузоштааст.

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи “Таърихи халқи тоҷик. Таърихи илм ва техникаи тоҷикон аз давран қадим то имрӯз”, рақами қайди давлатии 0121 ТҶ 1273 навишта шудааст.

Сарчашмаҳои хаттии таърихӣ гувоҳи онанд, ки дар Осиёи Миёна дар аҳди қадим ва асрҳои миёна борҳо бемориҳои сироятӣ паҳн гардида, боиси талафоти теъдоди зиёди аҳоли гардида буданд. Мутаассифона, то барқароршавии Ҳокимияти Шуравӣ аҳолии маҳаллӣ дар муолиҷаи бонизомии бемориҳои сироятӣ очиз буданд. Танҳо бо шарофати Инқилоби октябр (1917) ва Инқилоби халқии Бухоро (1920) барои роҳандозии экспедитсияҳои илмӣ ҷиҳати омӯзишу муолиҷаи бонизому муттасили бемориҳои сироятӣ имконият пайдо шуд.

Яке аз аввалин экспедитсияҳои илмӣ дар соли 1928 таҳти роҳбарии академик Е. Н. Павловский аз ҷониби АИ ИҶШС роҳандозӣ гардида, ҳадафи асосиаш омӯзиш ва мубориза бар зидди касалиҳои сироятиро пайгирӣ мекард. Ин экспедитсия дар таърихи омӯзиши бемориҳои сироятӣ тақони ҷиддӣ бахшида, дар натиҷаи он таҳқиқоти зиёди илмӣ ҷиҳати омӯзишу муолиҷаи бемориҳои мухталифи сироятӣ ба анҷом расиданд, ки бешубҳа оғози илми тибби Тоҷикистони Шуравӣ буда, то ҳол мавриди истифодаи васеи олимону муҳаққиқони соҳа қарор гирифтаанд [6, 8-10].

Соли 1928 Ҳукумати Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон ба Ҳукумати Иттиҳоди Шуравӣ муроҷиат карда, хоҳиш намуд, ки дар масоили пешгирӣ ва табobati беморону дармондагони бемориҳои сироятӣ ҳамаҷиҳата кӯмак расонад. Сабаби даъвати ин гурӯҳ аз шаҳри Москва вусъат ёфтани бемориҳои чечак, сил, варача, домана ва дигар касалиҳои сирояткунанда дар ноҳияҳои дурдасти ҷумҳурӣ ба ҳисоб мерафт.

Академик Евгений Никонорович Павловский ба экспедитсияи паразитологии Тоҷикистон, ки соли 1928 ташкил шуда буд, роҳбарӣ мекард. Ӯ ҳангоми ба кишвари мо ҳамчун роҳбари экспедитсияи бузурги таърихӣ, ки ба ҳазорҳо нафар беморон умри дубора бахшид, ташриф овард, ҳамагӣ 44 сол дошт.

Самтҳои асосии таҳқиқот омӯзиши олами набототи биёбони Қайроқум, таҳқиқи хомӯшакҳо, кӯрпашша, кана ва дигар паҳнкунандагони бемориҳои сироятӣ дар Тоҷикистон маҳсуб меёфт.

Ба ақидаи олими тоҷик Ғафур Шерматов «Вай дар гармии тоқатфарсоии кишвари офтобии мо, бо роҳҳои санглоху касногузар, савора дар асп ба тамоми ҷумҳурӣ сафар карда, беморонро бо ҳамсафаронаш муолиҷа менамуд ва амалиёти ҷарроҳии одиро мегузaronид [13, 3-4].

Ӯ дар рафти экспедитсия, яъне эъзомияҳои ташкил намудаи худ зиндагии мардуми кӯхистони дурдасти Тоҷикистонро таҳқиқ намуда, ба хулоса меояд, ки камбизоатӣ, кулбаҳои аз санг сохташуда, мавҷуд набудани шароити одии зиндагӣ боиси он гардидааст, ки аз аҳолии калонсол, кам қасоне ҳастанд, ки ниҳоят бо мурури замон ба синни пиронсолӣ мерасанд» [1,62].

Соқинони маҳаллӣ пизишкони русро хуш истиқбол карданд, аммо аз кӯмак ба онҳо сарпечӣ мекарданд. Чунки баъзе аз босмачиҳое, ки аз тарси Армияи Сурх дар ғору кӯҳҳои водиҳои ноҳияҳои кӯҳӣ панаҳ оварда буданд, ба ӯ якҷанд маротиба таҳдид намуда, ҳамзамон ӯро ба бединӣ муттаҳам карда буданд. Вале ӯ аз ин тоифа наҳаросида, бо онҳо ботамкин ва оромона сухан мегуфт.

Мардум ҳарчанд аз беморӣ ранҷ мекашиданд, вале аз интиқоми босмачиён, ки ҳар гуна робита бо «кофирон»-ро манъ карда буданд, тарсида, аз мурочиат ба пизишкони рус худдорӣ мекарданд. Ҳамчунин бо тарҷумонҳо мушкилот вучуд дошт, ягона тарҷумон ҳар сари чанд вақт мекӯшид экспедитсияро тарк кунад [4, 60].

Фаёлияти кори илмию таҳқиқоти академик Е. Н. Павловский дар Ҷумҳурии Тоҷикистон аз омӯзиши бемориҳои сироятии муҳимми фавкулода дар бадани одамон ва ҳайвонот оғоз ёфт.

Бояд гуфт, ки давраҳои фаёлияти корияш солҳои 20-ум ва 30-юми асри ХХ ҳамчун давраи захира кардани бузуртгарин маводи бемориҳои сироятӣ ва паҳнкундаи онҳо ба ҳисоб мерафт [13, 8-9].

Нахустин таҳқиқоти Павловский аз дараи Ромит оғоз гардида буд, ки дар ин минтақа бемории «элефантиаз» (варам кардани ягон узви бадан) ба қайд гирифта шуда буд. Дар дараи Ромит ду нафар беморон бо аломатҳои варами пойҳо (слоновой болезнь) муоина ва ба қайд гирифта шуда буданд [2, 6].

Евгений Никанорович Павловский нахустин маротиба бемории филро (Elephantiasis arabum)-ро, ки ба Африқои экваторӣ хос буда, хомӯшакҳо барангезандаи ин беморӣ маҳсуб меёбанд, тавсиф кард [9, 3-4].

Объекти асосии таҳқиқоти экспедитсияи Е. Н. Павловский таҳқиқи табларзаи канагии бозгашта ва интиқолдиҳандаҳои он (клещевой возвратный тиф и его переносчики) ба ҳисоб мерафт, ки то давраи инқилоби тиб, дар бораи ин беморӣ қариб ягон маълумоти илмӣ набуд. Дар натиҷаи ин экспедитсия макони зисти интиқолдиҳандаи асосии бемориҳои сироятӣ, канаи орнитодорусӣ (*Omithodoros papillipes*) пайдо карда шуд.

Аъзои экспедитсия на танҳо макони зисти канаи барангезандаи табларзаро пайдо карданд, балки дигар бемориҳои гузаранда - лейшманиоз, табларзаи мағас, вабо, лестеспириоз ва дигар бемориҳоро низ ошкор намуданд. Зимни таҳқиқоти эшон инчунин бемориҳои гузарандаи табиие, ки ангезандаи беморӣ бе иштироқи интиқолдиҳанда ба организм сироят мекунад (гелминтоз, токсоплазмоз ва ҳоказои дигар), низ пайдо гардиданд [10, 10-16].

Бояд тазаккур дод, ки аз Ҳама ташвишовар авҷ гирифтани бемории домана дар байни кӯдакон буд. Бар асари ин беморӣ аксарияти кӯдакон мефавтиданд ё ин ки нобино мешуданд. Минтақаи хавфноктарин ҷиҳати авҷ гирифтани бемории домана ноҳияи Ҳисор ба ҳисоб мерафт, зеро ин минтақаро ботлоқзорҳо, тепшаҳои анбух, камишзорҳои намноки зиёд ва шолиторҳо ихота карда буданд.

Барои омӯзиши бемории домана дар водии Ҳисор, пеш аз Ҳама академик Е. Н. Павловский тамоми минтақаро давр зада, бо вазъи санитарии ҷойи зисти аҳоли шахсан худаш аз наздик шинос шуд.

Ҳамсафараш низ як зани боқуввати тоҷики тақрибан 55-сола буд, ки ўро ҳамчун роҳбалад ва тарҷумон ҳамроҳӣ мекард, зеро занону кӯдакони бемор ба воҳима афтода, дар хаймаҳо пинҳон шуда буданд.

Зани роҳбалад ба хаймаҳо ворид гардида, занон ва кӯдакони пинҳоншударо, маҷбуран аз дохили хаймаҳо берун мебаровард ва ба нуктаи тиббӣ кашола

карда меовард, ки ин барои пешрафти кори аъзои экспедитсия кӯмаки калон мерасонд [11, 37-38].

Минтақаҳои дигари таҳқиқотӣ ноҳияҳои Ғарм (ҳоло минтақаи Рашт) ва Мастҷоҳи кӯҳӣ ба ҳисоб мерафтанд. Аъзои экспедитсия ҳангоми ворид шудан ба ин минтақаҳо хонаҳои холиро пайдо карданд, ки сокинони онҳо аз бемориҳои сироятӣ ба ҳалокат расида буданд. Қариб ҳамаи аҳолии ин ноҳияҳо аз бемории чоғар (зоб) ранҷ мекашиданд. Тибқи шаҳодати аъзои экспедитсия ва маълумоти манбаъҳои мардумшиносӣ чоғари онҳо ҳамчун харбуза калон мешуд. Е. Н. Павловский ва аъзои экспедитсия ин гуна беморонро низ муолиҷа мекарданд [5, 10-11].

Натиҷаҳои ин экспедитсия дар китоби Е. Н. Павловский таҳти унвони «Животные паразиты и некоторые паразитарные болезни человека в Таджикистане» («Паразитҳои ҳайвонот ва баъзе бемориҳои паразитии одам дар Тоҷикистон»), ки соли 1929 ба таъб расида буд, инъикос гардиданд. Ин асар аввалин интишороте буд, ки ба масъалаҳои паразитология бахшида шуда, асоси таҳқиқоти минбаъдаи илми паразитологии Ҷумҳурии Тоҷикистонро ташкил медиҳад.

Соли 1929 бо ташаббуси Е. Н. Павловский дар пойтахти Тоҷикистон - шаҳри Душанбе Пойгоҳи ҷумҳуриявии касалиҳои варача ва сироятӣ ва соли 1931 Институти тропикӣ ташкил карда шуданд [3,99].

Солҳои 30-юм нахустин маротиба мушкilotи табобати бемориҳои сироятии хун (пироплазмидоз) дар Тоҷикистон ба миён омад, ки сабаби паҳн шудани ин гуна бемориҳо ба ҷумҳури овардани шумораи зиёди ҳайвоноти зотӣ маҳсуб меёфт.

Омӯзиши бемориҳои сироятӣ дар Тоҷикистон дар соли 1932 низ аз ҷониби академики маъруф Е. Н. Павловский идома ёфт. Барои гузаронидани таҳқиқоти илмӣ мавсуф ноҳияҳои ҷанубии Тоҷикистон, аз ҷумла ноҳияҳои Панҷи Поён, Фархор ва Қӯрғонтеппаро интихоб намуд.

Дар солҳои 30-юми асри XX, инчунин таҳти роҳбарии академик Е. Н. Павловский экспедитсияи маҷмӯӣ ба водии Вахш ва Панҷи Поён ташкил карда шуд, ки ҳадафи мушоҳидаҳои экологии ҳайвоноти ширхӯрро пайгирӣ мекард. Дар заминаи натиҷаҳои ба даст омадаи ин экспедитсия мақолаи «Звери Таджикистана, их жизнь и значение для человека» («Ҳайвоноти Тоҷикистон, ҳаёт ва аҳаммияти онҳо барои инсон») соли 1935 ба таъб расид. Дар ин мақола нахустин маротиба тамоми маълумоти мавҷуда дар бораи 58 намуди ҳайвоноти ширхӯр, аз ҷумла 23 намуди хояндаҳо ҷамъбаст гардида, муаллифон самтҳои таҳқиқоти минбаъдаи олами ҳайвоноти Тоҷикистонро муайян намуданд [7, 15].

Соли 1934 Е. Н. Павловский идеяи организм ҳамчун макони зистро ба миён гузошт, ки бори нахуст мафҳуми «паразитоценоза» - системаи организмҳо - паразит ва макони зисти онҳо пайдо шуд.

Соли 1944 Е. Н. Павловский дар яқҷоягӣ бо доктор Н. Кутчак мақолаи хеле ҷолиб «О случае миаза гениталий женщины в Сталинабаде» («Дар бораи ходисаи бемории миазии узвҳои таносули занон дар Сталинобод») -ро ба таъб

расонида, чи тавр ба гирифторони ин гуна беморӣ кӯмаки тиббӣ расониданро баён намуда буданд.

Соли 1945 Е. Н. Павловский ҳамроҳи ҳамкасбонаш биотопҳои канаҳои орнитодориро дар маҳаллаҳои истиқомати шаҳру минтақаи Кӯлоб омӯхта, як қатор санадҳои ҷолиб чамъ оварданд. Мавсуф ханӯз дар соли 1940 ба нақша гирифта буд, ки ин гуна таҳқиқотро анҷом диҳад. Дар натиҷаи ин таҳқиқот соли 1951 мақолаи ӯ таҳти унвони «О переносчиках клещевого возвратного тифа в Кулябе» («Дар бораи сирояткунандагони табларзаи канагии такроршаванда дар Кӯлоб») аз ҷоп баромад [13, 58-59].

Дар давраи солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ Е. Н. Павловский технологияи илми паразитологияи ҷумҳуриро бо вазифаҳои мудофияи бевосита ё бавосита алоқаманд кард. Соли 1941 ба таҳқиқи плевропневмонияи сироятии буз, ки барои Ҷумҳурии Тоҷикистон ин бемории нав буд, шуруъ намуд, ки натиҷаи он дар мақолаи «Работы по инфекционной плевропневмонии коз в Таджикистане» инъикос гардидааст [3, 6-7].

Экспедицияҳо, ки аз тарафи Е. Н. Павловский ва ҳамроҳони ӯ ба анҷом расиданд, дар омӯзиши кана ва дигар ҳашароти барангезандаи табларзаи бемориҳои одам ва ҳайвонот тақдир ба вучуд оварданд. Дар асоси дастовардҳои таҳқиқоти худ Е. Н. Павловский соли 1932 Пойгоҳи паразитологиро дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон ташкил кард, ки он соли 1933 ба сохтори базаи тоҷикистони Академияи фанҳои ИҶШС дохил шуда, баъдтар ба шуъбаи паразитологияи Институти зоология ва паразитологияи Филиали тоҷикистони АИ ИҶШС (1941), баъдан Академияи илмҳои ҶШС Тоҷикистон (1951) тағйир ном кард [7, 11-12].

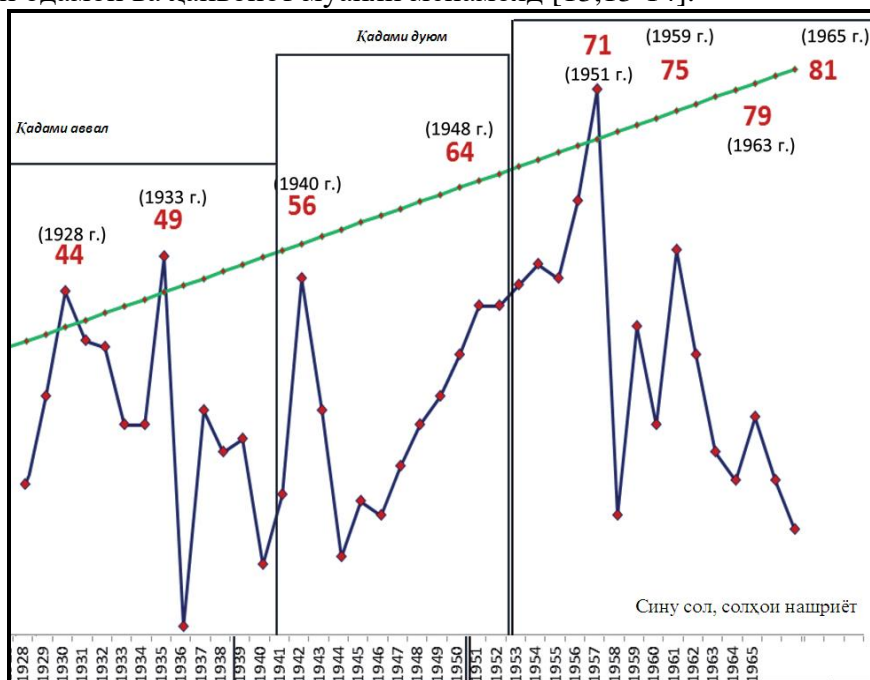
Олими шинохта дар таҳқиқоти худ мавҷудияти бемории доманаи такроршавандаро дар шаҳри Хоруғ низ исбот кардааст. Академик Е. Н. Павловский ба ходими илм Г. Л. Змеев дастур медиҳад, ки дар маҳаллаҳои аҳолинишин ва оғилхонаҳои ҳайвонот макони интиқолдиҳандагони табларзаро ҷустуҷӯ намояд. Дар натиҷа, дар ҷойҳои аҳолинишин мавҷудияти маконҳои зиёди интиқолдиҳандагони табларза муқаррар карда шуданд. Вале, мутаассифона макони интиқолдиҳандагони табларза дар ҷануби Тоҷикистон, алаҳусус дар ноҳияи Фарҳор ва мавзеи Саройи Камар пайдо нагардиданд [7, 10-11].

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон академик Е. Н. Павловский кӯшиш кард, ки дар ноҳияҳо ва деҳаҳои дурдасти кӯҳистон нуқтаҳои хизматрасонии ёрии аввалини момодоягиро ифтитоҳ бахшад. Дар ҷумҳурӣ бо роҳбарии бевоситаи академик Е. Н. Павловский дар соҳаҳои мухталифи зоология-паразитология, тиб ва биология даҳҳо мутахассисони баландихтисос омода карда шуданд.

Бо роҳбарии олим табибони маҳаллӣ воситаҳои самарабахши муолиҷаи захмхоро бо истифода аз мӯмиё, ки дар муолиҷаи шикастагиҳо, пораҳо ва захмҳои кушодаи табобаташон ниҳоят душвор васеъ истифода мешавад, ба роҳ монданд.

Илова бар ин, маҳз дар ҳамин давра бо ҳидояти Е. Н. Павловский ва бо шарофати бозёфтҳои илмии олимони тибби тоҷик дар раванди муолиҷаи бемориҳои сироятӣ истифодаи антисептики нодир – рағани арча васеъ ба роҳ монда шуд.

Омӯзиши ҳамаҷонибаи маконҳои табиӣи бемориҳои одам ва ҳайвонот, робитаҳои биосенотикӣ ва муносибатҳои байни ҷузъҳои ҷамъиятӣ, ки онро Е. Н. Павловский таҳия кардааст, асоси тамоми таҳқиқоти паразитологии Тоҷикистонро ташкил дода, роҳҳои воқеии муборизаро бар зидди бемориҳои сироятӣ одамон ва ҳайвонот муайян менамояд [13,13-14].

Диagramмаи маводи илмию таҳқиқотии ба таъб расидаи академик Е. Н. Павловский (шуруъ аз соли 1928 дар Тоҷикистон то охири умр)

АДАБИЁТ

1. Абдусаломов, И. А. Важнейшие итоги творческой деятельности Академика Евгения Никаноровича Павловского / И. А. Абдусаломов // Ахбори АИ ҚТ. Шуъбаи илмҳои биология ва тиб. – 2005. – № 1–2. – С. 60–72.
2. Быховская, И. Е., Павловский, Е. Н. Развитие паразитологии и Академия наук СССР / И. Е. Быховская, Е. Н. Павловский // Зоологический институт АН СССР. – Ленинград, 1974. – Ч. 3. – С. 154–178.
3. Данильченко, Ш. А. Научно-организационная деятельность Академика Е. Н. Павловского в Таджикистане: дис. ... канд. ист. наук / Ш. А. Данильченко. – Душанбе, 1990. – 189 с.
4. Манилова, Е. А., Шахматов, Г. Н., Саидов, А. С. Академик Евгений Никанорович Павловский – основоположник паразитологии в Таджикистане / Е. А. Манилова, Г. Н. Шахматов, А. С. Саидов // Ахбори АИ ҚТ. Шуъбаи илмҳои биология ва тиб. – 2014. – № 1 (185). – С. 76–87.
5. Манилова, Е. Н., Шахматов, Г. Н., Хабиров, З. З. Е. Н. Павловский – основоположник паразитологии в Таджикистане / Е. Н. Манилова, Г. Н. Шахматов, З. З. Хабиров // Ахбори АИ ҚТ. Шуъбаи илмҳои биология ва тиб. – 2005. – № 1–2. – С. 74–86.
6. Муродов, С. С. Восток помнит добро / С. С. Муродов // Маводи электронӣ. – URL: <https://old.asiaplustj.info/ru> (санаи истифодабарӣ: 26 апрели соли 2024).

7. Наврузов, Г. Формирование научного центра в Таджикистане (1924–1950 гг.) / Г. Наврузов // АИ ҚТ: Институти таърих, бостоншиноӣ ва мардумшиноӣ ба номи А. Дониш. – Душанбе: Дониш, 1992. – С. 147–156.

8. Назарцев, Б. И. Письма Е. Н. Павловского из Среднеазиатской паразитологической экспедиции 1928 года / Б. И. Назарцев // Фотография. Изображение. Документ. – 2014. – № 5. – С. 30–48.

9. Павловский, Е. Н. Учебник паразитологии человека с учением о переносчиках трансмиссивных болезней / Е. Н. Павловский. – Изд. 6-е. – Л.: Медгиз, 1951. – 416 с.

10. Павловский, Е. Н. О природной очаговости инфекционных и паразитарных болезней / Е. Н. Павловский // Вестник АН СССР. – 1939. – № 10. – С. 98–108.

11. Саидов, А. С. История исследования грызунов Таджикистана: дис. ... канд. ист. наук / А. С. Саидов. – Душанбе, 2001. – 169 с.

12. Турсунов, И. Д., Акрамов, А. З. Память о Павловском вечно живет в сердцах народа Таджикистана / И. Д. Турсунов, А. З. Акрамов // Народная газета. – 2021. – 4 марта.

13. Шерматов, Г. «Впервые в истории... Это слово – синоним вклада в Таджикистан великого русского ученого Евгения Павловского» / Г. Шерматов. – URL: <https://old.asiaplustj.info/ru> (5 марта 2023).

САҲМИ АКАДЕМИК Е. Н. ПАВЛОВСКИЙ ДАР ТАШАККУЛ ВА РУШДИ ИЛМИ ПАРАЗИТОЛОГИЯИ ТОЧИКИСТОН

Дар мақола доир ба масоили саҳми олимони шинохта – асосгузори паразитологияи Шуравӣ, табиби ҳозик, академики Академияи илмҳои ИҚШС ва Академияи илмҳои тибби ИҚШС Евгений Никанорович Павловский дар раванди мубориза бар зидди бемориҳои сироятӣ дар Тоҷикистон мавриди таҳқиқ ва таҳлил қарор гирифтааст. Дар он муаллиф, қабл аз ҳама, ба экспедитсияи илмие, ки дар соли 1928 таҳти роҳбарии академик Е. Н. Павловский аз ҷониби АИ ИҚШС роҳандозӣ гардида, ҳадафи омӯзиш ва мубориза бар зидди бемориҳои сироятиро пайгирӣ мекард, таваҷҷуҳи зиёд зоҳир намудааст. Ин экспедитсия дар таърихи омӯзиши бемориҳои сироятӣ такони ҷиддӣ бахшида, дар натиҷаи он таҳқиқоти зиёди илмӣ ҷиҳати омӯзишу муолиҷаи бемориҳои мухталифи сироятӣ ба анҷом расиданд, ки бешубҳа оғози илми тибби Тоҷикистони Шуравӣ буда, то ҳол мавриди истифодаи васеи олимону муҳаққиқони соҳа қарор гирифтаанд.

Экспедитсияҳои илмии академик Е. Н. Павловский, ки дар солҳои 30-40-уми асри ХХ дар минтақаҳои мухталифи Тоҷикистон ба анҷом расида, дар натиҷаи онҳо бемориҳои зиёди сироятӣ омӯхта шуда, роҳу василаҳои муолиҷаи онҳо пайдо гардиданд, ки меҳвари таҳқиқоти муаллифи мақоларо ташкил медиҳанд.

Калидвожаҳо: бемориҳои сироятӣ, паразитология, илми тиб, домана, вабо, табларза, табиби ҳозик, барангезандаи беморӣ, касалии ҷоғар.

ВКЛАД АКАДЕМИКА Е. Н. ПАВЛОВСКОГО В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ НАУКИ ПАРАЗИТОЛОГИИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В статье рассматривается вклад известного ученого - основоположника советской паразитологии, врача, академика АН СССР и Академии медицинских наук СССР Евгения Никаноровича Павловского в процесс борьбы с инфекционными заболеваниями в Таджикистане. В ней автор, прежде всего, проявлял большой интерес к научной экспедиции, проведенной в 1928 году АН СССР под руководством академика Е. Н. Павловского, которой преследовал цель изучения и борьбы с инфекционными болезнями. Эта экспедиция дала серьезный толчок истории инфекционных болезней, в результате чего было завершено множество научных исследований по изучению и лечению различных инфекционных болезней.

Научные экспедиции академика Е.Н. Павловского, проведенные в разных регионах Таджикистана в 30-40-е годы ХХ века, в результате которых были изучены многие инфекционные

заболевания и найдены пути и средства их лечения, составляют основу исследований автора статьи.

Ключевые слова: *инфекционные болезни, паразитология, медицинская наука, тиф, холера, лихорадка, врач, зоб.*

CONTRIBUTION OF ACADEMICIAN E. N. PAVLOVSKY TO THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF SCIENCE PARASITOLOGY IN TAJIKISTAN

The article examines the contribution of the famous scientist - the founder of Soviet parasitology, physician, academician of the USSR Academy of Sciences and the USSR Academy of Medical Sciences Evgeny Nikanorovich Pavlovsky in the process of combating infectious diseases in Tajikistan. In it, the author, first of all, showed great interest in the scientific expedition conducted in 1928 by the USSR Academy of Sciences under the leadership of Academician E. N. Pavlovsky, which pursued the goal of studying and combating infectious diseases. This expedition gave a serious impetus to the history of infectious diseases, as a result of which many scientific studies were completed on the study and treatment of various infectious diseases.

Scientific expeditions of Academician E.N. Pavlovsky, conducted in different regions of Tajikistan in the 30-40s of the twentieth century, as a result of which many infectious diseases were studied and ways and means of their treatment were found, form the basis of the author's research.

Key words: *infectious diseases, parasitology, medical science, typhus, cholera, fever, doctor, goiter.*

Сведения об авторе: **Азизуллозода Майсара Нурулло.** – младший научный сотрудник отдела истории науки Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Телефон: 918150529; E-mail: bonyja_7979@mail.ru.

Information about the author: **Azizullozoda Maysara Nuruлло.** – Junior Researcher, Department of History of Science, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Turkmenistan. Phone: 918150529; E-mail: bonyja_7979@mail.ru.

УДК: 7.035(575.3)"09"

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ САМАНИДОВ КАК РЕСУРС ЭТНОКУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ¹

ДОДХУДОЕВА Л. Н.

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

Ценности прошлого — это важная составляющая духовной и материальной культуры современного социума, практически основа национальной идентификации народа. Сегодня образ наследия в культуре претерпевает кардинальную ментальную трансформацию: из пассивно-защитной оболочки культуры он превращается в активный элемент образа динамичных сообществ [15,1598].

Саманиды (918-1005) - первая империя в Иране и Центральной Азии после краха персидской империи Сасанидов, первые реальные правители Трансоксианы, которых можно рассматривать пионерами ренессанса IX-Xвв. Полностью независимыми от власти Аббасидов им стать не удалось, но уже при Тахиридах началось становление просвещенного абсолютизма, который на новом историческом этапе прославил иранские народы не только как мощную державу, но и как оплот науки и культуры [16].

Исследователи на редкость единодушны в оценке художественного наследия эпохи Саманидов, справедливо считая, что рожденная встречей двух цивилизаций, локальной и привнесенной исламской, она послужила основой художественного развития в последующие эпохи. В этот процесс иранские народы, в том числе и таджикский народ, внесли особый вклад, став одним из ключевых компонентов исламской цивилизации, основных столпов науки и культуры. Особенно важно, что многие памятники IX-X вв. были обнаружены исследователями в Таджикистане, но далеко не все они детально изучены.

Искусство эпохи Саманидов (819-1005гг.), по мысли Р. Хиллебрандта, - уникальное явление мировой культуры, «золотой век экспериментов» [17,60]. В художественном творчестве был воплощен синтез различных чужеземных влияний и одновременно существовал симбиоз доисламских верований, традиций, исламских доктрин, инноваций. Благодаря модернизации художественное творчество было включено в единую картину мира как важная часть цивилизацион-

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа. Этнография таджики и других народов Таджикистана», государственный регистрационный номер 0121 TJ 1199.

ного развития и способа его визуального моделирования в последующие периоды. Это обстоятельство не могло не определить этническое своеобразие культуры иранских народов, в том числе и таджиков [1,58].

Не в пример правителям Восточного Ирана Тахиридам и Сафаридам. Саманиды стали первыми, кто поддерживал поэзию на таджикском языке. В дальнейшем этому примеру последовали представители других династий. Таким образом, арабская поэзия превратилась в сегмент культурного импорта, в то время как таджикская поэзия стала выражением патриотических традиций, благодаря дворцовой поддержке и патронажу. Это было новшество поразительного значения [25,178].

В этот период городская культура получила действенный импульс для развития. Основная роль в процессе исторической эволюции городов была отведена торгово-промышленной функции, поскольку его градообразующими основами выступали всегда ремесленное производство и торговля. Основой для суждения о жизни города, торговля и ремесленная продукция являлись не сами по себе, но как материал для понимания его производственной и коммерческой деятельности, в то время как наука, образование, литература, архитектура, искусство - его духовной и материальной культуре [2, 270]. Именно в городах развивалась элитарная наука, профессиональное искусство.

Используя определение цивилизации современным ученым Ф. Бэгби как «культуры, обретаемой в городах» [9, 92], можно утверждать, что одновременно с широким развитием урбанизма в IХ-Хвв. происходил процесс формирования здесь новой местной цивилизации. Города располагались в основном в земледельческих оазисах, по трассам торговых магистралей и различались как по уровню развития, так и величине. Большие городские центры, как правило, выполняли роль столицы, мелкие - ремесленных торговых и религиозных центром местного значения [7,102].

Среди известных городов шестнадцати регионов империи Саманидов (Бухары, Самарканда, Нишапура, Термеза, Хулбука, Бунджиката и др.) особое место в истории градостроительства эпохи Саманидов занимает город Базар-дара X-XI вв. в Бадахшане (Таджикистан), который возник в период так называемого «серебряного кризиса», когда в Центральной Азии иссякли основные источники серебра и прекратился его экспорт в Европу.

Это послужило стимулом для начала разработок серебряных месторождений на Памире и основанию города рудокопов Базар-дара на высоте 3980 м над уровнем моря, где проживало около 250 семей (1486 жителей). [3].

В эпоху инноваций, связанных с династией Саманидов, зодчеству не была свойственна грандиозность масштабов и пышный декор. С.Г. Хмельницкий верно подметил, что самой близкой аналогией среднеазиатской архитектуры этого времени стал ее современник - поэтический эпос «Шахнаме» Фирдоуси - произведение, «в котором могучие, страстные образы древнего Ирана уже движутся, а рамках орнаментальной эстетики ислама» [10,32]. Действительно, нарастание декоративного начала и порой его превосходство над конструктив-

ным решением со временем становится весьма значительным, не в пример памятникам эпохи Саманидов.

Выдающимся образцом архитектуры этого времени является мавзолей Саманидов, который Р. Хиллебранд назвал «храмом огня в исламском одеянии» [18,98]. Многие исследователи считают, что его планировка основана на принципах зороастрийского чортока, но не является полностью идентичной ему. Орнаментика здания из кирпича с добавлением гипса состоит из местных элементов, которые связаны с царским прошлым Ирана. Мотивы декора мавзолея в виде шарфа, распахнутых крыльев и полумесяца напоминают стилизованный рисунок сасанидской короны с крыльями, который можно найти в рельефе Так-и Бустан. Их помещение над входом в мавзолей - своего рода прокламация династии Саманидов и указание посредством художественных средств своего происхождения от легендарной империи Сасанидов [20,38]. Таким образом, в архитектуре, живописи, ремеслах эпохи Саманидов происходила актуализация древних смыслов национальной этнокультуры не только в мировидении, но и в приемах и методах их визуального представления.

Отсутствие скульптурных, материальных форм в искусстве ислама за исключением отдельных примеров способствовало возвышению архитектурных качеств. Если в древней живописи единство достигалось при помощи сюжета, повествовательной природы, то в исламе приходилось жертвовать точностью передачи материального мира ради достижения большей выразительности, трактовки плоской поверхности. На первый план в росписях и рельефах Хульбука, Афрасиаба, Варахши и в целом Хорасана выдвигается чистое цветочное пятно, каллиграфия, орнаментика, которые становятся важными самостоятельными средствами художественного выражения [1,38;4, 48;28].

В эпоху Саманидов стало не только активно развиваться ремесло, но формироваться вся его культурная терминология на таджикском языке, которая стала основой творческой деятельности и вошла в лексикон других народов Центральной Азии.

Художественное ремесло IX-XII вв., в котором было виртуозно переработано богатое культурное наследие предыдущих эпох и испытаны новые возможности эстетики ислама, явилось важным фактором развития эпохи Саманидов. Каллиграфия и орнамент становятся доминирующими элементами искусства IX-X вв., главными декорирующими, изобразитель-

ными и выразительными элементом во всех видах прикладного искусства: торевтике, резьбе по ганчу и дереву, текстиле, ювелирном деле, керамике, стекле.

Отличие эпиграфического орнамента на глиняной и посуде и серебряных сосудах заключалось в том, что последние имели своего рода мемориальный характер, так как в них были приведены имя и титулы патрона, а также стандартные пожелания ему благополучия. Керамические же изделия за редким исключением не имели персонализированных форм посвящения. Вместе с тем произведения торевтики являлись уникальным, штучным товаром, благодаря не

только высокому качеству продукции, но и своему мемориальному характеру в то время, как керамические изделия могли производиться серийно и иметь массовый характер [22, 318].

Специализированные кварталы гончаров в Самарканде возникли только в IX в. благодаря административным мерам, предпринятым Исмаилом Самани [8,118]. Богатый арсенал керамических изделий Бухары, Самарканда, Зарафшана, Худжанда, Уструшаны, Хорасана (Мерва, Балха, Нишапура), Вахша (Хутгала, Сайёда), Чач-Илака, Ферганы и ряда других можно было бы разделить по своему художественному типу на два основных вида: изделия, покрытые светлой глазурью с эпиграфическим орнаментом, а также многокрасочные глазурованные предметы с орнаментальным декором и фигуративным изображением, тематически связанные с доисламским сюжетным наследием [26;27]. Одновременно сохранялись локальные особенности в декоре неполивной продукции и колористического решения в глазурованной. В целом, для керамики, как и для других видов искусства эпохи Саманидов, подтверждается мысль, высказанная И.А. Орбели о том, что искусство ислама «выросло на сасанидских корнях» [6,14].

Тематика керамических изделий с каллиграфическим дизайном в IX-Xвв. опиралась на определенные моральные дискурсы. Если надписи благопожелания счастья, благосостояния, посвящения ритуалу и этикету трапезы можно встретить на кобальтовых изделиях Аббасидов, то группа керамической эпиграфики, состоящей из афоризмов и высказываний о добродетельном человеке, щедрости, терпении, скромности, стремлении к знаниям встречается исключительно на образцах эпохи Саманидов [22;23;24,61]. Следует так же отметить, что керамические образцы с эпиграфическими орнаментами эпохи Саманидов редко встречались за пределами Восточного и Центрального Ирана, Центральной Азии, что приводит к выводу о том, что рынок для таких образцов был в основном региональным [21,319].

Таким образом, тематика изделий каллиграфического дизайна в IX-Xвв. опиралась на определенные моральные дискурсы. Их содержание заключало в себе и принципы рыцарской культуры и концепции суфизма [5,384;14,23]. Подобного рода посуда отличалась таким высоким уровнем каллиграфического рисунка, что, несомненно, могла соперничать с лучшими образцами каллиграфического письма рукописей Корана того периода [17,68].

В эпоху Саманидов главными центрами производства текстиля были Бухара (селение Зандана), Мерв, Нишапур, Самарканд, Хульбук, Искиджкат, Насаф, Кеш, Бинкате и другие места. Тираз - специфический фарсиязычный символ, указывал по краю ткани дату и место выработки продукции. Фабрики тираза существовали в Бухаре в период Аббасидов, а в Хорезме местный правитель, имевший титул *амир*, вышивал его так же на ткани местных мануфактур. Сохранился один из фрагментов подобной ткани так называемая «плащаница Сен-Джосса (Париж, Лувр)» с изображением слонов, верблюдов и птиц.

Эпиграфическая надпись на арабском языке провозглашает славу и процветание военачальнику Бектегину, который был хорасанским наместником при Саманиде Абдалмалике б Нухе (954-961) [29,319]. Многочисленная коллекция фрагментов тканей X-XI вв., найдена в средневековом городе рудокопов Базардара (Мургабский район Таджикистана) [3].

При Саманидах существовала потребность в самоидентификации таджикского народа, для чего были использованы различные средства духовной культуры, многие идеологические структуры, в том числе и художественные достижения прошлого, отражающие их специфику и автохтонность, отличия региона от других, входящих в умму.

Если представить себе художественное наследие эпохи Саманидов как целостную художественную систему, в состав которой входили такие виды творчества, как искусство слова, архитектура, музыка, орнамент, каллиграфия и т.д., то приходится признать, что все эти виды объединялись общим характером поэтики, тяготеющей не столько к предметно-визуальной конкретности, сколько к формам условной выразительности.

Творческий взлет в эпоху Саманидов, длившийся почти столетие, во многом оказался неповторимым, но его инновации, по сути неизбывные, причудливо «прорастали» в различных многослойных культурах последующих эпох [10,86]. Эта преемственность четко прослеживается и в памятниках искусства эпохи, которые были открыты исследователями на территории Таджикистана в Хуттале, Зарафшане, Фергане, Бадахшане [11;12;13].

Художественное наследие этого периода привлекательно не только по своему содержанию, стилю и оригинальной форме, но и значимостью своих достижений, как в решении задач искусства, так и в области технологий. Историческая трансформация художественных стилей в переломные моменты истории, в периоды смены мировоззрения и правящих династий, до настоящего времени не получила широкого освещения в современной науке.

Необходимо детальное осмысление памятников эпохи Саманидов, их идейной и художественной ценности, чтобы понять их смыслы и значимость. За редким исключением пока не полностью интерпретированы многие художественные явления и связанные с ними артефакты IX-X вв.

Анализ памятников, созданных в особом историческом и культурном контексте империи Саманидов, требует тщательного изучения исторических документов, толкований символов и идей в них заложенных. Ведь искусство этой поры, опирающееся на локальные традиции эпохи древности и раннего средневековья, впитавшее в себя исламские ценности, отображает во всей полноте творческий гений иранских народов, в том числе и таджикского народа. Следовательно, оно может служить ресурсом современной таджикской этнокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айни, Л. Искусство Средней Азии эпохи Авиценны / Л. Айни. – Душанбе, 1980. – 168 с.
2. Беленицкий, А. М., Бентович, И. Б., Большаков, О. Г. Средневековый город Средней Азии / А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. – Ленинград: Наука, 1973. – 388 с.

3. Бубнова, М. А. Древние рудознатцы Памира / М. А. Бубнова; ред. Б. Литвинский. – Душанбе: Дониш, 1993. – 176 с.
4. Гулямова, Э. Хульбук – столица Хутгала / Э. Гулямова. – Душанбе, 1969. – 168 с.
5. История таджикского народа. Эпоха формирования таджикского народа. Т. II / Под ред. Н. Н. Негматова. – Душанбе, 1999. – 792 с.
6. Орбели, И. А. Сасанидское искусство / И. А. Орбели // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. – 1924. – Кн. 4. – С. 8–16.
7. Очерки исламской цивилизации. Т. I / Под ред. Ю. М. Кобищанова. – Москва, 2008. – 934 с.
8. Соколовская, Л. Ф. Неглазуванная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам Афрасиаба конца VII–начала XIII вв.) / Л. Ф. Соколовская // Археология Центральной Азии: Архивные материалы. – Самарканд: МИЦАИ, 2015. – Т. I. – 288 с.
9. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. – Москва: Аспект Пресс, 2001. – 556 с.
10. Хмельницкий, С. Г. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии / С. Г. Хмельницкий. – Берлин-Рига: Gamajun, 1992. – 340 с.
11. Хмельницкий, С. Чорку. Амир Хасти подшо. Древнейшее деревянное здание Средней Азии с резным и скульптурным декором / С. Хмельницкий. – Берлин-Рига: Gamajun, 2002.
12. Хмельницкий, С. Г. Ходжа Машад / С. Г. Хмельницкий. – Берлин-Рига: Gamajun, 2001. – 220 с.
13. Ходжаев, Ш. Дворец Хутгалияшахов. Хульбук / Ш. Ходжаев. – Душанбе, 2010. – 173 с.
14. Шукуров, Ш. Введение в историю искусства восточного Ирана. Эпоха Саманидов: рыцарский дискурс / Ш. Шукуров // Искусствознание. Журнал по истории и теории искусства. – 2005. – № 1–2.
15. Chang, T. S. Configuring new tourism space: exploring Singapore's regional tourism forays / T. S. Chang // Environment and Planning. – London, 2001. – Vol. 33, № 9. – P. 1597–1620.
16. Encyclopædia Britannica. Volume 24. SĀMĀNIDS. – 1911.
17. Hillebrandt, R. Content Versus Context in Samanid Epigraphic Pottery / R. Hillebrandt // Iranian Tradition and Islamic Civilisation. – London, New York, 2015. – P. 56–197.
18. Hillenbrand, R. Islamic Art and Architecture / R. Hillenbrand. – London, 1983. – 336 p.
19. Khodadadi, E. The Effects Recorded of the Samanid in History / E. Khodadadi // International Journal of Research in Management. – 2012. – Issue 2, Vol. 2. – P. 234–238.
20. Michailidis, M. Dynastic Politics and the Samanid Mausoleum / M. Michailidis // Ars Orientalis. – 2015. – Vol. 44. – P. 20–39.
21. Michailidis, M. Samanid Silver and Trade Along the Fur Route / M. Michailidis // Medieval Encounters. – Leiden, 2012. – Vol. 18, Issue 45. – P. 315–338.
22. Pancaroglu, O. Black on White Epigraphic Pottery / O. Pancaroglu // A Web-Based Teaching Course on Islamic Ceramics. – Ashmolean Museum. – URL: <http://islamicceramics.ashmolean.org/Samanids/intro.htm>.
23. Pancaroglu, O. Functions of Literary Epigraphy on Medieval Islamic Ceramics / O. Pancaroglu // Ashmolean Museum. – URL: <http://islamicceramics.ashmolean.org/Samanids/oya-part-one.htm>.
24. Pancaroglu, O. Serving Wisdom: The Contents of Samanid Epigraphic Pottery / O. Pancaroglu // Studies in Indian and Islamic Art. – Harvard, 2006. – P. 59–68.
25. Treadwell, W. L. The Political History of the Samanid State / W. L. Treadwell. – Thesis submitted to the Institute of Oriental Studies for the degree of Doctor of Philosophy in the University of Oxford, 1991. – 242 p.
26. Volov [Golombek], L. Plaited Kufic on Samanid Epigraphic Pottery / L. Volov [Golombek] // Ars Orientalis. – 1966. – Vol. 6. – P. 107–133.
27. Wilkinson, C. K. Color and Design in Persian Pottery / C. K. Wilkinson // Highlights Persian Art. – Boulder, Colorado: Westview Press, 1979. – P. 117–134.
28. Wilkinson, Ch. K. Nishapur: Some Early Islamic Buildings and Their Decoration / Ch. K. Wilkinson. – New York: The Metropolitan Museum of Art, 1987. – 328 p.
29. Xinru, Liu. An Exploration of Material Life and Thought of People 600–1200 / Liu Xinru. – Oxford, 1996. – 236 p.

МЕРОСИ БАДЕИИ СОМОНИЁН ҲАМЧУН МАНБАИ ЭТНОФАРҲАНГИ ТОЧИКОН

Дар таърихи фарҳанги ҷаҳонӣ санъати аҳди Сомониён (819-1005) махсусан муҳим аст ва бо солҳои ҳукмронии онҳо маҳдуд намешавад. Он як қишри маҳсули ғабӯлияти эҷодӣ, шукуфоии фарҳанги маънавӣ ва моддӣи халқҳои эронӣ, аз ҷумла тоҷиконро дар бар мегирад, ки анъанаҳои онҳо дар давраҳои минбаъдаи таърихӣ хеле устувор буданд.

Сомониён метсенаҳои саховатманд буданд ва бисёр зиёиён, шоирон ва рассомони барҷастаи даврони худро ҷимоя мекарданд. Санъати ин давра, ки ба анъанаҳои маҳаллии Хуросон ва Мовароуннаҳри даврони қадим ва асрҳои аввали миёна таъҷ мекунад ва арзишҳои исломиро ба худ ҷалб кардааст, дар тамоми пуррагӣ хориқаи эҷодии халқҳои эронӣ, аз ҷумла халқи тоҷикро тасвир мекунад. Аз ин рӯ, он метавонад ҳамчун захираи этнофарҳанги муосири тоҷик хизмат кунад.

Калидвожаҳо: *тоҷикон, таърих, Сомониён, сулола, санъат, анъана, захира, этнофарҳанг.*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ САМАНИДОВ КАК РЕСУРС ЭТНОКУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ

В истории мировой культуры искусство эпохи Саманидов (819-1005) особенно значимо и не ограничивается годами их правления. Она включает в себя особый пласт творческой активности, расцвет духовной и материальной культуры иранских народов, в том числе таджиков, традиции которых оказались очень устойчивыми в последующие исторические периоды.

Саманиды были щедрыми меценатами и покровительствовали многим выдающимся интеллектуалам, поэтам и художникам своей эпохи. Искусство этой поры, опирающееся на локальные традиции Хорасана и Мавераннахра эпохи древности и раннего средневековья, впитавшее в себя исламские ценности, отображает во всей полноте творческий гений иранских народов, в том числе и таджикского народа. Следовательно, оно может служить ресурсом современной таджикской этнокультуры.

Ключевые слова: *таджики, история, Саманиды, династия, искусство, традиция, ресурс, этнокультура.*

THE ARTISTIC HERITAGE OF THE SAMANIDS AS A RESOURCE OF ETHNIC CULTURE OF THE TAJIKS

In the history of world culture, the art of the Samanid era (819-1005) is especially significant and is not limited to the years of their rule. It includes a special layer of creative activity, the flourishing of the spiritual and material culture of the Iranian peoples, including the Tajiks, whose traditions proved to be very stable in subsequent historical periods.

The art of this time, based on the local traditions of Khorasan and Transoxiana of the ancient and early Middle Ages, absorbed Islamic values, reflects in its entirety the creative genius of the Iranian peoples, including the Tajik people. Therefore, it can serve as a resource of modern Tajik ethno-culture.

Key words: *Tajiks, history, Samanids, dynasty, art, tradition, resource, ethno - culture.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Додхудоева Лариса Назаровна - доктори илмҳои таърих, мудири шубаи этнология ва антропологияи таърихӣ Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши АМИТ. Телефон: (+992) 918-61-95-84. E-mail: lorasdodo@rambler.ru

Information about author: **Dodkhudoeva Larisa Nazarovna** - Dr. of History, Head of ethnology and historical anthropology department of A. Donish Institute of history, archaeology, ethnography TNAS. Телефон: (+992) 918-61-95-84. E-mail: lorasdodo@rambler.ru

**ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ МАВЕРАННАХРА В
ЭПОХУ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ¹**

НАВРУЗБЕКОВ М. Н.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

В таджикской историографии период развития средневековья включает VIII–XV века [6,74]. Этот период истории очень важен для сложения народов Средней Азии, особенно таджиков. Именно в данный исторический период завершился процесса этногенеза таджикского народа. В эпохи развития средневековья историческая область Мавераннахра была охвачена различными политическими событиями, которые непосредственно затрагивали экономическую, социальную, культурную и этническую жизнь региона.

Следует отметить, что одной из характерных особенностей этого периода является миграция кочевых племен и их взаимоотношения с коренным земледельческим населением. Экономические и культурные отношения между пришлым (кочевым) и автохтонным (оседло-земледельческим) населением существенно повлияли на этногенетические процессы, происходившие в регионе Мавераннахра в эпоху развитого средневековья.

Земледельческое население представляли ираноязычные народы (бакрийцы-тохаристанцы, согдийцы, хорезмийцы, маргианцы и другие), которые с древнейших времён проживали в земледельческих оазисах Средней Азии [4,556]. Эти народы в антропологическом отношении относились к европейской расе и играли важную роль в этногенезе таджикского народа, участвуя в его этническом и культурном составе.

Важно подчеркнуть, что начало эпохи развитого средневековья совпадает с периодом арабского завоевания Мавераннахра и Хорасана. Начиная с этого периода, в Мавераннахре и Хорасане появляются первые арабские общины. По сведениям письменных источников, правитель Мерва Умайр впервые дал арабам разрешение поселиться в этой области. Также в источниках упоминается переселение 50 тысяч арабов с семьями из Басры и Куфы в Хорасан во время назначения нового правителя Хорасана Раби ибн Зияда Хариса в 671 году. Кроме того, вместе с арабами в городах Мавераннахра поселилось много пересе-

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа (III-начало XX века), номер государственной регистрации 0121TJ1211.

ленцев из Хорасана — мусульман неарабского происхождения, которых арабы называли «Маволи» (освобожденные рабы) [8, 12-13]. Для нас самым важным является то, какое влияние оказали арабы на антропологический состав местного населения региона Мавераннахра. Для ответа на этот вопрос крайне важен анализ антропологических данных.

Необходимо добавить, что палеоантропологических материалов времён арабского проникновения в Мавераннахр практически нет, и это создаёт препятствия для выяснения вопроса о влиянии арабского элемента на антропологический состав населения. На основе антропологического изучения современного населения исследователи смогли представить свои выводы по этому вопросу.

В научной литературе вопрос о влиянии арабского компонента на антропологический состав региона отразил известный советский антрополог Л.В. Ошанин. В 1926–1927 годах Л. В. Ошанин провёл антропологическое исследование современных арабов, проживающих в арабских кварталах под Бухарой, Самаркандом, Карминой и Камаша в Узбекистане, которые считали себя потомками арабских завоевателей [12,65-66]. В результате этого исследования Л.В. Ошанин установил, что у арабов Средней Азии преобладают переднеазиатские черты, которые он называл его хорасанским типом. По данным исследования Л. В. Ошанина, в составе арабов Средней Азии преобладает брахицефальный тип преднеазиатской европеоидной расы, характерный для северных и месопотамских арабов [12,66]. По поводу влияния арабов на антропологический состав населения Мавераннахра Л.В. Ошанин отмечает, что «касясь «антропологических следов» смешения арабов с массой местного населения, то такие следы весьма незначительны. Их можно лишь подозревать, но не доказать». Далее Л.В. Ошанин подчеркивает, что «основная масса арабов, как и других народов, заселявших Среднюю Азию в разное время - персов, греков, и даже тюрков Дашти-Кипчака, оставалась в местах своего обитания. Лишь последнее из указанных народов-тюрки (и монголы, которые вскоре были тюркизированы) - оставили ясные антропологические следы своего смешения с местным автохтонным европеоидным населением Средней Азии» [12, 68].

По историческим, лингвистическим и этнографическим данным в Мавераннахре известно о заселении разных племен арабов в различные исторические периоды (с VII по XVIII вв.) [11,5-48]. Согласно этнографическим данным, в процессе ассимиляции с местным населением арабы значительно утратили свои этнические и культурные особенности. Большинство арабов, которые в настоящее время проживают на территории современного Таджикистана и Узбекистана, перешли на таджикский и узбекский языки [9,111-112].

О процессе ассимиляции арабов с местным населением сообщает антрополог Н.А. Дубова в своём исследовании. Она провела антропологическое исследование группы арабов из Пуляты Косанского района Кашкадарьинской области Узбекистана и отметила, что по краниометрическим и одонтологическим признакам изучаемая группа имеет сходство с таджиками Южного Таджики-

стана, особенно с населением Ягнобдары. Это свидетельствует о потере языков и смешении с местным населением. Влияние переднеазиатского антропологического комплекса Н.А. Дубова также установила в составе населения северного Таджикистана среди таджиков Ругунда, Метка и Дахката, а также в узбекских группах Яхтана и Тагояка [3,204-205]. Исследователь А.П. Пестрякова, проводившая соматологическое исследование на территории Южного Таджикистана, также обнаружила переднеазиатский комплекс среди местного населения [13,102-112]. Относительно этого вопроса Н. А. Дубова отмечает: «неясно, можно ли связать переднеазиатские черты с распространением арабов в Таджикистане, или же они являются результатом более древних контактов с юго-западными регионами по отношению Средней Азии, восходящими к энеолиту и бронзовому веку» [2,590; 3,205].

Палеоантропологические материалы, относящиеся к позднему раннесредневековью и началу развитого средневековья, происходят с территории северной части Таджикистана. Эти материалы включают краниологические данные из наусов Пенджикента и его окрестностей (VII–VIII века), Дашти Урдакон (VII–VIII века) и поселения Кахкаха II (VII–VIII — начало IX века). Во всех этих памятниках встречаются два европеоидных типа: средиземноморский и тип Среднеазиатского Междуречья (Памиро-Ферганский). Исключение составляет Дашти Урдакон, где, помимо этих двух европеоидных типов, встречается также смешанный европеоидно-монголоидный тип [2, 591].

На антропологический состав местного населения Мавераннахра в эпоху развитого средневековья значительное влияние оказали кочевые тюркоязычные племена. Проникновение тюркских племен в этот регион исследователи связывают с периодом формирования Тюркского каганата (VI век) или даже ранее - с эпохой гуннской экспансии. Согласно мнению Л.В. Ошанина, именно в период существования Тюркского каганата (VI–VII века) начался процесс монголизации по типу и тюркизации по языку автохтонного населения [12,68]. Однако, как показывают новые палеоантропологические данные, существенных изменений в антропологическом составе местного населения в период проникновения тюркских племён не произошло. Проникновение тюрков в Мавераннахр в раннее средневековье не привело к увеличению доли монголоидных признаков в местном населении, а напротив, способствовало их снижению [16,151].

Вопрос о влиянии раннетюркских кочевых племён на антропологический состав местного населения до сих пор остаётся неустановленным несмотря на то, что он достаточно освещён в антропологической литературе. Исследование показывает, что первые тюрки, поселившиеся в Мавераннахре, представляли собой разнородную группу. В составе этой группы уже присутствовали европеоидные элементы, а также монголоидная примесь в разной степени [3,202-203]. Первоначально они переселились в северные и восточные области Мавераннахра. Постепенно тюрки переходили к оседлому образу жизни. В начале эпохи средневековья их миграции замедляются, особенно в центральные и юж-

ные части Мавераннахра, что исследователи связывают с арабскими завоеваниями [18, 7-8]. Действительно это стало одной из причин, тормозивших продвижение тюркских племён и их смешение с местным населением.

Следующая миграционная волна кочевых тюркских племён начинается с IX века. Как известно, что после ослабления власти арабского халифата в Мавераннахре правление попадает в руки представителей местной династии Тахиридов, Саффаридов и Саманидов [8,324]. Этим династиям удалось во время своего правления защитить земельные оазисы (где в основном жили ираноязычные народы) от постоянных набегов тюркских племён. Саманиды обеспечивали безопасность своей государственной границы от набегов тюркских кочевых племён, но без исключения их миграции в Мавераннахре имело места [4,334-336]. Во время правления Саманидов кроме местных ираноязычных народов таких областей, как Чоч, Хорезм и Ферганы проживало много тюркских племён [16,71]. Как подчеркивает Якубовский, «мирное переселение происходило постоянно, как до арабов, так при Саманидах, в результате чего приток тюркских племен и их переход к оседлому образу жизни в Мавераннахре способствовал интенсивной тюркизации аборигенов» [18,9]. Но в целом в период Саманидов автохтонное (ираноязычное) население занимало доминирующее положение в Мавераннахре.

Единственные краниологические материалы саманидского периода на территории Таджикистана происходят из Устурашана (VIII-IX вв.), характеризующиеся антропологическими особенностями аборигенного земледельческого населения. Т. П. Кияткина отнесла Устурашанскую краниологическую серию к типу Среднеазиатского Междуречья, без примеси чуждого элемента [10,178].

В конце X-начале XI века, после падения государства Саманидов и вхождения Мавераннахра в состав государства Караханидов, началась еще большая волна миграции тюркоязычных племен тюрко-монгольского происхождения. Антропологическим исследованиям установлено, что интенсивной фазой проникновения южносибирского типа наблюдается в Мавераннахре именно в эпоху Караханидов [16,151],[17,54-55]. Исследования показывают антропологическую смешанность населения Мавераннахра в эпоху Караханидов, где существовали как европеоидные, так и монголизованные группы. Этнические признаки этих групп распределяются по территории, формируя антропологические комплексы, характерные для разных мест [15,71].

В XII веке с востока в Мавераннахре проникают киданов — дальневосточные монгольские племена, которые в исторических источниках упоминаются под названием кара-китаев. Согласно мнению В.В. Бартольда, они представляли собой народ тунгусского происхождения с определёнными монгольскими чертами [1,32]. Поскольку на тот момент эти племена не обосновались в регионе, их влияние на этнический и антропологический состав населения Мавераннахра было незначительным. Особенно их влияние отразилось в составе тюркоязычных народов Мавераннахра.

Следующий этап миграции тюркоязычных групп и монгольских племен наблюдается в начале XIII века во время монгольского нашествия в Мавераннахра. В источниках упоминается о проникновении новых этнических групп в регионе, среди которых были тюркоязычные и монгольские племена, таких как жалаиры, барлосы и другие. Уничтожение коренного населения Мавараннахра и его сокращение заложили прочную основу для расселения тюркских и монгольских племен как городского, так и сельского населения [5,301-304]. На антропологических материалах не прослеживается выраженная монголизация населения. Антрополог Т.К. Ходжаев, изучивший большую часть краниологических материалов с различных территорий Средней Азии, определил, что во время монгольского завоевания существенных изменений в физическом облике местного населения Мавараннахра не было замечено. Согласно его выводу уровень монголоидных признаков у местного населения до и после монгольского завоевания преобладает одинакова [15,151].

Очевидно, что распространение монголоидного компонента влияния в период монгольского завоевания и после него в разных регионах среди населения было различным. Особенно выражено оно в равнинах, тогда как в горных районах оно заметно меньше или совсем отсутствует. Краниологические материалы из мусульманских могильников Горана (XIII-XIV века), Ишкашима (XIV-XVI века) и Вахана (XV-XVI века) в ГБАО, а также материалы из Калаи Сар и Кахкаха I (XIII-XIV века) Шахристанского района Согдийской области на территории Таджикистана являются единственными сериями, по которым можно судить об антропологическом облике населения исторического Таджикистана в XIII-XVI веках. Все краниологические серии с западной территории ГБАО относятся к горному типу Среднеазиатского Междуречья (памиро-ферганскому) без монголоидной примеси [14,33-160]. В составе населения Шахристана (XIII-XIV века), кроме двух европейоидных типов, также встречаются долихокранные монголоидные черепа, которые исследователь Н. Г. Залкинд отнёс к южносибирскому типу монголоидной расы [3,207]. Возможно, появление монголоидных черт в составе населения Шахристана в XIII-XIV веках связано с процессом миграции тюрко-монгольских племён.

Как демонстрируют антропологические данные, более интенсивная тюркизация и монголизация населения Мавараннахра произошли в XVI веке с массовым вторжением новых кочевых племён из Дашти Кипчака. Вторжение кочевых узбеков под предводительством Шейбанихана в Мавараннахр и Хорасан в начале XVI века было вызвано сочетанием неблагоприятных экономических и социальных условий в степях Дашти Кипчака, а также политической нестабильностью в регионе. Причиной массового переселения кочевых племён в оседлые территории Мавараннахра было не просто военным походом, а ответом на кризис пастбищ и ресурсов, внутренние междоусобицы и ослабление Тимуридского государства. Этот процесс способствовал интеграции кочевых и

оседлых культур, что облегчило завоевание и последующую ассимиляцию региона [7,91-93].

Процесс тюркизации и монголизации местного населения также подтверждают исторические данные. В середине XV века в составе дашти-кипчакских кочевых тюрко-монгольских племён находились такие племена, как кият, мангыт, дурман, кошчи, утаджи, найман и другие. Сайфиддин Ахсикенти в своём произведении «Маджму ат-Таварих» (собрание историй), написанном в XVI веке в Фергане, упоминает 92 узбекских племени. Это деление на 92 племени сохранялось до XVIII века, о чём также говорится в стихах поэта Турди XVII века. Традиция деления на 92 племени существует с XVI века и, возможно, раньше [7,75, 76]. Конечно, массовое проникновение этих племен в крупных городах и селах Мавераннахра постепенно привело к смешению населения, что способствовало изменению антропологического ландшафта региона, особенно увеличению доли монголоидного компонента.

Таким образом, миграционные процессы, которые происходили в эпоху развития средневековья повлияли в значительной степени на антропологический состав населения Мавераннахра. Эти процессы приводили к многократному смешению этнических групп и антропологических типов, что способствовало возникновению уникальных антропологических особенностей, сохраняющихся, в народах Средней Азии и по сей день. Влияние тюркских, монгольских, арабских и миграции других народов значительно разнообразило физическое и генетическое разнообразие населения, которое в конечном итоге привело к появлению современных этнических групп региона. Несмотря на сложные этнические процессы в Мавераннахре и смешение различных этнических групп и народов в эпоху средневековья, таджики сохранили черты европеоидной расы, которые были присущи им еще в более ранние периоды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд, В. В. Очерки истории Семиречья / В. В. Бартольд. – Фрунзе, 1943. – 104 с.
2. Дубова, Н. А. Антропологические данные к проблеме этногенеза таджиков / Н. А. Дубова // Этногенез и этническая история таджикского народа. – Душанбе: Дониш, 2021. – 989 с.
3. Дубова, Н. А. Формирование антропологического состава населения Северного Таджикистана / Н. А. Дубова. – Москва: Старый сад, 1996. – 248 с.
4. История таджикского народа. Том II: Эпоха формирования таджикского народа / Под ред. Н. Н. Негматова. – Душанбе: Дониш, 1999. – 791 с.
5. История таджикского народа. Том III: XI–XV века / Под ред. Р. М. Масова. – Душанбе: Дониш, 2013. – 580 с.
6. Камол, Х., Саидов, А. Маъхазшиносӣ (Дастури таълимӣ) / Х. Камол, А. Саидов. – Душанбе: Ганчи хирад, 2023. – 312 с.
7. Камол, Х. (Ҳамза Камол). История вторжения кочевых племен Дашти Кипчака в Мавераннахр и Хорасан (XVI в.) / Х. Камол. – Душанбе: Дониш, 2012. – 408 с.
8. Камол, Х. (Ҳамза Камол). Авомили ба сари ҳокимият омадани Сомониён. Баррасиҳои ҳаводиси таърихии садаҳои VII–IX-и Хуросони Бузург дар асоси манобеи таърихӣ / Х. Камол. – Душанбе, 2022. – 324 с.
9. Кармышева, Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным) / Б. Х. Кармышева. – Москва: Наука, 1976. – 323 с.

10. Кияткина, Т. П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана / Т. П. Кияткина. – Душанбе: Дониш, 1976. – 186 с.
11. Мадамиджанова, З. Арабы Южного Таджикистана (Историко-этнографические очерки) / З. Мадамиджанова. – Душанбе, 1995. – 136 с.
12. Ошанин, Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез её народов. Т. II / Л. В. Ошанин. – Ереван, 1958. – 143 с.
13. Пестряков, А. П. Антропологическое исследование некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана / А. П. Пестряков // Советская этнография. – № 1. – С. 102–112.
14. Рычков, Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира) / Ю. Г. Рычков. – Москва, 1969. – 222 с.
15. Ходжайов, Т. К. Антропология населения Средней Азии / Т. К. Ходжайов // Российский журнал физической антропологии. – Москва, 2023. – № 1. – 129 с.
16. Ходжайов, Т. К. Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии / Т. К. Ходжайов // Этнографическое обозрение. – Москва, 2000. – № 2. – С. 148–155.
17. Ходжайов, Т. К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования) / Т. К. Ходжайов. – Ташкент, 1987. – 207 с.
18. Якубовский, А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа / А. Ю. Якубовский. – Ташкент, 1941. – 18 с.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ МАВЕРАННАХРА В ЭПОХУ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Статья посвящена анализу влияния миграционных процессов на антропологический состав населения Мавераннахра в эпоху развитого Средневековья. Автор рассматривает миграцию различных этнических групп, таких как арабы, тюрки и монголы, и их взаимодействие с автохтонными народами региона, что привело к значительным изменениям в антропологическом составе. Особое внимание уделено процессу арабского завоевания, тюркских и монгольских миграций и их влиянию на антропологический облик местного населения Мавераннахра. На основе анализа антропологических и исторических источников исследуются основные особенности этих изменений, такие как утрата этнических различий и процесс ассимиляции пришельцев с местным населением.

Ключевые слова: *эпоха развития средневековья, миграционные процессы, антропологический состав, Мавераннахр, этнические группы, ассимиляция.*

ТАЪСИРИ РАВАНДҲОИ МУҲОЧИРАТ БА ТАРКИБИ АНТРОПОЛОГИИ СОКИНОНИ МОВАРОУННАҲР ДАР ДАВРАИ АСРИ МИЁНАИ МУТАРАҚҶИ

Мақола ба таҳлили таъсири равандҳои муҳочират ба таркиби антропологии сокинони Мовароуннаҳр дар давраи асри миёнаи мутараққӣ бахшида шудааст. Муаллиф муҳочирати қавмҳои мухталиф, аз қабилҳои арабӣ, туркӣ ва муғулӣ ва равободҳои онҳоро бо мардуми бумии минтақа, ки боиси таҳаввулотӣ чиддӣ дар таркиби антропологии сокинон гардид, мавриди баррасӣ қарор додааст.

Таваҷҷуҳи асосӣ аслан ба раванди истилои арабӣ, муҳочирати турку муғулӣ ва таъсири онҳо ба симои антропологии сокинони бумии Мовароуннаҳр дода шудааст. Дар асоси таҳлили манбаҳои антропологии ва таъриҳӣ хусусияти асосии ин тағйирот ба монанди аз байн рафтани тафовутҳои этники ва раванди омехташавии омадагон бо сокинони бумӣ мавриди таҳқиқ қарор ёфтааст.

Калидвожаҳо: *давраи асри миёнаи мутараққӣ, равандҳои муҳочират, таркиби антропологии, Мовароуннаҳр, гурӯҳҳои этники, омехташавӣ.*

**INFLUENCE OF MIGRATION PROCESSES ON THE ANTHROPOLOGICAL
COMPOSITION OF THE POPULATION OF MAVERANNAHR IN THE DEVELOPED
MIDDLE AGES**

The article analyses the influence of migration processes on the anthropological composition of the population of Maverannahr in the Middle Ages. The author considers the migration of various ethnic groups such as Arabs, Turks and Mongols and their interaction with autochthonous peoples of the region, which led to significant changes in the anthropological composition. Particular attention is paid to the process of Arab conquest, Turkic and Mongol migrations and their influence on the anthropological shape of the local population of Maverannahr. On the basis of an analysis of anthropological and historical literature the main features of these changes, such as the loss of ethnic distinctions and the process of assimilation of aliens with the local population, are investigated.

Key words: *medieval development era, migration processes, anthropological composition, Maverannahr, ethnic groups, assimilation.*

Маълумот дар боран муаллиф: Наврузбеков Маснав Ниёзмамадович - ходими илмии шӯбаи этнология ва антропологияи таърихии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Телефон: (+992) 93-840-45-40. E-mail: n-masnav83@mail.ru

About the author: Navruzbekov Masnav Niyozmamadovich - Research Associate of the Department of Ethnology and Historical Anthropology of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025 Dushanbe, Rudaki Avenue 33, Republic of Tajikistan. Telefon: (+992) 93-840-45-40. E-mail: n-masnav83@mail.ru

УДК 738.8(575.3)"10/12"

**РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА X - НАЧ. XI И ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XI -
НАЧ. XIII ВВ. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
МУЗЕЯ ИМ. РУДАКИ (Г. ПЕНДЖИКЕНТ)**

АМИНОВ Ф. Ш.,

**Агентство по охране исторического и культурного наследия при Пра-
вительстве Республики Таджикистан**

Расписная керамика – это ремесло домашнего происхождения. Появляется данная керамика параллельно с развитием глазурованной керамики в X в. (см. ниже). Во второй четверти XI в. рассматриваемая расписная керамика интенсивно развивается и появляются новые, разнообразные формы и тонкая, неповторимая орнаментация. Расписная керамика по качеству изобразительного направления и качеству функционального назначения сильно уступает глазурованной керамике, но она всегда отличается от глазурованной по форме и декору. Хотя неизвестно, где появились первые образцы данной керамики, но в XI в. она распространяется не только в Средней Азии [1, рис. 7; 6, 39, 42–43; 7,

рис. 7; 8, рис. 5; 9, рис. 37–38; 10, 108; 11, 58–69; 12, 95–98; 13, рис. 2; 14, рис. 5, 7, 11, 15; 15, 226; 16, 39–45; 18, 98–110; 19, 126, рис. 53, 8; 22, рис. 39–41, 46; 23, 93; 24, рис. 2, 1, 4, 5; 26, 214–220; 27, рис. 20, 22, 5–6; 28, рис. 4, 3–9, 11–13. 5, 5, 6, 9, 10, 13; 29, рис. 76–77; 30, 144–146; 31, 116, рис. 3; 34, pl. 61] но и в Афганистане [32, 231–317] и на Ближнем Востоке [33; 35, fig. 6–7]. В каждом из этих районов она представлена своей уникальной и неповторимой орнаментацией. Этнографические исследования показали, что в XX в. в горных селениях Таджикистана частично производилась расписная керамика, очень похожая на средневековую. Этим ремеслом занимались женщины горных селений. Готовую продукцию они привозили в города и окрестные села и обменивали на продукты питания. Керамическое дело передавалось по наследству, по женской линии [20]. Средневековая расписная керамика, в основном, встречается в небольших городах и селах. К примеру, в крупном Афрасиабе найдено не более 30 расписных сосудов подобного типа [23, 93].

В 2020 г. автором была опубликована статья про расписную керамику Пенджикента, найденную в основном на территории города (или крупного селения) домонгольского периода. На основе археологических данных рассматриваемая керамика была датирована второй четвертью XI – началом XIII вв. Также представлена типология форм и орнаментов [3, 153–174].

Типология расписных сосудов						
Кувшины (А)						
I тип		II тип			III тип	IV тип
1 вариант	2 вариант	1 вариант	2 вариант	3 вариант		
Котлы (Б)		Чайники (В)		Черпаки (Г)	Чаша (Д)	
I тип	II тип					
Крышки (Е)						
I тип				II тип		
1 вариант	2 вариант	3 вариант	4 вариант	1 вариант	2 вариант	
Кружки (Ж)		Хумчи (З) I тип		Горшки (И)		
I тип	II тип	1 вариант	2 вариант			
Маслобойка (К)						

Рис. 1. Типология расписных сосудов Пенджикента и его округи.

В данной работе исследуются 18 экземпляров расписной керамики средневекового периода из коллекции Музея им. Рудаки. Эти материалы будут дополнением к уже изученным расписным сосудам.

Расписная керамика датируется двумя периодами – X–нач. XI и второй четвертью XI–нач. XIII вв. Керамика X – нач. XI вв. по орнаментации сильно отличается от сосудов второго периода. Ранее мы не знали о существовании расписной керамики в X – нач. XI вв., так как при изучении культурных слоев данного периода они нам не попадались. В 2021 г. в домонгольском Пенджикенте (объект Куктош 2), в рамках Пенджикентской археологической экспедиции (Государственного Эрмитажа и Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН Таджикистана, нач. эксп. П. Б. Лурье и Ш. Ф. Курбанов) нами была раскопана древняя мусорная яма, датированная по монетам и глазурованной керамике X – нач. XI в. [4, 44–47]. Среди находок из ямы имелась и расписная керамика, как уже отметили, сильно отличающаяся от знакомой нам керамики более позднего периода. Сосуды могут быть и гончарными, и лепными, орнамент отличается простотой и толщиной линий.

Расписная керамика из коллекции музея им. Рудаки найдена на памятниках Пенджикента и его округи. Одна почти целая маслобойка найдена в 1958 г. в Калаи Муг на Магиане, в рамках работ Магианской группы Пенджикентского отряда Таджикской археологической экспедиции под руководством Б. Я. Ставиского. По результатам исследований памятник был датирован двумя периодами: IV–V вв. и XI–XII вв. Маслобойка происходит из культурных слоев XI–XII вв. [25, 101–106]. Наибольшая часть рассматриваемых сосудов, в количестве 9 экземпляров происходят из раскопок поселения Буронбой (сел. Куштеппа) в 1977 г., проводившимся Костарошским отрядом Пенджикентской археологической экспедиции (рук. отр. А. И. Исаков). Археологические раскопки и изучение материалов выявили четыре периода жизни поселения: 1) конец V – первая половина VI в; 2) вторая половина VI – первая половина VII в; 3) вторая половина VII – первая четверть VIII в; IX – XII вв. Рассматриваемые сосуды были обнаружены в последнем периоде жизни памятника [17, 212–214]. Шесть сосудов из данной коллекции имеют неизвестное происхождение. Вероятно, они найдены на памятниках Пенджикента. Два экземпляра случайно найдены в сел. Кабудсанг (Куктош) в 2020 г.

Данные сосуды дополняют типологию расписных сосудов предложенной нами в ранее опубликованной статье [3, рис. 1].

Одним фрагментом представлен лепной расписной кувшин X – нач. XI в. Из-за депаспортизации данного сосуда, место его находки уточнить не удалось. Горло и ручка сломаны. Тулово шарообразной формы. Орнамент в виде завитков светло-коричневого цвета занимает всю поверхность тулова (рис. 1, 8). Датировка данного кувшина дана на основе аналогичных материалов, обнаруженных в древней мусорной яме из объекта Куктош 2 [4, ил. 154, № 364. 155, № 256] и двух фрагментов подобных сосудов из поселения Кири Носир в сел. Роч [2, рис. 1, 8–9].

Остальная часть материала относится ко второй четверти XI – нач. XIII вв. Исходя из форм по функциональному назначению они разделяются на столовую, кухонную и хозяйственную посуду. Все сосуды лепные. По форме

они разделены на кувшины, котлы, крышки, кружки, горшки и хумчи. Орнаментация на сосудах выполнена коричневой, темно-коричневой, черной, красной, розовой красками. В основном декор занимает верхнюю половину тулова и горла. Только в одном случае расписной орнамент охватывает все поле сосуда (рис. 4, 2). Иногда расписной орнамент дополняется прорезным, процарапанным и наклепным декорами.

Кувшины

Они представлены 6 экземплярами. По типологии, предложенной нами в ранее опубликованной статье [3, рис. 1], данные кувшины отнесены к I типу (2 вариант) (рис. 2, 1-4) и IV типу (2, 6-7).

I тип – к нему относятся четыре фрагмента кувшинов. Один из них неизвестного происхождения (рис. 2, 1), остальные три найдены на поселении Буронбой (рис. 2, 2- 4). Кувшины с шарообразной формой тулова. Высота горла средняя - 9-17 см. Горло и тулово изготовлены по отдельности и соединены в сыром виде. Они декорированы темно-коричневой, коричневой и черной красками.

На первом кувшине ручка не сохранилась. Роспись в виде круга, образованного из ленты со спиралями. Внутри круга изображены фестоны с волнистой линией посередине. Внутри фестонов по кругу нарисованы спирали. Под кругами изображен треугольник со спиралью и кружками с двух сторон от нее (рис. 2, 1).

Второй кувшин представлен фрагментом без ручки. Роспись на данном кувшине состоит из трех горизонтальных лент. Верхняя и нижняя ленты образованы из двух тонких полос. Внутренняя часть лент заполнены полыми треугольниками со скругленными углами. Средняя лента заполнена спиралями (рис. 2, 2).

Третий кувшин с ручкой, подквадратной в сечении. Ручка декорирована прорезными полосками. Роспись сохранилась частично – вертикальные тонкие полосы (рис. 2, 3).

Четвертый кувшин также с ручкой, подпрямоугольной (со сглаженными углами) в сечении. Ручка орнаментирована кривыми и прямыми полосами. Роспись сохранилась только на горле – горизонтальная лента из фестонов с сетчатым заполнением и широкие зигзагообразные, толстые линии с белыми полосками над фестонами (рис. 2, 4).

К следующему IV типу мы относим два кувшина. Первый кувшин – водолей-мургоби происходит из поселения Буронбой. Форма тулова шарообразная с двумя горлами. Одно горло расположена вертикально, второе диагонально. Диагонально расположенное горло имеет функции слива. На нее наклепена петлевидная ручка, подквадратная в сечении. По тулову изображена овальная фигура, внутри которой нарисована переплетения линия.

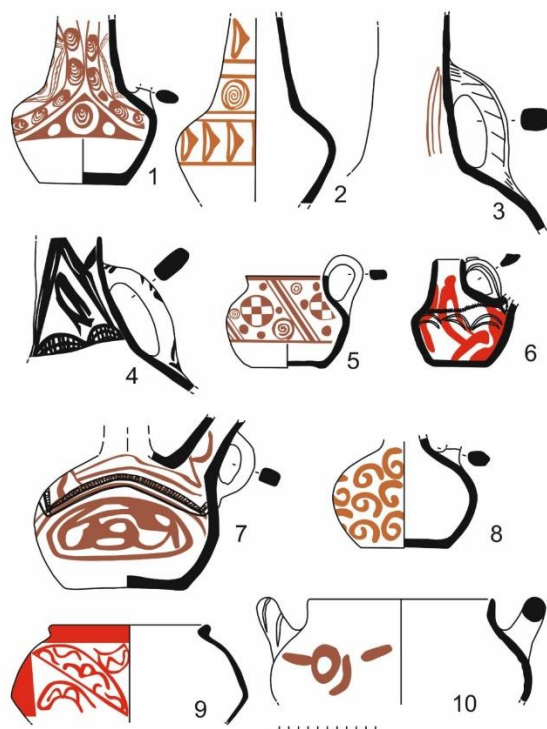

Рис. 2. Расписная керамика из коллекции музея им. А. Рудаки. 1–4, 8 – кувшины; 5 – кружка; 6 – поильник; 7 – кувшин – водолей; 8–9 – котлы.

Над ней четыре ряда полукруглых линий. На этом кувшине расписной орнамент дополнен прорезным декором, представленным фестонами из нескольких линий. Верхние линии заполнены прорезными квадратиками (рис. 2, 7). Второй кувшинчик неизвестного происхождения. Он повторяет форму водолея, но сильно уступает по размерам. Это детский поильник, с горлом и узким носиком, между которыми расположена ручка, с наклепной таблечкой. Роспись в виде кривых, соединенных полос красной краской. И на этом кувшине расписной орнамент сопровождается прорезным декором. По плечу ряд мелких каплевидных фигур, под ними двухполосные фестоны (рис. 2, 6).

Котлы разделяются на два типа. Происхождение первого котла неизвестно (рис. 2, 9). Второй котел обнаружен на поселении Буронбой (рис. 2, 10). I тип – сфероидной формы с изгибом в средней части тулова. Подобные котлы обычно имеют подковообразную ручку [3, рис. 6, 2]. На рассматриваемом ручки не сохранились. Венчик покрыт красным ангобом. В верхней части тулова изображены полукруглые ленты с завитками (рис. 2, 9). Котлы подобного типа встречаются среди материалов Кулдор-тепа [24, 118, рис. 2, 1], Термеза [21, рис. 2, 1–3] и Ялпак-тепа (Кашкадарьинский оазис) [18, 101, рис. 4, 1]. II тип – шарооб-

разной формы с наклепной дуговидной рукой. На поверхности тулова частично сохранилась роспись в виде кривых полос и кружка. Ручка украшена прорезными полосами (рис. 2, 10).

Крышки представлены четырьмя экземплярами. Две из них происходят из поселения Буронбой (рис. 3, 1–2), одна из сел. Кабудсанг (Куктош) (рис. 3, 3). Место находки четвертой крышки неизвестно (рис. 3, 4). Они относятся ко второму типу крышек по принятой нами типологии. По форме они почти полусферические. Все крышки с ручками. Первая крышка расписана розовыми прямыми полосами в виде луча (рис. 3, 1). Вторая кривыми линиями,

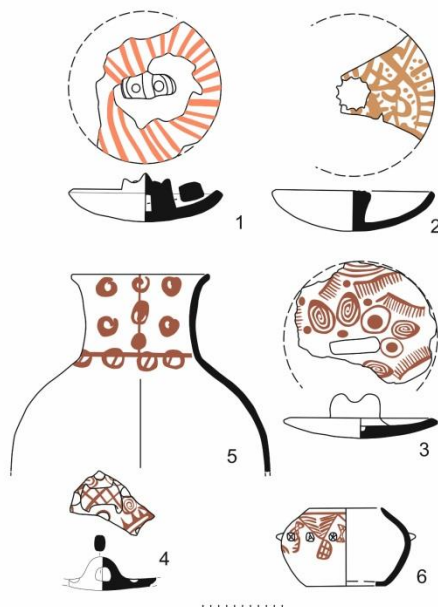

Рис. 3. Расписная керамика из коллекции музея им. А. Рудаки. 1–4 – крышки; 5 – хумча; 6 – горшок.

завитками и кружками (рис. 3, 2). Третья крышка орнаментирована гребенками, спиралями и кружками (рис. 3, 3). Четвертая – лентой из треугольников, спиралями и сетчатым орнаментом (рис. 3, 4).

Кружка

Имеется одна целая кружка с ручкой. Место ее находки неизвестно. Ручка подквадратной формы в сечении, выступает над венчиком. Поверхность сосуда разделена диагональными лентами на несколько отсеков, внутри которых изображены кресты, спирали и кружки (рис. 2, 5).

Горшки

Группа также представлена в единственном экземпляре. Данный горшок обнаружен на поселении Буронбой. На его поверхности роспись в виде треугольников с прерывающимися штрихами и свисающими овалами с сетчатым заполнением, фигурок в виде песочных часов с крестиками внутри. Кроме того, по тулову имеется ряд налепов в виде треугольников (рис. 3, 6).

Хумчи

В коллекции имеются один фрагмент и одна целая хумча. Одна из них найдена на поселении Буронбой (рис. 3, 5), вторая случайно обнаружена в частном домовладении в сел. Кабудсанг (Куктош) (рис. 4, 1). Венчики слегка отогнуты наружу. На одном из них роспись в виде кружков с диагональной полоской и завитков (рис. 3, 5). Целая хумча расписана горизонтальными и зигзагообразными лентами с волнистой линией внутри, спиралями и пучками травы (рис. 4, 1).

Маслобойка

Маслобойка из Калаи Муг на Магиане по форме одинаковая с хумчами. Отличие составляет ручка и отверстие в верхней части тулова. Орнамент охватывает всю поверхность сосуда. Роспись в виде длинных лент с волнистой линией. Ленты расположены крестом. Остальная поверхность заполнена спиралями, пучками травы, полукруглыми фигурами с волнистой линией и завитками (рис. 4, 2). Ранее нами был обнаружен фрагмент расписной маслобойки на объекте Куктош 2, в домонгольском Пенджикенте [3, рис. 9, 5].

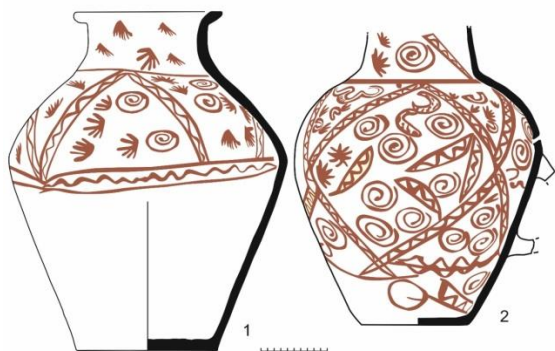

Рис. 4. Расписная керамика из коллекции Музея им. А. Рудаки. 1 – хумча; 2 – маслобойка.

Рассматриваемая маслобойка включена в типологию расписной керамики (рис. 1).

На росписях сосудов выявлены новые, ранее неизвестные элементы орнамента. Это розетка с крестом, полукруглая фигура с волнистой линией внутри, треугольник с прерывающимися штрихами, фигурка в виде пучка травы и линии в виде луча.

Как было замечено на ранее известных сосудах, также и на рассматриваемых каждый сосуд имеет свою неповторимую орнаментацию, т.е. сочетание элементов декора всегда различны.

Стоит отметить, что большое количество расписной керамики найдено нами в 2022 г. на поселении Писав (сел. Заврон). Среди них имеются много ранее неизвестных нам форм [5, 40–43].

Подробное исследование всех обнаруженных в Пенджикенте и его округе расписных сосудов откроют нам новые факты по бытовой культуре сельских поселений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев, А. Л., Атаханов, Т. М. О работе Султанабадского отряда в 1986 г. / А. Л. Абдуллаев, Т. М. Атаханов // Археологические работы в Таджикистане (1986 г.). – Душанбе – Худжанд, 2005. – Вып. XXVI. – С. 495–508.
2. Аминов, Ф. Ш. К исследованию памятников предмонгольского времени в округе Пенджикента / Ф. Ш. Аминов // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и конфликте. Тезисы Международной научной конференции молодых ученых. – СПб., 2014. – С. 20–25.
3. Аминов, Ф. Ш. Расписная керамика средневекового Пенджикента / Ф. Ш. Аминов // Археологические Вести, ИИМК РАН. – Вып. 27. – СПб., 2020. – С. 153–174.
4. Аминов, Ф. Ш. Археологические исследования домонгольского Пенджикента в 2021 г. / Ф. Ш. Аминов // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции / Под ред. П. Б. Лурье, Н. В. Семенова. – СПб.: ГЭ, 2022. – Вып. XXV. – С. 44–50.
5. Аминов, Ф. Ш., Мир-Мухаммад, Б., Пулатов, А. Г., Курбанов, Ш. Ф. Начало археологического исследования поселения Писав / Ф. Ш. Аминов и др. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции / Под ред. П. Б. Лурье, Н. В. Семенова. – СПб.: ГЭ, 2022. – Вып. XXV. – С. 40–43.
6. Анарбаев, А. Ахсикет – столица древней Ферганы / А. Анарбаев. – Ташкент: Изд-во «Tafakkur», 2013. – 535 с.
7. Атаханов, Т. М. О работе Байпазинского отряда (1981–1982 гг.) / Т. М. Атаханов // Археологические работы в Таджикистане (1982 г.). – Душанбе: Дониш, 1990. – Вып. XXII. – С. 325–337.
8. Атаханов, Т. М. Работа Нижнекафирниганского отряда в 1983 г. / Т. М. Атаханов // Археологические работы в Таджикистане (1983 г.). – Душанбе: Дониш, 1991. – Вып. XXIII. – С. 273–283.
9. Вяткин, В. Афрасиаб – городище былого Самарканда: археологический очерк / В. Вяткин. – Ташкент: Главнауки Наркомпроса Уз. ССР, 1926. – 65 с.
10. Гайдукевич, В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943–1944 гг. / В. Ф. Гайдукевич // КСИИМК. – 1947. – Вып. XIV. – С. 92–109.
11. Грицина, А. А., Абдулгазиева, Б. Лепная расписная керамика из караван-сарая Турт-культепа / А. А. Грицина, Б. Абдулгазиева // Археология Узбекистана. – 2014. – № 1 (8). – С. 58–69.
12. Гулямова, Э., Зеймаль, Т. И. Находки в районе Перепадной ГЭС / Э. Гулямова, Т. И. Зеймаль // Археологические работы в Таджикистане (1955 г.). – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1956. – Вып. III. – С. 95–98.
13. Довуди, Д. Археологические раскопки на городище Вашгирд в 2004 г. / Д. Довуди // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2005. – Вып. XXX. – С. 205–223.
14. Довуди, Д., Худжагелдиев, Т., Абдуллаев, А. Археологические раскопки на городище Вашгирд в 2007 г. / Д. Довуди и др. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2009. – Вып. XXXIII. – С. 137–198.
15. Заднепровский, Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 году / Ю. А. Заднепровский // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции / Под ред. Г. Ф. Дебеца. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. IV. – С. 164–268.
16. Заднепровский, Ю. А. Средневековая расписная керамика Ферганы / Ю. А. Заднепровский // КСИА. – 1969. – Вып. 120: Средневековая археология. – С. 39–45.
17. Исаков, А. И. Разведки и раскопки Костарошского отряда в 1977 г. / А. И. Исаков // Археологические работы в Таджикистане (1977 г.). – Душанбе: Изд-во Дониш, 1983. – Вып. XVII. – С. 210–224.
18. Лунина, С. Б. Расписная керамика X–XII вв. и её назначение (по материалам Кашкадарьинского оазиса) / С. Б. Лунина // СА. – 1987. – № 3. – С. 98–110.
19. Негматов, Н. Н., Пулатов, У. П., Хмельницкий, С. Г. Уртакурган и Тирмизактепа / Н. Н. Негматов, У. П. Пулатов, С. Г. Хмельницкий. – Душанбе: Дониш, 1973. – 145 с.
20. Пещерева, Е. М. Гончарное производство Средней Азии / Е. М. Пещерева // Труды института этнографии. – М., Л., 1959. – Т. XLII. – 397 с.
21. Пидаев, Ш. Р. Кухонная посуда Термеза XII – начала XIII вв. / Ш. Р. Пидаев // ИМКУ. – Самарканд, 1997. – Вып. 28. – С. 149–161.
22. Сверчков, Л. М. Поселение Мык – источник по истории средневековой Уструшаны: дис. ... канд. ист. наук. / Л. М. Сверчков. – Самарканд, 1991.

23. Соколовская, Л. Ф. Неглазуванная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам городища Афрасиаб конца VII – начала XIII вв.) / Л. Ф. Соколовская // Археология Центральной Азии: архивные материалы. – Самарканд: МИЦАИ, 2015. – Т. I. – 289 с.
24. Ставиский, Б. Я. Раскопки городища Кулдор-Тепе в 1956–1957 гг. / Б. Я. Ставиский // СА. – 1960. – № 4. – С. 113–121.
25. Ставиский, Б. Я. Работы Магианской группы в 1958 г. / Б. Я. Ставиский // Археологические работы в Таджикистане (1958 г.). – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1961. – Вып. VI. – С. 101–112.
26. Усманова, З. И. Расписная керамика из Ахсикета / З. И. Усманова // ИМКУ. – 1984. – Вып. 19. – С. 214–220.
27. Филимонова, Т. Г., Ахметзянов, М. Р. Поисковые работы по составлению археологической карты Дангаринского района в 2009 году / Т. Г. Филимонова, М. Р. Ахметзянов // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2012. – Вып. XXXV. – С. 55–112.
28. Филимонова, Т. Г., Ахметзянов, М. Р. Результаты работ Дангаринской экспедиции в 2020 году / Т. Г. Филимонова, М. Р. Ахметзянов // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2013. – Вып. XXXVI. – С. 43–81.
29. Ходжаев, Ш. Дворец Хуталияшхав – Хульбук / Ш. Ходжаев. – Душанбе, 2010. – 176 с.
30. Юркевич, Э. А. Материалы к археологической карте Таджикистана / Э. А. Юркевич // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1962. – Вып. VIII. – С. 144–152.
31. Юркевич, Э. А. Археологические работы в зоне затопления Нурекской ГЭС в 1961 г. / Э. А. Юркевич // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1964. – Вып. IX. – С. 112–124.
32. Franke, U., Müller-Wiener, M. The Herat Through Time: The collections of Herat Museum and Archive / U. Franke, M. Müller-Wiener. – Berlin, 2016. – 732 p.
33. Peterson, A. The history and pottery of a middle Islamic settlement in the Northwest Quarter of Jerash / A. Peterson. – Turnhout: Brepols, 2023. – 247 p.
34. Simeon, P. Etude du material de Hulbuk (Ma wara al-nahr–Khuttal), de la coquete islamique jusquau milieu du XIe siècle (90/712-441/1050): contribution a letude de la ceramique islamique dAsie centrale / P. Simeon. – Oxford: Archaeopress, 2009. – 427 p.
35. Taxel, I., Shamir, O., Waiman-Barak, P., Ondricek, W., Ayalon, E. Early Islamic crude hand-made ware: new insights on the typology, chronology and provenance of a Southern Levantine handmade pottery / I. Taxel и др. // Oxford Journal of Archeology. – 2022. – Vol. 41 (3). – P. 322–346.

САФОЛҲОИ НАҚШДОРИ АСРҲОИ X – АВ. XI ВА ЧОРЯКИ ДУЮМИ АСРИ XI – АВ. XIII АЗ КОЛЛЕКСИЯИ ОСОРҲОНИ БА НОМИ А. РҶДАКӢ (Ш. ПАНЧАКЕНТ)

Дар мақолаи мазкур 18 адад зарфҳои сафолии мунаққаш мавриди омӯзиш қарор дода шудаанд. Аз ин шумора яктоаш мутааллиқ ба асрҳои X – ав. XI ва боқимонда ба чоряки дуюми асри XI – ав. XIII рост меоянд. Зарфҳо аз рӯйи шаклашон ба кӯзаҳо, дегҳо, сарпӯшҳо, финҷонҳо, хурмаҳо, хумчаҳо ва зарфи равшанкашӣ ҷудо карда шудаанд. Ҷамаи зарфҳо дастисоз буда, бо рангҳои сиёҳ, қаҳваранг, қаҳваранги паст, сурх ва гулобӣ қошӣ шудаанд. Чунин зарфҳои нақшдор дар замони зикршуда дар шаҳракҳо ва деҳаҳои Осиёи Миёна, Афғонистон ва Шарқи Наздик паҳн гаштаанд. Дар ҳар манотик зарфҳо бо нақшҳои мухталиф ва нотакрор оро дода мешуданд. Зарфҳои мазкур дар ҳудуди шаҳри бостонии Панҷакент ва атрофи он ёфт гардида, айни замон ороишгари толорҳои Осорхонаи ҷумҳуриявии таърихию кишваршиносии ба номи Абуабдуло Рӯдакии шаҳри Панҷакент мебошанд.

Калидвожаҳо: *Панҷакент, Осиёи Миёна, зарфҳои сафолии мунаққаш, ҳафтриёти бостоншиносӣ.*

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА X–НАЧ. XI И ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XI–НАЧ. XIII ВВ. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ИМ. РУДАКИ (Г. ПЕНДЖИКЕНТ)

В статье исследуются 18 расписных сосудов. Из этого количества один сосуд относится к X – нач. XI в., остальные ко второй четверти XI - нач. XIII вв. По форме сосуды разделены на кувшины, котлы, крышки, кружки, горшки, хумчи и маслобойки. Все сосуды лепные, их внешняя поверхность декорирована черным, коричневым, светло - коричневым, красным и розовым красками. В рассматриваемый период расписная керамика быстро распространяется в небольших городах и селах Средней Азии, Афганистана и Ближнего Востока. В каждом районе сосуды ornamentировались разнообразным и неповторимым декором. Расписные сосуды, изученные в данной работе найдены во время археологических работ в Пенджикенте и на данный момент украшают экспозицию Республиканского историко-краеведческого музея имени А. Рудаки города Пенджикента.

Ключевые слова: *Пенджикент, Средняя Азия, расписные керамические сосуды, археологические исследования.*

PAINTED POTTERY OF THE 10th–EARLY 11th AND SECOND QUARTER OF THE 11th–EARLY 13th CC. FROM THE COLLECTION OF THE RUDAKI MUSEUM (PANJIKENT)

The article studies 18 painted vessels. Of this number, one vessel belongs to the X - early XI century, the rest to the second quarter of the XI - early XIII centuries. According to the form of vessels are divided into jugs, cauldrons, lids, mugs, pots, khumchi and butter churn. All vessels are moulded, their outer surface is decorated with black, brown, light brown, red and pink color's. During the period under consideration, painted ceramics spread rapidly in small towns and villages in Central Asia, Afghanistan and the Middle East. In each area, vessels were ornamented with diverse and unique decorations. Painted vessels studied in this paper were found during archaeological works in Penjikent and currently decorate the exposition of the Republican Museum of History and Local Lore named after A. Rudaki of Penjikent.

Key words: *Panjikent, Central Asia, painted pottery, archaeological research.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Аминов Фируз Шарифович** – корманди Агентии ҳифзи мероси таърихӣ ва фарҳангӣ дар назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон. E-mail: firuzaminov@gmail.com

Information about the author: **Aminov Firuz Sharifovich** - employee Agency for the Protection of Historical and Cultural Heritage under the Government of the Republic of Tajikistan. E-mail: firuzaminov@gmail.com

МУҲАҚҚИКИ ДАҚИҚНАЗАР

Пайроҳаи тайкардаи устод Ҳайдаршо ПИРУМШОЕВ ба шоҳроҳи илму маърифат аз даргоҳи Омӯзишгоҳи педагогии шаҳраки Навободи ноҳияи Фарм (1959-1963) оғоз гардида ва баъди хатми он бо мақсади таҳсил дар факултаи таърихи Институти давлатии педагогии шаҳри Душанбе ба номи Тарас Григоревич Шевченко (ҳоло ДДОТ ба номи С.Айнӣ) идома меёбад.

Солҳои 1970 - 1972 дар зинаҳои коромӯзи (ассистенти) кафедраи таърихи ИҶШС (СССР), солҳои 1972 -1975 унвонҷӯии кафедраи таърихи ИҶШС ба номи Т. Г. Шевченко, солҳои 1976 - 1985 муаллими калон ва соли 1985 дотсенти

кафедраи номбурда таъин гардида, солҳои 1985-1995 декани факултети таърих ва баъдан вазифаи мудирӣ кафедраи таърихи Тоҷикистонро ба зимма доштааст.

Мавсуф соли 1979 дар мавзуи «Инъикоси шаҳрҳо ва ҳаёти шаҳри Бухорои Шарқии охири асри XIX ва ибтидои асри XX дар асарҳои таҳқиқотчиёни тоинқилобии рус» дар Институти шарқшиносии ба номи А. Берунии Академияи илмҳои Ҷумҳурии Узбекистон (шаҳри Тошканд) рисолаи номзади илмҳои таърих ва инчунин соли 1982 (аз моҳи сентябр то моҳи декабр) шунавандаи курси тақмили ихтисос дар Донишгоҳи давлатии шаҳри Калинин (ҳоло Твер) буда, соли 1996 рисолаи докториашро тахти унвони «Муносибатҳои Россияву Осиёи Миёна (асрҳои XVI - миёнаи асри XIX) дар таърихшиносии рус» дар Шурои илмии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон бомуваффақият ҳимоя намуда аст.

Устои серқору фидоии роҳи илму маърифат ҳамин тариқ ба бисёр ҷанбаҳои норавшану номатбуи равобити Федератсияи Россия ва Осиёи Миёна ҳамчун олими намоёни сатҳи ҷаҳонӣ равшанӣ андохтаанд, ки боиси ифтихори мо шогирдону ҳамкорон мебошанд.

Ҳайдаршо Пирумшо ҳамчун яке аз олимони эътироф гардидаи сатҳи ҷаҳонӣ ва доктори илмҳои таърих, профессор, узви вобастаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, аъзои пайвастаи Академияи илмҳои педагогӣ ва иҷтимоии Федератсияи Русия низ мебошанд.

Бояд қайд кард, ки аз соли 1996 то соли 2019, баробари иҷрои заҳмати пурмашаққати илмию омӯзгорӣ, вазифаи мудирӣ шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нави Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистонро ба зимма доштанд. Дар

айни ҳол, зиёда аз 22 сол инчониб ба ҳайси ҳамкор ва профессори кафедраи таърихи ватании Донишгоҳи славянии Русияву Тоҷикистон низ ба муҳассилин таълиму тадрис медиҳанд.

Лозим ба тазаққур аст, ки ҳамин тариқ номгӯии асарҳои нигоштаи ин олими сермаҳсул ва пуркор дар соҳаи илми таърихнигории ватанӣ ва Тоҷикистони даврони пойбарҷоии Иттиҳоди Шуравӣ ва ҳамзамон давраи нав ва навтарини соҳибистиклолии кишварамон хеле доманадору фароҳдомон маҳсуб ёфта, аз нигоҳи таҳқиқотӣ чавҳари аслии онҳоро беш ва пеш аз ҳама масоили умдаи таърихнигорӣ ташкил медиҳанд, ки воқеан ҳам нақш ва мақоми боризе доранд: чунончӣ «Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей», «Историко - географические очерки городов Восточной Бухары (по трудам русских дореволюционных исследователей)», «Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв», «Таърихи омӯзиши шӯриши Восеъ», «Русские дореволюционные исследователи о политике России в Средней Азии в XVIII в. Душанбе», «Российско - Среднеазиатские отношения XVI - середины XIX веков в русской историографии», «Замини мардхез (Земля богатырей)», «Таджикский феномен» академика Нугмон Негматова», «Ванч» (Очерки илмӣ - оммавӣ)», «Кашшофи накди таърих», «Човидон дар ёдҳо», «История города Душанбе (с древнейших времен до наших дней)», «История Горно - Бадахшанской автономной области. Древнейших времен до новейшего периода. – Том 1.», «Бозсоэй: сохтем ё бохтем? (Перестройка: строили или разрушали?)», «Россия - Таджикистан: история взаимоотношений», «Таърихи Дарвоз», «Таърихи халқи тоҷик», «История таджикского народа. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г. – Т. IV)», «Файзи истиқлол дар «Боми Ҷаҳон», «Донишгоҳи омӯзгорӣ дар масири таърихи миллат», «Шириншоҳ Шохтемур фарзанди миллат» ва ҳоказои дигарро метавон ном бурд. Аммо мо иқтифо карда, дар фарҷом чунин хулоса намуданием, ки ҳамин тариқ, самту паҳлӯҳои фаъолияти илмию таҳқиқотии профессори маъруф, устоди гиромикадр Ҳайдаршо Пирумшоев дар масоили омӯзиши муносибатҳои мамолики Русия ва инчунин Осиеи Марказӣ ва даврони тоинкилобии соли 1917 ва кӯшишҳои илмиашон шоиставу боистаи ҳама гуна таърифу тавсиф аст, ки ба ин васила аз баракат ва ба туфайли талошу заҳматҳои хастанопазиру мондагоришон ба илми таърихнигории кишварамон маъхазҳои навтарин шомил гардиданд.

Ҳайдаршо Пирумшо ҳамчун муҳаққиқи дақиқназар ҳамзамон дар самти пажӯҳиши фаъолияти чехраҳои маъруфу мондагори таърихӣ, арбобони намоёни давлатӣ, олимони сатҳи ҷаҳонӣ, аз қабиле устодон Садриддин Айнӣ, Бобочон Гафуров, Александр Семёнов, Зариф Рачабов, Баҳодур Искандаров, Мулло Эркаев, Аҳрор Мухторов ва дигарон бештар матолиб интишор намуда, таърихнигории миллиро бо нигоштаҳои пурмухтавои худ боз ҳам ғанитар гардониданд.

Бар замми ин саҳми мавсуф дар бунёди мактаби ба худ хоси таҳқиқотӣ, ҳамзамон омӯзишу парвариши мутахассисони соҳаи таърихи ватанӣ, танзиму такмили васоити таълимию китобҳои тадрисӣ ва ҳоказои дигар басо ҳам бузург аст. Ҳамин тариқ, метавон зикр кард, ки ба қалами буррои ин муаррихи пурмаҳсул зиёда аз 330 асару мақолаи илмӣ, илмӣ-методӣ ва инчунин илмӣ - оммавӣ

мансубанд, ки ҳамзамон аксари таълифоташон ба бисёр забонҳои дунё интишор шудааст.

Зимнан метавон қайд кард, ки яке аз паҳлӯҳои асосии тафовутии пажӯҳишгарии сабку услуби ба худ марбути нигоришашон мебошад, ки олим масоили илмиро бо маҳорати ба худ хос мавриди таҳқиқу пажӯҳиш қарор дода, инчунин ба он обу рангу тобиши бадеӣ ва маъноӣ ҳамроҳ менамоянд, ки барои муҳаққиқону хонандагони осори безаволашон нисбатан осону шавқовар менамояд.

Олими шинохта ва ҳамкори устои гиромӣ Ҳайдаршо Пирумшо – профессор Ҳамза Камол дар таърихи 29-уми моҳи августи соли сипарӣ гардида, дар як нигошта ва меҳномаи худ зимнан хуб зикр кардаанд, ки: «Имрӯз устои арҷманд, узви вобастаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор Ҳайдаршо Пирумшо аз ҷониби Президенти муҳтарами Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон бо Ҷоизаи давлатии академик Бобочон Ғафуров сарфароз гардиданд.

Дар самти омӯзиши мероси илмии академик Бобочон Ғафуров аз миёни донишмандони илми таърихи ватанӣ нафаре тимсоли профессор Ҳайдаршо Пирумшо дар ин даҳсолаи охир саҳмгузор набудааст.

Ба подоши ин хидмати беназири олим дар муаррифии ҳар чи бештари осори академик Бобочон Ғафуров барои китоби «Бобочон Ғафуров» ва ҳамчунин 20 мақолаи илмӣ оид ба ҳаёт ва фаъолияти академик Бобочон Ғафуров донишманди маъруф Ҳайдаршо Пирумшо бо ин ҷоиза мушарраф гардиданд.

Ҷоизаи давлатии академик Бобочон Ғафуров, ки нав таъсис ёфтааст, нахуст ба устои гиромикадр Ҳайдаршо Пирумшо тақдим шудааст. Устодро дар арафаи 80-умин баҳори умрашон бо ин қадрдонии Роҳбарияти давлати кишварамон ва инчунин Ҳукумати Тоҷикистон самимона шодбош гуфта, ҳамзамон барояшон саломатӣ ва осудагии рӯзгорро таманно менамоем!».

Дар фарҷоми гуфтор устои гиромикадр Ҳайдаршо Пирумшоро ба муносибати чашни фархундаи 80-умин солгарди умри пурбаракаташон аз номи ҳайати таҳририяи маҷаллаи илмӣ-назариявӣ «Муаррих» ва гурӯҳи шогирдону ҳамкорон самимона шодбош намуда, пеш аз ҳама барояшон саломатии бардавом ва умри Хизро таманно менамоем.

Мухбирҷон КЕНҶАЕВ,
рӯзноманигор, узви ИЖТ

Маҷаллаи «Муаррих» нашрияи илмӣ - назариявии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон буда, маводи соҳаи илмҳои таърихро дар бар мегирад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори омма» ба нашр омода мешавад.

ҲАДАФҶОИ МАҶАЛЛАИ ИЛМИИ ТАҚРИЗШАВАНДАИ «МУАРРИХ»

– инъикоси саривақтии натиҷаҳои фаъолияти таҳқиқоти олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳамчунин олимони мамолики хориҷии наздику дур, аз рӯи соҳаҳои зерини илм: таърихшиносӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таърихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, таърихи санъат, фарҳанг, фалсафа.

– инкишофи ҳамкориҳои байналхалқӣ дар соҳаҳои таърихшиносӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ;

– ба муҳаққиқон фароҳам сохтани имкони наشري натиҷаҳои ҷустуҷӯҳои илмӣ;

– инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори илмҳои таърихшиносӣ;

– ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва минтақаҳои он;

– тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмию таҳқиқоти олимони институт, инчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои соҳаи илму маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон.

ШАРТҶОИ НАШРИ МАҚОЛА ДАР МАҶАЛЛАИ «МУАРРИХ»

– ҳайати таҳририяи маҷалла мақолаҳои илмӣ, тақризҳо, тавзеҳҳои илмии қаблан дар нашрияҳои ҷопию электронӣ нашрнашударо барои баррасию ҷоп қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаҳои дастовардҳои таҳқиқоти бунёдии назарӣ амалиро оид ба соҳаҳои дониш дар илми таърихшиносӣ дар бар гиранд;

– қарор дар бораи нашр ё радди ҷоп дар асоси муҳимият, навоарӣ ва аҳамияти илмии маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;

– муаллифон (ҳаммуаллифон) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмии пешниҳодгардида ва ҳамаи маълумотро, ки мақола, тавзеҳ ва тақризҳоро дар бар мегиранд, ба зимма доранд;

– ҳамаи маводи ба идораи маҷалла воридгардида ҳатман дар сомонаи *antiplagiat.ru* мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайати таҳрир, муаллифон (ҳаммуаллифон)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;

– ҳамаи мақола, тавзеҳ ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонаи *antiplagiat.ru* бо мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохилӣ ирсол мегарданд;

– мақолаҳои ба тақризи дохилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонаи маҷалла: <https://istorik.tarena.tj/ru> зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;

– агар дар тақриз оид ба ислоҳу такмили мақола тавсияҳо пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному насаби ӯ) барои такмили ислоҳи мавод ирсол мешавад;

– муаллиф маводи такмилдодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора онро якҷоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи тақрорӣ мефиристад;

– ҳайати таҳририя ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани муҳтавои илмии он ҳақ дорад. Ҳаҷоҳои имлоию техникӣ ва услубиро мусаҳҳеҳ бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллифон) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллифон) мувофиқа карда мешаванд;

– нусхаи барои такмил ба муаллиф (ҳаммуаллифон) фиристода бояд дар муҳлати муқарраргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва ҷопӣ бояд ба идора баргардонида шаванд;

– мақолаҳое, ки ба чоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллифон) баргардонида наместаванд. Дар мавриди радди чопи мавод идораи маҷалла ба муаллиф (ҳаммуаллифон) раддияи асоснок ирсол мекунад;

– тибқи дархости шуроҳои коршиносии ҚОА назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон идораи маҷалла ба онҳо тақризхоро пешниҳод мекунад.

**ТАЛАБОТ БА ТАҲИЯИ МАҚОЛАҲО
(ТАВЗЕҲҶО, ТАҚРИЗҶО), КИ БА МАҶАЛЛАИ ИЛМИНО НАЗАРИЯВИИ
«МУАРИХ» -И ИНСТИТУТИ ТАҒРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА МАРДУМШИНОСИИ
БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШИ АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҶОИ ТОҶИКИСТОН
БАРОИ ЧОП ИРСОЛ МЕГАРДАНД:**

1. Барои ҷойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва тавзеҳҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмӣ 5.6.1. Таърихи дохилӣ; 5.6.2. Таърихи умумӣ; 5.6.3. Бостоншиносӣ; 5.6.4. Этнология, антропология ва этнография; 5.6.5. Таърихнигорӣ, маъхазшиносӣ ва усулҳои таҳқиқоти таърихӣ; 5.6.6. Таърихи илм ва технология; 5.6.7. Таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, ки қаблан дар ҳеч ҷой чоп нашудаанд, қабул мегарданд.

2. Муаллифон ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

– матни мақола ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ба таври имкон бо тарҷумаи русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар мактуби роҳнамо бо имзои ректор (ноибӣ ректор) ё роҳбари муассиса ва ё ин ки ташкилот ба шакли ҷопии он муаллиф (ҳаммуаллифон) имзо гузоштаанд;

– тақризи доктор ё номзади илм, ки онро мудири шуъбаи кадрҳои ҷойи қори муқаррир муҳр ва имзо гузоштааст;

– маълумотнома аз ҷойи таҳсил (барои аспирантҳои магистрантҳо);

– шакли ҷопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғи зерин ирсол мешавад: 734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, бинои асосӣ, ошёнаи 1, ҳуҷраи 21, телефон: (+992) 221-37-42.

– шакли электронии мақоларо ба почтаи электронии **istorik.tarena.tj@yandex.ru** ирсол намоед. Тел: (+992 37) 221-37-42; суроғи сомонӣ маҷалла: **https://istorik.tarena.tj/ru**

**ТИБҚИ ТАЛАБОТИ ҚОА НАЗДИ ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
МАҚОЛА БОЯД УНСУРҶОИ ЗЕРИНРО ДАР БАР ГИРАД:**

– индекси УДК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

– индекси ББК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

– ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллифон) ба забонҳои русӣ ва англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

– унвони илмӣ, дараҷаи илмӣ муаллиф (ҳаммуаллифон), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯӣ), ки таҳқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои русӣ ва англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

– аспирантон, унвонҷӯён, омӯзгорон, докторантҳои номи муассисаи илмиро (магистрантҳои самти тайёриро) ба забонҳои русӣ ва англисӣ ё тоҷикию русӣ ва англисӣ зикр мекунанд;

– зикри мансаб, ҷойи қор, шаҳру мамлакат ба забонҳои русӣ ва англисӣ ё тоҷикию русӣ ва англисӣ;

– e-mail ва телефони робитавии муаллиф ва ё ҳаммуаллифон барои тамос;

– номи мақола бо забонҳои тоҷикию русӣ ва англисӣ бо ҳарфҳои қалон, ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman Tj 14, тароз дар марказ);

– фишурда ба забонҳои русӣ ва англисӣ ҳуруфи Times New Roman 14, аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни мухтасари қор ва хулосаҳои асосие, ки навоари илмӣ қорро дар бар мегирад;

– калидвожаҳо ба забонҳои русию англисӣ оварда мешаванд, 5-7 калима ё ибора, ки ду ё се вожаҳо дарбар мегирад; ҳуруфи Times New Roman 14, тарҳаш - курсив, тароз дар бар, вожаҳо ё ибораҳои калидӣ бо вергул аз ҳам ҷудо карда мешаванд);

– мақола ҳатман бояд номгӯии адабиёти истифодашударо бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида дар бар гирад. Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назар-дошти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиш-тани рӯйхати мазкур тартиби ҳуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд ҳатман риоя карда шавад;

– иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо қайди рақами адабиёт мутобиқи рӯйхати сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шавад, масалан: [5, 25] ё [5, 25; 6, 77];

Матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳой маҳсуб шуда, бояд пурра аз назари таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат пурра орий (тоза) бошад.

Мақолаҳое, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти салоҳият, боэътимодии асноди муҳтавои мақолот ба зиммаи муаллифгон ва муқарризон вогузор карда мешавад.

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«**Историк**» - научно-теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, который публикует материалы по историческим наукам в соответствии с законодательством Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

ЦЕЛЮ И ЗАДАЧАМИ НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИК» ЯВЛЯЮТСЯ:

– Оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья в следующих отраслях науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;

– Развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;

– Предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;

– Освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;

– Поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;

– Пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИК»:

– редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, рецензии, научные обзоры и отзывы, которые ранее не были опубликованы в печатных и электронных изданиях. Эти материалы должны содержать научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям исторической науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии.

– решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов.

– авторы (соавторы) несут полную ответственность за достоверность представленной научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях.

– все материалы, представленные в редакцию журнала, обязательно проходят проверку на сайте antiplagiat.ru. После этого редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о принятии материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования.

– поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии, в случае положительного решения после проверки на сайте antiplagiat.ru, направляются на внутреннее рецензирование с целью экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки.

– статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям на сайте журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>.

– Если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала.

– Доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

– редколлегия вправе редактировать статьи без изменения их научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами).

– вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде.

– статьи, не принятые к опубликованию, не возвращаются автору (авторам). В случае отказа от публикации материала, редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ.

– по запросу экспертных советов ВАК при Президенте Республики Таджикистан, редакция журнала предоставляет им рецензии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ (ОБЗОРОВ, ОТЗЫВОВ, РЕЦЕНЗИЙ), ПРИСЫЛАЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ИСТОРИК» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 5.6.6. История науки и технологии; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

- текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;
- рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;
- справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, главный корпус, 1-этаж, кабинет 21. Электронные версии по адресу электронной почты: istorik.tarena.tj@yandex.ru Телефон для справок: (+992 37) 221-37-42; адрес сайта журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>

**В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВАК ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РТ, СТАТЬЯ
ДОЛЖНА СОДЕРЖАТЬ:**

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты - направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- e-mail и номер телефона автора или соавторов для связи;
- название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);
- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);
- ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание - курсив, выравнивание по ширине);
- статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.
- ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Текст, присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются. За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

МУАРРИХ - маҷаллаи илмӣ - назариявӣ

Муассис: Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуктаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд.
Барои мазмуни мавод ва маълумоти саҳеҳ муаллифон масъуланд. Истинод ба сарчашма, муал-
лиф ва шумора ҳатмист.

Мусаҳҳеҳ: **Манзура ҲАСАНОВА**
Котиби масъул: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Муҳаррири техникӣ: **Мухбирҷон КЕНҶАЕВ**
Саҳифабанд ва ороишгар: **Тӯрахӯҷаи ТОҲИРЗОДА**

Ба матбаа 27. 12. 2024 сол таҳвил шуд. Ба чопаш 29. 12. 2024 имзо шуд.
Андозаи 70x100¹/₈. Коғази офсетӣ. Чопи офсетӣ. Чузӣи чопӣ 11.
Адади нашр 100 нусха. Супориши № 100

Дар нашриёти ҚДММ «Ганҷи хирад» ба таъб расидааст.
734025, шаҳри Душанбе, Бофанда 5/1. Тел: 227-71-01

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС: 77771

ИСТОРИК - научно - теоретический журнал

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной или
частичной перепечатке или воспроизведения любым способом ссылка на источник обязательна.

Корректор: **Манзура ҲАСАНОВА**
Ответственный секретарь: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Технический редактор: **Мухбирҷон КЕНДЖАЕВ**
Дизайн и верстка: **Турахуджаи ТОҲИРЗОДА**

Сдано в типографию 27. 12. 2024 г. Подписано в печать 29. 12. 2024 г.
Формат 70x100¹/₈. Офсетная бумага. Офсетная печать. Печатный лист 11.
Тираж 100 экземпляров. Заказ № 100

Отпечатано в типографии ООО «Ганҷи хирад»
734025, г. Душанбе, улица Бофанда 5/1. Тел: 227-71-01